

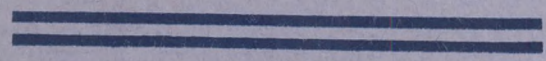
|| 5 ||

Н О В Ы Й
М И Р

|| 1957 ||

Н О В Ы Й М И Р

5

1957

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIII

№ 5

Май, 1957 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
НА СОРОКОВОМ ГОДУ. ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
А. ЛИТВАК — Смысл усилий	3
СЕРГЕЙ СНЕГОВ — В полярной ночи, роман. Продолжение	21
ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ — Призывник. Земляника, стихи	98
АТТИЛА ЙОЖЕФ — Из стихов разных лет. Перевели с венгерского Вл. Корнилов, Марк Шехтер, Александр Големба, Эм. Александрова	100
НИКОЛАЙ КОРНЕЕВ — Венгерская Гренада, стихи	105
ЭНВЕР ДАВЫДОВ — Открытое море. Женщинам. О величественности. Я уже надсел вам... О любви. Ус крашенный, загорodившись прядкой... Стихи. Перевели с татарского Мих. Луконин, Я. Смеляков, Евг. Евтушенко	106
БОРИС РАХМАНИН — Военные слова, стихи	112
ВИКТОР УРИН — Из сибирской тетради, стихи	114
С. ЗАЛЫГИН — В стране наших друзей	118
СОРОК ЛЕТ НАЗАД. МАЙ, 1917 год...	179
А. КУЧКИН — Крестьянский съезд	
И. ЕРЕМЕЕВ — Ленин у путиловцев	
И. ГРОНСКИЙ — «Левое плечо вперед!»	
Д. ГРАЗКИН — Солдатская газета	
ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ	
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
Н. ВЕРЖБИЦКИЙ — В те годы. (Записки старого газетчика)	211
ПУБЛИЦИСТИКА	
Г. БОРИСОВСКИЙ — Архитектура и быт	226
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Л. ЖУХОВИЦКИЙ — Долг поколению	236
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	248
Л. Славин. После долгой разлуки.— Борис Слуцкий. Человечность.— Алим Кешоков. Вторая жизнь поэзии.— Н. Степанов. Очерк творчества Блока.— Л. Исарова. Бедняки, игрушки и щенок Кнопка.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>Политика и наука</i>	257
Кандидат исторических наук М. Власова . Воспоминания о В. И. Ленине.— Кандидаты философских наук И. Майзель , Ю. Мелешенко , А. Новиков . Новое произведение воинствующего материализма.— П. Рысаков . Советско- финляндская дружба.— Б. Леонтьев . Генералитет американского бизнеса.— Ю. Олеша . История человеко-торпеды.— И. Васильков . Путь ученого- зоотехника.	
ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО	273
А. Жаворонков . Два письма С. Есенина.— Л. Светлов . Рассказы о Георгии Скандербеге.— Александр Гатов . Поэт первой русской революции.	
РЕПЛИКИ	277
Ник. Смирнов-Сокольский . Книги, которых ждут молодые библиографы.— Проф. В. Н. Всеволодский-Гернгросс , проф. Ю. А. Дмитриев , доцент Д. Л. Брудный . В защиту водевиля.	
МЕЖДУ ПРОЧИМ...	279
С. Востокова . Нужно ли читать книги, о которых пишешь? — К. Кострин . Галлы и гэлы.— А. М. Филологи из Гослитиздата.— Б. Ф. «В клубах поро- хового дыма...»	
КОРОТКО О КНИГАХ	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	285

НА СОРОКОВОМ ГОДУ

Очерки наших дней

А. ЛИТВАК

★

СМЫСЛ УСИЛИЙ

Этой весной в Днепропетровске происходило Всесоюзное совещание доменщиков. Было там названо много цифр, рисующих достижения за годы Советской власти. Доменщики начали, как известно, в тысяча девятьсот двадцатом — после разорительной первой империалистической и затем гражданской войны — со ста тысяч тонн чугуна за год, а в первом году шестой пятилетки выплавили свыше тридцати пяти миллионов тонн. Среди многих показательных и весьма убедительных цифр, которыми оперировали на днепровском совещании докладчики, была одна, особенно меня заинтересовавшая: выплавка чугуна в течение трех последних лет увеличивалась в среднем на 2 675 тысяч тонн в год, и вот что примечательно: почти половина этого прироста была получена исключительно благодаря более рациональному использованию агрегатов.

Поразительная эта цифра — свидетельство победы человеческого ума, пылливой мысли, широких знаний, богатого опыта, многостороннего таланта. Это победа изобретателей, рационализаторов, новаторов производства. Одна из побед Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей широчайший простор для развития производительных сил страны, поднявшей к сознательному историческому творчеству народные массы.

Цифра, которая была названа на совещании в Днепропетровске, конечно, не из ряда вон выходящая, не исключительная, она, несомненно, лишь одна из многих цифр на сороковом году Советской власти, иллюстрирующих творчество народа. И когда я услышал эту цифру, мне вспомнилась беседа с художником, имя которого навсегда останется в истории советского искусства.

Разговор происходил более двадцати лет назад. Скульптор мечтал вслух. И мечта его, человека, вышедшего из народа, сына уральского плотника, мечта неутомимого труженика, была вот о чем. Ваятель говорил о своем желании создать из гранита статую советского рабочего — «Разогнул он могучую спину!» — и установить эту статую где-нибудь на берегу Волги, в районе Жигулей, или на бывшей земле Демидовых на Урале. Вот о чем была мечта Ивана Дмитриевича Шадра, человека большой души и горячего сердца, создателя известной скульптуры «Булыжник — оружие пролетариата». Художник хотел выпрямить своего героя, вырывающего камень из мостовой, чтобы идти в бой за свободу, выпрямить и показать всему человечеству, как в нашей стране разогнул рабочий могучую спину. Болезнь и смерть помешали Шадру воплотить идею в гранит. Вот уж сколько лет прошло со времени нашей беседы, а Шадр стоит передо мной, вдохновенный, раскрасневшийся от волнения, похожий лицом на Шалапина, и рассказывает о своем замысле... Задуманный скульптором монумент человека нашей эпохи вспомнился мне, когда я

узнал о том, что только за счет умения и знания увеличился выпуск чугуна в стране. Но разве об этом лишь металле может быть разговор?

Подводя итоги сорока прожитых лет, советские люди отмечают не только то, что в их стране промышленная продукция выросла более чем в тридцать раз, но и то, что средняя продолжительность жизни нынче вдвое превышает среднюю продолжительность жизни в дореволюционной России. Эти две цифры стоят рядом и говорят о многом. Как известно, чудес не бывает, и удлинить жизнь человека в два раза можно, только если коренным образом изменить эту жизнь к лучшему.

7 ноября 1917 года, в два часа тридцать пять минут дня, собрался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. На этом заседании Владимир Ильич Ленин заявил:

— Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

И эта победа свершилась.

Конечный итог минувших сорока лет не вместился бы в сорок сороков самых талантливых книг, книг о наших замечательных людях, об умнейших машинах, ими сделанных, о заводах, ими построенных, о реках, которые прежде считались неукротимыми, а теперь покорились людям, о великих научных открытиях, совершенных советским человеком, и еще о многом, многом другом.

Сегодня автору хотелось бы поговорить только о четырех книгах.

Книги эти как будто признаков искусства не имеют. Однако, как это ни странно на первый взгляд, эти четыре книги во все время их чтения вызывают мысли и воспоминания, связанные именно с художественными произведениями, с жизнью наших советских людей, с судьбой каждого из нас.

* * *

Когда раскрываешь первую из книг, картина, нарисованная Алексеем Толстым в трилогии «Хождение по мукам», возникает в памяти.

В пятиярусном зале Большого театра, где в тумане, надышанном людьми, тусклым светом вполнакала горели лампочки, Рощин склонился к Кате и, чтобы не мешать соседям, прошептал:

— Ты понимаешь — какой смысл приобретают все наши усилия, пролитая кровь, все безвестные и молчаливые муки... Мир будет нами перестраиваться для добра... Все в этом зале готовы отдать за это жизнь... Это не вымысел — они тебе покажут шрамы и синеватые пятна от пуль... И это — на моей родине, и это — Россия...

А в это время невысокого роста человек, стоявший на застуженной сцене Большого театра в расстегнутом меховом пальто, без шапки, держа в руках кий, которым он описывал большие и малые круги на карте, говорил:

— Жребий брошен!.. Мы за баррикадами боремся за наше и за мировое право — раз и навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком.

И вот снова поднимает докладчик кий, и по натянутому полотну карты в сумраке огромной сцены вспыхивают разноцветные огоньки — торф, уголь, вода... Чтобы зажечь огни в Большом театре в дни заседаний съезда и осветить на короткие мгновения эту карту тусклыми цветными лампочками — провозвестниками грядущего торжества электричества, понадобилось мобилизовать полную тогдашнюю мощь московской электростанции. Даже в Кремле, в кабинетах народных комиссаров, были вывинчены все лампы и оставлены по одной в шестнадцать свечей.

В руках у делегатов VIII Всероссийского съезда Советов была книга «План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России».

...Помню эту книгу. Она была отпечатана на разномастной бумаге — серой, желтой, небеленой. Сколько ни искали тогда хорошей бумаги, — не нашли. Чтобы отпечатать эту книгу и карты — приложения к ней, пришлось отключить несколько кварталов, прилежавших к типографии, иначе нельзя было обеспечить печатников и корректоров светом, а машину — энергией. Не только составление плана ГОЭЛРО в течение нескольких месяцев было подвигом, — героизмом была в то время и работа по набору, печатанию и корректуре этого огромного тома почти в семьсот страниц, который все же вышел вовремя и был роздан делегатам съезда.

«— Ты понимаешь — какой смысл приобретают все наши усилия?..» — спрашивает Рошин у Кати в ту минуту, когда Кржижановский с трибуны Большого театра произносит в голодный, холодный день декабря двадцатого года слова: «Былое проклятие труда должно стать счастьем труда».

И эти слова о счастье невольно вспоминаешь сейчас, через тридцать семь лет, когда берешь в руки том плана ГОЭЛРО, книгу, которую в опухших от холода руках держали делегаты VIII съезда Советов.

Но, позвольте спросить, друзья, тот ли это том?

Ведь это явно не та книга двадцатого года, не те серые страницы в бумажной обложке... Ведь в руках сегодня книга в синем ледеринном переплете, где золотом оттиснуты слова «План ГОЭЛРО», книга, отпечатанная на отличной бумаге. Выходит: книга та и не та... Да, это второе издание исторического плана электрификации страны, первого ленинского народнохозяйственного плана, которое воспроизводит ныне полностью текст первого издания 1920 года.

И хотя второе издание никак не похоже на книгу, которую держали в руках Ленин и делегаты съезда Советов в декабре двадцатого года, но за ее строками встает домик на бывшей Мясницкой, где в полумраке остывших комнат двести инженеров и профессоров в валенках и шубах составляли грандиозный план превращения России в страну света и тепла, в страну, которая должна была на базе электрификации и тяжелой индустрии сделать невиданный скачок к изобилию, к подъему культуры, к коренному изменению быта. Ленин говорил тогда об этих специалистах, что почти все они — не коммунисты, но работают над планом с увлечением.

Почему же так случилось? Откуда появился у этих людей такой живой интерес к работе? Этого многие — и долго! — не могли понять. А произошло это потому, что в эти дни намечался единственно правильный путь в будущее! Ленин утверждал, что инженер придет к признанию коммунизма «не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки...», и вот конкретная идея покорила сердца инженеров — озарить Россию электричеством, оснастить Россию высшей техникой. Ради этого стоило, согреть дыханием застывшие пальцы, выводить на обрывках серой бумаги планы грядущей эпохи.

В феврале 1920 года специальный корреспондент лондонской «Дейли экспресс», находившийся в Копенгагене, обратился к Ленину с просьбой об интервью. Его интересовали цели Советской власти. И Ленин тогда ответил на этот вопрос так, как отвечает наш народ и сегодня: наши цели — мирное экономическое строительство. Подробный план этого мирного строительства, план на основе электрификации, вырабатывается комиссией ученых и техников, сообщал корреспонденту Ленин: «План этот рассчитан на много лет. Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов».

И инженеры писали в предисловии к первому народнохозяйственному плану молодой Советской республики:

«За нами придут другие люди, которые в более спокойное время с более совершенным запасом сил и средств смогут продолжить наш научный анализ, исправить наши ошибки и развернуть более широкие перспективы. Нам же приходилось работать в трудное время, и мы с глубокой болью ощущали те удары, которые направлялись против трудящихся нашей Родины со всех концов враждебного мира... нас воодушевляло горячее желание откликнуться по мере наших сил на то великое творчество новой жизни, провозвестником которого, по воле судеб, явилась наша страна. Наша работа — только начало».

План ГОЭЛРО был началом пути. Началом того победившего нового пути общественного развития, о котором на сороковом году Советской власти говорят и Постановление февральского Пленума ЦК партии и тезисы доклада Н. С. Хрущева. Началом пути создания мощной материально-технической базы социализма — современной машинной индустрии и крупного механизированного сельского хозяйства, началом воспитания высококвалифицированных кадров специалистов, началом нового подъема социалистической культуры. «Только то строительство может заслужить название социалистического, — говорил В. И. Ленин, — которое будет производиться по крупному общему плану, стремясь равномерно использовать экономические и хозяйственные ценности».

В стране, которую Ленин сравнивал с человеком, избитым до полусмерти и движущимся на костылях, возник грандиознейший, немыслимый при капитализме план — подвести под промышленность, сельское хозяйство и транспорт передовую техническую базу, основанную на новейших достижениях науки. И этот план начинался вот с этой книги, которую Ленин, выступая перед делегатами съезда Советов в декабре двадцатого года, протянул вперед со словами:

— Я думаю, что мы здесь присутствуем при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти. На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи... Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого тома, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого тома не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого тома. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии. У нас есть программа партии... Это есть программа политическая... Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем.

И Ленин сказал в тот день: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Начало новой, счастливой эпохи... Связь строительства и счастья — какие глубокие человеческие чувства заложены в этих словах!

«Владимир Ильич умел начинать и не боялся начинать». Это сказал о Ленине инженер Графтио, один из первых электрификаторов России.

Счастье народа, который вел за собой Ленин, было счастьем трудных дорог. Но это было счастье творчества. Им был наполнен и Ленин.

Артур Ренсом, буржуазный писатель и журналист, посетивший нашу страну в первые годы после победы Октября, написал книгу «Шесть недель в Советской России». В книге описана встреча с Лениным:

«Больше, чем когда-либо раньше, Ленин произвел на меня впечатление счастливого человека. Возвращаясь обратно из Кремля, я старался при-

помнить человека, у которого был бы такой же темперамент и характер, проникнутый радостью. Но мне это не удалось... Этот маленький, лысый, морщинистый человек, который, качаясь на стуле, смеется то над тем, то над другим и в то же время всегда готов каждому, кто его попросит, дать серьезный совет, — такой серьезный и так глубоко продуманный, что он обязывает его приверженцев более, чем если бы это было приказание. Его морщины — морщины смеха, а не горя. Я думаю, что причина этому та, что он первый крупный вождь, который совершенно отрицает значение своей собственной личности. Личное тщеславие у него отсутствует. Более того, как марксист, он верит в массовое движение, которое — с ним, без него ли — все равно не остановится... Он абсолютно свободен, как ни один выдающийся человек до него... Сам он, по его мнению, только выразитель, а не причина всех происходящих событий, которые навеки будут связаны с его именем».

Это и было в «начале самой счастливой эпохи», о которой говорил Ленин, имея в виду начало строительства социализма.

Буржуазный писатель Артур Ренсом нашел в Ленине то, чего не заметили многие другие буржуазные собеседники и критики: «...как марксист, он верит в массовое движение...» Движение масс должно было преодолеть все препятствия, какие только могла поставить и обширность России, и неграмотность многих миллионов людей, и отсутствие технических знаний, и еще многие причины, которые могли бы ополчиться против перевода страны на новую техническую базу.

Ленин руководил работой по составлению плана ГОЭЛРО, вдохновлял и направлял ее, но нигде и никогда не говорил об этом, а, наоборот, всегда указывал, что авторами плана являются ученые, профессора, инженеры. Он всячески отмечал ценность их работы, подчеркивал их заслуги, выражал свое удовлетворение их коллективными творческими усилиями. Он гордился тем, что не одиночки, а многие ученые приложили свой труд к составлению плана ГОЭЛРО. «Все лучшие силы, которые только были на виду у ВСНХ и НКЗ, а равно НКПС были привлечены к работе», — сообщает Владимир Ильич. Он отмечает, что в один лишь перечень научных работ, легших в основу плана ГОЭЛРО, входит свыше двухсот номеров. «...это настоящий научный план», — заявляет Ленин.

Воздавая должное коллективным усилиям составителей плана, VIII Всероссийский съезд Советов голосовал за резолюцию, проект которой был составлен Лениным и где было сказано: «...съезд Советов, заслушав доклад Государственной комиссии по электрификации, выражает благодарность в первую голову президиуму ВСНХ, затем Наркомзему и НКПС и в особенности Комиссии по электрификации России за разработку плана электрификации России».

Есть глубокая связь между этой ленинской благодарностью ученым, прозвучавшей на Всероссийском съезде Советов в 1920 году, и той благодарностью людям науки, которая была произнесена с трибуны XX съезда партии, принявшего план новой, шестой пятилетки. Мы находим общее между оценкой роли людей науки в составлении плана ГОЭЛРО и признанием роста нынешних наших высококвалифицированных инженерно-технических кадров, экономистов, организаторов производства, мы ощущаем эту связь прошлого с перспективами объединения усилий специалистов разных областей знания для более эффективного обслуживания промышленности и строительства.

В пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты» звучит голос Ленина, убеждающего инженера Забелина прекратить нелепый протест обиженного интеллигента — торговлю спичками на улицах Москвы — и заняться сооружением электрических замков на берегах рек и морей. Ленин покоряет душу Забелина перспективой подлинного творчества для народа, как

покоряет он размахом плана ГОЭЛРО и Скутаревского в романе Леонида Леонова и Балеева в «Энергии» Федора Гладкова.

Помните: «Скутаревский увидел человека, каким его знал весь мир, очень просто и еще тем удивительного, что самые сложные технические замыслы или громоздкие философские обобщения звучали совершенно понятно для каждого в его речи».

Завязывается беседа, и профессор выкладывает Председателю Совнаркома все свои обиды: и лаборатория тесна, и нет литературы, и измерительных приборов нет, и аппараты приходится мастерить на деревянных гвоздях — одним словом, «наука дичает». Ленин внимательно слушает Скутаревского, а Скутаревский распяляется, «забывая год, сквозь который проходила страна». И хоть был тот год суровый и прозный, голодный и холодный, Скутаревский сразу же после встречи с Лениным начинает явственно ощущать на каждом шагу практической деятельности результаты своей беседы с Председателем Совнаркома. Несмотря на нужду и лишения, царившие в стране, на площадке института «сразу наступила толча подстегнутой стройки». Когда иссякали материалы, Скутаревский звонил по одному ему известному телефону — и материалы появлялись. Сквозь окопы и рогатки войны шло оборудование, редчайшие аппараты, трансформаторы. Так помогал Ленин создавать научную базу электрификации Советской страны, и это незабываемо показал большой художник Леонид Леонов на двух страничках своего «Скутаревского». Так, осуществляя план ГОЭЛРО, ощущали повседневную ленинскую помощь в те годы и строители Каширы, Шатуры и шахтеры Кузбасса.

Об этом вспоминаем мы, листая страницы нового издания плана ГОЭЛРО. В этом томе не только перспективы грандиозных по тому времени сооружений, но и нечто неизмеримо большее. В нем переделка всего уклада жизни. До возникновения плана ГОЭЛРО каждый мог жить собой и сам по себе, а сейчас следовало каждому жить своей работой, своим трудом, как движением историческим. Этот план не позволял человеку оставаться «дачником».

У инженеров, творческому размаху которых прежний тупоголовый дореволюционный уклад ставил неустрашимые преграды, отныне рождалась в процессе работы гордость облюбованным делом, деловая удовлетворенность, которая придавала, я бы сказал, гражданственность каждому их шагу по пути технического прогресса, превращала выдающихся специалистов из батраков техники в ее повелителей, расправляла спину интеллигентов, прежде приниженных рабьей долей.

Горький когда-то написал о Гарине-Михайловском: «Я думаю, что он считал себя марксистом, потому что был инженером. Его привлекала активность учения Маркса... Марксов план реорганизации мира восхищал его своей широтой, будущее он представлял себе, как грандиозную коллективную работу, исполняемую всей массой человечества, освобожденного от крепких пут классово-государственности». Мне кажется, что эти слова Горького о писателе-инженере помогают понять смысл участия многих и многих инженеров в составлении плана, намеченного Коммунистической партией, Марксова плана реорганизации мира, восхищающего своей широтой. Ленин писал: «...если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии». Как выразительно звучат эти слова Ленина сегодня, на сороковом году существования Страны Советов!

«Мы работаем не только для себя и для наших современников, или, вернее, не столько для них, сколько для трудящихся всего мира и для его грядущих судеб». Это заявление участников создания плана ГОЭЛРО читаем мы в год сорокалетия Советской власти как слова, написанные сегодня, и вспоминаем всю историческую правду, вложенную в них. В этих

словах переключки с ленинским предвидением грядущего мира, с избранным Лениным и партией счастьем трудных дорог, пройти которые решил-ся народ-строитель.

Сознание того, что отныне труд становится трудом на себя, для себя, овладело народом после принятия плана ГОЭЛРО. Понимание смысла усилий помогало человеку во время работы не замечать, что он стоит по колено в воде, и заражало его тем восторгом делания, который в далекие годы очаровал молодого Горького на Волге. Перед нами проходят сегодня в новом издании плана ГОЭЛРО фамилии инженеров и профессоров, участвовавших в создании этого мудрого труда (Г. М. Кржижановский в предисловии ко второму изданию книги приводит имена профессоров и инженеров: Г. О. Графтио, А. Г. Когана, Е. Я. Шульгина, А. А. Горева, И. Г. Александрова, Л. К. Рамзина, К. А. Круга, М. А. Шателена, Г. Д. Дубеллира, Б. И. Угримова, А. И. Угримова, М. Я. Лапирова-Скобло, М. А. Смирнова и других), и наряду с этими фамилиями возникают в памяти не только занесенные в старые блокноты имена ударник: Шатуры и Днепрогэса, но и тот неведомый Фаддей из леоновской «Соти», который кричал, потрясая плотничьим своим кулачищем:

— Кто Волховстрой строил? я! Кто на Кашире всею опалубку вел?.. я! На Шатуре кто дома воздвигал...

Книга «План ГОЭЛРО» не принадлежит к произведениям художественной литературы, но ее мы читаем, как увлекательный очерк. Каждая страница этой книги когда-то воспринималась, как мечта. И вот в кратчайшие исторические сроки эта мечта осуществилась на нашей земле.

«При разработке и осуществлении планов хозяйственного строительства партия придавала первостепенное значение электрификации страны. Партия руководствовалась основными положениями марксизма-ленинизма о том, что только тяжелая индустрия является основной материальной базой социализма, что всякое малейшее сбережение надо сохранить для развития крупной машинной индустрии, для развития электрификации». Так говорится в тезисах доклада Н. С. Хрущева о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством.

..*

Учебникам географии нужно верить — это внушали нам с детства. В учебниках сказано, что Ангара вытекает из Байкала глубокой и быстрой рекой, поворачивает на север, а затем на запад, в сторону Енисея, и впадает в Енисей. Географически здесь все правильно. Но ведь Ангара для нас не только географическое понятие! Не только, ибо, оказывается, сегодняшняя, советская Ангара, на берегах которой развернулась огромная деятельность тысяч строителей, вытекает не из одного лишь Байкала. Она начинается и в книге, которая лежит передо мной. Я раскрываю эту книгу на странице пятьсот девяносто пятой и читаю: «Ангара благодаря своим порогам обладает колоссальными запасами энергии, пользование которыми в установках большого масштаба не может не отразиться на экономической жизни Западной Сибири. Кроме того, Ангара является конечным звеном водного пути, пронзывающего Сибирь от Урала до Байкальского озера, что еще более усиливает связь ее с Сибирью».

И на странице шестьсот тринадцатой:

«Бассейн Ангары богат золотом, разными рудами и всякими вообще полезными ископаемыми и по своим богатствам принадлежит к наиболее ценным районам Сибири. Но в настоящее время Приангарский край почти совершенно не эксплуатируется... Не подлежит сомнению, что в будущем Ангара и весь Приангарский район займут соответствующее место в Сибири...»

Будущее Сибири... Будущее Урала, Кавказа, Средней Азии... Книга о прядущем... Вот чем была и чем осталась для нас эта книга — мостом между ленинским планом и сегодняшней явью! Да, истоки Ангары — это Волхов, Шатура, Свирь, Штеровка, Зуевка, ДнепрогЭС, это Кама, Мингечаур, Волго-Дон, Куйбышев и Горький... Так шли мы к Ангаре, упоминание о которой, как о проблеме величайшего народнохозяйственного значения, прозвучало еще в годы нашей юности вот в этой книге.

План ГОЭЛРО учитывал связь, взаимозависимость всех отраслей народного хозяйства. И вместе с тем это был план, в котором предусматривались все блага электрификации, все, что дает она человеку. На странице сто шестьдесят пятой мы находим такие строки: «Ясно, что, поскольку мы везде и всюду в области производственной деятельности говорим о необходимости механизации и рационализации труда, мы тем самым безмолвно предполагаем предварительно широко развитое машиностроение... Неизбежной предпосылкой металлообрабатывающей промышленности являются горное дело и металлургическая промышленность. В свою очередь топливо является основой всех вышеперечисленных подразделений экономики, и масштаб его добычи предопределяет и развитие металлургии, и машиностроения, и транспорта, и всех энергетических процессов, необходимых для всевозможных видов обработки веществ и для удовлетворения элементарных потребностей в тепле человеческих жилищ...»

И так звено за звеном связывал план ГОЭЛРО в единую цепь пятьдесят шесть тезисов, рисующих специфическую роль электрификации. В этих тезисах мы находим перспективы и транспорта, и земледелия, и черной и цветной металлургии, и добычи соли, и развития химии, и электротехники, и производства сахара, и производительности мельниц, и вопросы обработки продуктов питания и т. д. и т. п. В каждой из отраслей промышленности в результате применения благ, которые принесла электрификация, проклятие труда заменялось счастьем труда. «Опираясь на достижения электротехники, — писали авторы плана ГОЭЛРО, — социалистическая власть может со сравнительной легкостью создать в наших рудниках и шахтах такую обстановку труда, которая весь ужас подземной работы парализует наряду с другими кошмарами прошлого». Так становился «План ГОЭЛРО» не только планом создания электростанций, но и планом перевода всей жизни страны на иные основы, планом построения социалистической индустрии, передового сельского хозяйства, подъема культуры, планом продления человеческой жизни.

Мысль о человеке, о его труде, о его быте. Мысль о человеке, которому революция помогла выпрямиться. Мысль о герое задуманной Шадром скульптуры «Разогнул он могучую спину»... Читая эти строки плана, я невольно вспомнил очерки В. В. Вересаева «Подземное царство». Они были написаны за шестнадцать лет до революции, после поездки писателя в Донбасс, и опубликованы в «Книжках Недели» за 1901 год: «...по проходу быстро, как кошка, прополз на четвереньках рабочий, таща за собой на веревке нагруженные углем санки. Это — «саночник»; всю двенадцатичасовую упряжку он ползет взад и вперед по норе в двадцать пять сажен длины, отвозя на себе уголь из лавы в продольную, где вагончики нагружают этот уголь в вагончики; человек обращается в четвероногое».

Страшные эти слова следует вспомнить, беря в руки том плана ГОЭЛРО: именно вот таким застали человека в шахте составители исторического плана... И только революция выпрямила спины тех, кто раньше не знал дневного света, выходя на свежий воздух лишь тогда, когда над террикониками шахт уже простиралось звездное небо.

В конце второй пятилетки беседовал я с одним из старейших русских художников, покойным Иваном Николаевичем Павловым, только что вернувшимся в то время из поездки в Донбасс. Во второй раз в жизни по-

бывал тогда Павлов в Донбассе (в первый раз был он там до революции). На вопрос о переменах в крае угля старик ответил:

— Знаете ли, что главное? Изменилась походка шахтера... Раньше углекопа можно было издали узнать по походке — все, даже молодые, были сгорблены. А теперь не так ходит шахтер! Выпрямился человек, осанка у него другая...

Никак нельзя не объединить это меткое наблюдение художника со страницами той книги, которая у меня в руках. В плане ГОЭЛРО хоть ничего и не сказано насчет людских позвонков, но каждая страница плана именно и направлена была к тому, о чем говорил старый художник. Поразительное дело: как совпадали наблюдения Павлова и Шадра. Нельзя не вспомнить об этом теперь, когда разрешение вопросов наилучшего использования достижений энергетики и благ атомной энергии происходит у нас исключительно в интересах людей и когда министр здравоохранения в своих выступлениях связывает борьбу с туберкулезом и снижение смертности в стране с победами индустрии, с ростом строительства, с улучшением жилищных условий, то есть опять-таки с теми же победами нашей экономики и культуры, основы которых заложены были на заре Советской власти планом ГОЭЛРО. Грандиозен советский план переустройства жизни, план, в котором счастливо объединяются, с одной стороны, проблемы расцвета индустрии, а с другой — вопросы охраны здоровья трудящихся, благоустройства быта, перехода на высокую ступень культуры.

* * *

План ГОЭЛРО — это был план сбалансированный, увязанный с ресурсами и возможностями страны. С максимально возможной точностью на основе глубоких расчетов предусмотрела, например, комиссия ГОЭЛРО, что для сооружения на территории старой России двадцати паровых и десяти гидроэлектрических районных станций — тридцать станций, как известно, было намечено планом — потребуется примерно 370 миллионов рабочих дней, шесть миллионов бочек цемента, 150 миллионов штук кирпича, восемь миллионов пудов сортового железа, два с половиной миллиона пудов меди... Здесь же, на этих страницах плана ГОЭЛРО, были отражены вопросы материально-технического снабжения предприятий истроек, каждый пуд был взвешен и обоснован, определен без всякой запутанности. Приведены были расчеты необходимых турбин, генераторов, котлов, зданий. И в этих фактах опять-таки отражена связь между первым народнохозяйственным планом страны и нынешними путями улучшения дела организации управления промышленностью и строительством, которые открываются в результате всенародного обсуждения.

Владимир Ильич глубоко вникал в расчеты плана ГОЭЛРО, и он оставил много пометок против цифр на полях своего экземпляра книги. Вспоминая эти пометки, анализируя их, нельзя отрешиться от мыслей о том, насколько своевременны, полны и в ленинском духе выдержаны последние решения партии и правительства об увязке ресурсов и возможностей при осуществлении планов, об устранении ведомственности в руководстве промышленностью и строительством в интересах народа. Снова и снова полезно перечитать ленинские записки об устранении препон на пути строительства электростанций, намеченных планом ГОЭЛРО (воскресим в памяти историю Волховстроя, Каширы и других станций!), — мы увидим в этих записках основы большого, подлинно ленинского устремления к обеспечению контроля за соблюдением государственной дисциплины, к улучшению деятельности органов государственного контроля, которые намечены ныне.

План ГОЭЛРО, по мысли Ленина, создавал «возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отста-

лой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному машинному земледелию». В этих словах — связь плана электрификации с ленинским кооперативным планом, на основе которого произошла коллективизация сельского хозяйства в нашей стране.

Теперь, когда центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством переносится на места, в основные экономические районы, вспомним, что именно ленинский план ГОЭЛРО был первым большевистским планом, учитывавшим значение каждого района, первым советским планом ликвидации того нерационального размещения производительных сил, которое отличало дооктябрьскую Россию. Уже в одном только оглавлении плана ГОЭЛРО вы видите характерный для этого плана районный разрез, построение четких перспектив именно в связи с учетом нужд, потребностей и возможностей всех экономических районов. Создание новых экономических связей районов, комплексное их развитие ставилось в тесную зависимость с общими основами единого плана; подъем экономики прежних национальных окраин был тесно увязан с общими задачами плана. С какой проникновенностью показала это Мариэтта Шагинян в «Гидроцентрали» — романе, посвященном преобразованию некогда отсталой окраины бывшей России под влиянием электрификации!

* * *

«...Коммунистическая партия имела разработанную В. И. Лениным научно обоснованную программу строительства социализма, предусматривающую индустриализацию и электрификацию страны, кооперирование сельского хозяйства на социалистических началах, осуществление культурной революции, развитие экономики и культуры всех национальностей страны, развертывание всенародного социалистического соревнования. Это идейно вооружило партию, открыло перед народом ясный путь строительства новой жизни, вызвало творческую активность широких масс трудящихся».

Эти слова, которые с особым чувством произносились во время всенародного обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева, можно было бы поставить эпиграфом к рассказу о трех других книгах, которые лежат рядом с планом ГОЭЛРО. Но, прежде чем говорить об этих книгах, материалы которых логически вытекают из плана ГОЭЛРО, хотелось бы воскресить факт, относящийся к далекому прошлому.

В 1920 году, в декабре, на VIII Всероссийском съезде Советов, где утверждался ленинский план электрификации, делегатам, как известно, был роздан самый план. В каждом томе оказался листок, на котором изображалось сердце, а на сердце надпись: «Электрификация». От сердца «Электрификация» протянулись, словно кровеносные сосуды, нити к клеткам со словами: «жилище», «пища», «одежда», «транспорт», «культура»... Так явственно возникала перед глазами людей, принимавших план ГОЭЛРО, связь электрификации со всеми сторонами жизни и быта человека.

Три книги, о которых пойдет речь, вышли в последние месяцы и представляют итоги прожитых лет, раскрывают смысл усилий народа, разогнувшего могучую спину.

Известно, что ряд лет до XX съезда партии многие из цифр, которые являются итогами славных свершений народа, оставались без всякой нужды в глубокой тайне. Они были «засекречены». Отсутствие официальных статистических данных являлось одной из причин отставания творческой мысли экономистов. Публикация статистических данных не произ-

водилась, а это, как указывалось на XX съезде Коммунистической партии, было одной из причин того, что экономисты обрекались на роль начетчиков и «повторителей» старых формул и обещавших данных.

Книги, о которых пойдет речь, называются: «Народное хозяйство СССР», «Культурное строительство СССР», «Советская торговля». Каждая из них имеет еще второе название: «Статистический сборник». В этих трех томах около тысячи страниц, и сколько материалов для размышлений, для обобщений дают они! Глубокий смысл в том, что эти книги вышли вслед за вторым изданием «Плана ГОЭЛРО». Их выход словно подчеркивает ту связь между электрификацией и нашей жизнью, которую только намечал листок, вложенный в план ГОЭЛРО в 1920 году, — нарисованное сердце с надписью «Электрификация» и идущие от сердца ветви.

В этих книгах почти нет текста, нет описаний пейзажей страны и людских переживаний, нет картин жизни и быта. В них только цифры, сухие цифры. Но цифры эти отражают жизнь советских людей, жизнь в ее движении за сорок лет. В книгах этих показано осуществление начатого Лениным дела.

Со страниц трех статистических сборников смотрит на нас страна, в которой до революции было около 160 миллионов населения и где сейчас живет свыше 200 миллионов. Страна, где еще тридцать лет назад было 709 городов, а сейчас их 1569, где общая численность городского населения составляла 26,3 миллиона человек, а сейчас — 87 миллионов, где тридцать лет назад было всего лишь три города с населением более полумиллиона, а в 1955 году — 21. Страна, которая обогнала в своем экономическом развитии многие капиталистические государства и по уровню промышленного производства вышла на второе место в мире.

Цифры даны в динамике, и это позволяет вспомнить, что именно за этими цифрами каждый год и каждую пятилетку стояло. Я листаю страницы тома «Народное хозяйство СССР» и вспоминаю трибуну Всесоюзного съезда Советов, происходившего в начале 1935 года... Вот поднялся пламенный Серго Орджоникидзе, с именем которого неразрывно связана деятельность Высшего Совета народного хозяйства страны в годы первых пятилеток. Он докладывал о работе тяжелой промышленности. Важнейшим разделом доклада было сообщение о выполнении плана, который Ленин в свое время назвал второй программой партии. В руках у делегатов съезда был альбом «Индустрия социализма», такого же приблизительно объема, как и план ГОЭЛРО. С живейшим интересом разглядывали делегаты этот альбом, в котором отображена была жизнь страны и показаны усилия, положенные для выполнения первого нашего плана — ГОЭЛРО — и его преемников — планов первых пятилеток. Смысл усилий становился ясен каждому.

Нам — группе литераторов, художников, фотокорреспондентов — было поручено сделать этот альбом в короткий срок. Товарищ Серго много раз интересовался, как идет работа авторов, и всячески помогал выходу в свет книги «Индустрия социализма», которая должна была показать превращение нашей Родины в передовую индустриальную державу в результате выполнения плана ГОЭЛРО. Уже не от имени десятков или сотен людей, которые за пятнадцать лет до этого являлись авторами планов, казавшихся фантастическими, а от имени сотен тысяч работников тяжелой индустрии — многочисленных кадров ее ученых, инженеров, организаторов, рабочих и работниц — Орджоникидзе начал свое сообщение съезду.

Серго приводил названия строек, заводов и электростанций, и люди, сидевшие в зале, мысленно следовали за ним по длинной галерее изумительных изображений. Серго говорил о Днепрогэсе и Зуевке, Рингэсе и Ивгрэсе, о Свирской и Кизеловской, Бакинской и Грозненской, Штеров-

ской и Криворожской и о многих других станциях, и, слушая эти названия, делегаты совершали путешествия по стране, вот точно так же, как это делаем мы сейчас, рассматривая цифры статистических сборников.

В том же тридцать пятом году Орджоникидзе выступил на Пленуме Центрального Комитета партии с докладом.

— Завтра, 22 декабря, — сказал он, — исполняется 15 лет с того дня, когда Владимир Ильич Ленин с трибуны VIII Всероссийского съезда Советов провозгласил план ГОЭЛРО второй программой партии... Как выполнено то, что было намечено Лениным, то, что было намечено в плане ГОЭЛРО на 10—15 лет? По электрификации по плану ГОЭЛРО было намечено ввести в работу 1 500 тыс. квт на новых районных электростанциях. К концу 1935 г., т. е. за 15 лет, на электростанциях Главэнерго введено 3 815 тыс. квт новой мощности. Сверх того на крупных промышленных станциях районного значения введено за эти годы 530 тыс. квт. Всего 4 345 тыс. квт, т. е. план ГОЭЛРО перевыполнен почти в три раза.

Было это сказано в 1935 году... А теперь мы за один год вводим на гидроэлектростанциях мощностей значительно больше, чем намечалось ввести по плану ГОЭЛРО за 15 лет. И все это сделал советский человек, который сорок лет тому назад разогнул могучую спину.

В годы шестой пятилетки мы находим в первом нашем плане, плане ГОЭЛРО 1920 года, названия: Обь и Кама, Чебоксары и Кременчуг, Волга и Ангара. Но звучат сегодня эти названия уже по-новому! Как предтечу нашего сегодняшнего дня, наших новых планов воспринимаем мы цифры и факты, относящиеся к прожитым пятилеткам. Есть, например, в Тульской области Черепетская ГРЭС, где установлены новые мощные Волховской станции. А ведь чем была для нас Волховская станция тридцать лет назад? Или Шатурская?.. Какими большими казались они нам тогда! В год шестой пятилетки, когда атом у нас поставлен на службу человеку, вспомним путешествие на открытие Шатуры, поездку на пуск Волховстроя. Ведь с этих-то станций начинался наш сегодняшний день.

Год 1925-й... Декабрь... Легкий морозец... В Москве, на перроне Казанского вокзала, прогуливаются гости, приглашенные на открытие Шатурской станции. Их ждет специальный поезд, блесит свежим лаком в этом составе вагон с табличкой «Для НКВД и дипломатических миссий». Иностранцы отправлялись на Шатуру, чтобы своими глазами увидеть первые результаты выполнения плана электрификации, которую многие недоброжелатели за границей когда-то презрительно называли «электрификацией». Поезд отошел... На всем пути его встречали делегации крестьян окрестных сел и деревень, которые уже получили ток от Шатуры.

И вот мы на новой станции. Пионеры, рабочие торфоразработок, каменщики и плотники выстроились в два ряда на всем протяжении нашего пути от вокзала. Утапывая свежий снег, прошли мы туда, где нас ждал Александр Васильевич Винтер, инженеры, лучшие ударники стройки. Начинается митинг, и председатель рабочкома Шатуры говорит:

— Тяжелы были условия работы на Шатурке, но мы приложили все силы... Мы приложим дальнейшие силы и прожектором коммунизма осветим темные уголки.

И память уводит человека дальше в прошлое — к ноябрю 1920 года. При пуске первой сельской электростанции в деревне Кашино, Яропольской волости, Волоколамского уезда, Московской губернии, крестьянин Родионов произнес речь в присутствии Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской. Он сказал:

— Советская власть дала нам возможность получить «неестественный свет» и осветить наши темные избы. Этот свет прорежет ночную тьму и выведет нас на правильную дорогу к новой жизни. При царском правительстве мы могли только мечтать. Благодаря Октябрьской революции мы

добились цели. И вот наука забила свет в стеклянный пузырек и преподнесла его нам на радость...

Владимир Ильич горячо аплодировал этим словам. Через несколько дней, просматривая подготовленную к печати очередную главу «Плана электрификации РСФСР», он поручил секретарю обязательно раздобыть запись речи кашинского крестьянина Дмитрия Родионова. Как известно, Ленин цитировал ее в своем выступлении на съезде Советов.

«Мы приложим дальнейшие силы», — обещал председатель рабочкома Шатуры, и вот через год, в декабре 1926 года, по такой же завьюженной дороге идут гости на открытие Волховской станции. Специальный поезд из Москвы встречают Графтио и его помощники. Они ведут нас по всем помещениям электростанции, рождением которой мы обязаны первому плану электрификации России.

Помню, как сегодня, поездку в двадцать седьмом году на Днепрострой, когда на палубе парохода «Фридрих Энгельс» молодые пареньки, ехавшие на свою первую в жизни стройку, сняли шапки перед огнями днепровского строительства, помню флаг «Днепрострой начат» над площадкой возле Кичкаса. Не забыть и той ночи, когда заканчивались работы в турбинном зале Днепрогэса, и строители, повзрослевшие не только на пять календарных лет, но повзрослевшие в опыте и знаниях, затаив дыхание, глядели, как выслушивают шеф-монтеры сердца турбин, словно это были человеческие сердца.

Все это уместно вспомнить, осмысливая данные статистических сборников теперь, когда введенная лишь за один 1956 год на электростанциях общая мощность агрегатов превосходит мощность не одного, а шести Днепрогэсов!

Мы говорим сегодня: Советский Союз располагает самой мощной в Европе передовой, всесторонне развитой тяжелой индустрией. «К 1957 году промышленность СССР по сравнению с дореволюционным временем выросла более чем в 30 раз, а тяжелая индустрия, основа развития всей социалистической экономики, более чем в 50 раз. Создание могучей социалистической индустрии — основы социалистического хозяйства — это беспримерный подвиг героического рабочего класса, народной интеллигенции, всего советского народа». И эти слова Постановления ЦК партии о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции предельно ясно и четко вырисовываются в деталях на страницах статистических сборников.

Раскройте том «Народное хозяйство СССР», и вы увидите, как последовательно, пятилетка за пятилеткой, нарастали темпы и как шла страна от 4,2 миллиона тонн стали в 1913 году к 45,3 миллиона тонн в 1955 году, от 29,1 миллиона тонн угля, добывавшихся до революции, к 391 миллиону тонн в последний год пятой пятилетки, от 1,9 миллиарда киловатт-часов электроэнергии к 170 с лишним миллиардам, от нуля автомобилей к выпуску 445,3 тысячи в 1955 году, от нуля тракторов к производству 163,4 тысячи в последний год пятой пятилетки, от нуля радиоприемников к 4024 тысячам штук в год, от 197 тысяч тонн бумаги к 1 миллиону 862 тысячам тонн, от 2,3 миллиона тонн животного масла и молочных продуктов к 13 с половиной миллионам тонн.

А ведь после этого прошел еще один год — первый год шестой пятилетки, — и мы добились нового подъема, показателей, превышающих те цифры статистического сборника, которые мы только что называли! Таков путь людей, выпрямившихся во весь рост, вышедших на широкие просторы, людей, которые за четыре неполных десятилетия, несмотря на опустошительные войны, буквально от лучины дореволюционной России пришли к использованию атомной энергии. Не возьмется оспорить сегодня этот грандиозный итог ни один честный и правдивый человек в мире.

Кто не знает, каким тяжелым был труд русского крестьянина до революции? В статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР» мы находим итоги переписи 1910 года, из которых видно, что русский крестьянин обрабатывал землю примитивными сельскохозяйственными орудиями — деревянными плугами и сохами, а механические двигатели составляли лишь один процент всех мощностей в сельском хозяйстве. Дореволюционная Россия, как известно, была оборудована современными тому периоду орудиями производства вчетверо хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки. Такие сравнения отошли ныне в область преданий. К концу пятой пятилетки механические двигатели составляли уже 94 процента мощностей — это почти полтора миллиона тракторов, свыше полумиллиона грузовых автомобилей, 338 тысяч зерновых комбайнов. Так пришла машина на помощь крестьянину, резко изменив характер его труда и открывая простор рациональному использованию его времени.

На пути к подъему благосостояния народа советские люди совершили, как известно, величайший подвиг, освоив только за последние годы такую площадь, которая почти равна всей посевной площади зерновых в капиталистических странах континентальной Европы. 35,5 миллиона гектаров новых земель освоено за три года! Большой цифровой материал сборника «Народное хозяйство СССР» иллюстрирует состояние сельского хозяйства страны: уровень развития земледелия, животноводства, рост производительности труда, рост денежных доходов колхозов. И в этих цифрах также предстает смысл усилий народа.

За первые одиннадцать лет существования Советской власти в капитальное строительство было вложено 15,7 миллиарда рублей, а уже в первую пятилетку — почти вчетверо больше: 61,6 миллиарда рублей. Тогда это было, как ясно каждому, грандиозным шагом вперед. Но что сказать, если уже во второй пятилетке эта сумма вложений составила 141,4 миллиарда, в четвертой пятилетке — 326,5 миллиарда рублей, в пятой — 625,3 миллиарда, а в нынешней — шестой — пятилетке дойдет, как известно, до 990 миллиардов!

На страницах статистических сборников мы находим данные о том, как растут с каждым годом города, заводы, центры новой культуры. С 1929 по 1955 год в СССР построено и восстановлено свыше 29 тысяч крупных промышленных предприятий, создано свыше пяти тысяч совхозов, девять тысяч машинно-тракторных станций, сооружены и восстановлены жилые дома общей площадью около 430 миллионов квадратных метров, свыше 75 тысяч школ. Представляете ли вы, что такое 430 миллионов квадратных метров жилой площади? Это примерно 17 таких городов, как Ленинград, это свыше 120 таких городов, как Казань, это более 430 таких городов, как Ашхабад.

Из статистических сборников «Народное хозяйство СССР» и «Культурное строительство СССР» можно узнать также, что в высших учебных заведениях старой России обучались в 1914/15 году 127 400 юношей и девушек, а в 1955/56 году — один миллион 867 тысяч. В первой пятилетке из высших учебных заведений было выпущено 170 тысяч человек, а в пятой пятилетке — один миллион 121 тысяча. Ежегодно в среднем выпускалось специалистов в пятой пятилетке почти в пять с половиной раз больше, чем в первой пятилетке. В стране было в 1913 году 13 876 массовых библиотек, а в 1956 году стало 147 412. Вот где одна из основ того, что половина ежегодного прироста выплавки чугуна достигается у нас благодаря рационализации, благодаря знаниям, благодаря книгам.

В старой России было 28 068 врачей, в 1955 году в СССР их насчитывалось 333 776. В 1913 году в России было всего-навсего 550 мест в детских яслях, а в 1955 году — 906 тысяч! И так до бесконечности можно было бы сегодня приводить изумляющие цифры подъема уровня быта и

культуры народа, который сорок лет назад совершил решительный поворот.

О том, что означает этот поворот в жизни каждой из советских республик, напомнил в феврале 1957 года на шестой сессии Верховного Совета СССР писатель, депутат В. Лацис в своем докладе об образовании Экономической комиссии Совета Национальностей. Он привел среди прочих пример Узбекистана, который был, как известно, колонией русского царизма. Сейчас это высокоразвитая страна, производящая свой металл, свои машины; республика, где валовая продукция промышленности выросла в 1955 г. по сравнению с дореволюционным периодом в 14 раз. На Украине валовая продукция всей промышленности в 1955 году — последнем году пятой пятилетки — увеличилась по сравнению с 1913 годом в 16 раз, в Казахстане — в 33 раза, в Киргизской ССР — в 38 раз, в Таджикистане — в 24 раза, в Армянской ССР — в 41 раз и т. д. Все эти цифры и факты относятся к 1955 году, а в 1956 году, первом году шестой пятилетки, сделан новый — и большой! — шаг вперед. Валовая продукция промышленности Украины теперь не в 16 раз больше 1913 года, а в 18 раз, продукция индустрии Казахстана — в 36 раз, Киргизской ССР — в 42 раза, Таджикистана — в 27 раз, Армянской ССР — уже в 45 раз превышает итоги 1913 года. Вот какими переменами за один лишь год характеризуется поступь развивающегося по единому социалистическому плану советского народного хозяйства.

Раскройте сборник «Культурное строительство СССР» на странице шестнадцатой, где помещены цифры, характеризующие культуру Узбекистана. Сколько было массовых библиотек в Узбекистане в 1914 году? Нуль. А в 1955 году? 3 571! Сколько было театров? Один. А в 1955 году? 26! Каков был годовой тираж книг и журналов? Сто тысяч экземпляров. А в 1955 году? 25 с половиной миллионов.

«В стране, которая до революции насчитывала 76 процентов неграмотного населения (в возрасте от 9 лет и старше), повсеместно осуществлено всеобщее семилетнее обучение, начат переход к всеобщему десятилетнему обучению, во всех союзных республиках выросла многочисленная народная интеллигенция, уверенно двигающая вперед советскую науку, технику, культуру». Это строки из Постановления ЦК партии о подготовке к празднованию сорокалетия Октября. А вот цифры, рисующие этот культурный подъем. На территории Таджикистана, где до революции только один человек из двухсот был грамотен, сейчас существуют 2 600 школ, в которых обучается больше 300 тысяч детей. На каждые 10 тысяч населения в Узбекистане 81 человек имеет ныне высшее образование.

Таков язык сухих цифр об усилиях народа, и они свидетельствуют о том, насколько выросла культура в стране за сорок лет той новой эры в истории, которая была предсказана Лениным 7 ноября 1917 года. Как же тут еще раз не вспомнить бесхитростные слова о свете, что озарит темные уголки страны, слова, сказанные простыми людьми из народа еще в те годы, когда только утверждался наш план электрификации!

Возьмем третий статистический сборник — «Советская торговля». Много оснований для размышлений дает и он накануне сорокалетия Октября. В сборнике показатели развития советской торговли, розничного товарооборота, товарной структуры, товарных запасов, труда в советской торговле, ее материально-технической базы, индексы цен государственной и кооперативной торговли. Большое место уделено разделу, посвященному колхозной торговле. Мы находим здесь данные о розничной торговле в крупных городах, товарообороте и товарных запасах по республикам, краям и областям.

Назовем только несколько цифр — и они поведают о многом. В период с 1940 по 1955 год товарооборот в расчете на душу населения вырос с 914 до 1 844 рублей. Интересно отметить, что оборот по всем продоволь-

ственным товарам поднялся с 1940 по 1955 год на 77 процентов, а по таким продуктам, как мясо, он вырос на 163 процента, рыба — 158, животное масло — 152, сахар — 145 процентов. Если оборот по промышленным товарам в 1940 году принять за 100, то в 1955 году он достигает уже 263. Число предприятий розничной торговли, которое составляло в 1928 году 155 с лишним тысяч, в 1955 году уже превысило 487 тысяч, а сеть предприятий общественного питания за это же время увеличилась с 14 600 до 118 100.

В Советской стране, где величайшим завоеванием прожитых лет по справедливости считается неуклонный рост благосостояния трудящихся, имеется еще много нерешенных задач в области подъема материального и культурного уровня. Но ни руководители страны, ни народ не скрывают этих нерешенных задач, не прячут трудностей, стоящих на пути их решения. Нет еще должного обилия некоторых продовольственных продуктов и промышленных товаров. Несмотря на гигантское жилищное строительство, еще острой остается жилищная проблема. Но каждый человек, даже впервые попадающий на советскую землю и впервые знакомящийся с советской жизнью, если он подходит без предвзятого мнения, может убедиться в том, как упорно и настойчиво решаются задачи улучшения материального и культурного уровня народа. Да, говорит советский человек, мы испытываем еще нехватки, но вспомните, чем была по сравнению с другими странами царская Россия и какой скачок сделала Страна Советов за сорок лет по сравнению с теми же государствами. Не прошли даром усилия людей.

На каждой странице прочитанных книг — цифры и факты, убедительно демонстрирующие, как за сорок лет — срок чрезвычайно короткий с точки зрения истории — старая, былая деревянная Русь превратилась в могучую державу с первоклассной индустрией, с автоматикой, телемеханикой, атомной энергией, в страну передовой культуры, стала государством, представляющим крупнейшую часть великого лагеря миролюбивых социалистических стран. Почему же до сих пор эти книги и цифры, показывающие народу смысл его усилий, не вызвали отклика нашей публицистической мысли?! Ведь в этих цифрах — вся наша жизнь, торжество новой эпохи в истории человечества, эпохи, вступившей в сороковую годовщину своего существования. Казалось бы, наши писатели, публицисты, очеркисты никак не должны были пройти мимо этих книг.

Из учебников статистики мы знаем, что цифровое освещение общественных явлений представляет собой изображение жизни. Глеб Успенский, который умел изучать жизнь и знал ее, писал когда-то: «...нужно только раз получить интерес к этим дробям, нулям, нуликам, к этой вообще цифровой крупе, которою усеяны статистические книги и таблицы, как все они, вся эта крупа цифр начнет принимать человеческие образы и облекаться в картины ежедневной жизни, то есть начнет получать значение не мертвых и скучных знаков, а, напротив, значение самого разностороннейшего изображения жизни».

Не звучат ли сегодня эти слова укором нашим литераторам, публицистам, очеркистам?.. Кто, как не они, должны были увидеть человеческие образы и картины повседневной жизни, разностороннейшее изображение нашего бытия в тех сборниках, о которых мы говорили? Возможно ли, чтобы мимо этих цифр прошли Глеб Успенский, Короленко, Горький, доживи они до выхода таких книг?!

Уместно вспомнить, что писал Ленин о статистике: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов, — мы должны понести ее в массы, популяризировать ее...» Можно ли выполнить это указание Владимира Ильича без помощи публицистов?

В настоящее время партия и правительство сделали все, чтобы вывести

статистику из исключительного ведения «казенных людей», понести ее в массы. Это доказывается фактом выпуска сборников, о которых мы говорим, и фактом появления абсолютных цифр выпуска продукции, потребления, культурного строительства в регулярно публикуемых сообщениях ЦСУ. В нынешнем году должен выйти, как известно, сборник «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Это значит, что «семь печатей» со статистических данных сняты. И наша публицистика должна сделать из этого обстоятельства соответствующие выводы, пропагандируя цифры, вскрывая за ними усилия живых людей.

* * *

Некоторое время назад американская газета «Уолл-стрит джорнэл» поведала своим читателям о следующем: авторы вышедшего в США учебника экономики признались, что «логика учения Маркса неотразима» и что «предприятие, находящееся в руках общества, является более надежным и располагает большими возможностями, чем частное предприятие». Сорок лет, оказывается, кое-чему научили...

Плановое руководство народным хозяйством — важная особенность социалистического государства, планомерное развитие народного хозяйства является экономическим законом социализма. Исходя из этого закона, партия и правительство и на декабрьском Пленуме Центрального Комитета, и на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в начале 1957 года, и на февральском Пленуме Центрального Комитета, и теперь, при всенародном обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева, вскрыли недостатки, которые были в работе планирующих и хозяйственных органов, и выявили новые возможности для дальнейшего продвижения страны вперед. Враждебная буржуазная пропаганда пыталась истолковать перестройку работы как выражение каких-то особых, на ее взгляд, трудностей, переживаемых страной, как отказ от ранее намеченных высоких темпов индустриального развития и строительства. Тщетные надежды! Это не отказ от высоких темпов работы промышленности и строительства, а переход на новую ступень экономического развития, на новую ступень социалистического планирования, когда высокие темпы обеспечиваются не только большими капитальными вложениями, но и учетом всех огромных ресурсов, наиболее правильным использованием возможностей.

Есть в плане ГОЭЛРО страница, которая начинается словами: «Для электрификации страны или отдельного района в государственном масштабе необходимы следующие условия...»

Среди этих условий одно такое: «Возможность принимать большие решения в государственном масштабе и решимость доводить принятые решения до конца».

Когда я пишу слово «решимость», передо мной встает памятник Ленину на ЗАГЭСе — одной из первых электростанций страны, — монумент, созданный русским скульптором Шадром на земле Грузии.

Над плотиной гидростанции, на фоне гор, у слияния Арагвы и Куры, высится обвеваемая ветрами и облаканная горячим солнцем одиннадцатиметровая бронзовая фигура Ленина — воплощение решимости, воли и энергии к преобразованию мира, природы. Шумит река, но шум ее не мешает человеку, стоящему около памятника, словно слышать живого Ленина, открывающего народу величественные перспективы страны.

Года за четыре до войны, в февральскую ночь, просидели мы с Шадром до позднего рассвета в номере ленинградской гостиницы «Астория». Он говорил о своей работе над образом Ленина на ЗАГЭСе, которая началась еще в часы, проведенные Шадром в Колонном зале Дома союзов, когда скульптору поручили высокую миссию. В глубоком волнении рассказывал ваятель, как в те сорок шесть часов без сна и отдыха, что он

провел у гроба Ленина в окружении склоненных знамен, круглосуточного людского потока, под звуки траурной музыки, должен был он не только сохранить для потомства облик ушедшего Ленина, но и создать образ любимого вождя, образ, которого ждал народ, образ живого Ленина, вошедший в историю. •

Так родилась статуя Ленина — трибуна, устремленного вперед. Решимость — в жесте, которым он указывает на плотину, призывая не успокаиваться, не останавливаться на достигнутом, а строить, покорять реки, озарять немеркнущим светом дремлющие берега. Решимость Ленина, который умел начинать и не боялся начинать, избрал скульптор своей темой. Как правильно это! Когда на открытие ЗАГЭСа приехал Михаил Иванович Калинин, он в своем выступлении не мог не остановиться на творении вдохновенного художника. И Калинин сказал тогда: «Мы строим социализм, и свидетелем этого будет установленный здесь памятник».

Когда в тридцатые годы мне довелось впервые увидеть на ЗАГЭСе памятник, отображающий волю народа, я рассказал своему спутнику, молодому грузинскому инженеру, о письме Ленина черемховским горнякам, посланном в сентябре двадцатого года, еще за несколько месяцев до утверждения плана ГОЭЛРО. Это письмо являлось ответом на приветствие, адресованное Владимиру Ильичу Ленину. В январе 1927 года при торжественном открытии Черемховской электростанции, спустя три года после смерти Ленина, оно было зачитано перед собравшимися. Мало людей знает об этом письме. Вот что писал Ленин:

«Особенно дороги в вашем приветствии, товарищи, чувства глубочайшей уверенности в полной и окончательной победе Советской власти над помещиками, капиталистами и веяческими эксплуататорами, а также непреклонная твердость и решимость преодолеть все препятствия и трудности. Именно в этой твердости рабочей, трудящейся массы я, как и всякий коммунист, черпаю уверенность в неизбежной мировой победе рабочих и рабочего дела».

В январе двадцать седьмого года в Иркутске газета «Власть труда» напечатала это письмо, в котором Ленин говорил о твердости, о решимости преодолеть все препятствия и трудности. В моем представлении скульптура на ЗАГЭСе и это письмо Ленина — единое целое, ибо твердость и решимость — черты характера народа-строителя.

В свое время составители плана электрификации написали во введении к своему труду, что намеченная ими программа ближайших работ представляет «о т п р а в н о й п у н к т широкой электрификации России». Они выделили курсивом слова: «отправной пункт». Они вложили в каждый том листок, в котором сердце — «электрификация» — питало весь сложный организм страны, все многообразие ее жизни и быта. В дни осуществления шестой пятилетки, шестой преемницы плана ГОЭЛРО, мы так же в пути, как и тогда. Мы идем к новому росту на базе подъема тяжелой индустрии, к новому улучшению нашей жизни и быта.

И накануне сорокалетия новой полосы в истории, провозглашенной Лениным 7 ноября 1917 года, оглядываясь в прошлое, мы видим живую жизнь за каждой строкой наших планов и приложенные нами усилия — за каждой цифрой их выполнения. Четыре прочитанные книги раскрывают нам смысл труда народа, для которого сорок лет назад рождение новой эры создало возможность принимать большие планы и выполнять их со всей решимостью, осуществлять широчайшие проекты, которые всегда основываются на результатах свершенного труда и неизменно являются новыми отправными пунктами на пути в будущее.

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

★

В ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Роман*

9

Седюк проснулся, как и назначил себе, в половине восьмого. Непомнящий еще спал. Седюк поковырял ложкой в банке свинины с горохом и поспешил на улицу. Уже рассвело, отовсюду шли на работу люди, одетые в новые полушубки и ватные телогрейки. В управлении, кроме сторожа и уборщиц, никого не было. Седюк толкнулся в одну, другую дверь — комнаты были пусты, в них еще стоял запах вчерашнего табака и махорки. Сторож поглядел, поглядел на него и посоветовал идти спать: в проектном собираются к десяти, а начальство вообще раньше одиннадцати не приходит.

— К одиннадцати приходят, в двенадцать садятся за стол, в час идут на обед, — сказал Седюк. — А когда работают?

Сторож, корявый, похожий на замшелый пенёк старичок, в шутке не разобрался. Он с охотой пояснил:

— А вот всю остальную время работают. Товарищ Телехов с товарищем Пустоваловым последние уходили, уже светало. Работа, знаешь, умственная, ночью голова легче, вот они все по ночам. Приходи, однако, к обеду — все будут на местах.

Из разговора со сторожем выяснилось, что с утра работают только столовые, больница, торговдел и почта. Седюк отправился в торговдел и предъявил свои документы некрасивой худой девушке, выдававшей продовольственные карточки. Девушка поискала фамилию Седюка в списке и, чем-то удивленная, пошла к заведующему торговделом, сидевшему в стороне, в тени огромного сейфа, закрывавшего всю стену до потолка. Заведующий пошептался с ней, с сомнением посмотрел на Седюка, одетого в короткое пальто, делавшее его похожим на снабженца или экспедитора, а не на важного начальника, потребовал еще раз документы и со вздохом достал из сейфа целый набор разноцветных карточек — хлебную, основную рабочую, литерную, молочную и промтоварную.

— Много вам назначили, — сказал он с завистью. — Тут сказано, что вы один. Неужто без иждивенцев?

— Еще не завел, — ответил Седюк. — Но надежду не теряю.

— И не стоит, — одобрительно проговорил заведующий. — Вы теперь в Ленинске самый завидный жених. Все, которые литер «А», народ много-семейный и пожилой, а вы вот молодой и одинокий — и снабжение такое хорошее. Девушки, когда узнают, будут за вами бегать.

— Распишитесь, — сурово сказала девушка, подавая Седюку пять ведомостей.

---

* Продолжение. Начало см. «Новый мир» № 4 с. г.

По тому, как она покраснела, Седюк понял, что она одинокая и обиделась на заведующего. Заведующий продолжал, сдерживая вздох:

— Вот что молока вам определили по пол-литра в день — это хорошо. С молоком у нас туго — только детишкам до трех лет, подземным рабочим на шахте да высшему начальству по особому списку; с вами теперь в списке одиннадцать человек. У меня вот четверо пацанов — получаю на одного.

Седюк посмотрел на румяного толстого заведующего — видимо, если не считать молока, в остальном у него недостатка не было — и положил молочную карточку отдельно во внутренний карман бумажника: надо будет отдать карточку первой знакомой семье, в которой есть ребенок. На улице он стал припоминать, куда ему нужно идти с утра — в проектный, в отдел кадров, в столовую, в магазин прикреплять карточки. Было еще какое-то дело, но оно не вспомнилось. С неясным ощущением, что он забыл что-то важное, Седюк снова направился в проектный отдел.

Караматин еще не приходил, но остальные были на своих местах. Седюк заглянул в металлургический сектор. Посередине большой комнаты стоял стол, за этим столом сидел высокий полный человек с ассирийской холеной бородой и водил пальцем по крохотной карте Южной России, вырванной из школьного учебника географии.

— Суть этого наступления вполне понятна, — говорил он. Голос у него был протяжный, сиплый. Вокруг стола сгрудились стоя человек пятнадцать, все они внимательно слушали. — Сталинград — это Волга, Волга — это связь с Кавказом: нефть, марганец, цемент, хлеб. Если они возьмут Сталинград, наша страна будет перерезана надвое, мы потеряем доступ к богатствам Юга, наша армия будет голодать без хлеба, потеряет мобильность без бензина, металлургические заводы без марганца не смогут выплавлять сталь, без южного цемента прекратится строительство. Сталинград — это нервный центр страны, ее солнечное сплетение. Немцы бьют нас в солнечное сплетение, чтобы сразить наповал. Какой отсюда вывод? Только один — предстоят ожесточенные бои. А что значит все эти передвижения, все эти атаки на север, на юг? Я спрашиваю, что все это значит? — Он оторвался от карты и строго посмотрел на слушателей. — Это значит — армии занимают исходные рубежи. Мы стоим на исходных рубежах обороны, укрепляем их, а немцы занимают исходные рубежи для решительной атаки — вот в чем смысл. Хромов, опубликуйте сегодняшнюю сводку.

Человек, державший в руке клочок исписанной бумаги, с готовностью шагнул вперед к столу. Он заговорил быстро, невнятно и громко, все время сверяясь со своими записями:

— Я сегодня, товарищи, слушал три раза: в четыре утра, в шесть и в восемь. Проходимость была плохая, шипело, но самое главное я разобрал. Под Сталинградом — ожесточенные бои, особенно на северо-западном направлении...

Когда Хромов кончил, все, толкаясь, стали расходиться по своим столам. Человек с ассирийской бородой поднялся и, с достоинством оправив пиджак, вышел из комнаты. Седюк очутился перед не замеченным им вначале худеньким пожилым проектантом с седой эспаньолкой. Лицо его показалось Седюку знакомым.

— Чем могу, товарищ? — спросил проектант, вопросительно посмотрев на Седюка.

Седюк представился — главный инженер медеплавильного. Пожилой проектант, улыбаясь, протянул ему руку.

— Это очень хорошо, что вы к нам, товарищ Седюк, очень хорошо. Я Телехов, бригадир металлургов, мы еще вчера ждали — может, зайдете. — Он, склонив набок голову, осмотрелся. Свободных стульев не было

видно.— Сейчас организуем стул, товарищ Седюк, и поговорим. Где же все стулья? — Он обернулся к соседям. — Где наши стулья, товарищи? Неужели опять все стулья утащили в строительный сектор?

Молодой проектант, сидевший недалеко от Телехова, хладнокровно заметил:

— Вы же сами, Алексей Алексеевич, вчера унесли последний стул к строителям, чтобы было удобно слушать у репродуктора.

Телехов с виноватым видом посмотрел на Седюка. Седюк усмехнулся. Телехов повернулся к молодому проектанту и сказал просительно:

— Коля, вы молодой, дайте нам свой стул, а сами возьмите у строителей.

Молодой проектант встал, неторопливо подал свой стул Телехову и вышел из комнаты. Уже через минуту он возвратился, таща четыре стула. Телехов усадил Седюка и уселся сам.

— Очень, очень рад, — повторил он. — Много дел к вам. Но почему вы сразу не обратились ко мне, а стояли в стороне?

— Вы занимались высокой стратегией, — сказал Седюк, улыбаясь. — Неудобно было мешать.

Телехов смущенно махнул рукой.

— Это так, просто всех тревожит положение на фронте. Перед работой мы всегда полчаса поговорим, выслушаем записанную по радио сводку — кто сам не слышал. Вы к этому привыкнете. В двенадцать мы ходим к строителям, у них единственный во всем отделе хороший репродуктор.

— А у вас, вероятно, единственная во всем отделе карта, — заметил Седюк, указывая на ученическую карту, лежащую на столе.

— Единственная, — подтвердил Телехов. — Ну, а теперь о деле, товарищ Седюк. У нас есть почти сто листов чертежей, требующих согласования с вами, десять из них особо срочные. Это технологические схемы по плавильному и гидрометаллургическим цехам, принципиальная расстановка аппаратуры, наметка выходов продукции...

— Короче, весь технический проект завода, — усмехнулся Седюк.

— Весь технический проект — правильно! — быстро согласился Телехов, испытующе взглядывая на Седюка. — Ваш начальник, Назаров, подпись свою ставить отказывается, требует утверждения в Москве. Вы сами понимаете, какая может быть сейчас Москва? В лучшем случае это месяцы проволоочек, на это мы пойти не можем. Положение очень сложное — лежат десятки принципиальных схем, их надо детализировать, начальник мехмонтажа Лешкович уже сейчас требует монтажных чертежей, он месяц назад приступил к изготовлению конструкций и агрегатов, а мы ничего не можем сделать. Наш план — до ноября выпустить пять тысяч листов. И эти пять тысяч листов задерживаются потому, что на десяти листах нет нужной подписи!

— И как вы выходите из затруднения? Прекратили проектирование до полного согласования с эксплуатационниками?

Телехов пожал плечами.

— Мы никак не выходим из затруднения. Мы работаем. Мы каждый день выпускаем семьдесят листов. У нас нет другого выхода — надо же строить завод! — Он открыл ящик своего стола и вытащил кипу чертежей и записку. — Вот, — сказал он, протягивая их Седюку. — Очень прошу, ознакомьтесь с этим, подпишите, если согласны, и перейдем к следующему вопросу — конкретным решениям по узлам.

— Давайте сделаем так, — предложил Седюк. — Дайте мне стол и вот все это, — он показал на объяснительную записку и чертежи, — и я, не торопясь, все это изучу. А там мы продолжим наш разговор.

Телехов немедленно согласился. Он встал, осматриваясь, куда бы посадить Седюка. В комнате свободных столов не было. Телехов снова попросил молодого проектанта:

— Коля, достаньте стол в инженерной геологии, они все бегают по промплощадкам, у них есть свободные столы. Скажите Пустовалову, что я очень прошу.

Коля, видимо, привык к подобным поручениям. Он встал, не отрывая глаз от лежавшего перед ним чертежа, минуту осматривал его с довольным видом, сделал лихой фосчерк на трафарете и вышел.

— Помочь вам? — спросил Седюк.

Коля пренебрежительно пробормотал, уходя:

— Слишком много — двое на один стол.

Принесенный Колей стол поставили около Телехова. Седюк разложил листы принципиальных схем по всему столу и начал работать, но никак не мог сосредоточиться: его все занимала мысль, что он знает — и хорошо знает — сидящего рядом с ним худенького пожилого инженера.

— Простите, — сказал он, — у меня такое ощущение, будто мы с вами знакомы, а откуда, не могу припомнить. Может, вместе припомним?

Телехов предположил:

— Наверное, встречались на одном из заводов?

Он называл заводы черной и цветной металлургии, а Седюк отрицательно качал головой. Потом Телехов упомянул «Красный Октябрь» — на этом заводе Седюк проходил практику на электропечах. Телехов, оживившись, стал припоминать общих знакомых. Фамилии, которые он называл, были знакомы Седюку.

— Фамилии, что вы называете, я хорошо знаю, — сказал Седюк. — Но ведь я был просто студентом-практикантом, а что может быть общего между практикантом и главным инженером такого гигантского завода?

— Завод солидный, — согласился Телехов. — Самый крупный и знаменитый в Советском Союзе завод качественных сталей. Сейчас его разбивает с воздуха немецкая авиация. — Телехов помрачнел и скорбно смотрел в пространство. Помолчав, он сказал горько: — Сколько сил, сколько души мы вложили в этот сталинградский завод и — зачем? Вы не поверите — спали неделями у мартенов на монтаже и пуске, ночевали на валках блюминга; уезжая, думали о заводе, как о любимом детище, а сейчас все это летит на воздух, — не только сталь и огнеупоры — мысли, страсти, муки, радости наши!

Седюк пробормотал, не глядя на Телехова, — ему до боли было понятно мучение, звучавшее в словах старого инженера:

— Я думаю, наши не отдадут этакий завод на растерзание, его, наверное, эвакуировали.

Телехов сурово возразил:

— Молодой человек — простите, что я так вас называю, я много старше вас, — молодой человек, сталинградский завод качественных сталей невозможно эвакуировать. Для этого требуются сотни эшелонов, два-три месяца времени, армия демонtajнников. Мы с вами инженеры, должны понимать, что говорим, — ни эшелонов, ни времени, ни рабочих нет. Этот завод отдан в жертву войне. Я знаю каждый его уголок, каждый агрегат, каждый его пролет и вижу, вот попросту вижу, как он работает под грохотом бомбежек. Он будет работать до тех пор, пока в него не ворвутся немцы.

Телехов замолчал и отвернулся от Седюка. Этот разговор Седюка взволновал — он тоже видел знакомые цехи, пышущие огнем печи, день и ночь работающие под вражеской бомбежкой. Уж кто-кто, а он знает, что такое работать под бомбами! И вдруг Седюк вспомнил, откуда он знает Телехова: перед ним встала знакомая затрепанная книжка, пятнадцатое юбилейное издание классического курса электропечей, с первой

страницы книги смотрело лицо его автора — профессор, доктор технических наук, худые щеки, седая эспаньолка, он, Телехов! Седюк повернулся к соседу.

— Я вспомнил вас,— сказал он обрадованный.— Ведь вы профессор Телехов, а я ваш ученик, хотя ни разу вас не видел,— по вашему курсу я сдавал электрометаллургию. Я очень хорошо помню ваш портрет — каждый день рассматривал.

Он встал, словно знакомясь впервые, и крепко пожал руку Телехова, потом стал расспрашивать, как тот попал из Москвы на Крайний Север. Телехов отвечал кратко: война застала его на Юге, на монтаже новых агрегатов днепропетровского завода,—не кончив монтажа, он принялся за демонтаж, вывозил на Восток оборудование, был на Урале, в Новосибирске, оттуда получил назначение в Ленинск. Здесь на старости лет пришлось и переучиваться и доучиваться, заняться технологическими расчетами по всему металлургическому циклу: никто здесь как следует не знаком с металлургическими процессами.

— Вы, вероятно, много ляпсусов обнаружите в наших расчетах, вы ведь медник-специалист,— сказал Телехов.— Будем общими усилиями исправлять.

Седюк наконец сосредоточился.

Перед ним лежал отчет Сурикова. Как можно было понять, до начала проектирования, еще перед войной, несколько ящиков руды было послано Сурикову. Он провел лабораторные анализы, но поставить более широкое исследование не успел — грянула война. Руды Ленинска сильно отличались от других известных месторождений, соответственно менялись шихты, расходы флюсов, температуры и продолжительность процессов. В конце отчета Суриков честно указывал, что выведенные им коэффициенты могут существенно измениться при переходе к большим массам и что требуются полузаводские исследования. Седюк читал пояснительную записку, подписанную Телеховым, и, несмотря на все его уважение к этому имени, в нем нарастала досада. В записке не было ни логичности, ни ясности, ни угадываемого в каждом слове твердого знания многих сопутствующих явлений, о которых можно не упоминать, но помнить которые обязательно. Седюку начинало казаться, что и пояснительная записка и сделанный по ее расчетам проект также разрабатывались по упрощенным нормам военного времени. Предостережения Сурикова о возможном изменении многих технологических коэффициентов словно и не было, о нем даже не упоминалось. Седюк оторвался от записки и повернулся к Телехову. Тот был погружен в бумаги.

— Вам не кажется, Алексей Алексеевич,— сказал он,— что расчеты ваши во многом плохо обоснованы?

Телехов бросил на стол счетную линейку и поднял голову. Его глубоко запавшие, красные от многодневной усталости глаза внимательно и настороженно смотрели на Седюка. Он ответил после минутного молчания:

— Вы, конечно, правы — настоящая схема, на которой становится завод, кое в чем, думаю, будет отличаться от запроектированной. Но никто сейчас не знает, каковы точные технологические параметры этой схемы. А самое главное — знаете, сколько нам дали времени на составление проектного задания? Пять дней! Все, что вы читаете, было обдуманно, рассчитано, написано, проверено и отправлено в Москву на утверждение за пять дней и пять ночей.

— Пять дней? — переспросил Седюк, потрясенный. Он ошутимо представлял гигантское напряжение проделанной работы.— Да, но Москве требовались только общие цифры, самый крупный охват для ассигнований. После утверждения проектного задания можно было бы уточнить расчеты.

— Не было времени заняться этим,— заметил Телехов.— Я повторяю — ошибки у нас вполне возможны, важно, чтоб они не были крупными. Давайте пойдем к Семену Ильичу, посоветуемся.

Караматин встал им навстречу.

— Каково ваше впечатление от проекта? — спросил он.

— Кое-что мне не нравится, — прямо ответил Седюк. И он стал подробно рассказывать о своих сомнениях. Пока речь идет о сушильных и отражательных печах, воздуходувном и крановом хозяйстве, электролизных ваннах и прочем — тревожиться нечего: все это стандартно, много раз опробовалось в работе. Но вот как быть с особой природой местных руд? Как можно дать точное сечение воздуходува, если не известен действительный расход воздуха? Как можно говорить о расходе угля, если не ясна истинная температура плавления руды? Завод пойдет, но завод будет трясти лихорадка, он будет болеть. Ведь и то сказать — Суриков проводил лабораторные исследования в графитовых тигельках и граммовыми навесками. А теперь надо послать несколько сот тонн руды на заводы и посмотреть там, как она перерабатывается.

— Посылали. На это разума у нас хватило.

— Ну и что же?

— Ну, и ничего. Все работают сейчас на фронт, на медеплавильных заводах сидят военные приемщики и с ходу хватают каждую тонну продукции — нужно план выполнять, тут не до абстрактных исследований. Нашу руду смешали со своей, задали в общую шихту и пустили в переработку, а нам сказали: ничего, мол, руда, если можете, пришлите ее побольше, нам своей не хватает.

— Не густо,— сказал Седюк, улыбнувшись.

— Вот именно, — мрачно подтвердил Телехов. — А вы говорите: сомневаюсь. Сомневаться можно во всем—даже что завтра взойдет солнце. Сомнение не аргумент. Мы заложили в проект двадцать миллионов рублей на наладочные болезни и освоение. И потом: где вы видели завод, который сразу набирает полную производительность? Вы что — отрицаете период освоения?

— Нисколько. Но есть краткий период освоения, вернее, пуска — и есть болезни освоения, понимаете, болезни! Против болезней я возражаю. А они неизбежно будут при таком проектировании вслепую.

— Скажем так: они возможны, но, конечно, могут и не быть,— мягко поправил Телехов.

— Они будут, Алексей Алексеевич, неизбежно будут. Когда есть несколько темных мест и решаете вы их наугад или приблизительно, вы непременно где-нибудь ошибетесь, а одна серьезная ошибка потянет за собой десятки несогласованностей.

— Что вы предлагаете? — спросил Караматин, вмешиваясь в их спор. Он положил перед собой пояснительную записку.

Седюк негромко сказал:

— Предлагаю обратить внимание на предостережение Сурикова. Нужно испытать процесс на опытных печах и ваннах.

— Вы неясно представляете себе наши возможности, товарищ Седюк, — сказал Караматин сухо. — Все, что вы сказали, правильно. И все это — общее место. Мы тут вдвоем с Алексеем Алексеевичем не один вечер провели, обсуждая исходные данные и стараясь выбрать наиболее вероятные и наиболее экономичные. Но заниматься исследованием нам негде и некогда. Завод уже строится, мехмонтаж уже варит конструкции, собирает агрегаты. Нам нужно выпускать чертежи — строительные, технологические, механические — и не только по медному: по ТЭЦ, по рудникам, по вспомогательным объектам, сейчас вот по цементному. Если мы остановим хоть на день этот поток чертежей, в строительстве наступит

заминка. Знаете ли вы, что у нас всего пятнадцать копировщиц и что каждое воскресенье весь отдел занимается копировкой?

— Я с моим зрением, в моем возрасте, беру в руки рейсфедер! — проговорил Телехов. И он добавил с печальной иронией: — Вы сразу узнаете мой кальки, о них говорят: курица лапой делала.

— Повторяю, все это верно, имеются темные места, — продолжал Караматин. — И азбучно правильно, что исследования надо продолжить, расширить, углубить. Еще правильнее было бы, если бы не было войны и мы не спешили бы, имели выходные дни, не заставляли старых инженеров со слабым зрением заниматься неквалифицированным трудом копировщицы. Но ничего этого нет — война. А теперь давайте от общих фраз о недоработанности проекта перейдем к рассмотрению конкретных положений. Мы охотно признаемся — цифры наши подчас очень проблематичны. Что же, давайте ваши более достоверные цифры — мы положим их в основу проекта.

Он называл одно за другим значения технологических параметров и смотрел на Седюка, ожидая возражений или уточнений. Но Седюк молчал: он остро чувствовал, что Караматин прав — его критика поверхностна, он совсем не подготовился к рассмотрению технологической схемы завода. Лесин вчера тоже был прав: одно дело — указать на недостатки, это не так уж сложно, и совсем другое дело — отыскать пути к устранению этих недостатков. Караматин громко, отчетливо выговаривал цифры и их названия, а Седюк чувствовал, что краснеет, — каждая цифра звучала, как публично нанесенная ему пощечина. Когда Караматин умолк, Седюк спросил:

— Неужели в Ленинске нет опытного цеха, где можно было бы поставить проверку некоторых сомнительных коэффициентов?

— Опытный цех есть, — ответил Караматин. — Маленькое помещение, сарай, без оборудования, без хорошей лаборатории, без хорошего начальника — Кирсеев, возглавляющий этот цех, человек молодой, малоопытный, плохо работает с людьми. Самое же главное — цех перегружен другими работами, без которых никак не обойтись, в частности по цементу.

Телехов, видя, что Седюк молчит, указал на часы и просительно сказал:

— Первый час, Семен Ильич, Москва передает утреннюю сводку, у них сейчас восемь часов.

— Идите, — разрешил Караматин. Он встал и проводил Седюка до дверей. — Я понимаю вас, — проговорил он, глядя по своему странному обыкновению не на Седюка, а в пространство. — Вам на заводе работать, вся тяжесть пуска и освоения ляжет на ваши плечи. Естественно, проектные ошибки вас тревожат. Одно могу сказать: думайте! Вы человек, свободный от иных дел, в этом ваше преимущество — думайте, ищите; время исправить ошибки, если вы их обнаружите, еще есть, а мы не будем вставать на дыбы, ссылаться на вашу подпись на чертежах, говорить, что у нас нет времени к этому возвращаться, — это вам обещаю. А пока вы все-таки подпишите принципиальные схемы, чтобы не задерживать работы.

Седюк снова сел за свой стол. Через несколько минут возвратился Телехов и сообщил утреннюю сводку Информбюро — ничего нового: ожесточенные бои на подступах к Сталинграду...

Перед обеденным перерывом к столу Седюка подошел высокий седой проектант — Седюк узнал в нем человека, встречавшего на вокзале пожилую женщину.

— Моя фамилия Романов, — сказал проектант, присаживаясь на сво-

бодный стул.— Слышал, вы теперь главный инженер медного будете. Не врут люди?

— Нет, правда.

— Помогите старику,— проговорил Романов, сильно волнуясь.— У нас с Назаровым, Николай Петровичем, каждый день споры. Думал к Сильченко идти, да вот вы приехали — может, решите нас?

— А что именно? Простите, ваше имя и отчество?

— Василий Евграфович. Я заводской работник, Михаил Тарасович, тридцать лет у печи стою. Любую плавку по цвету пламени определяю, по излому штейна скажу, сколько меди, — практик я. А Николай Петрович меня в проектанты определил. В жизни я чертежей не читал, а он слушать ничего не хочет: проектному отделу требуются металлурги — вот весь его сказ. Михаил Тарасович, все конвертеры Советского Союза знаю, на все пуски меня командировали, а тут положили мне синьку, линии путаются, и кажется мне уже, что и не знаю я вовсе конвертера и не видел его совсем. Увольте старика от чертежной доски, хоть на базу техснаб отправьте, буду комплектовать оборудование, все-таки практическое дело.

Седюк, слушая, присматривался к Романову. Вблизи было видно, что он уже стар, хотя и держится бодро. Руки его были бугристые, широкие, с короткими мозолистыми пальцами. И у Седюка шевельнулась неприязнь к Назарову: «Что это он — и выслушать людей не хочет и понять, кто к чему способен, не может». Он сказал Романову:

— Потерпите несколько дней, Василий Евграфович, я осмотрюсь, посоветуюсь с людьми, с Назаровым поговорю — может, найдется прямое металлургическое дело, такое, что ближе, чем техснаб.

— Спасибо, Михаил Тарасович. Не могу передать, как замучили меня эти бумаги и рейсшина. Старуха моя, Анна Ильинична, вчера два раза всплакнула над моим горем.

— Я видел — во время встречи на вокзале.

— Там — по другому... Сына у нас убили этим летом в Севастополе — осиротели... Увидела меня и вспомнила Петю. Мать... Всем трудно, все страдают, да ведь от этого не легче ей.

Седюку стало неловко, что он нечаянно коснулся больного места. Он хотел было что-то сказать, но раздумал и отпустил Романова кивком головы. Прозвонил звонок. Телехов проговорил, собирая бумаги:

— Перерыв. Идите обедать, Михаил Тарасович.

10

Прежде чем идти обедать, надо было прикрепить карточки. Седюк шел не торопясь и думал о своих спорах с Караматиным. Несомненно было одно — он свалил дурака, вел себя, как зазнавшийся мальчишка, свысока поучал и отчитывал, не имея на то никакого права... Еще хорошо, что с ним вежливо разговаривали, не сказали ему, что он попросту наглец. Он вспоминал свои замечания — и краснел и ругал себя. Подумаешь, гений, указал на темные места, сделал существенные изыскания — у вас-де, ребята, что-то там не того. А что не того и где, собственно, там? Караматин — молодец, так и надо было: не ругался, не кипел, а просто читал и спрашивал: что можете по этому поводу сказать? Не предложите ли что-нибудь другое вместо этого? И он молчал и боялся посмотреть в лицо — говорить ему было нечего.

— Да ведь прав я, прав, черт возьми! — крикнул он вслух, останавливаясь.— Ну и пусть они поиздевались надо мной, что ж! Дураков надо учить, чтоб не зазнавались, но ведь все-таки я прав, хоть и не могу ничего толкового предложить — при таком проектировании завод только через

год вылезет из пусковых болезней. — Двое прохожих, обгоняя Седюка, с любопытством оглянулись на него; он отвечал сердитым взглядом. И, чтобы больше не привлекать ничего любопытства, стал беседовать с собой молча. «Ну, хорошо, — сказал он себе. — Сегодня они меня поймали, но темные места остаются темными местами, а из темных мест посыплется неожиданности, аварии, остановки, все это ляжет мне на плечи, ударит по голове, придется лезть из кожи, а самого главного — меди — не будет или будет мало. Ну, а ты на их месте, — с пристрастием допрашивал он себя, — ты бы что-нибудь лучшее предложил, что-нибудь более дельное запроектировал? Нет, конечно, ну и не ругай их: они правы! Нет, врешь! — возразил он запальчиво. — Ты так бы не поступил, нет. Может, ты не открыл бы ничего нового, взял бы те же коэффициенты, но ты не успокоился бы, ты думал бы, возвращался к этому каждый день, ночью просыпался, спрашивая: что же делать? Вот как бы ты поступал, я знаю тебя не первый год, а они успокоились, дышат ровно, смотрят добрыми глазами, довольны своими достижениями. Хоть бы раз выругались — этикие заполярные олимпийцы! Ах, все это чепуха! — круто оборвал он себя. — Ты думаешь о пустяках, дорогой. Предоставь психологию романистам, ты инженер, твое дело — металлургия, а с металлургией пока неважно, тут нужны исследования, и серьезные. Вот только об этом и думай! — властно приказал он себе. — Ни одной мысли на сторону, ясно?»

Так он сказал себе, но спокойнее ему не стало. Ощущение, будто он забыл сделать что-то очень важное, снова вернулось к нему, но он никак не мог вспомнить, что же это. На прикрепление карточек пришлось потратить минут пятнадцать, и в столовую он пришел после часу — сердитый и смурый. Седюка окликнул высокий блондин.

— Садитесь за наш столик, — радушно сказал он. — Ну как, были в отделе кадров? Помните, я ночью звонил вам по поручению Валентина Павловича.

Седюк сообразил, что этот человек — Янсон, главный диспетчер комбината.

— Пойду после обеда, — проговорил он, усаживаясь и протягивая официантке свои талоны.

Кроме Янсона, за столиком сидел еще один человек. Он был одет в простую ватную телогрейку. Ворот ее был расстегнут, расстегнута была и защитного цвета гимнастерка, открывавшая кусок волосатой груди. Лицо его — румяное, с рыжеватой кудрявой бородкой — было удивительно подвижно. Голубые глаза больше секунды ни на чем не задерживались и словно вспыхивали каждый раз, когда что-либо привлекало их.

Янсон заметил, что Седюк с интересом присматривается к соседу, и познакомил их:

— Седюк Михаил Тарасович, главный инженер медного. Лешкович Валериан Александрович, начальник мехмонтажа, самый знаменитый в Ленинске человек. Вам, Михаил Тарасович, придется много потерять крови в битвах с мехмонтажниками, поэтому я опишу вкратце их признанного главу. Вы имеете дело с человеком, который прежде всего выпаливает «нет» или «да», а потом интересуется: «А в чем, собственно, дело?»

— Не ври, не ври, Ян! — запальчиво крикнул Лешкович.

— Обратите внимание на его бородку, — неумолимо продолжал Янсон. — Она у него не для украшения, а для дела: во-первых, внушает заслуженное уважение к ее обладателю, во-вторых, заменяет на ветру воротники и кашне. Главное ее достоинство — не требует стирки в прачечной, чем выгодно отличается от белья. На монтаже Валериан Александрович цепляется бородкой за крючки, чтоб не упасть.

Лешкович, весело смеясь, пытался вставить в речь Янсона хоть словечко, но тот хладнокровно отводил все его попытки.

— В работе Валериан Александрович — великий экспериментатор, — продолжал Янсон. — Он готов провалить любой план, лишь бы что-нибудь начудить с конструкцией. Чертежи, присланные из проектной конторы, переделываются сверху, снизу и с обратной стороны — обратную сторону Валериан Александрович любит даже больше: она чистая, это вдохновляет на творческие изыскания. Главная особенность, отличающая эксперименты Валериана Александровича от экспериментов всех людей на земле, та, что они неизменно не удаются. Последнее его достижение в этом отношении — подъем паровоза, упавшего под откос, двадцатитонным паровым краном вместо сорокапятитонного. Все окончилось сравнительно благополучно — людям удалось отбежать в сторону, когда кран рухнул на поднимаемый паровоз, а сам Валериан Александрович побил рекорд прыжков в высоту, спасаясь от падающей на него стрелы крана.

— Немножко перестарались, — признался смущенный Лешкович. — Потом еще два дня мучились. Зато я узнал, что стрела нашего двадцатитонного крана выдерживает тридцатитонную нагрузку — нужно только хорошо укрепить самый кран. Конечно, это был технический риск. Но когда-нибудь его результаты пригодятся.

— Пригодятся, — презрительно фыркнул Янсон. — Кому пригодятся — тебе или прокурору? Вы знаете, — он повернулся к Седюку, — техническое творчество уважаемого товарища Лешковича изучается пока не столько благодарными студентами, сколько неблагодарными следователями. Они никак не могут понять, что это за штука, которую Валериан Александрович называет техническим риском.

— Ну и что же? — закричал Лешкович. — Их дело — проверять, мое дело — работать. А теперь я обрисую вам Яна Эрнестовича Янсона, — сказал он радостно. — Чтоб не говорить о нем плохо — он мой лучший друг, — я скажу только одно: Ян — трепло!

— Фи, Валериан! — поморщился Янсон.

— Трепло! — воскликнул Лешкович. — Я тебя знаю, ты ради красного словца никого не пощадишь. Когда тебя поведут вешать — а тебя непременно повесят, — ты по дороге на эшафот опубликуешь пять новых остроумных рассказов и расскажешь веселый анекдот. Попросите Яна рассказать вам о других людях, — обратился Лешкович к Седюку, — вы увидите, он забудет работу, еду — а поесть он любит — и с наслаждением приметя перебивать чужие косточки. Правда, когда речь заходит о высоких начальниках... тут наш дорогой Ян Эрнестович прикусывает язычок, в оценке их он соблюдает благородную осторожность.

Седюк засмеялся.

— Я здесь человек новый, никого не знаю, мне как раз интересно услышать о людях, с которыми придется работать. — Своих новых знакомых Седюк слушал с интересом. Оба ему нравились, особенно Лешкович: он словно излучал веселую, жизнерадостную энергию. — Я не помню, вы были на вчерашнем заседании техсовета?

Янсон громко засмеялся, а Лешкович негодуя фыркнул.

— На заседании? У меня есть поважнее дела, чем просиживать брюки на заседаниях.

— Дело в том, — сказал Янсон, — что Лешкович — принципиальный враг всех заседаний. У него есть папка, куда он складывает все неудовлетворенные вызовы. Числом их он измеряет свои успехи в жизни. Если при встрече он скажет вам неожиданно: две тысячи сто восемьдесят пять, то не пугайтесь, ничего страшного не случилось, просто он гордится очередным достижением — состоялось две тысячи сто восемьдесят пятое заседание, на которое он не пошел.

— И скажу, — свирепо огрызнулся Лешкович. — Я как-то в поезде считал, что сэкономил семь месяцев рабочего времени на том, что не хо-

дил на заседания. Я не богач, не бездельник, чтобы разбрасываться таким временем.

Янсон подождал, пока Седюк принялся за суп, и деловито поинтересовался:

— Так с кого начнем? Людей здесь много, кто вас особенно интересуется?

— А все те, с которыми мне придется работать.

— Тогда начнем с начальства,— предложил Янсон. И он заговорил неожиданно серьезно, вдумчиво, чуть по-лекторски. Он упомянул о том, что Дебрев окончил рабфак в 1925 году, а институт — в 1929-м. В 1931 году он пустил свой первый цех. Ему было всего двадцать шесть лет, когда его послали председателем правительственной комиссии — инспектировать на Урале строительство химического завода. Ему дали месяц на составление доклада, а он послал доклад на третий день и требовал крови — гнать старых руководителей. Он два года сидел на этой стройке — уже начальником ее. В запальчивости он обещал пустить завод досрочно, если у него в руках будет вся полнота власти. Он честно выполнил обещание: пустил завод на два дня раньше. Вот тогда к нему пристали два прозвища: «Все наверх!» — так говорили те, кого он обижал, снимал, понижал в должности,— и «На два дня раньше!» — так говорили его друзья. Врагов у него было много и с каждым годом все прибавлялось, но выжило все-таки второе прозвище, хотя, если говорить правду, Дебрев — великий мастер организовывать штурмы и авралы.

Лешкович, нахмурившись, прервал Янсона:

— Врешь, врешь, Ян, вся деятельность твоего Дебрева — это сплошной аврал. А почему? Никому не верит. Послушай его речи — кругом враги, ходи и оглядывайся на каждого прохожего. Одно он умеет по-настоящему — это бить. Руководитель горлового типа. Кое-что это, конечно, дает — кому охота оказаться публично оплеванным. Только, по-моему, это не метод для настоящего инженера.

Янсон уклончиво заметил:

— Конечно, он груб и придирчив. Но в технике он разбирается, а это существеннее всего остального. Просто ты, Валериан, по природному своему анархизму органически не способен хорошо относиться ни к какому начальству. Между прочим, к нам его назначили только после того, как наше строительство было признано особо важным и выяснилось, что положение наше просто отчаянное — ничего нет, ничего не подготовлено, климат страшный, а сроки самые жесткие. Правда, не могу сказать, что на этот раз он принял назначение с радостью,— вероятно, это первый случай в его жизни, когда руки у него связаны и приходится играть вторую скрипку: Сильченко не такой человек, с которым можно не считаться.

На этот раз Лешкович возмутился.

— А что Сильченко понимает в технике? — воскликнул он.— Дебрев — человек неприятный, но хоть инженер, тут ничего не скажу. А Сильченко, если хочешь знать, — политрабтник, и только. Нас мучат производственные и технические вопросы, а он все на политику сворачивает.

— Ты не прав, Валериан,— возразил Янсон.— Все вы знаете Сильченко со стороны, мало с ним сталкиваетесь, а ты так вообще только четыре месяца в Ленинске. Я же работаю с Сильченко ежедневно вот уж год и знаю, что все вы ошибаетесь в нем. Сильченко в технике разбирается не хуже Дебрева.

Седюк попросил:

— Расскажите мне о Кирееве, говорят, у вас тут есть такой начальник опытного цеха. Что это за личность?

— Дерьмо! — коротко произнес Янсон и пояснил: — Это не ругань, а квалификация.

Лешкович снова возмутился.

— Не верьте ему,— сказал он Седюку сердито.— Киреев — человек своеобразный, с норовом, но, если хотите знать, талант.

Седюк расхохотался.

— Я все-таки не знаю, чему же верить: от дерьма до таланта дистанция огромного размера.

— Представляете, парень два года назад окончил институт и уже задрал нос,— говорил Янсон, не обращая внимания на возражения Лешковича.— Вы посмотрите, как он разговаривает с людьми — свысока, сквозь зубы, глаза скосит в сторону или вообще отвернется. А с подчиненными? Он их всех третирует, как мальчишек. Сейчас у него много инженеров, знающих, способных, более опытных, чем он,— все, конечно, эвакуированные, а он с ними только так: «Чепуху извольте нести!», «Вздор!», «Я приказал — выполняйте!», «Что вы мне суете ваши законы, реакция пойдет так, как я указываю!» Даже Газарину он как-то бросил: «Вы просто прычетесь за Фарадея, чтобы не мыслить».

— Характер у него, конечно, собачий, не лучше твоего Дебрева,— возразил Лешкович серьезно.— Но голова у него на плечах хорошая.

— Знаний в этой голове мало, вот беда! — презрительно бросил Янсон.— По каждому вопросу у Киреева возникают свои идеи, и ни одна из них обсуждению не подлежит. Кроме того, все эти идеи всплывают без предупреждения и в огромном количестве. Про него говорят: «Семь идей в семь дней, и все гениальные!» Переубедить его невозможно, он очень упрям, спорить с ним опасно — обругает при всех. Работать с таким человеком очень трудно. Правда, сейчас его сотрудники нашли хороший способ обращения с ним, Газарин называет эту штуку: «Реакция нейтрализации начальства!» Нужно с ним во всем соглашаться, но с выполнением не спешить, «тянуть резину». Идея, не встречающая сопротивления, быстро перегорает, ее сменяет другая, потом третья, каждая другой великолепнее, потом он случайно добирается до истины, тут нужно немедленно начинать работу, осуществлять идею, пока она горячая, и все в порядке.

— Ну вот, сам говоришь — десять раз соврет, один раз умное скажет. Поверь, эта десятая мысль по значению своему оправдывает все предшествующие девять случаев вранья. Хоть бы этот цементный завод на местном сырье — первую мысль об этом подал Киреев, ведь так?

Официантка принесла Седюку целый поднос вторых и третьих блюд — рагу, котлету, пирог, компот, чай, пирожное. Янсон, только что закончивший второй стакан чаю, с удивлением уставился на поднос. Даже Лешкович изумленно присвистнул.

— Неужели вы все это осилите? — воскликнул он. — Что вы прикрепили? Три карточки?

Седюк сам в замешательстве смотрел на расставленные по столу тарелки и стаканы. Он попытался оправдаться:

— Я прикрепил только карточку и литер. Здесь, очевидно, не только обед, но и завтрак, я утром в столовую не заходил.

— У вас же первый литер,— догадался Янсон.— По первому литеру очень хорошее снабжение.

Седюк заметил, что Янсон смотрит на еду голодными глазами. Он предложил собеседникам помочь ему. Лешкович отказался, а Янсон, не заставляя себя просить, придвинул поближе рагу и компот.

— Я дам вам хороший совет,— сказал он, энергично работая челюстями.— Прикрепляйте только рабочую карточку на завтрак и обед — этого вам вполне хватит. А литер выбирайте сухим пайком, это пойдет на ужин, и часть можно будет отправить на материк посылками. Я, например, около трети своего пайка, а у меня второй литер, это много меньше

вашего, отправляю матери в Горький, она туда эвакуировалась из Ленинграда.

— Опять врешь,— свирепо возразил Лешкович.— Вы не верьте ему, он все врет. Точно известно, сколько он в этом месяце отправил матери,— три четверти пайка. Теперь он питается только хлебом и один раз в день ест в столовой горячее. Сегодня он первый раз в сентябре будет сыт — с помощью вашего рагу.

Янсон густо покраснел. Он сказал, словно оправдываясь:

— Навигация закрывается уже в этом месяце. Когда начнутся регулярные рейсы самолетов — неизвестно. А в Горьком со снабжением сейчас неважно, тем более, мать у меня пенсионерка, ей шестьдесят пять, работать она уже не может, еле-еле ковыряется в огороδικе. Нет, серьезно, — сказал он горячо, — собирайте посылку кило на десять, не больше, я помогу вам отправить, среди речников у меня много хороших знакомых.

— Мне некому отправлять,— сказал Седюк.

— Скажите, а куда вы девааете табак? — полюбопытствовал Лешкович. — По первому литеру выдается семь пачек махорки в месяц, не считая папирос. Вы ведь некурящий, правда?

— Некурящий.

— Послушайте, отдавайте мне ваш табак,— попросил Лешкович.— Все, что получите,— папиросы, трубочное зелье, особенно, конечно, махорку. Я уже две нормы курю — не хватает. Отдавайте, а?

— Да, пожалуйста,— с готовностью согласился Седюк.

— А как у вас с жильем? В общежитии? Да, это неудобно. Впрочем, не одному вам плохо, — сказал Янсон. — Вот, например, Лидии Семеновне, дочери Караматина, еще хуже: взрослая девушка, а живет с отцом в одной комнате, да еще чужой — Дебрева потеснили.

Лешкович насмешливо посмотрел на Янсона.

— Ты, конечно, страдаешь. Самая красивая девушка в Ленинске — и такие жилищные трудности. Негде принять поклонников, при отце неудобно глазки строить.

— Думаю, Лидия Семеновна и в Москве была среди самых красивых, не только в Ленинске, — спокойно сказал Янсон. — А насчет глазок, так что уж там — она не играет, а убивает ими. Слабого человека ее взгляд, если ей что не нравится, может оглушить, как удар молота по голове. Вот попробуйте-ка при случае рассердить ее.

— Была охота,— пренебрежительно пробормотал Лешкович.

Все вместе они вышли из столовой. Прощаясь, Лешкович взял Седюка под руку.

— Послушайте, я насчет вашего табачного пайка,— сказал он осторожно. — Чтоб уговор был крепче, возьмите с меня деньжата.

Седюк высвободил свою руку.

— Если бы вы были моим другом или просто хорошим знакомым, я бы дал вам по уху за такое предложение.

— Это меня вполне устраивает,— миролюбиво отозвался Лешкович.

Варе Кольцовой Ленинск поправился. За вокзалом начинались каменные дома, такие же, как и в других городах. Улица была прямой и мощеной, через каждые сто метров стояли фонари, в нижних этажах виднелись магазины, пошивочные ателье, парикмахерские — она с удовольствием прочла надпись: «Маникюр». А в конце улицы, замыкая ее, поднималось двухэтажное рубленое здание с вывеской «Баня № 1». В общежитии у Вари услужливо приняли чемодан и тюк, отвели в комнату и сразу вы-

дали талоны на обед и ужин. Она достала белье и побежала в баню, а от туда в столовую. В столовой она встретила Непомнящего, они вместе пообедали и весело болтали. Непомнящий успел раздобыть билеты в кино. Варя картину уже видела, но картина от этого не стала хуже. После кино они погуляли. Варя решила, что самая красивая улица — Рудная: большие трехэтажные дома, и вся она залита светом — это было и непривычно и радостно. Люди, проходившие по улице, были одеты в стандартные демисезонные пальто либо в новые светлые полушубки — ни унтов, ни дох, ни прочей северной экзотики. Вечером пошел дождь — он был пронизывающе холодный, но не хуже, чем осенние дожди у нее на родине, — нужно только не думать о том, что это происходит в самом начале сентября. И мало-помалу Варя забыла о своих тревогах и страхах. А в общезнаниях ее со всех сторон окружили девушки. Девушек было очень много, и Варя знакоилась со всеми сразу.

— Ну, расскажите, расскажите же! — кричали они наперебой. — Как в Москве? Очень страшна бомбежка?

— Ой, я бы, наверно, умерла, если бы услышала взрыв бомбы! — кричала Зина Петрова, невысокая, быстрая и очень молоденькая. — Я ведь такая трусиха. Вчера недалеко взорвали скалу, на меня полетели осколки — я чуть не упала со страху. Давайте скорей рассказывайте, как вы к нам попали.

И Варя стала рассказывать — все с самого начала: как она окончила институт и получила назначение на завод, как ехала туда и знакоилась с новой, пугавшей ее на первых порах работой, как над их заводом разразилась война и они получили приказ — вывезти все, ничего не оставляя врагу. Она рассказывала, а бывшее вновь вставало перед ней. Она видела все, что говорила, — первую страшную бомбежку, расстрел завода с воздуха, пожары в цехах и жилищах, раненых, убитых, искалеченных. Она вспоминала, как страшно и неожиданно все кончилось, — немцы прорвались и был отдан новый приказ: бежать. За те сутки она прошла, не останавливаясь, семьдесят километров. Варин голос, взволнованный, один звучал в комнате; девушки, притихшие, неподвижные, не отрывали от нее взгляда и слушали ее, не дыша. Так вот они и шли — мужчины, женщины, дети. Из фронтовой полосы вышло только тридцать человек, остальные падали по дороге и уже не поднимались. Она, Варя, выйдя к своим, тоже упала и не могла подняться. Она не хотела есть, пить, ей хотелось только лежать, только спать, но уснуть никак не удавалось: все болело и мучило, особенно ноги и спина. Потом их увезли далеко от фронта, на Кавказ, на другой завод; тут все дышало глубоким миром, и они немного оправились. Так прошла зима, а в июле и этот завод стали бомбить. Все повторилось сначала, но было уже совсем по-другому: слепого ужаса, впечатления катастрофы, чувства обреченности — нет, этого уже не было. Завод не только спешно демонтировался и упаковывался в ящики, но и сам свирепо огрызаясь, и прежних наглых прогулок в воздухе и безнаказанных расстрелов сверху уже не могло быть — вражеские самолеты летали высоко, фашисты торопились скорее убраться назад. Страшный, мучительный, но как-то по-своему организованный быт — нападение фашистских самолетов, свист бомб, пожары, ненстойвая трескотня зениток, ощупывающие небо прожектора.

— Завод мы успели весь вывезти, — сказала Варя. — Его отправили куда-то в Туркмению или Киргизию, а я получила назначение сюда, в Ленинск.

— Ужас, ужас! — говорила Зина Петрова. — Что только люди не переживают, такой страх! — И, обращаясь к подруге, она повторила с завистью: — Вот что другие переносят, а мы с тобой живем в теплом углу, ничего не видим, не знаем, и это называется помощь фронту!

— Ничего не знаем, — согласилась подруга, девочка лет семнадцати. — Живем, как у Христа за пазухой, а другие воюют, как герои.

— Так и война закончится, — скорбно продолжала Зина. — И спросят тебя, что ты делала и что ты видела, и нечего будет вспомнить. Только и скажешь — ходила на работу, стояла в очереди в магазине...

— Еще в кино ходила, — печально добавила другая девушка. И, словно оправдываясь, сказала Варя: — Я заявление писала, чтоб взяли на фронт, — отказали...

Ирина Моросовская, красивая девушка лет двадцати пяти, лениво проговорила, ложась на кровать:

— Рассказ ваш, Варя, ужасен, у меня мурашки по спине бегали, когда вы описывали эти ваши эвакуации, но у девушек наших он вызывает, кажется, только одно желание — им всем теперь захочется на фронт.

Зина сердито посмотрела на нее, но ничего не ответила.

Варя встала, раскрыла чемодан и стала вынимать помятые в дороге вещи. Девушки наперебой старались ей услужить — принесли уют, плечики для платьев, освободили лучшее место в шкафу.

— Вы устали, а мне делать нечего, — заявила Зина Петрова. — Ложитесь и отдыхайте, а я вам все переглажу...

Варя и в самом деле очень устала. Но ей показалось неловким улечься, когда другие возятся с ее вещами. Девушки не расходились, им непременно хотелось еще что-нибудь сделать для Вари, хоть как-то облегчить ей первые шаги в новой жизни.

— Ни в коем случае не берите талонов в столовую, — советовали ей все хором. — Это страх что такое — наша столовая! Повару все равно, что баранина, что дохлая кошка. Мы три дня болеем после обеда в столовой, нет, честное слово!

— В столовую только мальчишки ходят, — авторитетно разъяснила Зина. — А они такие непутевые, никогда не помнят, что едят. Я спрашивала Сеню Костылина, что он ел, он сказал: котлеты, а выдавали вовсе гуляш.

— А мне понравилось, борщ был очень вкусный, — пробовала возражать Варя, но, увидев осуждение на всех лицах, сразу сдалась и покорно спросила, что ей нужно делать. Ей посоветовали прикрепить талоны в магазин, лучше в третий, это очень хороший магазин. Готовить можно здесь же, на кухне, они готовят в очередь, у них колхоз, пусть Варя присоединяется к их колхозу, будет очень весело.

— И вкусно, и свеженькое, и никогда всей карточки не съедаем — просто удивительно! — восторженно заявила кудрявая голубоглазая девушка. По всему было видно, что ей очень хотелось включить Варю в их колхоз.

Потом Варя спросила, почему в комнате такой беспорядок. Казалось, что комнату кто-то тщательно убирал, застлал кровати, расставил стулья, но потом чья-то злая рука все перекорежила по-своему — смяла подушки и одеяла, бросила кусок недоеденного хлеба на книгу, поставила раскрытую банку консервов перед общим зеркалом, рядом с пудреницей и одеколоном.

Моросовская, не поднимая головы с подушки, равнодушно сказала:

— Сам комендант Гурко назвал нас неряхами, и то не подействовало. Наши девушки просто не успевают следить за собой, они вечно заняты. Кроме того, к ним приходят приятели, милые мальчишки, не спорю, но мало способные поддерживать чистоту. От смущения они вертят вещи в руках, кладут их куда попало, иногда кидаются помогать в уборке и тогда, конечно, производят особенную неразбериху.

Пока утюг нагревался, Зина молча поправила подушки, проворно вытащила мыло из хлебной тумбочки, убрала банку консервов, потом подошла к Варе, помогла ей разложить постель и возвратилась к утюгу. С утюгом она управлялась умело и ловко — через полчаса перед Варей была целая стопка отлично выглаженных вещей.

Девушки потихоньку разбрелись по своим комнатам. Остались только Варины соседки — Зина и Моросовская, но вскоре ушла и Зина. Варя разделась, легла. Чуть погода Моросовская потушила свет.

— Спи, Варя, — сказала она. — Зина возвратится поздно, шуметь не будет — к этому я ее все-таки приучила.

Варя лежала в темноте с открытыми глазами и ожидала сна, но сон не приходил. Это было странное ощущение — она лежала на мягкой постели, было чисто и тепло, именно о таком отдыхе она мечтала долгие недели эвакуации, почему же ей не спится? Она видела в темноте исполинские просторы Каралака, угрюмые берега Пинежа, костер, мокрый снег, гасивший неясный, скупой жар, страшное лицо Жукова, добрую, легкомысленную улыбку Непомнящего и другое лицо — то угрюмое, то насмешливое. Она не понимала, почему это лицо вспоминается ей чаще других. За время войны, в эвакуации она встречала сотни людей, среди них были плохие и хорошие, старые и молодые — некоторые ухаживали за ней. Но стоило им уйти, и они исчезали из ее памяти. Этого человека она встретила вчера на берегу. Первые два часа они и словом не обмолвились, потом он помог ей на трапе, потом усадил на платформу и заботливо защищал своей спиной от ветра. Вот и все. Рядом с ним были десятки других людей. Но вспоминался он, а не они, они только вспыхивали в памяти и исчезали, а он оставался. И она уже знала, что не может заснуть оттого, что его лицо неотступно стоит перед ней в темноте. Она зажмурила глаза, но лицо не ушло, не растаяло. Горечь охватила ее. Нет, она не просила, она не сказала ни слова, он сам крикнул ей, что придет вечером после заседания. Вот уж ночь на дворе, все заседания давно кончились, а он не пришел. Непомнящий ничего не обещал, но достал билеты в кино, встретил ее в столовой, водил по городу и был такой милый и добрый, хотя ей это совсем ни к чему. Ну и пусть, меньше всего она печалится о тех, кто о ней не думает, сейчас она уснет, а завтра все это вылетит у нее из головы; она просто была очень одинока в дороге, очень измучилась, вот ей и захотелось доброго слова, участия... Завтра — хозяйственные хлопоты, новая работа, новые люди, вот и хорошо! Точка, точка. Спи, глупая! И оттого, что она была и в самом деле очень измучена дорогой, Варя не удержалась от тихих слез. Так со слезами на щеках она и уснула.

Утром она встала поздно, убрала постель и пошла в столовую. Там уже никого не было. Официантки подали ей пшеничную кашу и холодный чай. Она поела и вернулась домой. В комнате уборщица мыла пол. Варя спросила:

— Скажите, ко мне никто не приходил?

— Приходил, приходил, — проговорила уборщица, выжимая тряпку. — Очень интересовался, спрашивал, не нужно ли чего, обещался прийти.

У Вари горели щеки, но она спросила равнодушно:

— Кто же это был, не знаете?

— А комендант Гурко, кто же еще? — удивилась уборщица.

Варя стала прикидывать, куда ей надо идти. Выходило, что прежде всего в отдел кадров, а там принимали только во вторую половину дня. Варя послонялась по комнате, не зная, куда девать себя. Она взяла со стола старую газету, попыталась читать, но из этого ничего не вышло.

В начале второго пришла Моросовская — у нее был обеденный перерыв. Она ласково кивнула Варе и наскоро похлебала холодного супу.

— Выспались? — спросила она. — Ну, как вам нравится Ленинск при дневном свете? Правда, препротивнейший городишко? Одно хорошо — ужасы войны здесь чувствуются меньше, чем в любом другом месте.

Она говорила лениво, нехотя и словно желая показать, что ее самое очень мало интересуют и Ленинск, и ужасы войны, и даже то, что их здесь нет.

Варя тихо сказала:

— Нет, городок как городок, мне он даже понравился. — Потом спросила: — Почему вы не разогрели еду, Ирина?

Лицо Моросовской выразило отвращение.

— Что вы, Варя, возиться с примусом или разжигать печку на кухне! Мой маникюр мне дороже. На будущий месяц я непременно прикреплюсь к столовой. Вам тоже не советую подражать девчонкам, зачем вам эта готовка? Должна вам сказать, эта детвора временами меня раздражает, хотя все они вообще славный народ. Очень беспокойное хозяйство. Впрочем, в других комнатах еще хуже: вечные крики, хохот, визг, особенно когда приходят их парни. Потом этот беспорядок. Признаюсь, я не очень люблю строго следить за чистотой, тратить на это время просто смешно. Но еще менее я люблю нарушать чистоту. И то и другое очень хлопотно. Все это страшно осложняет существование. Я давно мечтаю переселиться в двойной номер и чтоб моей соседкой была такая, как вы, — спокойная, вежливая девушка моего возраста. Вам двадцать три? Я на год старше.

Моросовская бросила в угол папиросу и потянулась.

— Спала восемь часов и еще хочу, — сказала она, зевая. — Здесь, на Севере, у многих развивается что-то вроде сонной болезни — говорят, это первый признак начинающейся цынги. Я вижу, вы смотрите на меня с укоризной: вот, мол, какая ко всему равнодушная — не спорьте, не спорьте, я вижу, у вас лицо такое, на нем можно читать все ваши мысли. А я вам скажу так: я не люблю бесцельных действий и переживаний. Наши девчата при каждой вести с фронта готовы визжать, плакать, сходить с ума, вот как вчера после вашего рассказа. А что изменяется на фронте от всех этих переживаний? Ровным счетом ничего. Поверьте, если бы моя кровь могла принести нашим войскам победу, я бы пришла и сказала: берите ее, всю берите, каплю за каплей, не бойтесь сделать мне больно, так надо. Но раз моя кровь неспособна это совершить, зачем я буду ее понапрасну портить? Зина, например, готова спорить до утра и обсуждать каждую новость, переданную по радио, хотя она ничего в этих делах не понимает, а потом на работе она сонная, и все у нее валится из рук, она сама признается, что как-то уснула за столом. Это мне просто противно. Вот я лаборантка, и если бы мне сказали, что я наврала в анализах, я бы целую ночь промучилась, я бы о таком упреке забыть не могла. От меня требуется: хорошо работай! Я и стараюсь всеми силами работать лучше, а терзать себя пустяками я не хочу. Девушки этого не понимают и считают меня черствой. Но я от этого тоже не расстраиваюсь.

Она посмотрела на часы и встала.

— Без четверти два, пора на работу.

Варя лежала на кровати и думала о словах Ирины. Они казались умными и справедливыми, но было в них что-то неуловимо отталкивающее. Варя пыталась понять, что ей не по душе в Ирине, она слово за словом вспоминала все, что та говорила, вспомнила, как сердито смотрела на Моросовскую Зина. По всему было видно, что девушки живут недружно. Варя взглянула на часы — слава богу, пора идти! Она надела пальто, и в эту минуту дверь распахнулась, и в комнату вошел Седюк.

— Здравствуйте, товарищ начальник лаборатории, — сказал он весело. — Очень рад, что застал вас. Идемте, вы мне нужны.

И, взяв ее под руку, заглядывая ей в глаза, сказал ласково и виновато:

— Вы очень сердились, что я не пришел ни вчера вечером, ни сегодня утром? Знаете, я свинья — забыл, что обещал зайти. Все утро сегодня знал: что-то очень важное нужно сделать — и не мог вспомнить что. Только в отделе кадров увидел вашу фамилию, сразу все вспомнил и поспешил к вам. Нет, серьезно, вы сердитесь на меня?

12

Эти слова обрадовали ее и взволновали. Она вдруг поняла, что не только была огорчена и обижена, но что и сам он хорошо знал, что она огорчится и обидится, потому так горячо ругал себя. И сразу все стало другим. От его слов, взгляда, от его ласкового голоса исходило такое дружеское участие, что все в ней потеплело, и она сказала, поднимая на него оживленные, засиявшие глаза:

— Нет, что вы, я поняла, что вы заняты.

Он вел ее по улице, не объясняя, куда ведет, а она не спрашивала — это было неважно в сравнении с тем, что они шли рядом. Он рассказывал ей о вчерашней поездке на площадку медеплавильного завода и о сегодняшних спорах в проектно-отделе. Она добросовестно старалась вникнуть и в разговор Дебрева с Лесиным и в доводы Караматина, но ее отвлекала разительная перемена, происшедшая с Седюком: чисто выбритый, отдохнувший, он казался помолодевшим и совсем не походил на того заросшего рыжей щетиной человека, который обо всем говорил с горькой иронией. И она поняла, что сомнения его рассеялись и пришло то, о чем он мечтал и чего боялся не найти: нужная работа. Она радовалась его радости, и рядом с этой радостью ее собственные страхи и опасения показались ей маленькими и далекими. Потом она услышала, что он говорит о ней.

— Вы теперь заведующая центральной лабораторией медного завода, — рассказывал Седюк. — Так решил Назаров еще до нашего приезда в Ленинск. Я, разумеется, не протестую. А поскольку ни лаборатории, ни завода нет, я определяю вас в опытный цех инженером-химиком. Там же будут проходить практику ваши будущие лаборанты. Это девчата из таежных сибирских сел, сейчас они, наверное, еще не могут отличить электрический уют от аналитических весов, но это уже ваше дело обучить их премудрости анализов.

Варя проговорила, краснея:

— Я сама все позабыла из аналитической практики, Михаил Тарасович, мне нужно будет почитать руководства.

— Почитайте — времени у вас хватит.

— А кем вы будете?

— Вашим непосредственным начальником — будьте почтительны и трепещите, я строг с подчиненными.

Она отвечала смехом на его смех. Потом спросила:

— Куда вы ведете меня?

Он ответил таинственно:

— А вот увидите!

Они миновали последний дом поселка и вышли в тундру. Присев на мшистый валун, они осмотрелись. Теперь было ясно видно, что Ленинск занимал крайний западный угол небольшой долинки; со всех сторон ее обступили горы. Северные и восточные вершины были высоки и покрыты снегом, их белые шапки поднимались над рыжевато-бурой тундрой.

— Шире распахните глаза, Варя, — сказал Седюк, — вы находитесь на одной из самых замечательных географических точек земного шара: здесь, в нескольких километрах от нас, проходит граница между тундрой и лесотундрой.

Со своего высокого места они ясно видели и опытный цех — он был выстроен недалеко от железной дороги, на плоской подошве горы Граничной. В стороне от главного здания поднималась железная труба; из ее конусообразного раструба клубами извергался густой белый дым. К опытному цеху вела широкая прунтовая дорога, хорошо укатанная автомашинами. Огибая лесистые холмы и озерки, она выходила к железнодорожному полотну, протягивалась вдоль него, затем снова исчезала в лесу. Седюк показал на узкую тропинку, пропадавшую в леске неподалеку от того места, где они сидели:

— Давайте пойдем по ней.

Они пошли по тропинке, и скоро их со всех сторон обступил лес. На пути им то и дело попадались каменные бугры, болотистые поляны, озерки, покрытые, словно ковром, упавшими листьями. В одно из них Седюк едва не провалился — он ступил на кучу прелых листьев, листья с влажным плеском ушли вниз, и проступила чистая, черная от глубины вода. Варя, вскрикнув, схватила Седюка за рукав, но он сам успел широким прыжком в сторону уйти от опасного бучила. Он отломил ветвь лиственницы и сунул ее в яму — двухметровая ветвь уходила вниз, не доставая дна.

— Какая глубина у этой ямки, не правда ли, забавно? — сказал он, взглядывая на Варю быстрыми довольными глазами. Он вдруг встал на колени, припал ртом к прелым листьям и долго пил воду. — Очень вкусная, — проговорил он, вставая и отряхиваясь, — холодная и чистая! Попейте, Варя, полярной водицы!

На вершинах холмов росла лиственница. Лиственничную чащу порезали тонкие стволы берез, на южных склонах густо росла кустарниковая ольха и ель. Низкие берега темных быстрых ручьев населял глухой тальник и ива. Временами со склонов Граничной налетал ветер, и деревья раскачивались и шумели — быстрый захлебывающийся говорок берез покрывался тонким шумом елей и свистящим голосом лиственниц. По всему лесу плыл пряный, пьянящий запах травы, березового корья и палых листьев. Седюк и Варя с наслаждением вдыхали этот запах и вслушивались в лесные шумы. Листья шуршали и звенели под ногой. Вдруг сквозь острые копы лиственниц вдали проступила цепочка холмов, они сияли ярким, розовато-красным, нежным сиянием. Со стороны казалось, будто не холмы поднимаются над деревьями, а розовое пламя вздымается от земли и, застывая, повисает на ветвях и в воздухе.

— Это кипрей! — воскликнул Седюк. — Подойдемте поближе, Варя!

Они пробрались сквозь заросли к холмам. Высокие розовато-красные гроздья кипрея густо покрывали землю, затмевая своим сиянием зелень листьев, черноту дерна. Глазам становилось больно от этого густого, напряженного свечения. Варя присела, сминая тяжелые стебли кипрея, — стебли были так высоки, что Варя пропала в траве и только голова ее поднималась над цветущими гроздьями. Седюк невольно залюбовался ею — казалось, будто она вырастает из кипрея, как сам кипрей из земли. Он словно впервые увидел ее густые пепельно-золотые волосы, нежную кожу лица и светлые, почти зеленые глаза — в них отражались красные огоньки кипрея. Варя перехватила этот взгляд, поняла его и густо покраснела. Она вскочила с земли и воскликнула, протягивая вперед руку, взволнованная, счастливая:

— Какой лес красивый, Михаил Тарасович, посмотрите на лес!

Лес шумел вокруг них желтеющими светлыми лиственницами, сквозь яркую желтизну их хвои прорывалось пламя красной березы, темно-бурые цвета ольхи. И изредка в этом пестром сиянии праздничных, нарядных красок проступала строгая, темная зелень елей. Седюк сказал со вздохом:

— Хорошо, очень хорошо, Варя, однако пора, пойдемте.

Они шли в молчании, и молчание это было легкое, полное согласия и дружелюбия. Уже подходя к опытному цеху, Седюк неожиданно сказал Варю:

— А знаете, что странного в этом лесе? Я вот шел и думал и только сейчас понял. Нет птичьих голосов. Непривычно это, правда?

13

В опытном цехе, в просторном помещении, занимавшем, вероятно, не меньше половины здания, стояла небольшая шахтная печь, похожая на вагранку, и электропечь с трансформатором. Обе печи работали. В электропечи был вставлен графитовый тигель, наполненный расплавленным металлом с волнующейся, пузырящейся поверхностью. Около печи ходил человек с длинными волосами, в телогрейке и измерял при помощи оптического пирометра температуру металла в тигле. Он наводил трубку пирометра на поверхность металла, крутил реостат и громко кричал: «Измеряй!» В стороне, прямо на земле, лежал измерительный прибор, соединенный с трубкой двумя проводами. Юноша лет восемнадцати, удобно сидевший на ящике из-под консервов, всматривался в шкалу прибора и кричал в ответ:

— Тысяча сто двадцать пять градусов! Тысяча сто двадцать! Тысяча сто пятнадцать!

— Довольно, Леша! — закричал пирометрист и, отложив в сторону пирометр, схватил клещи, ловким, четким движением вытащил тигель из печи и наклонил его над стоящей рядом изложницей.

Тяжелая струя расплавленного металла, рассыпая искры, полилась в смазанную глиной изложницу. Пирометрист, широко расставив ноги, пристально вглядывался в темнеющую поверхность металла, не смущаясь тем, что от изложницы шел жар, обжигавший кожу.

— Простите, кто тут Киреев? — спросил Седюк.

— Я Киреев, — ответил пирометрист, не поворачивая головы.

Седюк сдержанно сказал ему в спину:

— Мне хотелось бы с вами поговорить, товарищ Киреев.

— Пожалуйста, говорите! — равнодушно ответил Киреев, еще внимательнее всматриваясь в поверхность металла. Он даже стал на одно колено и постучал щепкой по раскаленной, но уже потемневшей поверхности. Щепка сразу же ярко вспыхнула.

Седюк рассмеялся. Киреев поднял голову и удивленно посмотрел на него, потом встал и тоже засмеялся. У него было молодое веселое лицо с крупными складками и характерным для упрямого человека широким подбородком.

— Заработался, — сказал он, но в голосе его слышалось скорее удовольствие, чем извинение. — Прошу ко мне в кабинет.

Киреев провел Седюка и Варю в маленькую комнату и усадил на диване, наполовину заваленном книгами. Седюк представился:

— Главный инженер медеплавильного.

— Слышал о вашем приезде, — ответил Киреев. — Ну и что же?

— Хочу с вами кооперироваться, — сказал Седюк. — Я ознакомился с проектным заданием и вижу, что местные руды имеют весьма своеобразный состав. Обычная технология, применяемая на других наших заводах, здесь не во всем подходит. Я бы хотел, чтобы ваш цех занялся исследованием неясных вопросов. Нас интересуют проблемы обогащения, сушки плавки, продувки штейна и электролиза.

Киреев язвительно улыбнулся.

— Иначе говоря, вас интересуют все вопросы металлургии, начиная с начальной стадии переработки руд и кончая выпуском готовой продукции. К вашему сведению, товарищ Седюк, этими вопросами занимается

Московский институт цветных металлов. Они еще до войны что-то там производили, отчет писали. Весной мы подбросили им еще тонну нашей руды, только они ничего с ней не делают — запряжены. Вот немного освободятся, пустят ее в переработку в своих тигельках и стаканчиках, потом напишут второй отчет, а мы его прочтем.

Седюк спокойно возразил:

— Мне нужно, чтоб плавильные не килограммы, а тонны, плавильные у меня под боком, чтоб я сам мог заглянуть в печи и видеть, как там идет дело. Московские ученые проделали нужную работу, но она недостаточна. Я предлагаю поставить в вашем цехе обширные полузаводские испытания того процесса, который мы будем внедрять на большом заводе.

Лицо Киреева покраснело, складки на щеках стали глубже. Он положил руки на стол и недружелюбно взглянул на собеседника.

— Вот что, дорогой товарищ Седюк, — сказал он, даже не стараясь сдерживать свое раздражение, — я думаю, наш разговор беспредметен. Я не смогу выполнить вашу просьбу по четырем основным причинам: у меня нет денег для проведения новых исследовательских работ, нет помещения, нет оборудования и нет людей. Пока хоть одна из этих причин остается в силе, я ничего сделать не могу, если даже захочу, а я пока не хочу.

— Всего, таким образом, включая ваше нежелание, пять причин, — усмехнулся Седюк. — Что же, все причины веские. Вы знаете, аналогичный разговор был у Наполеона с бургомистром какого-то немецкого городка. Наполеона не встретили в этом городке традиционным пушечным салютом, и он вызвал бургомистра для объяснений. «Ваше величество, всего имеется двадцать две причины, почему мы не могли салютовать», — сказал бургомистр с немецкой педантичностью. «Начните по порядку, я слушаю». — «Первая причина: у нас нет ни одной пушки». «Довольно! — прервал Наполеон. — Остальные двадцать одна причина меня не интересуют». С вами легче, товарищ Киреев, пять, несомненно, меньше, чем двадцать две.

— Пять или двадцать две, но они есть, — сухо бросил Киреев.

— Нет, они отменяются. Я даю вам деньги, помещение, оборудование, людей, а свое нежелание снимите сами.

Киреев удивленно поднял брови. Седюк пояснил:

— У нас по смете завода есть около двадцати миллионов, предназначенных для изучения неясных вопросов технологии. Я думаю, значительную долю этих двадцати миллионов мы можем направить в опытный цех. Что касается людей, то и они будут — некоторые из них уже находятся в Ленинске, а большая часть дня через три прибудет пароходом «Иван Сусанин». Это металлурги, электрохимии, электрики, механики — народ самый разнообразный, технический костяк будущего медеплавильного завода. Часть этих людей — металлурги и химики — будет направлена к вам.

Киреев слушал с интересом.

— А сколько их? — спросил он. — Вы ведь представляете, людей нужно много и высокой квалификации. Сейчас у меня в цехе семь инженеров, а ваша тема потребует не менее пяти инженеров и человек двадцать персонала менее квалифицированного.

— Всего мы направим к вам человек семьдесят, из них не менее двадцати инженеров, — спокойно сказал Седюк.

Киреев изумился:

— Позвольте, а кто же будет оплачивать такую армию?

— Я же сказал — медный завод. На зарплату этих людей уйдет незначительная доля наших двадцати миллионов.

— Ну хорошо, деньги и люди ясны, — педантически сказал Киреев. — А помещение и оборудование?

— Правильно, помещение ваше для наших исследований не приспособлено. Мой проект таков — мы снимаем часть рабочей силы с площадки медного, там все равно дело сейчас не в людях, а в организации работ. Вам в самом срочном порядке пристраивают каменную коробку и размещают в ней оборудование. Часть оборудования возьмем из того, что было на медеплавильный, часть, самые простые агрегаты, изготовим в Ленинске. И недели через три, самое большое — через месяц, вы сможете приступить к делу. Ну вот, четырех причин нет, о пятой можно не говорить, не так ли?

Но у Киреева в самом деле был тяжелый характер. Он, нехотя соглашаясь, ворчливо сказал:

— Предложение серьезное, можно подумать. — И, помолчав, спросил: — Скажите, а то оборудование, которое вы не заберете на завод после окончания работ, останется нам?

— Безусловно.

Киреев думал, лицо его понемногу светлело, складки на щеках разглаживались. Он довольно мотнул головой.

— Что же, от такого предложения, пожалуй, не стоит отказываться. Нам расширяют цех без всяких затрат с нашей стороны, ставят дополнительное оборудование, дают людей, оплачивают все расходы — ничего не скажешь, солидно! Так можно работать. А теперь скажите, это ваш личный план или все вопросы уже согласованы с руководством комбината?

— Пока мой личный план. Я даже с Назаровым еще не беседовал, хотел раньше знать ваше мнение.

Киреев не скрыл разочарования.

— Тогда, боюсь, весь наш разговор ни к чему. Никто не пойдет на такой рискованный план. Вы, товарищ Седюк, еще не знаете инерции местных работников, особенно строителей.

— Делайте проект пристройки сегодня же. Остальное я беру на себя. Я сегодня же поговорю с Дебревым и Сильченко и ручаюсь вам, что получу их согласие. А сейчас я найду к Газарину, он, кажется, у вас работает?

— У нас Владимир Леонардович сидит в угловой комнате, там у него лаборатория по электростатическому обогащению углей, это его последняя работа. Все теперь?

— Еще минутку. Завтра я начну направлять к вам работников медного. Придет металлург Романов, Непомнящий — это, кажется, электрик, точно не знаю. Вы сразу определяйте их в дело. А вот и первая ласточка — Варвара Петровна Кольцова, заведующая нашей будущей лабораторией. Ей бы нужно ознакомиться с методикой и практикой производства интересующих нас анализом.

— Это можно. Я проведу вас к руководителю химической лаборатории. У нас вам, конечно, придется работать дежурным химиком, а не начальником.

— Это ничего, я согласна, — поспешно сказала Варя.

Газарин был человек огромного роста, широколобый, голубоглазый. Склонившись над стендом, он пристально рассматривал, как сквозь стеклянные трубки и камеры проносился подаваемый вентилятором угольный порошок. Седюк догадался, что установка с трубками и камерами, смонтированная на стенде, — электрический сепаратор.

— Знакомьтесь, — сказал Киреев. — Кандидат технических наук Газарин, главный инженер медеплавильного завода Седюк. Как дела, Владимир Леонардович?

— Неплохо, — ответил Газарин, взглянув на Седюка и жестом показав на стоявший в стороне стул. — Зольность понижается с тридцати одного до одиннадцати процентов. Но вместе с хвостами увлекается много угля. Метод придется основательно дорабатывать.

«Ага! — подумал Седюк. — Вот еще одна неприятная проблема технологического процесса: угля будет вдвухаться в печь очень много, зола забьет газоходы, уменьшится проплав — следовательно, завод будет давать меньше меди. В проекте об этой зольности угля сказано очень глухо, почти совсем не сказано, а ведь каждый лишний процент золы в угле — это тонны недоданной меди». Он вдруг понял, что разговаривать с Газариным ему будет легко. Такой человек не мог сказать просто «нет», он поймет все, что тревожит Седюка, и поможет ему. Киреев с Варей ушли, но Седюк даже не заметил этого.

— Мы вчера с Дебreyвым были на площадке завода, — сказал он. — На одном участке осмотрели электропрогрев, осуществляемый, кажется, по вашему проекту. Малоэффективное занятие.

— Малоэффективное, — с неожиданным удовольствием согласился Газарин. — Я это предвидел еще до того, как мы его начали.

Схватив кусок бумаги, Газарин стал набрасывать схему электропрогрева. Он ругал свою работу с таким жаром и увлечением, будто восхвалял ее достоинства: да, да, Седюк совершенно прав, по существу они работают на прогрев воздуха, а не почвы.

— А разве нельзя загнать ток в глубину? — спросил Седюк.

— К сожалению, нельзя, — ответил Газарин. Он оторвался от карандаша и откинулся на спинку стула. — Эта штука установлена еще Фарадеем. Электричество любит концентрироваться на поверхности. Можно бы, конечно, электрод сверху покрывать изолирующей краской, а распространять ток при помощи его конца, но ведь и сопротивление электрода в земле возрастет при уменьшении его рабочей поверхности. Нет, ничего тут не сделаешь. Рекомендую огневое паление — костры. Отлично оправдывает себя.

— Да, при рытье котлованов, — с досадой сказал Седюк. — Там они себя оправдают. Пропарил узкий пяточок земли, раскайлил ее, снова жги костер. При рытье котлованов мы будем применять костры. А тут речь идет о планировке площадки. Нужно отрыть не десятки кубометров, не пяточки, а целую гору. Единственный выход — пустить экскаваторы, отогретую мерзлоту экскаватор берет хорошо. Но он должен иметь фронт работы в два-три десятка метров и не тонкий блин прогрева, а слой метра в два. Вот на эти два метра мы и должны прогреть мерзлоту.

— Ни огневое паление, ни электропрогрев такой глубины не дадут.

— До сих пор не давали. Я именно затем и пришел к вам, чтоб выяснить возможность глубинного электропрогрева.

— Видите ли, — сказал Газарин рассудительно, — в литературе, во всяком случае в той, что мне известна, — я читаю на двух иностранных языках — ничего похожего на то, что вы требуете, не описано.

— Владимир Леонардович, если бы уже были известны схемы и практика эффективного электропрогрева, я не обратился бы к вам. Книгу всегда можно достать и прочесть. Я пришел к вам потому, что ничего нет, а нужно, чтобы было.

— Иначе говоря, вы хотите, чтобы я разработал новый метод электропрогрева мерзлых грунтов, — задумчиво сказал Газарин. — Подумать, конечно, можно. Только ведь это все страшно трудно.

— А кому сейчас легко? — возразил Седюк. — Там, в Москве, разве не знают, что нам трудно? Знают, но приказывают: делай! Это значит, что на нашу медь рассчитывают, планируя сражения 1943 года. Мы должны сделать все, чтоб не сорвать этого расчета.

— Подумать можно, — повторил Газарин, видимо, не слушая Седюка и рассеянно глядя на сепаратор. — Задание ваше не только важно, но и само по себе весьма интересно. Я, собственно, уже давно хотел поработать над этим, но все отвлекали другие, более срочные проблемы. Только не знаю, не знаю, получится ли что. А думать буду. Как вам позвонить в случае чего?

— Днем меня найти трудно, я много хожу. Дома у меня телефон 3-14, звоните ночью. Не стесняйтесь будить меня. Лучше мне услышать наяву хоть намек на удачное решение, чем спать и видеть во сне, что ничего не выходит.

— Ночью мне даже удобнее, я сам работаю ночами — никто не мешает. До свидания, товарищ Седюк.

— До свидания, Владимир Леонардович.

В соседней комнате Седюк натолкнулся на Киреева. Киреев, горячась и хлопая рукой по бумагам, доказывал что-то невысокому лысому человеку; тот не отвечал на доводы Киреева, только смотрел на него поверх очков. Увидев Седюка, Киреев сказал:

— Вам минут десять назад звонила какая-то девушка, товарищ Седюк. Я сказал, что вы очень заняты. Она скоро еще позвонит.

— Очень хорошо. Но, к сожалению, мне нужно сейчас же идти в проектный и по начальству. Если вас не затруднит, так и передайте этой таинственной девушке.

— Передам, ладно.

Седюк прошел в аналитическую лабораторию за Варей. Варя сидела у стола и разговаривала с пожилой женщиной. Она представила ее: ведущая лабораторией Надежда Феокистовна Бахлова. Бахлова молча подала руку и так хмуро посмотрела на Седюка, словно он чем-то жестоко ее обидел. Седюк учтиво и весело осведомился:

— Ну, как вам нравится ваша новая помощница?

Бахлова ответила ворчливо:

— А никак пока не нравится — не рассмотрела. Вот пусть завтра приходит с утра, как все, получает халат и станет к плите — тогда и посмотрим, что за работница.

— Пойдемте, Варя, — сказал Седюк. Выйдя из цеха, он со смехом проговорил: — Ну и компания у них здесь собралась. У Киреева характера на трех тяжелых человек хватит, а эта Бахлова, пожалуй, почище его будет. Ключу ей в руку, и больше ничего не требуется — баба-яга, и только!

— Она меня просто испугала, — пожаловалась Варя. — С ней страшно работать, лаборантка что-то напутала — она так на нее закричала! Боюсь, и мне достанется.

Не сговариваясь, они от широкой автомобильной дороги повернули влево, на старую тропинку. Дойдя до холма, они молча остановились. Небо темнело, и лес засыпал. Только плеск и мерное бормотание блестящего черным, глубоким блеском ручья нарушали тишину леса. От земли поднимался тонкий, горьковатый запах брусники. Седюк повернулся к Варе и указал рукой на опытный цех.

— Я вот все думаю, что мы тоже, как там, под Сталинградом, занимаем исходные рубежи перед большим сражением. Но сколько надо работать, чтобы не стыдно было глядеть в глаза тем, кто сейчас под огнем! Ни на минуту не могу о них забыть...

Придя в управление, Седюк направился к Сильченко — он помнил, что тот просил его сегодня зайти. Но в коридоре, перед самым кабинетом, его перехватила красивая девушка, которую он заметил вчера. Сейчас лицо ее было скорее сердито, чем радостно. Она сказала укоризненно:

— Вы самый неуловимый человек в Ленинске, Михаил Тарасович. Вчера вас оккупировал Дебрев, домой к полуночи вы не вернулись, утром ушли в восемь и нигде не задерживались, так что я всюду попадала через полчаса после вашего ухода. — Она закончила решительно: — Теперь я вас останавливаю на полчаса, мне очень нужно с вами поговорить.

— Вряд ли это вам удастся, — весело возразил Седюк, с удовольствием глядя на девушку. — Должен вас огорчить — Сильченко назначил мне прием, я не могу задержаться ни на минуту.

Девушка воскликнула, облегченно вздохнув:

— Это очень хорошо! У Сильченко сейчас совещание со строителями. — Отступив назад, она открыла дверь в приемную начальника комбината: — Вот можете сами убедиться, я не вру.

В приемной было полно народу. Из соседней комнаты вышел Григорьев, он кивнул Седюку, подтвердил, что у Сильченко совещание, и, посмотрев на часы, предложил прийти минут через сорок. Седюк вышел в коридор.

— Что же, деваться мне некуда, вы правы, — признался он. — Итак, поговорим...

Он прислонился спиной к стене и выжидающе посмотрел на девушку.

— Прежде всего нам нужно познакомиться, — сказала она, — я вас знаю, а вы меня, конечно, не помните.

— Вы ошибаетесь, я вас хорошо знаю. — И он весело перечислял: -- Вы Лидия Семеновна Караматина, дочь начальника проектантов Караматина, своей квартиры у вас нет, вы живете у Дебрева. За вами ухаживает Янсон, один человек считает вас самой красивой девушкой в Ленинске, другой утверждает, что вы и в Москве были самой красивой и что взгляд ваших глаз слабого человека попросту убивает. Как вам нравятся мои сведения — не правда ли, обширные?

— Ах, как это все глупо! — воскликнула она, и лицо ее выразило гнев, почти отвращение.

«А, да ты с характером!» — подумал Седюк с удовольствием и приготовился к новой атаке. Но девушка сдержалась и сказала с легким упрямством:

— Я хочу с вами говорить об очень, очень важных вещах, а вы все сводите к пустякам. Неужели и вы не можете думать ни о чем другом, только о лице и глазках?

— Могу, — сказал он серьезно.

Видимо, она не поверила в искренность его ответа, и голос ее, когда она заговорила, был сух, а взгляд устремлен в сторону.

— Дело в том, что я заведую нашим учебным комбинатом, — сказала она. — Мы готовим на курсах квалифицированных рабочих всех специальностей — для ТЭЦ, рудников, вашего завода. Всего у нас четыреста человек, и среди них пятнадцать юношей и девушек из Ананасан и Саха — это местные племена. Они приехали к нам по путевкам окружкома партии, приехали на своих санях, со своими оленями, издалека — из лесотундры, с озера Лама, с берегов Ледовитого океана. Если бы вы знали, как они рвались сюда, как были счастливы, когда им выдали эти путевки, ведь они ни разу в жизни не видели города, каменного дома, автомобиля. Они совсем не понимали, что их ожидает в новой жизни, ну вот, например, все они захватили с собой ножи на случай, если им придется в Ленинске обороняться от волков, один паренек привез одноместную лодку, чтобы переплывать улицу. Мы открыли для них интернат, там они на всем готовом, хорошо питаются, спят на чистых постелях.

— Все это очень интересно, но я-то при чем? — проговорил Седюк в недоумении.

— Ну как же? — воскликнула она горячо. — Отдел кадров числит их за медеплавильным заводом, деньги на их содержание тоже выплачивает завод. А у нас такое правило — все ученики четыре часа работают, четыре

часа учатся. И вот им дали работу — землекопами на площадке медеплавильного. Вы понимаете? Они никогда не брали лопаты, сроду не копали земли, боятся ее даже трогать, а их — землекопами! Я ходила к Назарову, он и слушать ничего не хочет: «Есть решение — всю молодежь на планировку площадки, вот и выполняйте его, нганасаны такие же советские граждане, как и другие!»

— А разве они другие? — спросил Седюк, пожимая плечами. — Ну хорошо, никогда не копали — сейчас будут копать. Что же тут такого?

— Да вы посмотрите на них, поговорите с ними, вникните в их привычки, и вы поймете, что земля не для них. Для кого угодно, но сейчас пока не для них. Это люди из глухих мест, из другого мира, из самых отдаленных, самых недоступных уголков Союза, советская культура стала проникать к ним только несколько лет назад, перед войной. Самому старшему из них девятнадцать лет, и половину своей жизни они прожили чуть ли не в каменном веке. Ну, вот послушайте. В общежитии кто-то из нас повернул выключатель. Когда вспыхнула лампочка, они с воплем кинулись бежать из комнаты. Яша Бетту с разбега выбросился из окна второго этажа, он потом целую неделю хромал. Весь вечер мы уговаривали их, объясняли — они немного понимают по-русски, — раз по десять включали и выключали свет. А потом они дня три играли — гасили и зажигали свет, и все хохотали от радости, что у них получается такое чудо, даже устроили танец около выключателя. А позавчера была такой случай. Семен Яптуне простудился на площадке, расчихался, температура у него повышенная, я ему дала кальцекс, оставила целый пакетик, чтоб он принял на ночь и утром. Вечером захожу в их комнату и вижу: Семен сидит на кровати, на груди у него на веревочке, как ладанка, висит пакетик кальцекса, а по комнате носится в танце Яша Бетту, весь увешанный погремушками, — алюминиевыми кружками, ножами, ложками, вилками, даже половую щетку нацепил на шею. Это он шаманил, отгонял злого духа, чтобы тот не мешал кальцексу подействовать. И все остальные сидят вокруг на кроватях, бьют в ладоши и что-то свое поют. А вы, как Назаров, говорите: такие же советские граждане! Им надо для начала дать работу полетче, ведь есть разные работы, почему сразу самое тяжелое? Вы знаете, как это все плохо на них действует? Най Тэниседо каждый день ходит проверять своих оленей на конбазу, третьего дня он сказал мне: «Убегу!» Я просила заведующего конбазой Норцова без моего ведома оленей им не давать, чтоб они тайком не уехали, но разве это выход из положения? Приобщить к нашей жизни целые племена, самые отсталые, почти первобытные племена нашей страны, — разве это не великое дело? И вот оно сорвется. Ведь это же ясно: если эти останутся, за ними приедут другие, а если они уйдут, никто больше не приедет. Мы сами своей черствостью, своим равнодушием толкаем их назад в каменный век, вот что меня возмущает!

Караматина смолкла, взглянула на Седюка и, убедившись, что он слушает ее внимательно, продолжала с новой горячностью:

— Не думайте, я не сидела сложа руки. Я прямо пошла к Сильченко. Он выслушал меня, согласился, что да, нехорошо получается, и позвонил Назарову — сделай, мол, а если невозможно. А Назаров во второй раз ответил мне, правда, очень вежливо: ничего не могу сделать, пусть немного поработают, а там что-нибудь придумаем. Знаю я это бюрократическое «там что-нибудь придумаем», ничего никто не будет придумывать, будет идти неделя за неделей, а они пока все разбегутся. Я тогда пошла к Дебреву, он только что приехал, он мне сказал: «Вот приезжает новый главный инженер медеплавильного, Седюк, думаю, с ним ты договоришься легко». Я так и решила — поговорю с вами, поспрощу у вас помощи, а если и вы отговоритесь пустой фразой, еще раз пойду к Сильченко или напишу в окружном партии.

— Значит, вы хотите, чтобы я ради ваших иганасан подрался с Назаровым? — задумчиво проговорил Седюк. — Знаете, Лидия Семеновна, меня со всех сторон одолевают разные просьбы и проблемы. Это просто фатально... Видимо, и в самом деле крупной ругани не избежать.

Она стояла настороженная, готовая страстно спорить и убеждать, если он откажется, и ответить радостной улыбкой и благодарностью, если он согласится.

— Хорошо, — сказал он, смеясь, — ходатайство ваше я принимаю, беру ваших пришельцев из каменного века под свою руку. У меня, кстати, и работа для них есть — пойдут в опытный цех, там, пожалуй, лучше всего им знакомиться с производством.

У нее даже голос дрогнул от радости.

— Спасибо, — сказала она, протягивая руку. Большие синие с темными ресницами глаза впервые прямо взглянули ему в лицо. В красивом низком голосе звучала признательность. Она крепко сжала его ладонь.

«Хороша, ничего не скажешь, не удивительно, что в тебя все тут влюбляются!» — подумал он насмешливо, обманывая себя этой насмешливостью: его взволновал и голос ее и крепкое, ласковое пожатие руки.

— Ну что же, — сказал он, встряхнувшись. — Дела, кажется, мы закончили.

Она спросила лукаво:

— Вас это огорчает?

Он нахмурился. Ему показалось, что она угадала его волнение. И так как это волнение было неприятно ему, он сказал сухо:

— Нет, меня это радует — мне ведь нужно к Сильченко. — И он сделал шаг к двери.

Она испугалась, что он уйдет.

— Вам рано, Михаил Тарасович, никто ведь не вышел с заседания. — Это было справедливо. Он остановился и вопросительно посмотрел на нее. Она ответила на его взгляд: — У меня к вам еще одно дело, я задержу вас совсем не надолго. Я уже сказала вам, что заведу учебным комбинатом, я по специальности педагог, вот и пришлось заняться.

— Хорошая специальность, — одобрил Седюк.

— Самая отвратительная специальность! — воскликнула Караматина. — Все хвалят педагогическую работу, но никто не хочет преподавать. Наши инженеры просто бегут от учебного комбината.

— Это не точно. Не все. Что до меня, например, то я не бегал.

Караматина испытующе смотрела на него:

— В самом деле, не бегали?

— Честное слово, — ответил Седюк.

Это была правда — он никогда не уклонялся от преподавания, так как никто никогда не просил его преподавать.

— В таком случае все в порядке! — радостно сказала Караматина и вытащила из кармана полушубка пачку исписанных бумаг. — Вот список будущих рабочих медеплавильного — все это молодежь из сибирских сел, на заводе они никогда не работали. Общие предметы они уже проходят, но по специальным нет преподавателей. А по электрохимии, электропечам, основам металлургии даже нет программ. Вы как главный инженер завода должны только утвердить эти программы, но я прошу вас их составить — кроме вас, этого никто не может сделать в Ленинске.

— Ну, знаете, я сейчас очень занят, — возразил он.

— А они совсем не заняты, — настаивала она. — И их сто шестьдесят человек — это ваши будущие рабочие, вы заинтересованы в том, чтобы они знали свое дело. Вот здесь тематический план. — Она сунула ему в руку отпечатанную на машинке бумажку. — Тут сказано, сколько часов отводится на каждый курс, недостающие программы отмечены галочками. Их немного, всего пять.

— И впрямь немного, — усмехнулся Седюк, пряча план. — Ну, хорошо, через недельку будут вам программы.

— Что вы! — испугалась Караматина. — Нужно сегодня, в крайнем случае — завтра.

— Ни сегодня, ни завтра не будет, — отрезал он. — Днем я занят, вечером еще больше занят, а ночью сплю.

Она согласилась:

— Спать вы должны. Но ведь это ваши люди, и они сидят без дела. — Глядя на него умоляюще, она дотронулась рукой до его плеча.

— Вы всегда применяете такие недозволенные приемы, как вот это умоляющее выражение? — спросил он грубо. — Сильно действующее средство — против этого и возражения сразу не подберешь.

— Значит, завтра? — сказала она деловито.

— Ну, завтра. Теперь, надеюсь, все?

Она улыбнулась.

— Нет, не все, Михаил Тарасович. Дело в том, что вам нужно не только составить программы, а и прочесть все дисциплины по этим программам.

Седюк громко расхохотался. Она несколько секунд крепилась, потом не выдержала и тоже засмеялась. Они стояли в самом конце коридора, смотрели друг на друга и, не говоря ни слова, хохотали.

— Толковая дипломатия! — сказал он, успокаиваясь. — Сначала вы обработали меня психологически, выжали признание, что я не боюсь педагогики, а потом запрягли в учителя. Ну и фрукт же вы, милая девушка!

— Согласна: фрукт! Но посудите сами: я заведую учебным комбинатом, все меня хвалят, все хлопают по плечу, а по-настоящему ни один не помогает, ни один! Всем подростку наплевать. Как тут быть, скажите?

— Ну ладно, преподаватели вам будут доставлены готовыми и в надежной упаковке. Не ручаюсь, что все специальные дисциплины стану вести я, но учитель по каждому предмету найдется. Это я вам обещаю. Ну, а сейчас все? — В голосе его звучало нетерпение.

— Дела все. Но теперь я снова спрошу вас: неужели вы так-таки меня не помните?

Удивленный, он покачал головой.

— А мы с вами разговаривали, — возразила она с упреком, — и не раз! Смешную историю про человека, всегда попадавшего впросак, я до сих пор помню — это вы мне ее рассказали!

И он вдруг припомнил высокую пожилую даму, приходившую в гости к его теще. Дама всегда приводила свою дочь — некрасивую худую девочку лет тринадцати, очень застенчивую и молчаливую. Нынешняя Караматина совсем не походила на ту некрасивую девочку.

— Да неужели это вы? — воскликнул он. — Та девочка была совсем маленькая. Нет, пожалуй, верно, ее тоже звали Лидой.

Караматина рассмеялась.

— Детишки подрастают, разве вы не знали? А я сразу подумала о вас, когда назвали вашу фамилию. И я знала, что вы инженер-металлург. С тех пор пршло восемь лет, но я помнила ваши рассказы и шутки — вы ведь тогда со мной всерьез не разговаривали.

— Я лет на десять старше, в том возрасте это была существенная разница, — сказал он, шутливо оправдываясь.

Они попытались вспомнить общих знакомых, но их оказалось очень мало. Она рассказала, что ее мать умерла шесть лет назад. Отец часто уезжал в длительные, по году, командировки, воспитывала ее тетка, строгая и недобрая женщина, жить с ней было трудно. Потом Лида спросила, как провел эти годы Седюк и где его жена. Он отвечал коротко и уклончиво, и она тотчас перестала спрашивать.

— Приходите к нам, Михаил Тарасович, — попросила она. — Как-никак, старые знакомые!

Он пробормотал, что непременно придет, как только разгрузится от неотложных дел, сейчас же придет, это будет через неделю, может быть, немного раньше.

Из кабинета Сильченко стали выходить люди — заседание кончилось.

Уходя в приемную, Седюк дружески кивнул головой Лиде. Она начертила рукой в воздухе восьмерку. Он понял, что это означает: завтра, восьмого сентября, программы должны быть готовы. Он засмеялся упорству, с каким она добивалась своего. «Вот тебе и старая знакомая, — думал он, входя к Сильченко, — как-никак, почти приятельница. И характер — своего всегда добьется! Как ловко она каждый раз укладывала тебя на обе лопатки. Шутить с ней по-старому уже не придется — опасно! Это ничего, что она пригласила, — ходить нужно пореже!»

Мысленно он перебирал весь разговор, снова улыбаясь ее настойчивости, ее горячности. Но то, что она знала его прежнюю жизнь, лежало у него на душе мутным, тяжелым осадком.

16

— Хотелось познакомиться с вами, — сказал Сильченко, собирая в папку разложенные на столе бумаги. — Кое-что о вас я знаю. Валентин Павлович, прилетев, хвалился, что добыл талантливого инженера. Вчера прибыло ваше личное дело — характеристика Дебрева как будто подтверждается. Ну, а сейчас меня больше всего интересует ваше мнение о ходе строительства медеплавильного. Если бы я не улетал завтра, я дал бы вам осмотреться, подумать. Но, к сожалению, времени на это нет.

— А как вы хотите, чтоб я говорил: то, что сейчас всем полагается говорить в связи с последним постановлением ГКО, или по совести? В первом случае я могу сказать: надо мобилизоваться, поднять производительность труда, навалиться всеми силами на площадку, и постановление будет выполнено.

Прикрыв ладонью глаза, Сильченко долго молчал.

— Говорите все, что думаете. Меня, повторяю, интересует ваше искреннее мнение, а не общие фразы, — сказал он наконец.

— Так вот: если не будет найдено новых методов работы, задание ГКО выполнить не сумеем. — Седюк пояснил: — Я говорю не о срыве срока на неделю или десять дней, это в конце концов пустяк с точки зрения государственной, нет, речь идет о самом настоящем провале: к маю месяцу не только не пустим завода — монтажа еще не начнем.

Сильченко встал и прошелся по кабинету. Он остановился перед окном и смотрел в него, сжав губы. Потом негромко спросил:

— Какой вы предлагаете выход?

Седюк пожал плечами. Он не предлагает никакого выхода. Он понимает — нет ничего легче, как раскритиковать чужую работу. Сказать, что здесь тупик, проще, чем вывести на настоящую дорогу. Однако очень важно понять, что на строительстве медеплавильного завода нет грамотного инженерного решения планировки, а во-вторых, варварская организация труда. Он считает, что принятый метод — оттаивание кострами и поверхностный прогрев — эффекта не дает. Конечно, так можно работать, но выполнить постановление ГКО так нельзя. Нужно пустить экскаваторы — вот единственное решение, а для этого необходимо прогревать землю на большую глубину.

Сильченко, не поворачиваясь от окна, заметил:

— Сегодня у нас с Валентином Павловичем было совещание, и мы решили обе наши угольные шахты почти полностью перевести на обслуживание прогрева. Придется посадить электростанцию на голодный паек.

Утром на площадке разожжен опытный костер длиной в пять метров, высотой в полтора. К пяти часам глубина прогрева достигла семи десятых метра. Как по-вашему, если мы всю площадку покроем такими гигантскими кострами, будет ли это тем инженерным решением, о котором вы говорите?

Этого Седюк не знал. Нужно сделать расчет, понять, сколько потребуется угля и смогут ли шахты выдать такое количество угля. Сильченко отошел от окна, сел в кресло и строго возразил:

— Угля будет столько, сколько потребуется. Надо будет — всех рабочих с площадок перебросим в шахты, объявим призыв среди партийцев и комсомольцев, самым высоким начальникам дадим в руки кайло.

— Что же, если огневое паление развернуть в таких гигантских масштабах, эффект окажется значительно бóльшим, — согласился Седюк. Он вспомнил, что Газарин настоятельно советовал именно огневое паление. — Теперь второй вопрос — организация труда. На площадке рабочая сила используется крайне непроизводительно.

Сильченко перебил Седюка:

— Об этом тоже сегодня говорили. Валентин Павлович просто кипел, вспоминая вашу вчерашнюю поездку. Думаю, тут мы примем самые жесткие меры. У вас все?

Седюк ответил — про себя он удивился, что Сильченко даже не захотел слушать его соображения об организации труда:

— У меня все. — И, видя, что Сильченко новых вопросов ему не задает, а сидит, прикрыв веки, словно обдумывая что-то или отдыхая, спросил: — А ваше мнение, Борис Викторович? Как по-вашему, есть возможность выполнить постановление ГКО?

Сильченко поднял веки — глаза у него были не сонные и не усталые, они смотрели жестко и строго. И ответил он неожиданно для Седюка прямо и резко:

— Я считаю, условий, чтобы выполнить постановление правительства, у нас нет. На медеплавильном люди работают по старинке, а по старинке работать нельзя, а на ТЭЦ и того хуже — там нашляпили с проектом и ничего не могут поделать со скалой. Не только к первому февраля, к первому мая не пустят станцию.

Эта суровая оценка поразила Седюка — впервые ему приходилось слышать, чтобы руководитель большого строительства так прямо сказал, что постановление правительства нереально. Еще несколько минут назад Седюк считал свое мнение смелым и открытым. Сейчас оно показалось ему маленьким и робким. Вместе с тем он удивленно подумал: «Неужели старик всегда так прямо бухает, что думает? Достаточно ему сказать это на совещании, просто поделиться с болтливым человеком, и у всех руки опустятся». Мгновенно пронеслась и другая мысль: «Узнают в Москве о его настроениях, головы ему не сносить, там требуют безусловного выполнения приказов, а не их критики».

Сильченко, видимо, догадался о мыслях Седюка. Он невесело улыбнулся и проговорил:

— Вас, конечно, удивляет, зачем я это так открыто говорю и нет ли здесь прямого осуждения решения ГКО?

Седюк ответил откровенно:

— Признаюсь, удивляет, Борис Викторович.

Сильченко снова встал и принялся ходить по кабинету. Лицо его было сумрачно.

— Вы думаете, когда ГКО принимал свое решение, там не знали, что условий для реализации этого решения у нас нет? — сказал он неторопливо. — Отлично знали, у них был мой доклад. Но они все-таки такое решение приняли. И они обеспечили все материальные условия для реализации этого решения — северным путем к нам идет караван с матери-

лами, много товаров и машин завезено на нашу материковую базу. Нам дали также и людей — рабочих, инженеров, ученых. Знаете ли вы, что, возможно, нигде больше нет в провинции такой концентрации дельных, талантливых, опытных работников, как у нас здесь, в Ленинске? Такие люди, как Дебрев, Зеленский, Караматин, Лешкович, вот, как вы, сами могут возглавить крупное строительство, сами могут успешно его вести. Почему нам дали столько ценных людей? Разве они не нужны в другом месте? Разве сейчас каждый способный человек не на учете? Я скажу, зачем нам дали все это, — потому что знали: у нас сейчас, несмотря на все выделенные нам остродефицитные материалы и оборудование, нет условий для сокращения сроков строительства. Именно этот собранный здесь коллектив работников и должен создать эти условия — вот что имел в виду ГКО. Когда планируют операции на фронте, одаренность полководца, энергия и инициатива офицеров, смекалка солдата — очень важные условия победы, и они строго учитываются. У меня был начальник, Серов, человек в армии очень известный, ему раз командующий фронтом прямо сказал: «А тебе, Серов, добавлю только один полк, самого тебя я определяю в силу двух полков, вот и считай, что имеешь целую дополнительную дивизию». Так же рассуждает и ГКО, хотя и не говорит этого прямо, — мы даем вам машины и оборудование, а против ваших особых условий, против ваших особых трудностей, как на фронте против непредвиденных маневров противника, у вас есть ваша смекалка, ваши технические знания и ваш талант.

Седюк усмехнулся.

— А если работают по старинке, где уж тут место для смекалки и таланта?

Сильченко сурово возразил:

— Люди не понимают, что наши особые условия требуют от них таланта, творчества, постоянной напряженной мысли. Главная наша беда сейчас в том, что не ломаем голову каждый день, каждый час: «А что бы придумать новое?» Накричать на другого, что прошляпил, оставить бригаду рабочих на три часа сверх нормы, самому три дня не являться домой — это еще не творческая работа, такие вещи часто происходят от моральной лености, от нежелания ломать голову.

— Люди больше работают оттого, что ленятся поработать, — проговорил Седюк, смеясь. Ему нравился такой парадокс. Потом он заметил: — Это уже скорее область политработы, а не техники.

— А мне все равно, как это называется, — сухо возразил Сильченко. — Равнодушие, штампы наши, неверие в свои собственные силы, трусость мысли — все это надо сломать, без этого решения ГКО не выполнить. Думаю, это имеет прямое отношение к технике. — Он помолчал и заговорил по-другому, словно со старой темой было покончено, а новая требовала иного тона, — голос его звучал мягче, теплее. — В личном вашем деле, Михаил Тарасович, сказано, что вы бросили вверенный вам эшелон и бежали на фронт. Объясните-ка, что это у вас было за дезертирство?

— Это не было дезертирство, — ответил Седюк, краснея. — И на фронт я не бежал: бегут с фронта, а не на фронт.

— Я понимаю, — успокоил его Сильченко. — Но все-таки я хотел бы, чтобы вы подробнее рассказали мне обо всем этом.

Седюк, однако, не мог сразу заговорить. Словно на экране кино, он вдруг снова увидел горящие города, разрушенные станции, бегущих жителей и самое страшное — отступающую армию, бесчисленные ряды угрюмых, усталых людей с тусклыми, серыми лицами, с опущенными глазами, молча спешивших на неизвестные рубежи в тылу, позади родных мест, родных домов. Он вспомнил стыд, негодование, безмерную печаль, безмерную ненависть и над всем этим чувство: все рушится, единственно честным будет только одно — броситься туда, вперед, а не назад, встре-

тить врага грудью и умереть, не отступая. И перед ним снова прошла та ночь, когда эшелон их застрял на полустанке: он лежал в траве, горе рвало его сердце, слезы ненависти обжигали щеки — говорить об этом сейчас было нельзя.

Все же он заговорил принужденно, сдвоенным, деревянным голосом:

— Ну, что сказать... Я был начальником последнего эшелона — эвакуировались запасы материалов, кое-что из второстепенного оборудования — основное было уже вывезено. Задачи начальника эшелона представляете — ругайся с диспетчерами, организуй кипятилок... Ну, на одной станции мы крепко застряли — проходили войска, с запада слышалась канонада, надвигалось зарево от бомбардировок. Я добился, чтобы наш эшелон все же отправили, и сдал начальство другому инженеру, а сам пешком отправился на фронт, больше не мог... — Он криво усмехнулся. — Меня, конечно, задержали, решили, что я шпион или диверсант, особисты в психологии не особенно разбираются. Пришлось неделю посидеть, пока пришло по телеграфу разъяснение из Москвы, — они запросили обо мне наркомат.

— Благополучно окончилось, — проговорил Сильченко, внимательно взглядывая на Седюка. — В спешке могли и по-иному решить.

— Да, благополучно, — угрюмо согласился Седюк.

Сильченко продолжал, словно не замечая, как труден ему этот разговор:

— Как вы думаете, не может у вас повториться такое? Не бросите ли вы нас, чтобы отправиться снова на фронт, если там будет очень плохо? Седюк пожал плечами. Он ответил, глядя прямо в глаза Сильченко:

— Понимаю ваше сомнение. Я не раз писал заявления об отправке на фронт, но всегда получал отказ. Очевидно, партии нужнее, чтоб я был здесь, в тылу. Можете быть спокойны — я буду там, куда меня посылает партия.

— Правильно, — заметил Сильченко. — Теперь последний вопрос — в анкете вы пишете, что женаты. Где ваша жена?

Седюк был уверен, что Сильченко спросит его об этом. Он знал, что отговориться пустой фразой, как при встрече с Караматиной, не удастся. Дело было не в том, что ему хотелось что-либо скрыть или обелить самого себя. Тут таилась глухая рана, ее не следовало трогать и, во всяком случае, не следовало показывать чужим ему людям. Это был служебный разговор, рассматривали его анкету. Мучения сердца, ядовитые мысли, отчаяние, терзавшее его, — нет, говорить об этом он не хотел. Он ответил с подчеркнутой анкетной сухостью:

— Не знаю. Она пропала при эвакуации Ростова. Может быть, умерла, может быть, осталась у немцев.

Он не смотрел на Сильченко, но знал, что строгий, пронизывающий взгляд начальника строительства изучает сейчас его лицо, оценивает, какова мера правды в его словах и где скрывается ложь. Седюк зло усмехнулся и поднял голову. Теперь он должен будет отвечать на новые вопросы — прокурорски враждебные и недоверчивые. Он готовился ответить вызывающе, но взгляд Сильченко не был ни строгим, ни прокурорски пронизывающим, и вопрос, заданный им, показался Седюку совсем неожиданным.

— Скажите, — спросил Сильченко, — во время вчерашней поездки к Дебревым вы не говорили об этом? Я имею в виду случай на фронте.

— Нет, — ответил Седюк. — Об этом он меня не спрашивал.

Сильченко проговорил ровно, словно речь шла о самых обычных делах:

— И не говорите пока. Я сам ему скажу, когда придет время.

От Сильченко Седюк прошел в проектный отдел. Хотя рабочий день давно кончился, большинство проектантов было на месте. Седюк сел за

свой стол и пододвинул чертежи. Но работа шла плохо — он думал о разговоре с Сильченко. Этот разговор взволновал его. Он сам старался не вспоминать о скверном происшествии во время эвакуации, расспросы Сильченко были ему тяжелы. Как все это нехорошо получилось — сначала разговор с Караматиной, которая, оказывается, знает Марию и его самого и, вероятно, еще не раз будет допытываться, как и что, потом вопросы Сильченко... Ну ладно, Караматину можно будет одернуть, это просто. В следующий раз он не станет увиливать, а прямо скажет ей: «Знаете, прошу меня не расспрашивать». Сильченко одернуть труднее — он имеет право знакомиться с биографией своих работников. Но что это значит: «С Дебревым пока не говорите»? Будет настраивать Дебрева против него? «А черт! — сердито прикрикнул на себя Седюк. — У тебя дело, расчеты — занимайся расчетами, а не пустой психологией!»

Через час Седюк положил Телехову на стол подробный план реконструкции опытного цеха и список первоочередных исследований. Телехов, читая, одобрительно кивал головой. Ему так понравилось предложение Седюка, что он сам докладывал его Караматину.

— Прежде всего нужно будет уговорить Дебрева, — сказал Караматин. — Завтра утром я скажу ему о вашем проекте. Если Дебрев оформит его приказом, Лесину некуда будет деться. Иначе он и слушать не захочет о строительстве опытного цеха.

И, улыбнувшись Седюку, — улыбка казалась на его лице неожиданной и странной, — Караматин добавил:

— По-моему, предложение ценное. Оно решит многие наши затруднения. Поверьте, мы не хуже вас понимаем, как слабо обоснованы многие наши предположения и расчеты.

17

Поздно вечером в проектный отдел пришел Назаров.

— Очень важное совещание провел нынче Дебрев, не обычная наша болтовня, — сказал он с воодушевлением. — Вот сейчас я верю, что строители добьются перелома. Помнишь вчерашнюю речь Лесина? Такая безрадостная картина! Сегодня Лесин выступил с целой новой программой работ — производительность труда, по подсчетам нормировщиков, повысится процентов на сорок—пятьдесят.

— Да, повысится производительность ручного труда, — с досадой возразил Седюк. — Беда в том, что этот ручной труд сам по себе непроизводителен: сколько его ни повышай, он не решит проблемы быстрого строительства. Нужно пустить на планировку экскаваторы.

— И об этом говорили, — возразил Назаров. — На площадке утром разложили гигантский костер, пошла на него целая платформа угля. Мы все ходили вечером смотреть — оттаяло на семь десятых, вероятно, и во семь натянет, можно пускать экскаватор.

— Ты думаешь, фронта работы в глубину ему хватит? — усомнился Седюк.

Назаров пожал плечами.

— Строители говорят, маловато, полной производительности не даст. Однако дело пойдет быстрее. Кстати, верно, что вы с Дебревым и Лесиным ездили по нашей площадке вчера ночью?

— Ездили.

— Ходят слухи, что Дебрев там при всех смешал Лесина с грязью и ты к этому делу руку приложил.

— Рукой не шевельнул, а уши прикладывал, и даже с удовольствием. Дебрев был прав, хотя и выражался грубо.

— Ну, вот видишь. Ты многого тут не знаешь. Жаль, меня не захватили, когда ехали, я бы внес ясность. Лесин — порядочный человек, и все,

что возможно, он делает. Ляпсусы неизбежны во всяком крупном деле, но зачем казнить за них человека? После вашей вчерашней поездки пошли слухи, что Лесина снимают. Я тебе скажу так: мы с тобой, как руководители медеплавильного завода, в увольнении Лесина не заинтересованы. Посадят другого человека, он в спешке наверняка начнет портачить, а у Лесина это немисливо. Пойми, нас же бить будут, если что построят плохо.

Седюк слушал Назарова с возрастающим раздражением. Все, что говорил Назаров, было верно, — он, как и Седюк, заботился о будущей работе завода, было понятно, что он много думает об этом и тревожится. Но за его гладкими фразами сквозили такое равнодушие к существу дела и такая забота о себе, о своем авторитете, о своем благополучии, что Седюку стало тошно. Он сказал, не сдерживаясь:

— Знаешь, Николай Петрович, агитировать меня за Лесина не нужно. Если я правильно понял, Дебрев собирается вклеить Лесину строгача за нераспорядительность, но о снятии с работы речи нет.

— Вот если так, это хорошо, — обрадовался Назаров, — против строгача я не возражаю, плетка в некоторых случаях помогает. Теперь другой вопрос — нужно нам с тобой поговорить по душам. Думал я, что ты с утра заглянешь ко мне, побеседуем, но раз ты занялся сразу другими делами, я сам пришел — я не гордый. Вот вчера мы вроде немного поспорили, это, конечно, понятно: ты только что приехал, не осмотрелся, даже о назначении свссем не знал. Но со стороны получилось не очень хорошо — два руководителя завода на ответственном собрании вдруг заспорили по пустякам, один говорит одно, другой — тут же другое. Поэтому впредь я предлагаю заранее согласовывать между собой все основные вопросы.

— Знаешь, Николай Петрович, я не кабинетный работник, бегать согласовывать каждый пустяк не в моих привычках. Да и неосуществимо это. Завтра, например, я буду здесь, в проектно-монтажном отделе, — придется рассмотреть десятки чертежей, решить десятки вопросов, дать десятки ответов. Как я могу все это согласовать с тобой? Если мы с тобой крупно разойдемся во мнении и действия наши будут противоречивы, Сильченко с Дебревым разберутся и поправят одного из нас. Но не думаю, чтобы наши поступки были противоположны и несовместимы.

— Так ты не хочешь согласованной работы? — В голосе Назарова уже не было прежней мягкости, он с трудом сдерживал нетерпение и гнев.

— Против согласованной работы не возражаю нисколько, но каждую мелочь к тебе на согласование не понесу.

— Я думаю, что выступление единым фронтом...

— Выступление единым фронтом нужно там, где кругом враги. Фронт держат против противника, а не против своих. Для всех пуск медного завода такое же кровное дело, как и для нас с тобой. При чем здесь единый фронт?

— Мы с тобой руководители завода, — сказал Назаров, хмуря брови. — От того, сработаемся ли мы с тобой, зависит очень многое.

— Я собираюсь работать не покладая рук, днем и ночью. А удастся ли мне с кем-нибудь сработаться — дело второстепенное. Я не буду подменять работу мелкой дипломатией.

В глазах Седюка светилось веселое упорство, похоже, он радовался этому странному разговору. Назаров оглянулся. Телехова не было, но другие проектанты прислушивались к их спору. Он придвинулся ближе и сказал примирительно:

— Я тебя не веволю докладывать мне каждый твой шаг. Но напрасных столкновений и смешивания функций мы должны избегать. Мне вот в отделе кадров говорили, что днем заходил ты, читал список назначений по медеплавильному и вслух отпускал разные шуточки и нетактичные замечания. Сейчас меня встречает Караматин, говорит: «Молодец ваш глав-

ный инженер, дельный план предложил, не правда ли?» Я не возражаю, молодец так молодец, но мне все же обидно: другие знают о планах моего главного инженера, а я, которого это более всего касается, ничего не знаю.

— Тут ты, пожалуй, прав: размещение людей, кадры — это в первую очередь твое дело, мне при посторонних смеяться не следовало. Но все-таки много ты напутал: Романова, например, старого практика, загнал в проектанты, а какого-то Казина, человека с четырехклассным образованием, поставил начальником электрофильтров.

— Насчет Романова не спорю, я сам подумывал, куда бы его сунуть, — согласился Назаров. — А Казин — на месте: старый хозяйственник, биография хорошая.

— Да пойми ты, чудак человек, — с досадой сказал Седюк, — ведь ему с четырьмя классами нечего делать на электрофильтрах, придется в помощники ему хорошего инженера ставить. Он же пустое место. Любого другого поставлю, а не его.

Назаров хмуро возразил:

— Думаешь, я не знаю, что не все назначения хороши? Приходится идти на это. Приезжает масса эвакуированных, в прошлом крупные должности занимали, не могу я мальчишек ставить над ними. Дебрев к людям подозрителен, сделай все по-своему — хлопот не оберешься.

— Меня партия сюда послала, чтоб я дал фронту медь, — угрюмо сказал Седюк. — Вот это и есть главное и для нас с тобой и для Дебрева. Людей надо ставить тех, от которых больше толку. И знаешь, давай-ка потолкуем о деле. Хочешь с планом моим познакомиться?

Седюк рассказал Назарову о своих спорах в проектном отделе, о том, как он пришел к мысли расширить опытный цех и поставить там исследование технологического процесса будущего завода и как уговорил Киреева пойти на это. Заодно он вспомнил о нганасанах.

— По-моему, надо освободить их от земляных работ, это вправду им трудно, — сказал он, улыбаясь. — Давай направим их в опытный цех, пусть обучаются у агрегатов.

Назаров сразу на все согласился.

— Насчет нганасан — хорошо, — сказал он с видимым облегчением. — Эта чертова девка такой трезвон подняла!. Ты учти при обращении с ней — она живет в квартире Дебрева, может каждый день жаловаться ему запросто.

— Уже учел, — рассмеялся Седюк.

Он стал собираться домой. Назаров вышел вместе с ним на улицу.

— Колючий ты человек, Михаил Тарасович, — сказал он, вздохнув. — Везде ищешь подвоха, а ведь я с тобой запросто. Ну, как не условиться, например, о завтрашнем совещании? Строители, несомненно, встанут на дыбы. Давай сделаем так: я выступлю не сразу после твоего доклада, а после Лесина. Он начнет артачиться, а я его разгромлю.

— Ладно, — согласился Седюк. Ему было все равно.

На другое утро ровно в десять в проектный отдел пришла Караматина. Седюк вручил ей учебную программу (он сидел над ней до двух ночи) и поздравил Лиду с благополучным поворотом судьбы ее подопечных нганасан и саха. День прошел суматошно, в беготне из проектного отдела в опытный цех и обратно. Незадолго до совещания Седюка вызвал к себе Дебрев.

— Ну как, был в отделе кадров? — спросил он, подавая широкую, пухлую руку. — Я просил тебя ознакомиться со списком назначений. Мне назначения Назарова не все нравятся. Разные люди приезжают к нам.

К каждому нужно присмотреться, а Назаров судит по анкете — записанных грехов нет, значит человек хороший. При таком упрощенном подходе прямого врага можно в руководители произвести.

— Так ведь и я пока сужу о людях только по анкетам. Я еще никого не знаю.

— Ну-ну... А насчет того, как ускорить работу по планированию площадки думал?

— Думать думал и придумать ничего нового не сумел.

Подходя к двери, Дебрев сказал:

— Ну давай откроем заседание — народ, вероятно, уже собрался.

В кабинет вошли Караматин с Телеховым, Назаров, Лесин с двумя своими сотрудниками, люди из планового отдела, Киреев. Назаров сел около Седюка и подозрительно покосился на него.

— О чем разговаривали, Михаил Тарасович?

Седюк успокоил его:

— Ничего особенного, просто Дебрев спросил о перемещениях, которые мы с тобой вчера согласовали.

— Давай, товарищ Седюк, — предложил Дебрев. — Что ты там надумал?

Седюк встал и доложил план, предложенный им вчера Кирееву. Благодаря стараниям проектантов этот общий план уже оброс цифрами: на сооружение пристройки к опытному цеху требовалось три вагона кирпича, вагон леса, огнеупоры, около тонны конструкций...

— Хуже всего с конструкциями, — озабоченно сказал Дебрев. — Железо идет морским караваном, часть лежит в Пустынном, здесь у нас совсем мало. Сейчас созвонюсь с Лешковичем, он должен был прийти, но не пришел.

Седюк усмехнулся — Лешкович, очевидно, сунул вызов на совещание в папку неудовлетворенных заявок.

— Требуется тонна-полторы конструкций, — сказал Дебрев в трубку телефона. — Как? К какому сроку? А вот к такому — завтра. Ну хорошо, через неделю. Будут конструкции, — проговорил он, кладя трубку. — Теперь дальше — мнение строителей.

Лесин выдвинул против строительства нового цеха все возможные доводы: дефицит материалов, нехватку рабочей силы, отсутствие этого цеха в титуле... Что скажет Москва на такое самоуправство?

— Ну, это не вашего ума горе, — негромко заметил Дебрев. — С Москвой как-нибудь сами договоримся.

После Лесина слова попросил Назаров. Едва он начал говорить, в дверь просунулась голова Александры Исаевны, секретарши Дебрева. Она доложила громким шепотом:

— Шифровка из Москвы, Валентин Павлович!

Дебрев досадливо махнул рукой.

— Ну ладно, зовите. Говори, говори! — сказал он замолчавшему Назарову.

В кабинет вошел шифровальщик — молодой паренек в стандартном полушубке — и вынул из кожаной сумки расшифрованный текст. Дебрев расписался на поданном ему листочке и развернул телеграмму.

— Ну, кому еще слово? — спросил он, держа раскрытую телеграмму и не читая ее.

Слово взял Караматин. Дебрев, слушая его речь, стал пробегать глазами телеграмму. И вдруг лицо его так странно и резко изменилось, что Караматин, словно споткнувшись, оборвал свою речь на полуслове. Бледный, растерянный Дебрев поднял глаза на молодого шифровальщика, словно не поверил тому, что прочитал, и хотел по лицу его понять, верно ли то, о чем говорила телеграмма. Шифровальщик стоял перед ним молчаливый, подтянутый и почтительно ожидал, когда ему возвратят шиф-

ровку. Дебрев посмотрел на собравшихся, и все поняли, что он сейчас никого не видит и не слышит. Он снова стал читать телеграмму — теперь он читал медленно, словно останавливаясь на каждом слове. Прочитав, он откинулся головой к спинке стула — он не слышал поразившей собрание тревожной, напряженной тишины. Потом, встрепенувшись, возвратил шифровку. Лицо его по-прежнему было бледно, но спокойно. Он сказал, обращаясь к Караматину:

— Простите, я отвлекся, вы, кажется, кончили, Семен Ильич?

Караматин только начал свое выступление, но ответил коротко и решительно:

— Да, я кончил.

— Очень хорошо! — сказал Дебрев. — Очень хорошо! — повторил он, видимо, теряя контроль над своими словами и не слыша, что говорит. Потом, сделав над собой усилие, он заставил себя вернуться к заседанию. — Товарищи, — сказал он, — мне кажется, разговоров хватит. Я предлагаю Караматину, Назарову и Лесину немедленно засесть и составить проект приказа по комбинату с точными сроками. Прошу с этим приказом ко мне через часок, а сейчас кончим на этом, товарищи.

Все встали. У двери Дебрев задержал Седюка.

— Остаься минут на пять, Михаил Тарасович.

Седюк возвратился на свое место. Дебрев сел в кресло и молча смотрел на стол, словно на нем еще лежала страшная шифровка.

— Добились они своего, — сказал он хрипло. — Добились-таки — поставили нас на колени!

— Да что случилось, Валентин Павлович? — воскликнул Седюк. — Неужели что-нибудь на фронте? Что со Сталинградом?

— Ничего со Сталинградом — ожесточенные сражения, — горько усмехнулся Дебрев. — Стоит Сталинград. А вот устоим ли мы с тобой — этого не знаю. — Он снова жестоким усилием заставил свой задрожавший голос стать спокойным. — Москва сообщает, что на караван, шедший к нам из Архангельска, напал в арктических водах немецкий крейсер. Все суда потоплены, часть команды погибла, часть пленена. Потом крейсер рванулся в устье Каралака, очевидно, хотел проскочить к Пинежу, там еще похозяйничать. В устье Каралака, меж островков, стояли старые грузовые суда, переоборудованные в мониторы. Представляешь положение — трех- и шестидюймовки против его двенадцатидюймовок? Крейсер отходил на безопасное расстояние и расстреливал все эти суда. Но прорваться в Каралак он не сумел, сам получил повреждения. Самолеты, находившиеся у него на борту, сгорели. Опасаясь подхода наших самолетов — их вызвали по радио, — он бежал и скрылся в тумане. Сейчас его преследуют с воздуха.

Голос Дебрева пресекся. Он некоторое время молчал, сдерживая волнение, потом заговорил снова:

— Ты представляешь, что это значит, Михаил Тарасович? Это двенадцать тысяч тонн грузов, самое необходимсе для нас, то, без чего мы не можем строить, не можем пустить завод, просто не можем жить! Это арматура, серная кислота, консервы, масло, цемент, самое для нас сейчас важное — цемент! Ведь это же ни пополнить, ни достать неоткуда! Ты это понимаешь?

И внезапно растерянность и отчаяние, охватившие его, сменились нараставшим гневом. Весь красный, с искаженным лицом, Дебрев хватил кулаком по столу.

— Точно рассчитывали, точно! Все равно просчитаетесь! — с яростью крикнул он. — На колени нас хотели поставить? Врешь, не поставите!

Он заматался по кабинету, бешено ругаясь, грозя кулаком.

— Нет! — крикнул он, останавливаясь перед Седюком и глядя на него ненавидящими глазами. — Нет, какого дурака я сваял, пони-

маешь? Сейчас единственное наше спасение — Пустынное. Там же тысячи тонн грузов, их надо непременно доставить сюда, все, что возможно, все, что невозможно, — все! А я согласился остаться тут, рассчитывал, как дурак, — тут планировка медеплавильного, тут ТЭЦ, это центр, это решается. Там центр, там решается наше строительство, а я — здесь!

— Туда поехал Сильченко, — напомнил Седюк. — Надо дать ему телеграмму, он сделает все, что сумеет.

Дебрев снова закричал:

— А что он сумеет? Он сто раз подумает, прежде чем решится перегрузить баржу на жалкую сотню тонн. Ты его не знаешь, а я с ним каждый день сталкиваюсь, одно он понимает: удерживать мою руку! — Дебрев вдруг в бешенстве передразнил Сильченко: — «Нельзя так, Валентин Павлович, люди есть люди, они не любят, когда их по голове бьют, лучше просто поговорить, помочь, ободрить!» Говори, помогай, ободряй! — крикнул Дебрев, снова впадая в ярость. — Сейчас бить нужно, именно бить, всех бить, кто мешают, кто недостаточно шевелится, кто не понимает, — не время из себя олимпийца корчить! Сейчас там, в Пустынном, нужно идти в крайком партии, до самых высоких начальников добираться, хватать их за горло, кулаками махать у них перед носом, по телефону с ЦК связаться — разве он это сумеет? Мне там надо сейчас быть, понимаешь? Мне! — И, остывая после вспышки, он повторил с мрачным убеждением: — Тут, конечно, ничего не поделаешь, комбинат я бросить не могу, но я знаю: сейчас там должен быть я, а не Сильченко.

Он сидел в кресле, серый, постаревший, сразу потерявший весь свой внушительный вид, потом заключил устало:

— Ладно, иди. О шифровке пока никому ни слова. Мне нужно одному подумать. Через часок зайти ко мне с проектом приказа.

Седюк вышел.

19

Он не пошел к Дебреву с проектом приказа. Он не возвратился в проектный отдел. Он ходил по темным улицам и разговаривал с собой, кричал на себя. То самое состояние, что раз уже бросило его из спокойной теплушки эшелона на забитые войсками и машинами фронтные дороги, снова охватило его, гнало куда-то в неизвестное. И от этой борьбы с самим собой он изнемог, как от тяжелой физической работы. Он возвратился домой в третьем часу и сразу же уснул.

Непомнящий назвал телефон влюбленным мартовским котом. Но Седюку сквозь сон казалось, что около него обиженно скулит побитый пес. Телефон дребезжал не меньше минуты, прежде чем, разбуженный этим дребезжанием, он догадался схватить трубку. Глуховатый, недовольный голос спросил:

— Алло, это товарищ Седюк?

— Да, я, — ответил Седюк, проводя ладонью по лицу, чтобы стряхнуть сон.

— Вы сказали, что вам можно звонить ночью. Это говорит Газарин. Я звонил уже два раза. Вас все не было. Я тут кое-что прикинул — похоже, наше с вами дело выйдет. Когда можете ознакомиться?

— Приходите сейчас же, — быстро сказал Седюк. — Знаете, где мое общежитие? Угловой дом, комната номер пять, около моста, через Большой Волчий ручей.

Газарин явился через полчаса. Он, не раздеваясь, сел на стул, вытащил из кармана кипу исчерканных бумаг и разбросал их по столу. Не обращая внимания на спящего, он говорил так громко, что Непомнящий приподнял голову, с удивлением посмотрел на него, потом, зевая, уселся на кровати.

— Итак, рационализация, которая может дать выигрыш на десятки процентов нам ни к чему, верно? Нам нужно повысить производительность в десятки раз. Только такое повышение производительности прогрева может существенно помочь, и только его нужно искать. Оно же может основываться лишь на методах принципиально новых и неизвестных. В эту сторону я и направился.

— Ну, и каков результат?

— Кажется, неплохой. Вот расчет нового метода электропрогрева вечно мерзлых грунтов — глубинного электропрогрева. В основе этого метода лежат две идеи. Первая: электроды, по которым ток поступает в землю, загоняются на большую глубину — не менее трех метров. И, чтобы преградить току возможность концентрироваться на поверхности, верхняя часть электродов обмазывается изолирующим составом. В грунт, окружающий нижнюю часть электрода, наливается раствор поваренной соли, чтобы увеличить проводимость этого грунта. Что же получается? А вот: ток идет от электрода к электроду, растекается в земле по глубинным слоям и нагревает только эти глубинные слои. Над местом нагрева лежит по крайней мере полуметровый слой вечной мерзлоты, это прекрасный изолятор тепла, не хуже пуховой подушки — значит все непроизводительные потери тепла в воздухе полностью отпадают. Ручаюсь, что при этом методе на отогрев одного кубометра грунта затратится не сто киловатт-часов энергии, как сейчас, а тридцать — тридцать пять, не больше. Когда верхний слой под действием теплоты нижнего слоя сам отогреется, можно пускать экскаватор — фронт работы на большую глубину готов.

— Но ведь и время разогрева увеличится? — возразил Седюк.

— На это отвечает вторая и основная идея глубинного электропрогрева, — торжествуя ответил Газарин и с силой ударил ладонью по бумагам. — В этой идее и заключается существо дела. До сих пор электропрогрев вели при напряжении в сто двадцать, двести двадцать и триста восемьдесят вольт. Уже двести двадцать и триста восемьдесят вольт опасны для жизни человека. Выше этих напряжений дело не шло. Я предлагаю применить высокое напряжение — шесть тысяч вольт!

Седюк в изумлении переспросил:

— Подать шесть тысяч вольт на землю? Да ведь это равносильно короткому замыканию на землю. Да еще в каком масштабе!

— Совершенно верно, — подтвердил Газарин. Он наслаждался изумлением Седюка. — До сих пор такие вещи, если они происходили, рассматривались как крупные аварии. Вся электротехника трудилась над изобретением такого метода и такой аппаратуры защиты, которые мгновенно выключали бы моторы и генератор и снимали напряжение в сетях, как только происходили подобные замыкания на землю. Это была тяжелая беда, и от нее изобретательно защищались. А сейчас мы превратим эту прозную беду в трудолюбивого верного работника.

Газарин встал, прошелся по комнате, чуть не наступив на ноги Непомнящего, — он даже не обратил на него внимания. Непомнящий торопливо забрался с ногами на кровать и снова накрылся одеялом.

— Вы когда-нибудь видели замыкание на землю высоковольтной линии? — спросил Газарин, останавливаясь.

— Нет, не приходилось.

— Я видел. Такие вещи остаются в памяти навсегда. Это было под Ленинградом. Линия в шесть тысяч вольт шла от небольшой электростанции на какой-то заводик. Дело было поздней осенью, слякоть подмерзла, и провода повисли под грузом льда. Я шел вдоль линии с двумя студентами, когда начался сильный ветер, почти буря. Все кругом ревелось и грохотало. На всякий случай мы убрались подальше от линии передачи и шли по тропинке вдоль леса. Нам было видно все. Провод оборвался у самой мачты и упал на землю. Когда он коснулся земли, произошел

отчетливо слышный взрыв. Автоматическая защита на щите станции сработала точно, и высоковольтная линия была тут же отключена и обесточена. Но за те доли секунды, во время которых ток поступал на землю, весь лед около провода превратился в пар. Когда мы добрались до места аварии, мы увидели участок совершенно сухой, посветлевшей, обжигающе горячей почвы, он выступал ярким пятном на фоне черной замерзшей земли.

— А не произойдет ли у нас что-либо подобное этому взрыву?

— Абсолютно исключено. Взрыв произошел потому, что огромной силы ток сконцентрировался на крохотном контакте между проводом и землей. В этом месте велика была не только общая сила тока, гигантской была и плотность этого тока — скорость разогрева определяется только ею. Мы будем вгонять в землю токи еще большей силы, чем развились при той аварии, но плотность этих токов будет невелика благодаря большей площади соприкосновения между электродами и землей. Река переносит больше воды, чем горный ручей, но ручей кипит, брызжет, стремительно несет...

— Это я понимаю, — улыбнулся Седюк.

— У нас в эту землю будет поступать целая река электроэнергии, но будет поступать равномерно и деловито... Без всяких там внешних эффектов.

— Каково же будет общее повышение производительности прогрева? — спросил Седюк, вскакивая. Он тоже уже не мог усидеть на месте.

— По крайней мере в семьдесят — восемьдесят раз. То, что сегодня требует нескольких дней, будет совершенно за какой-нибудь час.

— Потребуется специальная аппаратура для прогрева? Особые мероприятия для защиты людей от высокого напряжения?

— Вот, вот! В этом-то и есть главная загвоздка! Прежде всего аппаратура. Сложность заключается в том, что в настоящее время в Ленинске нет напряжения в шесть тысяч вольт. На шинах нашей станции только три тысячи вольт, больше ее генераторы не дают.

— Надо ставить повысительные трансформаторы.

— Их нет. Но есть понизительные трансформаторы, преобразующие шесть тысяч вольт в три тысячи. Мощности этих трансформаторов огромны. Вполне возможно использовать их как повысительные трансформаторы, то есть включить наоборот. Один из них обслужит всю нашу площадку. Но придется схватиться с Синим — он строжайше запретил использовать их не по прямому назначению.

— Всякое распоряжение можно отменить, даже распоряжение Синего. Трансформатор будет.

— Прекрасно. Теперь второй вопрос — безопасность людей. Не только район глубинного электропрогрева, но и вся окружающая местность будет в зоне опасного напряжения. Прикосновение к земле, один шаг по ней может убить человека.

— Поставим флажки, проволочные изгороди, охрану. Несчастных случаев не будет.

— Последний вопрос — электроды. Для электродов лучше использовать водопроводные трубы, а не ломы. Вбивать их надо на глубину до трех метров. Можно рыть котлован, погружать в него электрод, потом засыпать просоленной землей. Но это нерационально, как всякий ручной труд. Лучше бурить скважины станками.

— Есть в Ленинске бурильные станки?

— Да. На строительстве ТЭЦ и на рудниках.

— Достанем. — Седюк в увлечении готов был обещать все, чего бы Газарин ни потребовал.

— У меня все, — удовлетворенно сказал Газарин и сел на стул.

Седюк в волнении прошелся по комнате.

— Решение ваше, по-моему, технически блестяще. Еще один вопрос: это только идея или готовы все расчеты?

— Идея появилась, когда я разговаривал с вами в опытном цехе. Я позвонил вам только после того, как закончил все расчеты. Скажу вам лишь, что во время электропрогрева станция Ленинска работает в основном только на него, а на отпуск электроэнергии другим потребителям накладывается строжайшее ограничение. Освещение поселка тоже выключается.

— Ничего, в темноте сейчас живут города половины мира, Владимир Леонардович, завтра мы чуть свет отправимся к Дебреву. Ручаюсь вам, что уже сегодня на площадке будет устанавливаться ваш могучий трансформатор и тянуть к нему высоковольтную линию. На строительстве медеплавильного работает несколько тысяч человек, — если понадобится, все эти люди будут переключены на обслуживание электропрогрева. Условились?

— Условились. — Газарин стал собирать свои бумаги, комкая их и погружая в бездонный внутренний карман.

Седюк, проводив Газарина, вернулся взволнованный. Ему уже не хотелось спать. Он был увлечен смелым предложением и готов страстно защищать его. Непомнящий снова сидел на кровати, свесив босые ноги. Седюк улыбнулся ему счастливой, мальчишески веселой улыбкой.

— Слыхали? — спросил он, усаживаясь у стола. — Я разговаривал с ним третьего дня, часов около шести. За время, что прошло с тех пор, он успел найти новую блестящую идею и произвести все необходимые расчеты.

— Потрясающе талантливая личность, — сказал Непомнящий, зевая. — Наука как осуществленная мечта. Романтика в пиджаке математических формул. Когда я работал в научно-исследовательском институте экспериментального фольклора и рациональной мифологии, там тоже была пропасть блестящих дарований. Таланты целыми стаями носились по коридору. Гении сидели в каждой комнате. Из-за них простому человеку нельзя было в обеденный перерыв войти в помещение буфета. Самый крупный из них писал кандидатскую диссертацию на тему о происхождении известной поговорки: «Бьют как сидорву козу». Ему удалось доказать после многолетних трудов, что эта знаменитая коза принадлежала вовсе не Сидору, а Кузьме. Ученый совет института прочил диссертанту великую будущность.

— С вами неприятно разговаривать, — сказал с досадой Седюк. — Вы удивительно умеете опозлить всякую хорошую мысль своими остроумиями. Кстати, возьмите утром в отделе кадров выписанное вам направление на работу. Вы ведь, кажется, электрик?

— Я все что угодно, — бодро сообщил Непомнящий. — Мне приходилось обжигать любые горшки, но никогда я на этом основании не просился в совет богов. В последнее время я действительно работал электриком в одном маленьком городе. Работа не пыльная, мучили только непрерывные короткие замыкания. Но станция часто прекращала подачу электроэнергии, и тогда было совсем хорошо. Я эту электрическую деятельность всегда вспоминаю с умилением, как девушка первый поцелуй.

Седюк бросил на Непомнящего быстрый взгляд и, промолчав, снова стал раздеваться.

Растерянность и отчаяние, охватившие Дебрева после телеграммы о морском бое в арктических водах, продолжались недолго. Едва Седюк вышел из кабинета, как Дебрев набросал телеграмму Сильченко в Пустынное и распорядился, чтобы главный врач Никандров готовился к немедленному полету на океан — спасать раненых. Караматина, Назарова и Лесина он принял спокойно, внимательно прочитал проект приказа об

опытном цехе, перечеркнул сроки, установленные строителем, и поставил свои, более жесткие. Лесин хотел было протестовать, но Дебрев холодно оборвал его:

— А вы, Семен Федорович, когда писали проект, учитывали, что я вас подрезу и заложил там резерв на мою несговорчивость, я только этот ваш резерв и ликвидирую.

Затем он вызвал Киреева и Ахмуразова, вчера только назначенного начальником цементного цеха. Киреева нашли сразу, он раньше полуночи из цеха не уходил, а за Ахмуразовым пришлось посылать курьера — он прибежал заспанный, насмерть перепуганный неожиданным вызовом среди ночи.

— Вот что, товарищи! — обратился к ним Дебрев. — С завтрашнего дня самая важная проблема в Ленинске — цемент. Рассказывать тут нечего, нужно делать. Прошу ежедневно представлять мне две сводки. Вы, — он кивнул Кирееву, — сводку анализов опытных партий цемента, а когда пойдет промышленный цемент — анализ промышленного. В девять утра и в семь вечера. А вы, — он повернулся к Ахмуразову, — сводку о том, что строители сделали за ночь и за день, только с пристрастием, без тумана да без беллетристики: по пять-шесть строк два раза в сутки. Понятно, товарищи?

И Киреев и Ахмуразов в один голос ответили, что им все понятно. Уже в коридоре, со страхом оглянувшись на кабинет Дебрева, Ахмуразов, молодой красивый казах, после института года три работавший на новороссийских цементных заводах, признался:

— Только сводка, а я думал, будет ругать за дело. Знаешь, шел — и сердце стучало.

Утром Дебрев пришел на работу раньше всех. Седюк с Газариным сунулись было к нему, но он чуть ли не выгнал их из кабинета.

— Не до тебя, Михаил Тарасович, потом, потом!

Растерявшийся от такого неприветливого приема, Газарин предложил прийти после обеда. Но Седюк настойчивостью не уступал самому Дебреву. Он тут же, за стеной кабинета, снял со стола секретаря телефонную трубку и соединился с Дебревым. Как и многие другие хозяйственники, Дебрев относился к телефону с уважением, видимо считая, что по пустякам к нему никто звонить не решится. Даже во время срочных заседаний он откликался на телефонные звонки и никогда не обрывал телефонное обращение к нему на первом слове, как частенько проделывал при встречах. План Седюка удался блестяще. Он едва успел объяснить суть дела, как Дебрев, прерывая его, уже говорил:

— Что же ты сразу не сказал? Заходи немедленно!

Дебрев тотчас выслушал Газарина и бегло просмотрел его расчеты.

— Ну что же, — проговорил он с удовлетворением. — Кажется, это то самое, чего мы с тобой искали, Михаил Тарасович: полный перелом на строительстве медеплавильного! — Встав с кресла, как он всегда делал в важные минуты, и прохаживаясь по дорожке, он сказал с волнением: — Славный ответ тому, в Полярном море!

Дебрев вызвал всех «заинтересованных лиц», и тотчас начался горячий спор. Строители никогда не применяли высокого напряжения и побаивались его, а главный энергетик Синий сразу же веско разъяснил:

— Как же мы будем монтировать на скорую руку? Времянки, дорогие товарищи, могут быть при монтаже осветительной линии, шесть тысяч вольт не признают времянок.

— Я вас сюда собрал не для того, чтобы спорить о применении высоковольтного прогрева, — сказал Дебрев грубо. — Не тратьте времени на это. Глубинный электропрогрев будет испытан, хотя он нов и опасен. И дело не в неудобствах и трудностях, мы с вами не в доме отдыха. Что это за возражение — нельзя делать на скорую руку, требуется солидный

монтаж! Ну и монтируйте по-солидному, кто вам мешает, только оперативно монтируйте, не тяните кога за хвост. Речь идет сейчас вот о чем — как применить новый метод с максимальным эффектом и минимальной затратой средств. Только на эту тему и прошу говорить.

Спорить оставалось только по техническим вопросам. Но от этого спор не стал менее жарким. Дебрев, вопреки ожиданиям Седюка, не всегда становился на его сторону, он отверг многое, что Седюк сгоряча пообещал Газарину. Он наотрез отказался дать бурильные станки и распорядился рыть ямы под электроды вручную при помощи ломов и лопат.

— У вас рабочих много, все равно бездельничают, — сурово сказал он Лесину.

Лесин промолчал, а Седюк возмутился.

— Но это же нелепо, Валентин Павлович! — воскликнул он. — Это же бесхозяйственность! Нам нужны отверстия диаметром в пять сантиметров и глубиной свыше двух метров. Человек же будет рыть целую могилу длиной метра полтора и шириной больше полуметра. Меньше нельзя, ведь ему нужно место, чтобы перебросить лопатой прунт наверх. Потом всю эту землю он будет сбрасывать назад. Все это придется оттаивать костром, на каждую яму нужно будет, затратить несколько смен. Где же здесь логика? Зачем нам эта бездна напрасного труда?

— С точки зрения строительства на площадке медеплавильного, логики действительно нет, — спокойно согласился Дебрев. — А с точки зрения всего строительства в Ленинске, есть известная логика. У него, — он кивнул в сторону Лесина, — десятки рабочих простаивают. Он может их загрузить этим, пусть и малопроизводительным трудом. А бурильные станки заняты важным делом, этого дела, кроме них, никто не сделает.

После того как Дебрев отверг первые возражения Синего, главный энергетик, человек решительный в обращении со своими механизмами, но осторожный и дипломатичный в отношениях с людьми и особенно с начальством, перестал чинить препятствия новому методу. Подготовка к подогреву началась в тот же день — Дебрев, приняв решение, действовал быстро, и все, знавшие его крутой нрав, приноравливались к нему. После обеда специальная бригада рабочих уже ставила деревянные маты и тянула на площадку высоковольтную линию. К вечеру рабочие копали ямы, отогревая грунт кострами, а через два дня были установлены все электроды на первом, самом трудоемком участке прогрева. Сложнее всего была установка трансформатора, весившего около десяти тонн. Его волокли двумя тракторами на железном листе, установили на специальном помосте и подвели тремя кабелями питание. От трансформатора тянулись три высоковольтных провода к электродам. В специально поставленном на площадке деревянном сарайчике размещался щит управления с показывающими приборами и аппаратурой включения и защиты.

— Собственно, защита здесь не нужна, — заметил с иронической улыбкой Синий. — Люди намереваются в течение многих часов поддерживать специально устроенную аварию — мощность целой электростанции загоняется в землю. От чего вы собираетесь защищаться, уважаемый Владимир Леонардович?

Газарин, ценивший Синего за энергию и сообразительность и прощавший ему его робость с начальством, объяснил, что защита ставится для того, чтобы не превзойти предела мощности, приемлемой для станции. Защита автоматически выключает весь участок прогрева или отдельные его секции, если размер потребляемой мощности станет угрожающе большим.

— Таким образом, уважаемый Самуил Львович, мы будем защищаться не вообще от аварийного режима, а только от аварийного режима, опасного для вашей станции, — заключил Газарин.

В день пуска в сарайчике собралось все начальство комбината. Пуском прогрева управлял сам Газарин. Два телефона и репродуктор соединяли

его с Янсоном и дежурным инженером станции. Ровно в шесть часов вечера Газарин включил трансформатор. Стрелки на приборах прыгнули. Вольтметры показали на стороне питания трансформатора напряжение две тысячи девятьсот вольт, на рабочей стороне — пять тысяч шестьсот восемьдесят вольт. Стрелка амперметра еле качнулась и проползла меньше половины первого деления шкалы, добравшись примерно до тридцати ампер. Все разочарованно переглянулись. Они знали, что не будет ни эффектных взрывов, ни молний, ни раскаленных проводов, однако обыденность происшедшего казалась неправдоподобной. Целая станция в два генератора работала на землю в искусственно созданном аварийном режиме, а стрелки приборов вели себя так буднично!

— Включаю землю, — негромко сказал Газарин в телефон.

— Рост мощности незначителен, покрываю за счет резервов, потребителей не отключаю, — ответил репродуктор спокойным глуховатым голосом дежурного инженера.

Газарин напряженно следил за слегка колеблющимися стрелками приборов.

— Какова сейчас скорость прогрева? — спросил Дебрев.

— Примерно шесть-семь кубометров мерзлого грунта в час, — ответил Газарин. — Земля пока принимает незначительную мощность, около двухсот киловатт, грунт около самих электродов еще не отогрелся. По мере отогревания будут увеличиваться ток и скорость прогрева. Кстати, эта мощность, хотя и незначительная, уже сейчас раза в два превышает максимальную мощность старого прогрева. Следите за амперметрами.

Седюк смотрел на амперметры, не отрываясь. Стрелка дрожала и медленно поднималась вверх — прошло двадцать минут, пока она добралась до пятидесяти ампер. Зеленский, которому наскучило ожидание, толкнул Синего локтем и громким шепотом спросил:

— Самуил Львович, как вы думаете, обещанное затемнение поселка к утреннему рассвету состоится?

Кто-то, не выдержав, прыснул. Газарин сердито посмотрел на улыбающегося Зеленского. Дипломат Синий, всегда старавшийся по возможности примирять страсти и бывший на хорошем счету у всех враждующих сторон, выразительно пожал плечами, но вслух ничего не сказал.

Движение стрелки явственно убыстрялось — теперь она ползла к ста ампер.

— Потребление мощности увеличивается на пятьсот киловатт, — сказал глуховатый голос дежурного инженера станции. — Резервом покрывать не могу. Согласно графику первым отключаю ремонтно-механический завод.

Дебрев, навалившись на спинку стула Газарина, не отрываясь, следил глазами за приборами.

— Отключаю железнодорожное депо, — бесстрастно сообщил репродуктор. — Потребление дополнительной мощности замыкания на землю — восемьсот киловатт.

Газарин пояснил:

— Сейчас скорость прогрева примерно тридцать кубометров вечной мерзлоты в час.

Шутки оборвались. Возбуждение, овладевшее Дебревым, передалось остальным. Зеленский, поднимаясь на носки, всматривался в плохо видимую издали стрелку. Лесин поглядывал то на амперметр, то на сосредоточенного, спокойного Газарина и нервно сжимал руки. Синий снял кепку и вытер внезапно вспотевший лоб. Стрелка амперметра переходила за двести ампер.

— Отключаю рудник открытых работ, опытный цех, баню, — говорил голос дежурного инженера. — Мощность замыкания на землю свыше тысячи киловатт.

— Янсон, ты меня слышишь? — крикнул Дебрев в трубку. — Происшествия какие-нибудь есть? Ты меня слышишь, Ян?

— Никаких происшествий, — сказал в репродуктор неторопливый, как всегда, немного насмешливый голос Янсона. — Предприятия хором ругаются по поводу отключения. Я их всех заранее предупредил, но это на них не действует. Прохоров сам запрашивал, скоро ли в Ленинске прекратятся безобразия с авариями на станции. Судя по всему, у вас дела идут хорошо?

Дебрев крикнул:

— Отлично идут, Ян! А на руготню не обращай внимания.

Напряжение, в каком стояли люди вокруг приборов, словно разрядилось этими словами Дебрева, послышались шум, смех, веселые восклицания. Все заговорили разом, плохо слушая один другого и торопясь высказать свое мнение. Стрелка амперметра подходила к тремстам ампер.

— Потребление мощности на землю тысяча восемьсот киловатт, — сказал дежурный инженер. — Вынужден отключить освещение поселка, в том числе и управление комбината.

Эти слова были приняты с таким восторгом, будто самое большое достижение заключалось в том, что поселок погрузился во тьму.

— Сам себя отключил! — кричал Назаров, громко хохоча. — Электрический диспетчер при свечке работает!

Синий торжественно обратился к Зеленскому, протягивая руку к приборам:

— Вот вам обещанное затемнение, Александр Аполлонович.

— Нет, это замечательно! Это потрясающе! — восклицал Зеленский, не слушая Синего. — Вы понимаете, что это такое, Самуил Львович? Это революция в разработке вечной мерзлоты. Вы сами не понимаете, что делаете!

— За нас не беспокойтесь, мы-то понимаем! — возразил Синий и добавил с такой гордостью, словно это было его открытием: — Крупнейшее изобретение, поверьте слову старого электрика.

Дебрев осведомился:

— Какова сейчас скорость прогрева?

— Примерно восемьдесят кубометров в час, — ответил Газарин, наблюдая за показаниями приборов.

— Отключены освещение и механизмы промплощадок медного завода и горного района, — сообщил дежурный инженер. — Потребление мощности замыкания на землю две тысячи пятьсот киловатт. Посылаю горнякам предупреждение об отключении подземных подстанций.

Синий запротестовал.

— Валентин Павлович, это замечательная штука, этот обогрев! — сказал он. — Но в нашем графике подземные подстанции отключаются в последнюю очередь. Там останутся все электровозы, вентиляция, освещение штреков. Подземные подстанции отключают только в случае крупной аварии. Владимир Леонардович, — обратился он к Газарину, — разве вам мало этого? У вас в землю льется почти пятьсот ампер, это же целый водопад, это Ниагара электроэнергии! Зачем вам еще?

— Янсон, — крикнул Дебрев, не отвечая Синему, — ты послал предупреждения на шахты и подземные выработки рудников?

— Послал и получил ответ, — донесся голос Янсона. — Люди вышли из шахт. У входа в шахты и другие подземные выработки поставлена охрана.

— Как у вас?

— Ничего особенного. В окне полыхает полярное сияние, заменяет выключенное вами электричество. Не так уж светло, но работать можно, особенно когда рядом две свечки.

— Как телефонка и радиостанция?

— Переходят на аварийное питание от аккумуляторов. Можете тоже выключать.

— Продолжайте прогрев дальше, — приказал Дебрев вопросительно посмотревшему на него Газарину. — Будем отключать все, кроме площадки ТЭЦ.

Стрелка амперметра теперь ползла значительно медленнее, чем прежде, но так же безостановочно. Дежурный инженер доложил:

— Мощность замыкания на землю достигает трех тысяч пятисот киловатт. Отключаю всех потребителей, кроме подземных подстанций и площадки ТЭЦ.

Через полчаса стрелка амперметра доползла до семисот пятидесяти ампер. Подземные подстанции были отключены. Станция обслуживала только прогрев, площадку ТЭЦ и собственные нужды.

Дебрев сказал, отворачиваясь от приборов:

— Результаты блестящие! Уже сейчас видно, что одна ночь такого прогрева даст фронт работы для двух экскаваторов на целые сутки. Это вполне решает наши затруднения в планировке площадки. Конечно, будут неудобства с потребителями электроэнергии, но на это придется пойти.

Через некоторое время стало ясно, что стрелка амперметра дошла до предела. Дежурный инженер сообщил, что на шинах станции имеется еще небольшой резерв — киловатт четыреста, он использует его на подключение некоторых остро нуждающихся в энергии мелких потребителей. Газарин обратился к Синему:

— Вот видите, Самуил Львович, станция сохранила резерв. Но если бы мы преззошли этот последний резерв, защита автоматически отключила бы несколько секций прогрева и восстановила равновесие.

— Разве я спорю? — возразил Синий. — Я всегда уважал вашу голсу. — И, потрясенный всем, что он сегодня увидел, Синий восхищенно пробормотал: — Пять тысяч киловатт! Пять тысяч киловатт загоняется в землю! — Он должен был высказать наполнявшее его до краев возбуждение. Поймав взгляд Назарова, он сказал ему: — Вы знаете, что такое пять тысяч киловатт? Это по мощности больше, чем семьдесят тысяч человек, это четыре полные дивизии, если хотите знать! — Назаров, улыбаясь, смотрел на него. Синий закончил неожиданно строго: — Когда я был юношей, станция в пять тысяч киловатт считалась вполне достаточной для губернского города, если там не было крупных заводов, вот что такое: пять тысяч киловатт!

Дебрев поднялся.

— Продолжайте прогрев до утра, — приказал он Газарину. — Утром снимайте напряжение и приступайте к выемке грунта. У вас все подготовлено, Семен Федорович? — спросил он Лесина.

Тот ответил, всматриваясь в темноту:

— Все, Валентин Павлович.

Вслед за Дебревым уехали другие начальники. Последними уходили Седюк и Назаров. Газарин остался продолжать прогрев, хотя дежурный электрик клялся, что отлично справится сам.

Газарин снял напряжение в восемь часов утра. Он точно рассчитал время окончания прогрева, восходящий поток тепла уже размягчал верхние слои вечной мерзлоты. Некоторое время заняла проверка, не остались ли на земле опасных высоких потенциалов. Потом на участке начали работы экскаваторы. Первые же движения ковша, легко вгрызавшегося в грунт, развернули массы теплой, мягкой земли, вполне доступной и для экскавации и для ручной разработки. В полдень на площадку приехал Дебрев.

— Вот смотрите, — сказал он Лесину. — Вы нас уверяли, что мировая техника не знает быстрых темпов электропрогрева. Отстала эта ваша ми-

ровая техника от нашего заполярного Ленинска! Просто голову не хотели поломать — другим пришлось за вас.

Лесину было не до споров и оправданий. Он уже видел, что бесперебойную работу двух экскаваторов наладить не удастся. Он проговорил хмуро и озабоченно:

— Составов не хватает, Валентин Павлович. Поймите, это же абсурд — два состава на экскаватор!

Дебрев отрезал, прохаживаясь по площадке:

— Составов нет. Не вы одни в Ленинске. Я не могу приостановить все остальное строительство ради вас.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Сильченко получил телеграмму о морском бое в арктических водах уже после того, как рассмотрел и утвердил план отгрузки. На восьми баржах каравана в Ленинск отправлялось около четырех тысяч тонн разных товаров. На складах Пустынного лежало одиннадцать тысяч тонн, но навигация на Каралаке кончалась рано, а буксирных пароходов и барж было слишком мало, чтобы перебросить весь груз на Крайний Север. Сильченко решил отобрать только самое необходимое — главным образом машинное оборудование, а остальное оставить в Пустынном до следующего года. Он знал, что морской караван из Архангельска везет двенадцать тысяч тонн строительных материалов и продовольствия. То, что он мог привезти из Пустынного, было бы лишь важным, но не решающим подспорьем. Шифрованная телеграмма из Ленинска, подписанная Дебревым, опрокидывала все его планы. Теперь, когда пружы, шедшие Северным морским путем, погибли, каждая тонна, вывезенная из Пустынного, приобретала совершенно исключительное, поистине решающее значение для строительства.

Не в его привычках было торопиться. Он не любил действовать по первому порыву, не продумав тщательно всех обстоятельств и возможностей. Он передал диспетчеру порта распоряжение немедленно приостановить погрузку барж, задержать рабочих на пристани, не отпуская их домой, и вызвать в зал управления порта всех инженеров, капитанов пароходов, начальников участков, заведующих складами, старых водников и младший командный состав судов. Совещание состоится ровно через час — до этого к нему, Сильченко, никого не пускать. После этого он закрыл дверь своего кабинета, выключил телефоны и дал себе час полного одиночества.

На всех баржах уже шла погрузка. Сильченко, торопя всех и экономя каждый час, организовал дело так, что грузили не три баржи, как обычно, а все восемь. Пристань вдоль реки могла разместить только три баржи, поэтому он поставил их в два и три ряда, связав мостовыми переходами. Одни пружички отдавали свои грузы на трех первых баржах, другие пробегали по этим баржам, как по дебаркадеру, и сбрасывали свою ношу в трюмы второго ряда барж, третьи шли еще дальше и разгружались в третьем ряду. Такая погрузка в три этажа требовала большого количества пружичков и строгого порядка. Работали все: водники, рабочие лесозавода, служащие контор, женщины и подростки — они были не очень опытными пружичками, но зато их было много. Распоряжение прекратить погрузку и известие о том, что начальник северного строительства, отдав этот странный приказ, заперся в своем кабинете, никого не принимает и не отзывается ни на какие звонки, породили на берегу всеобщую тревогу. Поползли зловещие слухи, неизвестно кем пущенные, будто в устье Каралачка ворвались немецкие подводные лодки.

Маленький зал для заседаний был забит людьми задолго до положенного времени — сидели по двое на стульях, стояли в три ряда у стен, густо облепили подоконники. Рыжий махорочный дым заволочил комнату.

Сильченко появился, как и обещал, точно через час. Сообщение его, выслушанное с напряженным вниманием, было сухо и неожиданно. По его словам, правительство передало новое важное задание, и для выполнения этого задания не хватит четырех тысяч тонн, предназначенных к отправке. Он отменяет свое прежнее распоряжение и прежний график работ. В Ленинск нужно отправить не четыре, а восемь тысяч тонн грузов. Это — задание особой важности, и оно должно быть выполнено, чего бы это ни стоило. Погрузка приостановлена потому, что, возможно, придется пересортировать грузы и разместить их с расчетом на некоторую перегруженность барж. Совещание созвано для того, чтобы изыскать технические возможности для быстрого и оперативного выполнения нового приказа.

— У кого есть вопросы? Кто желает слова? — спросил Сильченко, осматривая зал.

Он видел десятки глаз, смотревших на него с тревогой и недоумением. Он понимал, что все эти устремленные на него глаза спрашивали о том, чего он не мог сказать: какое несчастье случилось и велико ли оно? Он чувствовал, все понимают, что несчастье случилось, и знал, что своим молчанием, серьезностью своего тона, тем, что он даже не спрашивает, выполним ли его новый приказ, а требует только указаний, как его выполнить, что всем этим он подтверждает: да, несчастье произошло. И он знал также, что об этом никто его не спросит ни прямо, ни намеком. Между ним и залом установилось какое-то тайное понимание, и он повторил, уже не спрашивая о вопросах:

— Кто хочет слова?

Сильченко по старому опыту знал, что не бывает таких совещаний, где новая мысль не встретила бы сомнения. Новое требует времени, чтобы с ним сжиться. Сильченко знал также, что с точки зрения всех норм и инструкций, принятых десятилетиями на Каралаке, норм вполне разумных, ибо они основывались на долголетнем опыте, то, что он сейчас требует, нарушает все правила и законы. Отправить перегруженные баржи в глупые осенние туманы навстречу зиме в арктические воды — это грозило гибелью каравана. С точки зрения навигационного опыта это было безумием. И Сильченко готовился спорить, доказывать, убеждать, требовать, чтобы найден был способ превратить это безумие в простой технический риск.

Но спорить было не с кем. Убеждать некого. Доказывать нечего.

Все выступавшие немедленно согласились с тем, что удвоить количество отправляемых на север грузов необходимо и возможно. Но смелости и необычайности предлагаемых проектов Сильченко вдруг с горячим волнением понял, что все эти люди представляют себе несчастье, случившееся где-то на севере, гораздо более грозным, чем оно было на самом деле, и не только не обескуражены этим, но полны стремления пойти на все, лишь бы обезвредить возможные его последствия. Он собирался их мобилизовать и подталкивать. Но они уже были мобилизованы, и их приходилось не подталкивать, а сдерживать.

И, поняв это, он стал отбрасывать слишком смелые предложения, стал прислушиваться к другим, содержащим в себе меньше риска. Он сразу забраковал проект фронтовика Сидорина мобилизовать парусный рыбачий флот, отверг предложение Кузьмина, начальника разгрузочного участка, снять основные служебные постройки на баржах и тем облегчить их вес. Только одно, хотя и опасное, предложение — перегрузить каждую баржу процентов на двадцать (это давало дополнительно около восьмисот тонн) — одобрили все, и Сильченко принял его.

Капитан буксирного парохода Крылов, старый водник, о котором говорили, что он не пропустил ни одной бури на Каралаке, предложил дать телеграмму возвращающемуся из Пинежа каравану пустых барж с приказом зайти в устье Каруни, к пристани поселка Медвежьего, и там ждать караван, идущий из Пустынного. В караван, отправляющийся из Пустынного, включить наряду с восемью предназначенными к отправке баржами, плавающими в арктических областях Каралака, еще барж восемь — десять, плавающих в южных водах. Эти баржи может дать управление Каралакского пароходства. Сами по себе эти южные баржи плавают только в верховьях Каралака и лишь изредка добираются в средние его воды — они построены для короткой речной волны юга и к широкой, почти морской волне северного района не приспособлены. Отправить их прямо в Пинеж — значит идти на неразумный риск, этого никто не разрешит. Но до Медвежьего они пройдут свободно, если не будет бури, — Медвежий почти на тысячу километров южнее Пинежа. Из Медвежьего после перегрузки дальше отправятся только северные суда, а южные возвратятся обратно.

Сильченко согласился также загрузить три баржи, выходящие дней через десять из ремонта. До Пинежа они, конечно, не дойдут, но смогут встать на отстой где-нибудь севернее Медвежьего, в районе Мейги или Турана. Часть этого груза, самое необходимое, можно будет перебросить зимой оленями по санному пути.

После совещания Сильченко вызвал катер. Пока тот подходил к пристани, он соединился по телефону с управлением Каралакского пароходства и передал диспетчеру, что просит начальника пароходства генерала Серова принять его вне очереди по важному делу.

Сильченко сидел на носу и смотрел на серо-стальные волны Каралака. В волнах отражались темные снеговые тучи, ползущие над берегами и широкой гладью реки. О предстоящем разговоре с Серовым Сильченко думал с тревогой. Он знал — разговор будет трудный. В годы гражданской войны Серов командовал тем корпусом, где Сильченко был комиссаром. Расстались они, когда Сильченко уходил в академию, недружелюбно. Серову казалось, что этот отъезд — измена строевой службе. Несколькими годами спустя он сам уехал в академию и закончил ее. Но холодок в их отношениях остался. Не раз еще им приходилось сталкиваться по работе в различных городах страны, и Сильченко вынес из этих встреч уверенность, что в трудную минуту он у Серова помощи не найдет. Но сейчас другого выхода не было... Высокомерие, пренебрежительный, насмешливый взгляд. Ну что ж, все это придется снести.

Поднимаясь по лестнице главного здания пароходства, спускавшейся широкими ступенями к прибрежному скверу, Сильченко подумал, что не много было в его жизни случаев, когда, готовясь к важному разговору, он так плохо представлял бы себе, как поведет этот разговор, с чего начнет, какими будут первые слова.

Серов, невысокий плотный генерал с красивой седой головой и умными живыми глазами, встретил Сильченко внешне очень приветливо.

— Старейш, Борис, — сказал он сочувственно, усаживая гостя в кресло. — Под глазами мешки, морщины разводишь. К чему бы это?

— Все мы не молодеем, — ответил Сильченко, усаживаясь.

— Сушая правда. Иногда посмотрю в зеркало и думаю: неужели это ты, брат?

По сухости, с какой ответил Сильченко, было очевидно, что продолжать разговор в этом легком тоне он не собирается.

— Я к тебе по важному делу, Василий, — произнес он.

— Знаю, что по делу. Без дела ты к старому приятелю не выберешься. Когда диспетчер сообщил мне о твоём приезде, я немедленно вызвал машину, как на аварию. Ну, что там у вас случилось?

Сильченко подумал, что надо обстоятельно все рассказать и обосновать просьбу серьезными аргументами, но вместо этого неожиданно для себя вынул еще не сданную шифровку и протянул ее Серову. Оживление мигом слетело с лица Серова. Теперь на Сильченко смотрели жесткие, хорошо ему знакомые глаза человека, умевшего приказывать, быстро ориентироваться в сложной обстановке, быть беспощадным к своим и чужим промахам. «Не даст!» — подумал Сильченко.

— Сволочи! — сказал Серов. — Сволочи, куда забрались! — повторил он и, привстав, передал телеграмму Сильченко. — В трудное положение попал ты, Борис.

«Нет, не даст!» — еще раз подумал Сильченко.

Серов встал и прошелся по комнате.

— В самое устье Каралака ворвались! — повторил он гневно. — А что смотрела наша разведка? Крейсер вроде бы не муха, могли и засечь его на походе. — Он помолчал. — Что сейчас думаешь предпринимать, Борис?

— Самое главное для меня сейчас — вывезти из Пустынного как можно больше грузов, — ответил Сильченко. — Главное — арматура и цемент, без них мы станем. — Он решил и сказал прямо: — Мне нужна твоя помощь, Василий.

Серов усмехнулся.

— Догадываюсь, что не поплакаться пришел. Что за помощь?

— Нам нужны баржи и пароходы, чтобы забросить дополнительно тысячи четыре тонн из Пустынного в Пинеж, — нашего собственного флота на это не хватает. Всех потерь это, конечно, не покроет, но легче станет. Если я этого не сделаю, повторяю, решение ГКО будет сорвано и завода мы не пушим.

— Понимаю, — заговорил Серов. — Но, видишь ли, Борис, ты не водник и не знаешь, что мои баржи и пароходы не могут ходить так далеко на север, как суда твоего флота, — они не приспособлены к арктической широкой волне. Я обслуживаю навигацию между южными городами нашего бассейна. На такой риск, как отправка барж на Крайний Север, я пойти не могу.

— Знаю. Я и не прошу этого. Дай мне посуду до Медвежьего. Там я перегрузюсь в пришедшие с севера суда и возвращу тебе твои баржи и буксиры. — Сильченко помолчал и добавил, зная по старому опыту, что Серов рассердится, и желая, чтобы Серов рассердился: — Если ты сам не можешь, Василий, решить это дело, я свяжусь с Москвой, оттуда пришлют бумагу, я обещаю это.

— А что толку в твоей бумажке? Она мне количество барж не увеличит. Такие вещи мы с тобой должны уметь решать сами, без приказов Москвы, — не первое десятилетие в партии. — Серов помолчал и хмуро пояснил: — Я не против твоего плана, план мне нравится, осуществить его — с технической стороны — легко. И помочь тебе нужно, это я понимаю. Суть дела в том, что нет ни одного свободного судна. В южных городах нашего бассейна свои и эвакуированные заводы — все они работают на фронт. Моя посуда перебрасывает грузы из этих городов в Пустынное на железнодорожную магистраль. План этих перебросок очень напряженный, я и так еле с ним справляюсь. Сомневаюсь, чтобы Москва разрешила срезать его хоть на тонну. Фронт есть фронт. Слышал сегодняшнюю сводку? А у нас прямая нитка к Волге.

Сильченко молча смотрел на угрюмого Серова и понимал: все его доводы бесполезны и к Москве обращаться тоже бесполезно. В такое время, когда бои идут у окраин Сталинграда, никто не разрешит срывать поток военных грузов, идущих на фронт. И сам он, Сильченко, не имеет права этого требовать.

Серов сидел, опустив голову, потом снял трубку телефона.

— Начальника дороги, — сказал он. — Начальника дороги, говоря вам! — крикнул он и уже обычным тоном продолжал: — Егоров? Здравствуй, говорит Серов. Ну, вот и хорошо, что узнаешь по голосу. Тут у меня сидит Сильченко, начальник нашего северного строительства. У них там крупное происшествие, завтра на бюро крайкома расскажу. Дело оборачивается так — ты им навез сюда, на их базу, много всякой всячины, все это нужно немедленно, не теряя ни одного дня, перебросить в их Арктику, иначе строительство станет. Знаю, знаю, что твои рельсы так далеко не тянутся. Они тебя и не просят. Они просят у меня посуду до Медвежьего с перегрузкой в Медвежьем на идущие с севера суда. Не могу сказать, чтобы это было мне приятно, сейчас там туманы, сам понимаешь, риск большой. Но у них положение отчаянное: если откажу, завод вовремя не пустят. Да и не согласятся они с моим отказом, а устроят мне неприятности в ЦК. Правильно, и я так думаю — нужно дать. Но я не один, у меня ты на шее сидишь — я подвожу тебе из южных районов грузы. Я даю сейчас же суда, если ты за эти две недели, что они будут отсутствовать, согласишься перебросить из южных городов по всем твоим боковушкам эшелонов десять — двенадцать. Понимаю, Егоров, понимаю — сейчас в стране ни у кого нет легких планов. Я считаю, что другого выхода нет. Дело не в крайкоме — крайком не будет возражать, если мы с тобой договоримся. Хорошо, наведи справки, я подожду.

Серов положил трубку и выразительно посмотрел на Сильченко.

— Теперь все от Егорова зависит, — сказал он. — Если он примет на свои плечи те пружы, что я не смогу перевезти, отдав тебе суда, завтра же ты получишь две баржи, а на этой неделе дам еще штук восемь. А если откажется, значит ничего не вышло — тут только прямое решение ГКО сможет помочь тебе.

— А как ты думаешь, откажется?

— Трудно сказать. Дополнительная нагрузка велика, а линии у него забиты так, что мышь трудно просунуть на колею, не то что десяток эшелонов. Но Егоров умеет решать вопросы по-государственному, не только со своей колокольни. Подождем немного. — И, невесело усмехаясь, Серов добавил: — Ты знаешь, что он мне сказал: «Большое же у них стряслось несчастье, Серов, если ты сразу, без нажима сверху, отдаешь им свою посуду!» Я тебе говорю — умный мужик.

Зазвонил телефон. Серов снял трубку, и лицо его просветлело. Не бросая трубки, он протянул Сильченко свободную левую руку, и Сильченко ухватил ее двумя своими руками.

— Правильно! Правильно! Завтра же проведем в крайкоме, я приеду с Сильченко. Ну, договорились! — кричал Серов в трубку. — Рад за тебя, Борис, — сказал он, оставляя телефон. — Этот Егоров — молодец, полностью принимает пружы на себя, просит только оформить постановлением крайкома. Завтра заезжай ко мне в пять, поедем на бюро. Крайком, конечно, поддержит тебя. Теперь я со спокойной совестью могу выделить тебе караван или даже два на парочку недель. Десяти барж хватит?

— Вполне хватит, Василий. Твоя помощь выручает нас из тяжелой беды. Честно говоря, я даже не ожидал, что ты с такой открытой душой пойдешь мне навстречу.

— Все мы делаем одно дело, Борис. Ну что же, поедем ко мне домой, познакомлю с внучком, угощу хорошим чаем.

— Нет, благодарю, у меня сейчас только одно место — на погрузке барж.

— Понимаю. Ну, так завтра жди первой баржи и не задерживайся с погрузкой. Прогнозы неважные — в твоём распряжении самое большее недели три.

— Прощай, Василий, не задержусь.

Было уже совсем темно, когда Сильченко возвратился в Пустынное. Погрузка при свете электрических ламп шла так же напористо, как днем. Сильченко половину ночи провел на пристани, переходя с баржи на баржу и проверяя, разумно ли размещены грузы. Он возвратился к себе только к трем часам ночи и приказал диспетчеру немедленно разбудить себя, как только придут баржи Каралакского пароходства.

Его разбудили в шесть часов утра. Он вышел, поеживаясь от холода. В сером полусвете туманного утра над Каралаком выростали, надвигаясь на берег, две баржи. Их подтянули к берегу, набросили на борты трапы, связали мостовым переходом и стали загружать. Эти баржи должны были в дороге перепружаться, поэтому их загружали товарами, которые удобно переносить на плечах: мешками с мукой, цементом, ящиками консервов, кирпичом, фасонным огнеупором. Машины и арматуру пружили на суда строительства, об этом Сильченко позаботился заранее.

Серов был точен — каждый день поступали новые баржи. Теперь у пристани грузилось полтора десятка барж, и так как погрузка шла одновременно на всех судах, то внешне было незаметно, что работа продвигается быстро: на рейде, вопреки обыкновению, не было еще ни одной груженой баржи, ожидающей, когда остальные закончат погрузку и начнется формирование каравана. Зато на четвертый день шесть тяжело нагруженных барж сразу отошли от берега, освобождая дорогу новоприбывшим судам.

Подгонять никого не приходилось, люди работали, напрягая все силы: каждый понимал, что караванам, которые идут в Арктику в такое позднее время, дорог даже час.

Обычно караваны барж шли от Пустынного до Пинежа четырнадцать — шестнадцать суток. По прогнозу, переданному метеорологами из Ленинграда, где продолжались исследования ледового режима рек Советского Союза, выходило, что зима в этом секторе Арктики наступит на несколько дней раньше обычного и ледостава около Пинежа следует ожидать примерно четвертого октября.

Сильченко расписал по часам погрузку каждой тонны товаров. Между часами и тоннами шла борьба, и от того, кто победит в этой борьбе, кипевшей круглые сутки на пристани, зависел успех задуманного дела. С молчаливой радостью, которую он скрывал от всех, как скрывают военную тайну, Сильченко видел, что тонны берут верх над часами.

В конце седьмого дня, двадцатого сентября, восемнадцать барж, нагруженных почти десятью тысячами тонн разнообразных грузов, были выведены на рейд и сформированы в три каравана. Буксирные пароходы «Колхозник», «Чапаев» и «Таежный партизан» медленно тащили по широкой воде эти растянувшиеся на несколько километров караваны. Команды пароходов высыпали на борт с криками, махая руками, прощались с Пустынным. А Сильченко лежал на диване в каюте капитана и спал глубоким сном, отсыпаясь за целую неделю.

2

В истории Каралакского пароходства никогда еще не бывало, чтобы тяжело груженные караваны отправлялись так поздно в арктические воды. Даже здесь, недалеко от Пустынного, в двух тысячах пятистах километрах от Пинежа, была уже осень. Тяжелые тучи низко ползли над берегами реки. То шел густой холодный дождь и серое небо неразличимо сливалось с серой рекой, то на караваны набрасывался ветер и короткие пенящиеся волны толкались в бока слегка покачивавшихся барж. Маленькие буксирные пароходы раскачивались сильнее и форсировали топки — густой темный дым низко стлался над рекой и окутывал баржи. Только

на поворотах или при боковом ветре дым относилось в сторону, и тогда на баржах становилось легко дышать. Караваны, стремясь обогнать наступающую зиму, шли со скоростью, неслыханной в истории Каралака.

Почти все свободное время Сильченко проводил на капитанском мостике «Колхозника», шедшего во главе каравана. Сильченко с невольным уважением глядел и на исполнскую реку и на сдвинувшие ее берега. Каралак он знал хорошо, но знал так, как обычно знают по учебнику географии: помнил населенные пункты на берегах, пристани, верфи и заводы, крупные притоки, примерные расстояния между ними. Много раз он летал над бассейном Каралака, но, кроме бесконечных лесов и пустынной голубой ленты, прорезавшей леса, в памяти ничего не осталось. Но сейчас, когда он впервые плыл по реке и ему предстояло плыть по ней еще две недели, все, что он знал, вдруг стало живым и зримым.

Даже здесь, далеко от Каруни, вливавшей в него воды целой лесной страны, большей, чем Финляндия, Каралак был огромен. В трехстах километрах от Пустынного он пересекал горный хребет и мчался между высокими лесистыми берегами и скалистыми островками. Крутые высокие склоны, обнажившие коренные диабазовые породы, нависали над его стремительным течением, и Каралак казался горной рекой. Но и здесь, в этом угрюмом, прорезанном в горах ущелье, он был очень широк. Наметанным взглядом строителя Сильченко прикидывал, что можно воздвигнуть на этих берегах.

— Река коммунизма, — сказал он Крылову, стоявшему рядом с ним. Крылов, как и все речники каралакского флота, гордился своей могучей рекой и с удовольствием слушал Сильченко. Сильченко продолжал: — Ты представляешь, Петр Васильевич, какую неслыханную электростанцию можно воздвигнуть на этом месте — миллиона на четыре киловатт, не меньше. Вот закончим войну — подберемся и к этой проблеме. И не будет во всем мире таких крупных строек, как здесь, на Каралаке!

Прорвавшись через хребет, Каралак разливался до трех километров, но и тут его скорость превосходила пять километров в час. С высоты командного мостика Сильченко отчетливо видел опромные береговые деревья — мачтовые сосны, лохматые кедры, стройные ели, могучие пихтачи и среди них с каждым часом все более редкие лиственные породы — березу, растрепанные тополя, осины, тальник. Временами уже появлялась лиственница. Яркая пестрота лесных осенних красок резко подчеркивала угрюмую свинцовость глубоких вод.

У пристани Морозово была первая бункеровка. Сильченко добился того, что вместо шести часов она продолжалась два. На погрузку угля вышли все свободные от вахты. Даже первый помощник Крылова Зыкоз, старый полярный матрос, подставил под ящик с углем свою широкую спину. Бункеровка шла перед самым рассветом при свете керосиновых фонарей. Жители поселка тоже помогали в погрузке — радио уже сообщило им о приближении необычно поздних караванов.

К Сильченко, стоящему на капитанском мостике и оттуда наблюдавшему за погрузкой угля, подошел Крылов.

— Борис Викторович, только что на берегу получена радиограмма, — сказал он, вздохнув.

— Какая? — спросил Сильченко, не поворачивая головы.

— В тридцати километрах к северу, в районе Пестовских порогов, стоит туман шириной километров на сотню. Видимость в тумане десять—пятнадцать метров, не больше.

Встревоженный Сильченко обернулся к Крылову. Темно-красное крупное лицо старейшего на Каралаке водника казалось озабоченным. Он уныло смотрел на погрузку, изредка проводя ладонью по своим пушистым усам.

— Что думаешь делать, Петр Васильевич?

— По инструкции полагается отстаиваться, пока туман не пройдет. Фарватер в районе порогов опасный, можно легко загубить судно и в ясную погоду. Даже по открытому течению идти в тумане воспрещено. Вообще ходят, конечно, но не через пороги и при начальстве этим не хвалятся.

— Я спрашиваю, Петр Васильевич, что думаешь делать?

— Думаю идти, Борис Викторович, — строго сказал Крылов. — Хочу твоего разрешения. Туман в это время может простоять неделю, а опоздай мы на неделю — Каралак на низу, бесспорно, станет.

— Ну что ж, иного выхода у нас нет.

Караваны вышли из Морозово, когда восток светлел. Тяжелые тучи, следовавшие за караванами, внезапно разорвались, и яркое, но уже холодное солнце осветило сразу посветлевшую воду и огненно-рыжие с зеленью берега.

— Дразнит солнышко, — сказал Крылов, подходя к Сильченко и показывая рукой на восток. — Сколько дней не показывалось, а тут перед самыми туманами вынырнуло.

Сильченко осматривал линию караванов. Плавно выгибаясь вслед за изгибом неровного фарватера, отчеркнутого красными пирамидами бакенов, она протянулась километра на три. Даже не будучи водником, только видя изгибы опромной линии, можно было понять, как трудно будет вести эту массу судов вслепую, по звуку. Лицо Крылова, как обычно настроенное, не выражало особого беспокойства. Сильченко спросил:

— Какое в районах, где пал туман, течение?

— Крутится, — ответил Крылов, угадывая смысл его вопроса. — Речка-то ведь нигде по линейке не проведена. Ну, да ничего, Борис Викторович. Каралак — дядя солидный, крутых поворотов у него нет, работал, можно сказать, добросовестно: смыл их начисто. Другое меня беспокоит — Пестовские пороги в тумане еще никто не проходил. Ребята там, — он кивнул в сторону «Чапаева» и «Таежного партизана», — народ расторопный и смелый, но тут смелости мало, нужен опыт, нужно хорошее знание порогов. За себя я ручаюсь. Еще в молодые годы на пари на бутылку водки вел катер «Императрица Мария Федоровна» через пороги с закрытыми глазами. На глазах была повязка, рядом стоял капитан Иван Иванович Сердечный... Ни одного моего распоряжения не отменил. Тут же, за последней скалой, распили бутылку. А на «Таежном партизане» Михеев — молодой парень, три года назад техникум кончил, я за него боюсь.

Сильченко вспомнил Михеева — молодого некрасивого парня, даже в жаркие дни ходившего в форменке; он дни и ночи проводил на капитанском мостике и, казалось, даже спал там. Сильченко вспомнил, как жадно Михеев слушал его короткое сообщение на совещании в Пустынном, с каким жаром он работал на погрузке, как четко вел своего «Таежного партизана» в кильватере последней баржи «Чапаева», держа дистанцию с точностью до нескольких метров и артистически повторяя все эволюции Крылова, и подумал, что этот паренек, пожалуй, тоже сумел бы вести судно по шуму воды с закрытыми глазами.

— Надо бы его поставить вторым, а «Чапаева» — в конце, — со вздохом сказал Крылов. — Не догадался я, а теперь поздно.

Солнце ярко светило часа два, а затем появился туман. Он не стал постепенно, не спускался, а открылся сразу, и «Колхозник» вошел в него, как в белую стену, протянувшуюся четкой, но неровной линией от берега к берегу. Граница между белой темнотой тумана и ярким сиянием остального пространства была так резка, что Сильченко некоторое время отчетливо видел все суда каравана, протянувшиеся сзади на три километра, и уже не различал матросов, стоявших на носу парохода в пятнадцати метрах впереди него.

Когда весь пароход ушел в туман, включили сирену, и ее негромкий звук повторяли колокола барж и сирены других буксиров. По характерному дрожанию корпуса, изменившемуся шуму винта и сразу усилившейся качке Сильченко понял, что пароход сбрасывает скорость.

— Часов десять так будем идти, — сказал Крылов, повернув голову к Сильченко. — Хорошо день, а не ночь, — добавил он со вздохом, осматривая непроницаемо белое пространство. — Ночью в туман войти в Пестовские водовороты — дело нехорошее. Тут хоть вода у бортов видна.

— Почему сирены тихо гудят? — спросил Сильченко.

— Нет нужды. Впереди судов нет, это известно точно, звук нужен нам только для ориентировки.

В тумане было холодно. Сильченко поднял воротник шинели и засунул фуки в карманы.

— Отдохнул бы ты, Борис Викторович, — посоветовал ему Крылов.

— Не хочется. Далеко до порогов?

— Часа два пройдет, пока доберемся.

Эти два часа показались Сильченко сутками. Он стоял на одном месте, пока совсем не продрог, потом, как Крылов, ходил по мостику и вглядывался во тьму. Прошла целая вечность, прежде чем Крылов сказал, проходя мимо него:

— Идем у самого берега — от силы метров сорок. Сейчас начинаются пороги.

Винт работал так тихо, что его почти совсем не было слышно. Звон колоколов с барж доносился неясным, растекающимся в тумане звуком. Зыков стоял у штурвала, а Крылов и Сидорин всматривались в воду и вслушивались во что-то, чего Сильченко не слышал. Крылов время от времени отдавал короткие, быстрые распоряжения, Зыков поворачивал колесо штурвала, а издали, из тумана, доносились крики матросов — они передавали приказ по каравану.

Внезапно — так по крайней мере показалось Сильченко — возник угрюмый, тяжелый звук и широко распространился в белой темноте тумана. Спустя несколько минут все кругом шумело и грохотало. Шум исходил отовсюду, множество звуков сплеталось и сталкивалось один с другим. Крылов крикнул в трубку что-то похожее на ругательство. Матросы поспешно выбирали на палубу ослабевший трос, соединявший буксир с баржей. Сильченко всем телом наклонился вперед и увидел пенящуюся, словно кипящую воду. Вода неслась уже не назад, а вперед, мимо бортов парохода, обгоняя его. Сильченко понял, что «Колхозник» движется только давлением стремящейся увлечь его воды. Высокий правый берег, неясно видневшийся в тумане, вдруг стал быстро стираться и пропадать, а с левой стороны проступило что-то черное, похожее на тень судна. Крылов снова крикнул в трубку, и матросы стали бросать за борт выбранный трос. Теперь вода отставала от парохода, но кипела по-прежнему.

— Нужно бы идти медленно, а я не могу, — озабоченно сказал Крылов. — Передняя баржа чуть не ударила в корму. Одно серьезное местечко прошли, а дальше будет хуже. Боюсь, боюсь я за Михеева — он эти скалы плохо знает.

Вода все кипела и медленно уходила назад, а в какой-то миг странно изменилась: она еще взлетала, словно кто-то выталкивал ее из глубины вверх, но теперь это была не вода, а сплошная пена. И тяжелый грохот, шедший со всех сторон, усилился, стал таким мощным, что уже не слышно было ничего, кроме этого грохота. В тумане справа и слева проступали темные пятна, они появлялись, росли и вновь исчезали. Крылов не обращал на них никакого внимания. Он вслушивался, повернув вперед большое, поросшее волосами ухо, в шум и грохот бившейся о невидимые скалы воды. Вдруг туман стал гуще и темнее, а слева воздвиглась огромная,

похожая на исполинскую башню чернота, и вокруг нее маячили большие и малые пятна, создававшие какой-то причудливый барьер. Вода теперь, казалось, остановилась в своем беге, но черные пятна проносились назад с такой быстротой, что по этой быстроте Сильченко понял, как бегут воды в стремнинах Пестовских порогов. И когда силуэты скал стерлись в тумане, сразу стал глуше и тише шум беснующейся воды. Кругом стоял тот же белый туман, но за ним угадывалась широкая пустынная гладь реки.

Крылов, повернувшись назад, теперь вслушивался в шум, глухо доносившийся издалека. Он не отдавал приказаний, не шевелился, только слушал. Когда же грохот порогов совсем стих и был слышен только мерный шум винтов, негромкий вой сирены и позванивание колоколов, сзади, из белой далекой темноты, донесся какой-то громкий звук, похожий на выстрел из пушки. Железные голоса рупоров подхватили его и стали перебрасывать вперед.

Крылов снял фуражку и вытер вспотевший, несмотря на холод, лоб. — Последняя баржа благополучно прошла стремнины, товарищ полковник! — сказал он торжественно и официально. И тотчас же добавил с одобрением, почти с нежностью: — Молодец Михеев. Мальчишка, а не растерялся. Будет из него водник!

Сильченко спросил:

— Больше скал впереди нет, Петр Васильевич?

— Теперь уже до самого океана Каралак свободен. Горы остаются позади. Ты бы лег, Борис Викторович, самое опасное место прошли, скоро выберемся из тумана.

Туман кончился так же внезапно, как и начался. Из тумана, как из белой стены, медленно выплывали пароходы и баржи. Когда вышла последняя баржа, сирена «Колхозника» мощно загудела, и ее приветственный, торжествующий звук дружно подхватили сирены «Чапаева» и «Таежного партизана».

Крылов приказал «дать столько пара, чтоб чертям в аду тошно стало». Из труб пароходов снова повалил черный дым — он низко стлался над поверхностью реки. Берега Каралака были покрыты могучим таежным лесом. Тайга по-прежнему вся словно светилась оранжевым светом, кое-где прорезанным темной зеленью елей и пихт, но на берегах уже виднелись серовато-белые пятна снега. Не было и солнца, проводившего их ярким сиянием в туман, — над землей и водой нависло угрюмое небо.

— Забереги появились, — говорил Крылов, глядя на узкие полосы льда, тянувшиеся у берегов. — Не нравится мне эта погода! Ну и не нравится! — Он с сомнением оглядывал небо и воду. — Каждый день может ударить мороз, пойдет сало, а там и шуга всплывет. Придется добавить ходу. Жди сегодня снега, Борис Викторович.

На этот раз Крылов ошибся. Два дня караваны плыли при тихой и бесснежной погоде, и в эти дни Крылов все ускорял и ускорял ход. Лес терял свои яркие цвета. Сильченко видел в бинокль, что лиственная тайга с каждым километром уступает место ели и сосне, даже пихта пропадала.

— Каждую осень так, Борис Викторович, — пояснил Крылов, — в южных районах тайга желтеет, а здесь сосны да ель, они всю зиму зеленые; посевнее лиственница командует, там опять желтизна.

В один из вечеров пошел первый, мокрый снег. Он заваливал палубы и берега, оседал на древесных верхушках, воды Каралака катились, поблескивая черным блеском меж белых берегов.

Утром снег перестал. Весь день караваны шли между белыми берегами. Ширина заберегов все росла. Крылов форсировал топки, торопясь к Медвежьему.

Сильченко обратил внимание на то, что по реке катились, взблескивая на гребнях волн, тонкие слоистые льдинки.

— Сало идет, — объяснил Крылов. — Ночью ударил холод, и поверхность воды стала промерзать. Сало не опасно, пока не пойдет шуга. Каралак такой богатырь, что ломает целые поля сала метров на сто длиной. Карунь остановится, а он еще движется к океану как ни в чем не бывало. А если до того как доберемся к Медвежьему, пойдет шуга, значит не пройти нам к Пинежу в эту навигацию.

Сильченко удивился меткости названия — перламутровые пластинки льда, утончаясь, все более напоминали тонкие блестящие сала в тарелке остывшего супа.

А потом снова пошел густой снег, и берега пропали в его пелене. Снег падал на сало, плывшее по реке, и, не стаивая, образовывал островки, уносимые водой. Сильченко с тревогой смотрел на побелевший Каралак. До Пинежа было далеко, они прошли только половину пути, а каждый следующий километр будет тяжелее предыдущего.

— Завтра на рассвете подойдем к Медвежьему — может, выкарабкаемся, — сказал Крылов, угадывая его мысли. — В кочегарке у меня дежурят полуторные смены, скорость хорошая. А снег этот нетающий — это снежура, перед ледоставом ее много ходит по реке. Иной раз она совсем забивает реку. Но пока шуги нет, снежура не опасна.

Сильченко видел, что Крылов, а за ним и капитаны остальных буксиров выжимают из котлов все, что можно. За тяжело груженными, сидевшими ниже ватерлинии баржами расходились полосы бурлящей воды, и волны ширской косой линией уходили к берегам, ударяясь о них.

Караван снова плыл у высокого правого берега, покрытого густым лесом. Берег на сотни километров был совершенно пуст. Только изредка встречались избушка бакенщика и около нее лодочка, вытщенная на песок. Чайки металась над водой с резкими криками.

Когда на другое утро Сильченко поднялся на капитанский мостик, Крылов, подняв воротник меховой куртки, стоял у штурвала. Он был урюм и недоволен. Показывая рукой на реку, он сказал:

— Шуга идет, Борис Викторович. Пока, правда, не сильная, но раз она растет здесь, значит, там, на низу, Каралак становится.

Сильченко спросил, не отрывая взгляда от реки:

— Что такое шуга?

— Куски донного льда, — пояснил Крылов. — Когда воду проберет морозом, лед намерзает на дне, на якорях, на водорослях. Он растет, пока не сорвется и не выскочит на поверхность со всем своим гамузом, на котором растет, — водорослями, камушками и прочим. Одно сало река сама разбивает, а с сильной шугой при сале и Каралаку не справиться.

Теперь и сам Сильченко ясно различал шугу. Это были маленькие и неровные комки, плывшие между кусками сала. Пока он рассматривал один такой комочек, пронесившийся мимо борта, рядом появился второй. Сильченко видел, как он возник где-то в глубине, пошел наверх и, выталкиваемый водой, слегка подпрыгнул над поверхностью. Шуги было много меньше, чем сала, но она уже виднелась по всей реке.

— Сколько до Медвежьего?

— Два-три часа. Что будем делать, Борис Викторович, если пойдет сильная шуга? Речные правила строги — при шугоходе нужно спасаться, немедленно уходить на отстой.

— Будем идти, — сухо сказал Сильченко, сжимая губы. — У нас нет другого выхода. Будем идти, пока возможно.

— Бывает и так, что шуга примерзает к бортам парохода, образует вокруг него ледяное поле и останавливает пароход. Вмерзнем в лед посередине реки, Борис Викторович, весной при ледоходе придется тяжело, можно все суда загубить.

— Если не прорвемся, вмерзнем в лед, Петр Васильевич. Пойми, у нас нет другого выхода. Грузы должны быть доставлены в Ленинск, иначе

оборонный завод не пустим. Будем идти, пока не вмерзнем. Если уж без этого нельзя будет обойтись, постараемся вмерзнуть поближе к Пинежу. Зимой вывезем грузы по льду Каралака на самолетах, на оленях и лошадях, на всех видах транспорта, какие можно будет поднять.

— Вмерзнуть дело не страшное. Меня беспокоит только весенний ледоход. Придется подыскивать для отстоя защищенную бухточку, устье какой-нибудь речушки. Впрочем, это уж дело Семена Семеновича, от Медвежьего командование принимает он. Думаю, он лучше всех нас сообразит, что делать при отстое.

— Нужно думать не об отстое, а о том, чтоб добраться до Пинежа. Что там виднеется — река, что ли?

— Хватился, Борис Викторович. Три часа уже виднеется, с самого первого света. Карунь, а на Каруни — Медвежий. Дымки различаешь?

Сильченко не обладал таким острым зрением, как Крылов. Он ничего не различал, кроме покрытой кусочками льда реки, белых берегов и какой-то блестящей ленты, прорезавшей правый берег. Он догадался, что эта лента — Карунь.

3

Поселок Медвежий они увидели через час. Первой открылась сама Карунь, могучая таежная река. На стрелке высокого правого берега Каруни показался поселок Медвежий — два десятка темных изб, несколько деревянных складов, стоящие на отшибе металлические баки для горючего. На крутом выступе берега толпились человек двадцать — они приветственно махали руками. На пристани стоял флагман буксирного флота Каралака — пароход «Ленин». Около него вытянулись в линию семь большегрузных барж.

От пристани мчалась моторка. Лихо повернув, она пошла бок о бок с «Колхозником». На моторке стоял высокий худой человек в меховой тулупе, подтянутый, чисто выбритый. Это был Семен Семенович Дружин, капитан «Ленина». Он был известен среди водников Каралака строгой организованностью, смелостью и удачей в плаваниях. Он помахал рукой матросам и командирам, заполнившим палубы и мостики, а затем, улучив удобную минуту, прыгнул на нос «Колхозника». Моторка, взревев винтом, окуталась водяной пылью, отвалила от борта парохода и унеслась вперед.

Дружин, перепрыгивая через ступеньки, быстро взбежал на капитанский мостик, где находились Сильченко, Крылов, Зыков и Сидорин. Пожимая всем по очереди руки, он говорил, оживленно улыбаясь:

— Прибыли третьего дня, успели наскоро подлататься. Вашу радиogramму, товарищ полковник, получили еще в Пинеже. Для перегрузки все готово. Моя команда получила наряд вне очереди на двойную порцию сна, все выспались вволю и отдохнули. Надо скорей приниматься за дело. Завтра к вечеру должен уйти, не позже: дорог каждый час.

Перегрузка началась тотчас же, как только южные баржи подошли к берегу и стали борт о борт с баржами Дружина. Дружин оправдывал свою славу — его распоряжения были четки и решительны. Команда «Ленина» — от судомойки до первого помощника капитана, персонал барж, население поселка — все ждали на палубах пустых барж. Люди были разбиты на группы и отряды, и у каждой группы был свой старший. В эти группы Дружин безостановочно вливал новых людей, поступавших под его начальство, — поднятые по тревоге команды трех прибывших пароходов и барж. Над пристанью поднялся черный дым и поплыл над стальной поверхностью быстро бегущей Каруни: «Колхозник» стал под последнюю бункеровку углем.

Сильченко, пройдясь по баржам, убедился, что ему тут делать нечего. Мимо него торопливо пробегали люди с мешками на спине. Сбросив

мешки в трюм, они еще быстрее бежали обратно. Этот торопливый бег был так четок, что посторонний человек, не бежавший вместе со всеми, невольно нарушал ритм и мешал работе. Сильченко возвратился на мостик. Уже уходя, он заметил Михеева. Молодой капитан «Таежного партизана», накинув поверх форменки брезентовый плащ грузчика, бежал вместе со всеми и сгибался под тяжестью мешка с мукой.

«Работают с ожесточением, — подумал Сильченко, — вот оно правильное слово, — повторил он про себя: — ожесточение».

Ночью пошел густой снег — Карунь вся покрылась снежурой. На мостик поднялся черный от грязи, усталый, охрипший Дружин. Его глаза весело блестели. Он доложил:

— Еще часа на четыре осталось, товарищ полковник. Уйдем не вечером, а утром.

Погрузка закончилась на рассвете. Караваны могли отправляться в путь.

Во главе первого каравана стоял «Ленин», второй караван тянул «Колхозник».

«Таежный партизан» и «Чапаев» протяжно гудели, провозжая товарищей в арктический рейс, и «Ленин» отвечал им низким басом. Мимо прошли крутые берега Каруни и развернулся простор широко разлившегося Каралака. В лицо дул северный ветер. На якорных цепях, на плитах бортов нарастал плотный лед. Шлюпка, тянувшаяся за одной из барж, через несколько часов превратилась в бесформенную ледяную глыбу. Ее подняли на баржу, и она стояла там, обледенелая и уродливая.

По всей реке шло сало. Теперь это были уже не тонкие пластинки — это были большие блины, целые простыни льда. Непрозрачные, мутно-белые, они испятнали всю реку. Между ними, слегка подпрыгивая над водой, всплывала шуга.

Приняв в себя воды Каруни, Каралак раздался так широко, что берега не подходили один к другому ближе чем на три километра. По всему было видно, что Полярный круг уже рядом, пропала сосна, реже попадалась ель, все больше и больше становилось лиственницы. Потом и этот лес стал редеть, все чаще он прерывался болотными пустошами, деревья, низкорослые и кривые, лепились на южных склонах холмиков, в овражках и падах. За Полярным кругом густо пошел белый ползучий мох — отсюда до самого океана простиралась его страна.

Дружин не жалел угля — из трубы «Ленина» валил дым, светясь в темноте темно-вишневым сиянием. Утром Сильченко, выйдя наружу, в первую минуту подумал, что река стала. Каралак был весь белый. Но тяжелое дрожание всего корпуса корабля и быстро проносившийся мимо близкий берег показывали, что караваны движутся с большой скоростью. Трубы «Ленина» по-прежнему извергали густой дым с искрами, а «Колхозник» временами совсем пропадал в дыму — Крылов честно равнялся на своего более могучего товарища.

— Полубуйтесь, товарищ полковник, — сказал ходивший по мостику Дружин. Его лицо, красное от холода, было мрачно. — Вот это и есть настоящая шуга. Не буду скрывать, дело плохо: нам еще два дня ходу. Спасибо, на рассвете упал мороз, а то бы Каралак встал.

Вода кипела от комков льда, непрерывно выскакивавших из глубины. Комки сближались, срастались, превращались в большие комья, временами сталкивались и снова распадались на мелкие куски.

Сильченко вспомнил, как еще в Медвежьем Дружин сказал: «Кочегарам достанется! От них зависит наш рейс — от кочегаров».

Он вспомнил еще, как на коротком митинге перед отплытием благодарил команды пароходов за самоотверженную работу. Он сказал тогда:

— Приближается зима, ее нельзя остановить, нам остается одно: обогнать ее. Мы пойдем не только в неслыханно тяжелых условиях, мы

должны идти с неслыханно высокой скоростью. Товарищи кочегары, что вы скажете?

В группе кочегаров послышались голоса: «Бойко, отвечай! Скажи полковнику, Бойко!»

После минутного замешательства и приглушенных споров встал невысокий пожилой человек с пронзительными глазами и сурово сжатым ртом. Он посмотрел сперва на своих товарищей, потом на Сильченко и сиплым, надорванным голосом сказал:

— Кочегары и машинисты знают свой долг. За нас не беспокойтесь. Пусть рулевые не дремлют и штурмана не зевают, а мы не подкачаем. Будем держать пар на контрольной стрелке и — смерть фашистам! — Последние слова он произнес с яростью и так взмахнул рукой, будто ударил кого-то по голове.

«Да, — думал Сильченко, вспоминая суровое лицо Бойко. — Люди не пожалеют себя. Но если соединится все сразу — сало, шуга и снегопад да вдобавок грянет сильный мороз — ни чьего умения не станет прорваться».

Он спустился в кочегарку. Полуголые кочегары перекидывали лопатами уголь из бункеров к топкам, другие ловко разбрасывали его тонким слоем на колосники и шуровали топки длинными ломками. По черным от пыли спинам текли струйки пота. Сильченко, спускаясь с последней ступеньки, нечаянно толкнул прсбегавшего мимо него полуголого, как все, Бойко. Тот, сверкнув глазами, закричал:

— Уходи отсюда, начальник! Не путайся под ногами! И без тебя тошно — места нет повернуться.

— Я хотел поговорить с вами, — сказал Сильченко. Но Бойко закричал сердито:

— Нечего нам рассказывать! Сами все знаем! Не ты один сознательный! Видишь, двойная смена, каждый добровольно по две вахты отработывает. Уходи, уходи, тут агитировать нечего! Сказано — не подкачаем!

У Сильченко дрогнули губы, он схватил грязный, мокрый от пота локоть Бойко и крепко пожал его.

Настала ночь. Дружин временами заходил в рубку и, отстраняя помощника, сам становился за штурвал. Река была пустынна — ни разу не засветились огни селения, даже огоньки бакенов встречались редко: глубина в этих местах была такая, что могли свободно ходить крупные морские пароходы.

— Вы спали, товарищ Дружин? — спросил Сильченко.

— Я сплю, как сторожевой пес, — в свободные минутки. Днем часа три спал.

— Крылов не отстает?

— Этот не отстанет. Сколько я буду делать, столько и он вытянет.

Все время стоять на мостике было трудно. Сильченко каждые полчаса уходил погреться то в каюту, то в рубку, то в машинное отделение. Температура медленно падала. К часу ночи было уже минус тринадцать, в четыре — пятнадцать, а к шести часам утра ртуть доползла до минус шестнадцати с половиной градусов и стала медленно подниматься. После рассвета, часов с восьми, снова стал всплывать донный лед. Вода в реке кипела и клокотала от вырывающейся наружу шуги. Льда было так много, что комья смерзались в целые груды. Они еще не могли превратиться в широкие ледяные поля и остановить движение реки, но мешали движению пароходов. Не искры, целые языки пламени вырывались вместе с дымом из труб «Ленина», а скорость все падала и падала. Пароход походил теперь на мощный грейдер, отваливающий пласт плотной земли. Не было заметно волн, бегущих от него, — в стороны от носа расходилась крутящаяся ледяная стена и слышался не плеск воды, а влажный треск сталкивающихся и ломаемых льдинок.

— До Пинежа сутки хода, — спокойно оценил положение Дружин. — Но если не потеплеет, нам потребуется восемь месяцев, чтобы пройти это расстояние, — раньше ледохода не будем.

Температура воздуха медленно повышалась. К трем часам стало минус девять градусов, и ртуть больше не поднималась, но нараставшее сало цементировало комья льда, превращало их в крупные монолитные куски. У берегов, где течение было слабее, эти куски срастались в пласты. Каралак продолжал упрямо ломать их, не давая им превратиться в сплошное ледяное поле. Он набегал волной на их поверхность, прорывался в их трещины, тянул их с собой или выбрасывал на отмели. Все же с каждым часом идти становилось труднее. Пароход с усилием продирался сквозь пока еще подвижную ледяную преграду. Скорость упала до семи километров в час.

Ночь спустилась на реку, но никто не спал — все, свободные от вахты, были на палубе и всматривались в бегущие во тьме просторы реки. Температура падала быстрее, чем прошлой ночью, — к двадцати часам было уже минус семнадцать, в шесть утра мороз достигал двадцати двух градусов.

Теперь лед на поверхности реки нарастал быстрее, чем поднимался из глубины. На середину реки выносились целые ледяные поля. Могучая река еще ломала их и превращала в куски, уносимые течением, но было ясно, что силы ее иссякают.

— Пинеж! — торжественно сказал Дружин в семь часов утра, показывая на крайнюю точку черного горизонта.

В глубокой темноте северного неба, освещаемого только призрачным сиянием льда, появилось как-то зарево. Оно было еще не ярким, временами пропадало и совсем не походило на сияние льда и снега. Это был свет электрических огней, отраженный в низко нависших снеговых тучах. На пароходах и баржах раздались крики восторга. На палубу высыпали черные кочегары, накинувшие на голые спины бушлаты.

Скорость караванов упала до шести километров в час — из них не менее трех приходилось на течение. Но и те три километра, на которые пароход обгонял реку, давались с трудом. На вахту были вызваны все смены — Дружин объявил аврал. Он шел на риск — стрелки манометров поднялись на пол-атмосферы выше контрольной черты. Скорость «Ленина» увеличилась почти на два километра. Вслед за первым караваном уже легко проходил второй.

Зарево на горизонте разгоралось все ярче, потом стало тускнеть — начался рассвет. В сумрачном полусвете морозного утра было уже легко различить пристань, склады, раскинувшиеся на высоком берегу избы.

А к десяти часам утра, весь содрогаясь от напряжения, сбросив скорость до трех километров, уже не пlying, а еле-еле продираясь сквозь лед. «Ленин» прошел мимо первого причала и подошел ко второму. Цепочка из восьми барж выстроилась вдоль берега. Следом за ними шел «Колхозник» со своими семью баржами. Матросы развели борты и стали выбрасывать сходни. По ним взбежал растрепанный сияющий Зарубин.

— Черти! — кричал он, пожимая руки всем, кто ему попадался. — Черти, ведь это же черт знает что такое, как вы пробрались! Мы всю ночь ожидали на берегу и до самого утра не верили, что вы прорветесь.

— В самый раз приехали, — с удовлетворением сказал Дружин, осматривая веселыми глазами берег. Потом он повернулся к Сильченко и отапортовал: — Разрешите доложить, товарищ полковник, караваны пришвартовались, приступаем к выгрузке.

Крепко пожимая ему руку, Сильченко ответил:

— Пускай люди сутки отдохнут, потом объявите аврал и разгрузайтесь. Передайте всему составу мою благодарность. Прошу через два

часа ко мне с проектом премий и благодарностей — выпустим специальный приказ.

— Хорошо, — сказал Дружин. Он показал на крутой берег. — Место для отстоя неважное, товарищ полковник. Весной попадем в самый ледоход. Придется что-нибудь придумывать, чтобы сберечь суда...

Но Сильченко уже думал о другом.

— Иван Михайлович, мне нужно срочно в Ленинск, — обратился он к Зарубину. — Разгрузку, организацию зимнего ремонта и все прочее возьмете на себя — будете докладывать по телефону. Могу я через час выехать?

— Скоро придет дрезина, часа через два уедете.

Сильченко сошел на берег вместе с Крыловым. Тот потрогал ногами прибрежный лед, потом прошелся по нему. Ледяной пласт от берега до парохода был уже так прочен, что не проваливался под ногами.

Каралак стал.

— Молодец Дружин! — с уважением сказал Крылов, возвращаясь к Сильченко. — Ледок не шелохнется теперь месяцев восемь, а то и больше. Промедли мы еще часа четыре, вмерзли бы у самого Пинежа, а сюда не добрались бы. Я шел сзади, мне было легче, — поверишь, сердце так и колотилось. Скажу тебе, Борис Викторович, нет на Каралаке другого такого водника, как Дружин.

К ним подошел чистый, одетый в зимнюю доху Бойко.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться, — сказал он смущенно поздоровавшись. — Ребята меня поедом едят — иди, мол, извинись. Так что — не сердитесь!

Сильченко рассмеялся и крепко обнял коцегара.

— Что тут извиняться! Ты прав, товарищ Бойко: во время работы нечего посторонним путаться под ногами.

4

Теперь Сильченко не в силах был ни часу сидеть в Пинеже. Он попытался вызвать Дебрева, но линия на Ленинск была повреждена еще со вчерашнего вечера, ее исправляли. Дрезина, по сообщению диспетчера, была задержана на полдороге, там путь перемело снегом, — она опаздывала часов на пять. Сильченко позвонил в аэропорт — самолетов не было. Был, правда, учебный самолет, его как раз испытывали в воздухе после смены колес на лыжи. Но в голосе начальника аэропорта слышался ужас — он решительно отказывался отправлять начальника строительства на такой ненадежной машине.

— Я письменное распоряжение напишу, — припрозил Сильченко. — Сейчас же готовьте машину к отлету.

Он быстро сдал дела Зарубину, простился с капитанами и командами и сел в сани. Аэродром был в семи километрах за поселком, и эти семь километров показались Сильченко тяжелыми — было уже по-настоящему холодно, резкий ветер обжигал шею, леденил щеки. Возчик, одетый в зимнюю доху, сочувственно посматривал на согнувшегося, поднявшего воротник, посиневшего от холода Сильченко.

Самолет был уже подготовлен к вылету. Начальник аэропорта, увидев легкую одежду Сильченко, возмущился — на улице девятнадцать градусов мороза, в воздухе — все двадцать пять; выпустить человека в открытой машине, когда на нем только шинель и фуражка, он не может, пусть товарищ полковник не сердится, нужно переодеться — вот полушубок, шапка, валенки, маска для лица.

— Черт с тобой, — устало сказал Сильченко. — Давай сюда полушубок и шапку.

Под плоскостями самолета проплывала дикая, однообразная земля — застывшие озера, застывшая суша, голые, сумрачные холмы. Сильченко закрыл глаза и проснулся лишь при посадке. Самолет подруливал к домику в два окна — это было здание временного вокзала на аэродроме в Ленинске. Сильченко выскочил из кабины, скинул полушубок и шапку с маской.

— Отдашь своему начальнику, — бросил он летчику.

Застывшая шинель была неприятно холодна. Из домика выскочил начальник аэродрома и пригласил зайти погреться. Сильченко отказался и направился к стоявшему в поле грузовику; около него, лежа на спине, возился шофер. К тому времени, как подошел Сильченко, шофер вылез, виртуозно выругался и, еще не закончив ругательства, вытянулся в струнку и откозырял. По всему было видно, что он — парень бывалый и лихой.

— Ты меня знаешь? — спросил Сильченко.

— Знаю, товарищ полковник! — бойко ответил шофер.

— Что у тебя с машиной?

— Все в порядке, товарищ полковник. Зажигание отказало — уже наладил.

— Куда едешь?

— В Ленинск. Привозил бочки с бензином.

— Придется тебе прихватить меня. Мою машину вызывать долго, меня не ждут. Свезешь на площадку медного и ТЭЦ.

— Какой может быть разговор! Прошу, товарищ полковник, в кабину. Доставлю быстрее легкой. Распишетесь потом у меня в путевке, чтобы завгар не лаял, — и порядок!

— Ты, я вижу, себя в обиду не дашь и перед любым завом оправдаешься.

— Битый, товарищ полковник. Но и наш зав дóка — литра бензина у него не изведешь, сам всю шоферскую науку прошел.

Шофер вывел машину на дорогу к Ленинску и дал газ. Грузовик лихо промчался по Рудной улице и свернул в гору. У вахты медного завода сторож остановил машину и потребовал прѣпуск, но, узнав начальника комбината, отошел в сторону.

На площадке все выглядело по-иному. Людей было мало, и они не бродили, как прежде, опустив руки. Виднелись новые здания. Прибавилось много железнодорожных линий — на одном километре пути грузовик четыре раза пересекал колею. Потом встретился состав — небольшой паровозик тянул семь платформ, груженных землей. От земли поднимался пар. «Откуда столько незамерзшей земли?» — изумленно подумал Сильченко. Он высунулся в окно грузовика, но впереди ничего не было видно, кроме гор и сжатой ими долинки.

Грузовик круто завернул за выступ холма, и Сильченко понял, откуда берется незамерзшая земля. Они объехали холм и вдруг увидели, что большая часть холма уже вынута. На ровную площадку шли железнодорожные рельсы, два состава под парами грузились свежей землей, и машинисты свистели, подавая следующую платформу. Вторая, меньшая, еще не снятая половина холма нависала над площадкой крутым обрывом. Два экскаватора, негромко рыча и вздрагивая, легко вгрызались трехкубовыми ковшами в обрыв, поднимали полные ковши и сбрасывали землю на платформы.

— Подожди меня, — сказал Сильченко шоферу. — Придется тебе, друг, померзнуть здесь на холоду, а я пройду по площадке. Потом поедем на ТЭЦ.

— Какие могут быть холода в Заполярье? — сказал неунывающий шофер. — Меня не проймет, а машина укутана в ватник — тоже не замерзнет.

Сильченко вышел из кабины и подошел к месту работ. На каждую платформу грузилось два ковша земли. «Не менее ста пятидесяти кубометров земли в час, — быстро подсчитал в уме Сильченко. — Интересно, как они справляются с транспортировкой?» Он потрогал землю: несмотря на мороз, она была мягкая, теплая, влажная. Машинист экскаватора, высунув лицо в окно кабины, с недовольным видом следил за Сильченко. Сильченко спросил с волнением:

— Как грунт, хорошо берется?

— Ничего грунт, работать можно, — равнодушно ответил машинист, видимо, не узнавая начальника комбината. — Электрики разогревают хорошо, земля мягкая. Не в грунте сила — транспортировка отстает.

— Сильно отстает?

— Посудите сами. К каждому экскаватору прикреплено только два состава. — В голосе машиниста слышались возмущение и обида. — Мне наполнить состав только четверть часа времени, а он пока сматывается, пока разгрузится, проходит час. Так две трети времени простаиваем. Конечно, можно бы копать целину, подготавливать рыхлый грунт, мы так сначала и пробовали. Не выходит — разрыхленный грунт сразу же схватывается на морозе, лучше его один раз брать. Кроме того, учтите, во время прогрева все кругом оцеплено, близко подойти нельзя. Вот и получается, что работаем день на три.

— Давно работаете?

— Дней двенадцать. Смотрите, какую гору своротили. А дали бы размаху, уже и планировку бы закончили.

В конце тропинки, замыкая ее, стояла хибарка, собранная из старых фанерных ящиков и жести. Сильченко пошел прямо к ней. Хибарка состояла из одной темной и тесной комнаты. В ней стояли две скамьи, некрашенный столик с телефоном и репродуктором, у стены поднимался щит с приборами и аппаратурой дистанционного управления. На скамье, уронив голову на стол, сидел человек и крепко спал. Сильченко потряс его за плечи, но он не проснулся. Вдруг зазвенел телефон, и человек, словно только и ждал этого звонка, разом схватил трубку.

— Алло, слушаю! — крикнул он, и Сильченко узнал Седюка. — Да, я. Приезжайте, если хотите, Валентин Павлович, но я сам уже все проверил. Дело у Лесина в самом деле идет к концу — осталось не больше двух метров разогретого грунта. Да, да, вы правы, сегодня нужно пускать новый разогрев.

Седюк положил трубку и вопросительно посмотрел на Сильченко, видимо, не узнавая.

Сильченко приветливо протянул руку.

— Большие дела у вас тут происходят, товарищ Седюк?

Теперь Седюк узнал его и поглядел удивленно и обрадованно.

Сильченко присел на скамью.

— Ну, рассказывайте, Михаил Тарасович!

Седюк стал рассказывать, и Сильченко слушал его, не перебивая. В комнату, тяжело ступая и шумно дыша, вошел Дебрев, за ним показался Лесин. Тесная комната сразу стала еще теснее. Обычно хмурое и настороженное лицо Дебрева выражало живую радость. Он крепко потряс руку Сильченко.

— С приездом, Борис Викторович! И с приездом и с прилетом. — Он расстегнул ворот меховой куртки и присел на скамью рядом с Сильченко. — Полчаса назад разговаривал с Зарубиным по телефону, он кое-что сообщил о ваших караляцких приключениях. Так как же с цементом, Борис Викторович, неужто весь вывезли?

— Весь, до последнего мешка!

Дебрев шумно вздохнул.

— Ну, гора с плеч свалилась. Самое тяжелое у нас здесь — это цемент. Сильченко повернулся к Лесину.

— Я вижу у вас попросту блестящие достижения, Семен Федорович. А помните, на совещании вы сомневались, удастся ли усовершенствовать электропрогрев.

Слова Сильченко были приветливы, сам Сильченко улыбался. Но Лесин не любил, когда ему напоминали о том совещании. Все, словно стговорившись, тыкали ему в лицо речь, которую он тогда произнес. Он сдержанно возразил:

— Я строитель, Борис Викторович, а не работник научно-исследовательского института. Мое дело строить, а не открывать.

— Боюсь, просто работать нам в эту зиму уже не удастся, — задумчиво сказал Сильченко. — Сначала придется открывать, а потом строить.

Они вышли наружу. Было всего три часа дня, но уже темнело. В сумраке с горы несясь переметаемый ветром снег. Сильченко поднял воротник — ветер резал лицо.

— Вот она и наступает, наша полярная ночь, — негромко, ни к кому в отдельности не обращаясь, произнес он и, запрокинув лицо, долго, испытующе вглядывался в вершину нависавших над площадкой гор — над ними еще мерцало какое-то неясное, розоватое сияние, отблеск уже исчезнувшего солнца.

Машина Дебрева стояла неподалеку. Сильченко посмотрел на нее и пошел в другую сторону. Дебрев удивленно окликнул его:

— Вы не туда, Борис Викторович!

Сильченко ответил:

— Я на минуту, подписать шоферу грузовика путевку, а то завгаражом взгреет его.

5

Радость, с которой Дебрев встретил вернувшегося Сильченко, поблекла уже на второй день. Начальник комбината не просто принял от него временно занятый им кабинет и директорские права, но подробно перечитывал каждый изданный им приказ и требовал объяснений и обоснований. Дебрев и сам не всегда контролировал свои поступки и не терпел придирчивого контроля со стороны. Он сидел, насупленный и злой, и следил сердитыми глазами за Сильченко, который неторопливо перелистывал папку распоряжений. Папка была пухлая — нагоняи нерадивым работникам сменялись выговорами, выговоры превращались в угрозы, угрозы приобретали материальный облик следственных комиссий — не было уголка в Ленинске, куда бы не заглянуло бдительное око Дебрева, не было работника, которого бы не настигла его карающая рука.

— «Авария на механическом заводе, — читал Сильченко. — Строгий выговор начальнику завода Прохорову с указанием на несоответствие должности». За что, Валентин Павлович? Неужели за опоздание на три дня с заказами для Лесина? А как у него месячный план?

— Выполнили, — нехотя ответил Дебрев. — Прохоров не уходил с завода, пока полностью не рассчитался с Лесиным. И аварию ликвидировали на второй день.

— Вот видите, — старик болеет за свое дело. Я с ним работаю уже второй год, по-моему, он должности своей соответствует.

Дебрев сказал, не скрывая раздражения:

— Выговор подстегнул их, заставил побегать. Вы думаете, что без нажима сверху они выправились бы так быстро?

— Насчет Прохорова могу сказать, что тут в нажиме надобности нет, — твердо сказал Сильченко.

Он перелистал еще несколько приказов и отложил папку в сторону.

— Крепко, крепко, — проговорил он, усмехаясь. — Здесь у вас маленькое несоответствие: пятнадцатого сентября Караматину строгий выговор с предупреждением за срыв графика, шестнадцатого — просто выговор за ошибку в чертеже.

— Ну и что же? За крупный проступок — строгий выговор, за маленький — простой. При чем здесь числа? — Дебрев подозрительно посмотрел на Сильченко. — Думаете отменять мои распоряжения? Предупреждаю, я не позволю...

Сильченко прервал его:

— Отменять я ничего не буду, в мое отсутствие вы были облечены всей полнотой власти. Я хочу предложить вам другое. Многие ваши выговоры и меры пресечения изжили себя — люди выправились, неполадки ликвидированы. Прошу вас, просмотрите все это и выпустите за своей подписью еще один приказ — о снятии ненужных взысканий. Вам это удобнее. — Он протянул Дебреву папку и, сделав вид, что не замечает его мрачного лица, продолжал: — Еще одно, Валентин Павлович. В Ленинске, оказывается, строго от всех скрывают, что на наш караван в Полярном море было совершено нападение. Никто толком не знает, что произошло и каковы размеры постигшего нас бедствия. Считаю это совершенно неправильным.

— А я считаю правильным! — резко возразил Дебрев. — Гибель морского каравана — военная тайна. И я не собираюсь выдавать эту тайну нашим врагам!

— Это для немцев, что ли, тайна, что наши суда погибли? — усмеялся Сильченко. — Вы преувеличиваете, Валентин Павлович.

Но Дебрев, взбешенный нападками Сильченко, упрямо стоял на своем.

— Положение наше незавидное — сами лучше всех знаете. Сообщите людям, сколько у нас недовольствия, кирпича и цемента — сразу паника начнется. Этого, что ли, вы добиваетесь, — паники? Нам нужно работать, бешено работать, чтобы справиться с трудностями, а не слухи плодить. Руки у людей опустятся, если вы расскажете все начистоту.

— Вы не понимаете главного, — проговорил Сильченко с досадой. — Ведь не одни мы с вами патриоты, не одни болеем за наш успех. Меня неделю назад сердитый кочегар чуть лопатой не опрел: «Убирайся! — кричит. — Не один ты Родину любишь!» Интересно, что вы ему ответили бы? Поймите, одни мы с трудностями не справимся — нужны объединенные усилия всего коллектива. А чтобы творчески работать, надо сообщить людям все — пусть они знают размеры беды, пусть почувствуют ответственность, падающую на каждого. Ведь это неуважение к своим друзьям и сотрудникам — скрывать от них правду. И вредно это, поймите. Конечно, кое-кто ударится в панику. Зато другие будут ломать голову, как выкрутиться, будут придумывать новое и важное, а это как раз то, что нам требуется.

— Звучит гладко, — презрительно бросил Дебрев. — Только вряд ли вам позволят рассказывать каждому встречному о всех наших неудачах. Сообщение поступило шифровкой — этого вы не забывайте. Я, например, даже и не запрашивал разрешения на опубликование.

— И напрасно, — возразил Сильченко. — В Пустынном я сам не распространялся — было не к чему. А в пути запросил по радио разрешения. Вот ответ из Москвы.

Он протянул Дебреву радиogramму. Дебрев криво усмеялся.

— Предусмотрительно, — сказал он, вставая. — Все же думаю, что больше сыграем на руку нашим врагам, чем принесем пользы. Разрешите идти, товарищ полковник?

Страшные слухи о морском бое в арктических водах давно уже ползли по поселку. Как это часто бывает, зерно правды тонуло в болоте лжи. Сперва говорили о гибели цемента, серной кислоты и железа. Потом пере-

давали из уст в уста «почти достоверные» слухи о высадке вражеского десанта на побережье океана и о марше на Ленинск. И так как все это было до очевидности вздорно, то многие начали подумывать, что никакого морского боя не было, а грузы из Архангельска надо ждать со дня на день. В эту сумятицу слухов доклад Сильченко ворвался, как вспышка молнии, озаряющая тревожную тьму.

Доклад этот был необычен. Сильченко не клеймил тех, кто не выполнил плана, не призывал напрямь усилия, не угрожал, не требовал. Не было в докладе и того, что обычно называют презрительным словом «накачка». Это была скорее сухая сжатая лекция, беспощадный анализ — больше цифр, чем слов. Сейчас, в Ленинске, Сильченко говорил всю правду, все то, о чем он умолчал на совещании в Пустынном.

И правда эта своей жестокой обнаженностью действовала сильнее самых пламенных призывов. Сильченко не был оратором, но речь его произвела неотразимое впечатление. Он развернул перед работниками комбинация истинное положение дел. Да, конечно, многое им удалось доставить из Пустынного, это позволяет избежать немедленной катастрофы. Но требующейся нормы нет ни в чем. Не хватает продовольствия, железа и арматуры, огнеупоров, строительного кирпича, цемента и кислоты. Пущенный недавно местный цементный заводик — ныне главная надежда строителей, но пока он работает плохо. Хуже всего с серной кислотой — все запасы ее, две тысячи тонн, погибли в море.

— Вы сами должны сделать для себя выводы, товарищи, — закончил Сильченко свой доклад. — Будем работать по старинке — провал неизбежен. Если не добьемся перелома, — строительство будет сорвано. Нужно творить, изобретать, всюду искать замену дефицитных материалов, проводить во всем жесточайшую экономию.

После доклада Телехов со вздохом сказал, взяв Седюка под руку:

— Слухи были страшны, а правда страшнее всех слухов. Ну, что ж... Надо работать...

С этой мыслью — нужно работать, придумывать новое — уходил с доклада не один Телехов. Караматин на другой день пригласил к себе Седюка и заговорил о кислоте. Как относится он, Седюк, к тому, чтобы наладить в Ленинске производство серной кислоты? В прошлом он, кажется, немного занимался этим делом — сейчас опыт пригодится. Надо смотреть в глаза реальности — две тысячи тонн утерянной кислоты самолетами не забросить, а кислота заводу необходима, как хлеб.

Седюк лучше всякого другого понимал, что без кислоты электролиз меди не пойдет, а следовательно, не будет и самой меди. Вместе с тем не было у него и чувства тревоги, ощущения нависающей катастрофы. Первая тонна кислоты должна была понадобиться только через полгода. Те вопросы, которыми он сейчас занимался, были несравненно более срочны, они наступали на пятки, от их немедленного решения зависело проектирование и строительство. Кроме того, это и впрямь были вопросы — для того чтобы решить их, приходилось ломать голову. А производство серной кислоты не таит в себе ничего неясного: технология стандартная, сырьем вдоволь, те же руды и рудные концентраты.

— Я тоже думаю, что с кислотой мы справимся, — сказал Караматин. — Итак решено: мы потихоньку приступаем к проектированию, а вы нам помогаете.

В это разумное и ясное решение Назаров внезапно внес путаницу. Взволнованный, он примчался в опытный цех и чуть ли не с порога закричал:

— Так что будем делать с кислотой, Михаил Тарасович? Слышал положение — кислоты в Ленинске с гулькин нос, только для химических анализов, и все! Нужно самым срочным образом решать это дело!

Седюк с презрением пожал плечами. После обстоятельного и делового разговора с Караматиным шумная тревога Назарова казалась неуместной, наивной и попросту глупой. Она возмутила Седюка — к строительству завода Назаров был равнодушен, спокойно терпел недостатки и прямые провалы, а тут над проблемой далекого будущего раскудахтался, словно курица над яйцом.

Назаров принадлежал к тем инженерам и руководителям, которых испортила удача, легкий путь. Этот путь никогда не шел в гору, а всегда лежал перед Назаровым гладкой асфальтированной дорогой. В молодые годы он был сначала рабочим, потом мастером на одном из уральских заводов. Он и сейчас со знанием дела говорил о ходе печи, завалке ее и о том, как спастись от «козла». На рабфаке к нему относились снисходительно и как хорошего производственника «тянули», в институте не придирались к нечетким ответам, к поверхностным знаниям, да и курс у него попался ускоренного выпуска, с бригадными зачетами и прочими поблажками. Он кончил вуз в знаменитом этими поблажками тридцать втором году. За несколько лет он прошел служебную лестницу — от дежурного инженера до начальника завода — и приобрел ровно столько знаний, сколько нужно, чтобы командовать более знающими людьми, то есть поручать им и спрашивать с них.

Кроме того, Назаров был ленив — качество, Седюку глубоко ненавистное. Сейчас у них обоих появились кабинеты — Лесин выстроил на площадке помещение для конторы строительства и отвел три маленькие комнаты дирекции будущего завода. Назаров взял себе самую большую комнату и проводил в ней целый день.

Он приходил только к десяти, полчаса, запершись в кабинете, делал зарядку, потом открывал двери и ждал посетителей, которые не приходили. Изредка он заходил к Лесину — послушать, как идут дела у строителей. Но больше всего он любил изучать личные анкеты своих будущих работников — это он делал с подлинным увлечением и мог по памяти назвать фамилию жены или матери любого сколько-нибудь видного работника.

Появился у дирекции медного и секретарь. Это была вертлявая, хорошенькая девушка — Екатерина Петровна Дубинина; она весело смеялась, если ее называли по имени-отчеству и откликалась только на «Катюшу». Катюша очень быстро усвоила, что Седюк всегда отсутствует, а Назаров всегда на месте, и так привыкла к этому, что иногда отвечала в телефонную трубку: «Михаила Тарасовича нет, когда будет — неизвестно», и в те минуты, когда Седюк сидел в кабинете. Она с чуткостью прирожденного секретаря сразу же разобралась в неладах начальников. В ее изложении это выглядело так: «Николай Петрович человек солидный, за него работают другие, а Михаил Тарасович сам всюду бегаёт, никого не приспособливает, вот и нет у них согласия».

Однако Седюк попытался «приспособить» своего начальника к работе и сделал это грубо — Седюк твердо верил, что добрая ссора лучше худого мира. Однажды он зашел к Назарову. Тот ходил по кабинету и зевал.

— Я только что от Лесина с планерки, — сказал Седюк с раздражением. — Кроют нас — мало интересуемся строительством.

— Да ведь ты на каждой планерке присутствуешь? — изумился Назаров.

— Ну и что же? Просиживать штаны на заседании — дело небольшое. Не забывай, у меня и проектный отдел, и опытный цех, теперь вот учкомбинат навалили. У меня рук на все не хватает. Возьми контроль над строительством на себя. Сейчас не время этими игрушками заниматься, — Седюк с презрением взглянул на гантели.

Грубый намек на безделье обидел Назарова, да и трудно было расстаться с этим до предела заполненным строем безделья. Но он понимал

и другое: его никто не знал, с ним мало кто считался. Он сам слышал, как строители говорили: «Этот Седюк с медного — это парень с головой, он своего добьется. О нем, о Назарове, никто так не говорил. Это его заделало, заставляло желать перемен.

— Ладно, — сказал он, — контроль над строительством и все совещания у Дебрева я беру на себя. А ты занимайся опытным цехом и проектировщиками.

Это было разумно. И проектирование и исследовательские работы интересовали Седюка больше, чем постоянные споры со строителями. Но он привык к беготне по площадке, к разговорам с рабочими, к тому, чтобы вникать в каждую мелочь, связанную со строительством, — жалко было оставлять все это Назарову.

Он попробовал было возразить, что на стройке им хватит работы на двоих.

— Ты, видно, думаешь, что незаменим, — сердито сказал Назаров. — Уверю тебя, ничего на площадке не провалится, если ты займешься другими делами.

С этого дня Седюк уже совсем перестал появляться в своем кабинете. По привычке он каждый день спрашивал у строителей, как идут дела на площадке медного, и заодно узнавал, что Назаров опаздывает на планерки, в холл на стройку не выходит, произносит идеологически правильные речи, но помощи от него не жди.

Все это сразу вспомнилось Седюку, когда Назаров прибежал к нему и, взволнованно размахивая руками, спросил, что делать с серной кислотой.

И Седюк, вместо того чтобы спокойно сказать Назарову, что Караматин берется проектировать серноокислотный заводик, со злостью ответил:

— А что кислота? Она будет нужна только через полгода. Не хочу ломать голову из-за вещей, которые терпят.

Назаров поразился.

— Кислота терпит? Да что ты говоришь! Пойми, без кислоты ни одной электролизной ванны не пустить.

Седюк вспыхнул. Он грубо прервал своего начальника:

— Можешь не стараться, Николай Петрович, я эту твою химию в девятом классе сдавал. Вот детишкам в нашем учкомбинате рассказывай — им на пользу пойдет.

Назаров был глубоко уязвлен. Едва сдерживаясь, он ответил:

— Я тебя не учу, согласен, что производство серной кислоты ты лучше меня знаешь. Вот это меня и поражает: больше всех разбираешься, а так спокоен. Почему?

Сейчас, пожалуй, было самое время прервать начинавшуюся ссору. Седюк уже сам понимал, что хватил лишку, — спор был нелепым. Но раздражение против Назарова нарастало слишком давно и требовало выхода. Седюк сказал непримиримо:

— Вот потому и спокоен, что больше вас всех разбираюсь. Впрочем, если хочешь знать, Караматин уже проектирует серноокислотный цех, так что напрасно ты так раскричался.

— Серноокислотный цех? А почему ты мне сразу об этом не сказал? — с негодованием воскликнул Назаров. — Мы ведь с тобой не игры играем!

На это Седюк ничего не ответил. Он понимал, что истинная причина его резкого отпора Назарову — личная к нему неприязнь. Говорить об этом он не мог, а находить какие-либо иные причины — значит лгать.

— Да пойми, — сказал он с досадой, — не считаю я это срочным. Первая кислота понадобится не раньше чем через полгода.

— Вижу, нам с тобой не сговориться, Михаил Тарасович, — сказал Назаров холодно. — Придется решать это дело иным способом.

— Приказом меня обяжешь? — усмехнулся Седюк.

— Приказы мои для тебя — пустое слово, — спокойно возразил Назаров. — Я штатные права хорошо вытвердил и знаю твою самостоятельность в технологической области. Нет, мы сделаем по-другому — пускай Сильченко и Дебрев решат наш спор.

— Твое дело, иди к начальству. А сейчас извини, Николай Петрович, мне пора на занятия в учкомбинат, — сказал Седюк, вставая.

6

Весь путь от опытного цеха до учкомбината Седюк думал о своем разговоре с Назаровым. Видимо, Назаров был глубоко уверен в своей правоте, если решил обратиться к Дебреву.

Сумрачный, со всеми одинаково неприступный и сдержанный, Дебрев сильно привязался к Седюку. Внешне это выразалось только в том, что он взваливал на него работы невпроворот и спрашивал строже, чем со всех. После того как удался электропрогрев, не было такой комиссии по проверке предприятий и строительных контор, куда бы он не совал Седюка председателем или членом. Однажды, когда Дебрев выговаривал ему за какие-то лесинские грехи, Седюк воскликнул:

— Валентин Павлович, пойми, я не двуличный и за всем в мире наблюдать не берусь.

— Не двуличный, верно, — спокойно согласился Дебрев. — Но жила у тебя крепкая, это нужно использовать.

Все знали пристрастие главного инженера к Седюку и пользовались этим.

— Может быть, вы сами пойдете к Валентину Павловичу? — говорил Караматин, когда надо было утвердить какой-нибудь проект. — У вас это скорее пройдет, чем если мы все заявимся!

Разные люди то и дело просили Седюка походатайствовать перед главным инженером, а Янсон однажды сказал язвительно:

— Доказывать вам, Михаил Тарасович, бесполезно, вы с Дебревым все равно по-своему повернете.

Не так давно Дебрев позвонил Седюку и спросил его, как идут дела на строительной площадке. Седюк ответил: «Я теперь строителями не занимаюсь, мы с Назаровым так поделили: он взял строителей, а я проект и науку».

— Можно поделить отдельные задания, но не области работы, — сухо возразил Дебрев. — Нечего дурить и сферы влияния разграничивать. Славы и шишек всем хватит.

«Он прав, — думал Седюк, шагая все быстрее, — он прав: наша ссора была из-за славы и шишек, неумная, бабья ссора. Ну хорошо, Назаров — не гений и звезд с неба не уведет, но нынче — ведь я это видел! — он был искренне взволнован, может, впервые я видел, что его тревожит дело, а не пустяки — престиж или мелкое самолюбие. Так почему же я дал волю своей неприязни, столько времени морочил его и не сказал сразу, что о кислоте не забыли и Караматин уже занимается ею? Ладно, отставить кислоту, Назарова, ссору. Хватит, не хочу больше думать об этом!»

В темноте затеплились огни — это была школа.

Вот уж три недели, как начались занятия. Труднее всего было отыскать для комбината хороших учителей, но Караматина добились от Дебрева специального приказа: все инженеры, у которых она найдет хотя бы маленькое педагогическое дарование, должны шесть часов в неделю отдавать школе. Она извлекла из этого приказа все, что можно, — педагогический талант было найден у Зеленского, у постоянно насупленного Прохорова, начальника ремонтно-механического завода, у насмешливого Янсона и проектанта Пустовалова. С ней не спорили, никто не хотел получать от Дебрева замечания. Не спорил и Седюк, в котором она открыла педаго-

гический гений, — ему были отданы все основные дисциплины по металлургии.

Работу свою Караматина, видимо, очень любила и была отличной руководительницей школы — властной, внимательной, чуткой и настойчивой.

Янсон, читавший математику, в начале своей педагогической деятельности совершил крупную ошибку. «Посидим, поболтаем, поухаживаем за Лидией Семеновной», — так легкомысленно представлял он себе работу в школе. Один раз он прогулял, другой раз опоздал, Лидия Семеновна не сделала ему замечания, но пришла к нему в класс на занятия и с молчаливым презрением смотрела ему прямо в лицо. Он признавался потом, что это были самые тяжелые часы его жизни. «Еле доплыл до звонка», — жаловался он приятелям.

Его пример оказался хорошей наукой другим. О Зеленском было точно известно, что он держит в своем столе учебники по железобетону и монтажу конструкций и зубрит их в обеденный перерыв.

Седюк не боялся крутого нрава Караматиной, он попросту заинтересовался своими учениками и полюбил их.

В первый день занятий Лидия Семеновна ввела его в небольшую комнату, увешанную карандашными рисунками, и сказала ученикам:

— Ребята, я привела к вам нового учителя, он будет преподавать вам арифметику. Его зовут Михаил Тарасович, вы должны его слушаться и хорошо учиться.

Нганасаны как по команде разом встали, потом сели. Многие засмеялись — им нравилось это шумное вставание, и они с охотой повторили бы его. Лидия Семеновна сказала вполголоса:

— Я пойду, Михаил Тарасович, без меня вы лучше познакомитесь с ними.

Он стал выкликать ребят по журналу. Их было пятнадцать человек — одиннадцать мальчиков и четыре девочки. Они сидели в своих национальных костюмах — мальчики в тяжелых пыжиковых сакуях с капюшонами, девочки — в нарядных песцовых коротких малицах, расшитых цветным бисером. В комнате было тепло, и Седюк спросил, не жарко ли им. Они шумно заговорили все разом:

— Жарко! Очень хорошо, жарко! Очень хорошо! — кричали они.

«Ну, да, — подумал Седюк, — девять месяцев зимы и холода — тут поневоле полюбишь тепло».

Он старался затвердить их имена и освоиться с их лицами. Больше всего запомнились ему в тот первый день самый старший из мальчиков, восемнадцатилетний Яков Бетту, худенький, бледный Най Тэниседо и очень красивая и стройная Манефа Скорликова, девочка со смуглым полурусским лицом — ее отец и в самом деле был русским. Эти трое держались свободно и командовали другими ребятами. Когда Седюк, окончив переключку, встал, чтобы пройтись по классу и рассмотреть рисунки, Яша Бетту что-то громко крикнул, и все вскочили. Седюк объяснил, что вставать всем вместе нужно, только когда входит или выходит из класса учитель, а в остальное время вставать должен только тот, кого он вызовет. Ученики согласно закивали головами, но все-таки еще несколько раз вскакивали все вместе, когда он обращался к ним.

Седюк в живописи разбирался плохо, но и его поразили недетская тонкость и точность рисунков нганасан. Картинки, развешанные на стенах, изображали сценки кочевого быта — санки, запряженные оленями, олень, пьющий воду в ручье, несущаяся по следу собака, песцы, попавшие в капканы. Перед пьющим оленем он остановился — с удивительной точностью были переданы движения склонившего голову и согнувшего передние ноги оленя.

— Кто рисовал это? — спросил Седюк.

— Най! — закричали все, вскакивая и показывая на Ная Тэниседо.

Най тоже поднялся и ткнул себя пальцем в прудь:

— Най!

— Хорошо рисуешь! — сказал Седюк.

У него было два часа, и он не торопился начать занятия. Он разговаривал с ними, спрашивал, откуда они, что знают. По-русски они говорили с трудом, слов у них не хватало, но отвечали они охотно. Все они учились в начальной школе и знали сложение и вычитание. Манефа помнила и таблицу умножения. На всякий случай Седюк начал с нее — он выписал на доске всю таблицу и принялся объяснять.

— У меня есть вопрос, — крикнул с места Най.

Все дружно зашумели:

— Най, говори! Говори, Най!

— Говори, — разрешил Седюк.

— Скажи, Гитлер — он какая бывает? — спросил Най.

Седюк, удивленный вопросом, в первую минуту не знал, что ответить. Сказать, что этот вопрос на уроке математики неуместен, он не мог — все пятнадцать уганасан, вперив в него настойчивые, ждущие глаза, молчаливо требовали ответа. Он видел, что вопрос Ная интересует их много больше, чем таблица умножения. И он стал рассказывать о Гитлере, описал его внешность, лающий хриплый голос. Рассказывая, он чувствовал, что его слушатели разочарованы: его точное описание не объясняло им природы Гитлера. И тогда он сказал:

— Гитлер — это хищный волк, Гитлер — это взбесившаяся собака, которая кинулась кусать мирных людей. Гитлера надо поймать в капкан и застрелить.

Это объяснение понравилось куда больше — видимо, оно походило на их собственное представление о Гитлере, — они радостно закивали.

Лидия Семеновна ожидала Седюка в учительской. Она тотчас же, как только он вошел, спросила:

— Ну как, они вам понравились?

— Чудесные ребята, Лидия Семеновна!

Она вся расцвела, услышав это, и посмотрела на него так благодарно, словно он похвалил ее самое.

С каждым уроком уганасаны нравились ему все больше. Это были веселые, добрые, непоседливые и шумные ребята. Их все интересовало и волновало — машины, проезжающие по улице, гигантские экскаваторы на строительных площадках, электрический свет на улицах, каменные многоэтажные дома. Объяснения учителей они слушали с самозабвенным вниманием. Все новое — новый закон, новое математическое правило — вызывало у них взрыв восторга. Неудачи свои они переживали так остро и открыто, как это бывает только в минуты великого горя. Когда у Ная Тэниседо не вышла задача на именованные числа, он у доски расплакался, и из сочувствия к нему расплакались все. Яков Бетту, получив от Седюка свою тетрадку с двойкой, в бешенстве разорвал тетрадку в клочья и долго топтал ее ногами. Если же кого-нибудь из них хвалили, они все вскакивали и неистово кричали, хохотали, радуясь за товарища. Даже хмурого Прохорова трогал пыл, бушевавший в его учениках.

— Знаете, Лидия Семеновна, — во время перемены говорил он басом, единственным в Ленинске по густоте, — удивительный народ ваши ученики, ей-богу! Еще не встречал таких. Из них выйдет толк.

— А что, что случилось? — спрашивала Лидия Семеновна, сразу оживляющаяся, когда хвалили ее учеников.

— Доставил я им модель станочка, у меня на заводе ребята специально для занятий изготовили, — ну, вы его видели вчера. Показываю, как зажимать деталь, как вращать штурвал — станок ведь ручной, — как снимать стружку. Яша Бетту стал точить, и стружка пошла. Поверите? Все

захохотали, затопали ногами, каждый лезет к станочку, самому поточить... Нет, будет толк, непременно будет!

День, когда ребята сбросили свои меховые одежды и надели форменное зимнее обмундирование, запомнился всем преподавателям. Яша Бетту выбросил свои узорные меховые сапожки бакари за окно и с криками радости влез в грубошерстные валенки. А Манефа, одетая в ватную телогрейку и бумажную юбку, с визгом носилась по комнате, топча ногами свою нарядную белую малицу, расшитую цветным бисером, с капюшоном из бесценного голубого песка. Манефа была очень хорошенькая, а потому всем казалось, что телогрейка ей к лицу. Занятия в этот день шли плохо — на уроках нганасаны то и дело охорашивались и с восхищением осматривали себя и своих товарищей...

Но в этот день Седюку не везло. После ссоры с Назаровым он чуть не поссорился с Караматиной. Когда он пришел, в учительской сидели Янсон и Прохоров, и разгневанная Лидия Семеновна описывала им свои сегодняшние злоключения. Седюк застал конец истории: заведующий торговделом осмелился выдать в столовую нганасанского интерната рыбные консервы вместо свежего мяса.

— Вы знаете, что сказал мне этот тип? — говорила она, красная от возмущения. — «Подумаешь, — говорит, — гурманы, что я им, котлеты де-воляй выписывать буду? Ничего, похлебают суп из муксуна в томате».

— Ай-ай, так прямо и ляпнул — «де-воляй»? — сочувственно переспрашивал Янсон. — Вот ведь какие несознательные люди эти деятели общественной торговли. Ну, а вы что, Лидия Семеновна?

— А что я? Я даже спорить с ним не стала. Я схватила его же телефонную трубку и вызвала Валентина Павловича. Я никогда не думала, что люди могут так дрожать и заикаться, как этот заведующий. У него даже руки тряслись после разговора с Дебровым и губы побледнели. Он только и мог, что пролепетать: «Я думал, вы девушка как девушка, а вы жох первой статьи!»

Она засмеялась, и в ответ ей улыбнулся даже насупленный Прохоров. Но Лидия Семеновна внезапно умолкла и грозно посмотрела на Седюка.

— А вы тоже хороши, — сказала она с упреком. — Вот уж от вас не ожидала, что вы так нетверды в своем слове!

— А я в чем виноват? — изумился Седюк.

— Как в чем? Вы еще спрашиваете! А кто обещал перевести моих учеников в опытный цех? А где они сейчас? На старом месте!

— Ну, почему же, — запрстествовал Седюк. — Лесин подыскал им легкую работу — они помогают в ремонтно-механических мастерских, знакомятся со станками. А что до опытного цеха, то беда в том, что его еще нет — он только монтируется.

— Ничего знать не хсчу, — решительно сказала Караматина. — Я молчала, пока у вас там котлованы рыли, а сейчас есть стены и крыша, значит вводите их под крышу. Как вы понять не можете, нганасан на всем земном шаре всего шестьсот человек. Это самая маленькая народность в Советском Союзе и самая северная во всем мире. Какая же у них удивительная духовная и физическая сила, если они выжили в таких ужасных условиях! Жители самого страшного уголка природы, а какие жизнерадостные, приветливые, способные...

— Я очень уважаю их и за малое количество на земном шаре и за природные способности, — начал было Седюк, но Караматина прервала его, гневно сверкнув глазами.

— Я не хочу говорить иронически о том, что мне дорого, — произнесла она резко.

— Не будем ссориться, — примирительно сказал Седюк.

Все же он был прав — нового опытного цеха еще не было. Сам Дебрев взял под свою высокую руку это маленькое строительство, но шло оно медленно, стены выгнали под крышу только к концу сентября. После этого дело пошло быстрее: Лешкович прислал бригаду опытных монтажников, люди эти даром времени не теряли и разговорами не занимались. Самую важную работу — кладку отражательной печи и футеровку конвертера — взял на себя Козюрин, старый знакомый Седюка по Пинежу. Седюк с невольным уважением смотрел на его работу, ему еще не приходилось видеть такого мастерского обращения с кирпичом.

— В руках у каменщика кирпич поет, — говорил сам Козюрин. Он быстро и ловко повертывал в руках тяжелый и твердый магнетитовый кирпич, придавая ему мастерком сложную фасонную форму. — Каменщик, что твой скульптор, — чего хочешь из камня соорудит.

Киреев, властно вмешивавшийся в строительство опытного цеха, жестоко обидел Козюрина. Когда отражательная печь была закончена, Киреев, как был, в костюме, влез в печь и прощупал рукой каждый шов. Отряхнувшись от пыли, он пробормотал:

— Ничего, сойдет!

Этого Козюрин снести не мог.

— Не ничего, а хорошо, — сказал он с обидой в голосе. — И не сойдет, а так, как надо, лучше никто не сделает, вот что! А если не нравится, так полезайте сами и футеруйте по-своему.

С тех пор Козюрин смотрел на Киреева недоброжелательно. Седюкз он, напротив, полюбил и с охотой показывал ему даже незаконченную работу.

— Тебе, Михаил Тарасович, можно, — говорил он доверительно. — Ты человек с понятием.

Когда кладка печи и футеровка конвертера были закончены, Козюрин, прощаясь, долго тряс Седюку руку.

— Заходи ко мне домой, — приглашал он. — У нас комната хорошая, тебе понравится. Чайком угощу, побеседуем. — И расстроганно повторял: — Мы же с тобой старые знакомые, Михаил Тарасович, вместе бедовали в дороге.

— Приду, — обещал Седюк. — Немного освобожусь и непременно приду, Ефим Курнеич.

Седюк, не уставая, присматривался к людям, и каждый день приносил ему что-нибудь новое. Сначала он до хрипоты спорил и ссорился с раздражительным Киреевым, а потом открыл в нем черту, которая сразу примирила его со всеми странностями киреевского характера. Киреев не был ни обидчив, ни злопамятен. Уже наутро он начисто забывал все ссоры минувшего дня и разговаривал с человеком, от которого потерпел обиду, так, словно между ними ничего не произошло. С чужими желаниями и удобствами он не считался, но Седюк видел, что он и с самим собой не церемонится и не требует для себя ни удобств, ни внешних знаков уважения, ни побряжек, если ошибался и убеждался в своей ошибке. Никогда еще Седюк не встречал человека, так фанатически влюбленного в свое дело. В Ленинске для Киреева было только одно место, достойное внимания, — опытный цех. В столовой он ел, не обращая внимания на еду, чтобы только скорее разделаться с этим скучным делом, в кино не ходил, прогулок не терпел, даже газеты, когда они попадались ему под руку, просматривал наспех. Приходил на работу раньше всех, а уходил с трудом: уже надев полушубок, мог часами стоять перед каким-либо аппаратом и наблюдать его работу, вмешиваясь в операции простого лаборанта. Нередко он ночевал в цехе, в своем крохотном кабинете на диване, заваленном книгами: для такого нестоящего занятия, как сон, он

не считал нужным снимать книги, а только отодвигал их в сторону. Киреев был здоровый, крепкий человек, но он панически боялся ветров и мороза. Если Седюк предлагал ему после работы идти в поселок пешком, он восклицал:

— Что вы? На дворе настоящая пурга! Если не придет машина со строительными материалами, я заночую в цехе.

Еще одно удивляло Седюка. В опытном цехе работало много женщин и девушек. Ни на одну из них Киреев не обращал никакого внимания и, пожалуй, кричал на женщин еще более грубо, чем на мужчин. Сотрудницы опытного цеха отвечали ему дружной ненавистью. Седюк то и дело присылал Кирееву новых работников, и он с ними не церемонился: не спрашивая согласия, чуть ли не каждый день перебрасывал с места на место. Такие люди, как Варя Кольцова, сразу покорялись и не вступали в споры. А Непомнящий попал в беду. Появившись у Киреева, он заявил, что он электрик, и тут же получил назначение — заведовать мотор-генераторной подстанцией. На подстанции работал монтер Мартын Привалов — хороший электрослесарь, добрый и покладистый человек. В опытном цехе Мартын наблюдал за работой генераторной, убирал в комнатах, привозил с базы материалы, был кучером и дровосеком... При этом он так боялся Киреева, что готов был спрятаться в распределительный ящик высокого напряжения, лишь бы не попасться ему на глаза. Увидев Непомнящего, он сразу смекнул, что перед ним начальство высшего класса, то самое, о каком он всегда мечтал, — человек не гордый и снисходительный. Непомнящий бросил прустный взгляд на ровно гудевший генератор и величественно отвернулся.

— Скажи, друг, — спросил он, — есть ли в твоём хозяйстве электрический кипятыльник для приготовления чая и куда можно пойти отдохнуть, если нет аварийной работы, а главное начальство ушло?

Такого случая, чтобы в опытном цехе не было аварийной работы, Мартын не помнил. Еще менее вероятным представлялось отсутствие Киреева. Мартын почтительно высказал все это Непомнящему.

— Чай будет готов через три минуты, — сообщил он, поспешно вытаскивая из ящика самодельный кипятыльник. — Вот тут, в углу, хорошая скамейка. Если подложить пиджак под голову, можно и выспаться.

Непомнящий милостиво кивнул головой и устало опустился на широкую скамейку.

— Ответь, пожалуйста, еще на несколько вопросов, — сказал он. — Как тебя зовут? О родителях не спрашиваю, это пошло. Еще скажи, кто сюда ходит и под каким соусом надо прожевывать проходящих?

Мартын отвечал по всем пунктам:

— Меня зовут Мартын. Ходит сюда чаще всего Газарин Владимир Леонардович, это профессор, очень ученый человек, он помогает, если что не ладится. Часто приходит Киреев — он всегда придирается и кричит. У Бахловой, когда она с ним говорит, дрожат руки, хотя она сама сердитая, а у завхоза лязгают зубы от страха, когда Киреев прибегает на склад.

Лицо Непомнящего выразило презрение и скуку.

— Я говорил с Киреевым семь минут и не нашел в нем ничего страшного. Этот мальчик взбалмошен и мил, не больше. Я знал только одного грозного человека, это был старший бухгалтер Шига. Когда он поводил пылающим взором, костяшки на счетах сами собой двигались и стучали. Это было действительно страшно. Как у тебя с чаем, Мартын?

— Готов, готов, Игорь Маркович, — отвечал Мартын, торопливо наливая чай.

Непомнящий командовал в генераторной всего три дня, но Мартын долго вспоминал эти дни как самый блаженный период своей жизни. Непомнящий взял на себя только одну обязанность — отбивать натиск со стороны. Он сидел на скамейке и разговаривал обо всем на свете, а

Мартын, слушая, делал свою работу. Когда из других комнат прибежали за Мартыном, Непомнящий всех прогонял. На Непомнящего посыпались жалобы, и сам Киреев пришел проверить, справедливы ли они.

— Прогонял и буду прогонять всех, кто сюда явится, — холодно заявил Непомнящий. — Дело дошло до того, что подмести комнату или вытащить ящик не могут — зовут Мартына. А у нас генератор доведен до аварийного состояния. Вы что же, хотите, чтобы у вас остановились все работы из-за аварии с генератором? Послушайте, как гудит машина, — разве это нормальный шум, Сидор Карпович?

Генератор, работая, издавал тонкий звенящий звук. Встревоженный Киреев вслушивался в его мерное мощное пение, и ему почудились в этом пении посторонние звуки. Он заявил:

— Гоните всех в шею, кто ни придет. Сколько вам требуется времени, чтобы полностью наладить работу генератора?

— За две недели справлюсь, — осторожно пообещал Непомнящий.

— Даю вам неделю на приведение генераторной в полный порядок, — сказал Киреев. И, уже уходя, он снова распорядился: — Всех гоните, я запрещаю вам отвлекаться пустяками.

— Вот так надо обращаться с начальством, — поучительно заметил Непомнящий Мартыну, когда Киреев ушел. — Начальству спуска не давать ни в чем — таков мой жизненный принцип.

Мартын смотрел на Непомнящего с обожанием. Ему в самом дерзком сне не могло присниться, что можно вести себя так просто и свободно в разговоре с Киреевым. Но увы, на четвертый день Непомнящий был позорно изгнан из генераторной. В этот день Мартын поехал на базу техснаба получать оборудование для опытной установки и в числе прочего привез много электроизмерительных приборов. Киреев прибежал в генераторную, ткнул пальцем в меггер-аппарат для измерения высокого электрического сопротивления и поинтересовался: «Что это?» Непомнящий видел меггер первый раз в своей жизни и поэтому ответил с непридуманной развязностью:

— О, это очень важный прибор. Чертовски важный прибор!

— Серьезно? — спросил Киреев, с уважением рассматривая неравномерную, двойную шкалу прибора. — Я очень рад, что вы его получили. Он очень дефицитный?

— Очень, очень дефицитный, — печально подтвердил Непомнящий, кивая головой: он знал, что тут не ошибется, — с начала войны все стало дефицитным.

— Так для чего служит этот прибор? — продолжал Киреев.

Непомнящий с охотой пояснил:

— Он служит нам для работы. Без этого прибора мы все равно что без рук.

— Но все-таки какие измерения им производят? — настаивал упрямый Киреев.

— Самые важные измерения, я же сказал вам! — изумился Непомнящий и выразительно пожал плечами.

Киреев вспыхнул и сердито посмотрел на Непомнящего. Будь то другой человек, гроза разразилась бы сразу. Но в глазах Непомнящего светилась такая искренность, он, казалось, так честно не понимал, чего от него хотят, что Киреев сдержался.

— Я все-таки очень хотел бы знать, что именно измеряют при помощи этого прибора. Может быть, вы сообразоволяете дать мне точный ответ без увиливания?

На этот раз Непомнящий обиделся.

— Я не понимаю ваших детских вопросов, — сказал он с достоинством. — Вы сами инженер и без меня можете понять, что именно измеряет этот прибор.

Киреев подошел ближе. Непомнящий, не роняя достоинства, несколько отодвинулся.

— Вы шарлатан, а не электрик, — сказал Киреев звенящим голосом. — Вы в электротехнике ни шиша не смыслите. Не только инженер, но и любой врач-терапевт с первого взгляда определит, что ничего общего между вами и электричеством нет. Прошу зайти ко мне через час.

Киреев повернулся и вышел, со злостью хлопнув дверью. Непомнящий сел на скамью и обратился к совсем расстроенному Мартыну:

— Удивительный человек, не правда ли? Кстати, что это за прибор, Мартын?

— Это меггер, Игорь Маркович, он измеряет сопротивление изоляции, — грустно ответил Мартын.

— Что ты говоришь? — искренне изумился Непомнящий. — Кто бы мог этого ожидать от такого невзрачного на вид прибора?

— Киреев теперь вас уволит, Игорь Маркович, — горестно сказал Мартын.

Но Непомнящий остался верен своей теории бодрого пессимизма. Он со скукой пожал плечами.

— Нет такого положения, хуже которого уже не бывает. Как много еще мест, где можно отлично провести время. И все они ждут меня, Мартын. В конце концов Киреев мне не начальник, мне начальство Назаров и Седюк. Седюк как раз сейчас возится у печи, я посоветуюсь с ним. Он мой сосед по комнате, все-таки блат, а блат носит пять ромбов. Он меня не даст на съедение Кирееву.

Но у Седюка Непомнящий не нашел сочувствия. Он хмуро спросил:

— Скажите, а вы в самом деле электрик? Вы так много болтаете о разных своих профессиях, что я совсем запутался, кто же вы.

— Я работал монтером на одной электростанции, — скромно признался Непомнящий. — Этого проклятого прибора, к которому придрался Киреев, я сроду не видел. Я больше знаком с электрическими машинами — турбинами, моторами, разными рубильниками.

Седюк сказал:

— С Киреевым я поговорю. Но чтобы впредь вы не зачисляли турбины и рубильники в электрические машины, вам придется посещать курсы электротехников. В учебном комбинате есть такая группа. Прошу завтра же записаться.

— Пожалуйста, — согласился готовый на все Непомнящий.

Через час его вызвал Киреев и объявил, не глядя на него, что он назначается завхозом опытного цеха.

(Окончание следует)

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

★

ПРИЗЫВНИК

Под пристани гомон прощальный
в селе, где обрыв да песок,
на наш пароходик недалний
с вещичками сел паренек.

Он весел, видать, и обижен,
доволен и вроде бы нет —
уже под машинку острижен,
еще по-граждански одет.

По этой-то воинской стрижке,
по блеску сердитому глаз
мы в крепком сибирском парнишке
солдата признали сейчас.

Стоял он на палубе сиро
и думал, как видно, что он
от прочих речных пассажиров
незримо уже отделен.

Он был одинок и печален
среди интересов чужих:
от жизни привычной отчалил,
а новой еще не достиг.

Не знал он, когда между нами
стоял с узелочком своим,
что армии красное знамя
уже распростерлось над ним.

Себя отделив и понизив,
не знал этот парень того,
что слава сибирских дивизий
уже осенила его.

И вовсе не думал парнишка,
что в штатской одежде у нас
военные красные книжки
тихонько лежат про запас.

Еще понимать ему рано,
что связаны службой одной
великой войны ветераны
и он, призывник молодой.

Поэтому, хоть небогато —
нам не с чего вроде кутить, —
мы, словно бы младшего брата,
решили его проводить.

Решили хоть чуть, да отметить,
хоть что, но поставить ему.
А что мы там брали в буфете —
сейчас вспоминать ни к чему.

Но можно ли — коль без притворства,
а как это есть говорить, —
каким-нибудь клюквенным морсом
солдатскую дружбу скрепить?

ЗЕМЛЯНИКА

Средь слабых луж и предвечерних бликов
На станции, запомнившейся мне,
Две девочки с лукошком земляники
Застенчиво стояли в стороне.

В своих платышках стиранных и старых
Они не зазывали никого —
Два маленькие ангела базара,
Нетронутые лапами его.

Они об этом думали едва ли,
Хозяечки светающих полян,
Когда с недетским тщаньем продавали
Ту ягоду — по два рубля стакан, —

Земли июньской тоненькие дочки,
Сестренки перелесков и крениц,
И эти их некрепкие кулечки
Из свернутых тетрадных страниц,

Где тихая работа семилетки,
Свидетельства побед и неудач,
И педагога красные отметки
Под кляксами диктантов и задач.

Проехав чуть не половину мира,
Держа рублевки смятые в руках,
Шли прямо к их лукошку пассажиры
В своих пижамах, майках, пиджаках.

И, побывав на маленьком вокзале,
К себе кулечки бережно прижав,
Они, заметно пообрев, влезали
В уже готовый тронуться состав.

На этот раз, не поддаваясь качке,
На полку забираться я не стал:
Ел ягоды и хитрые задачки
По многу раз пристрастно проверял.

АТТИЛА ЙОЖЕФ

★

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

Атила Йожеф (1905—1937) — выдающийся венгерский революционный поэт. Первые его стихи относятся к началу двадцатых годов (сборник « Попрошайка красоты»). Высшего развития творчество Атилы Йожефа достигло в начале тридцатых годов, когда поэт примкнул к венгерскому коммунистическому движению. В лучших своих стихах Йожеф рисует античеловечность, антинародность венгерского буржуазного общества времен Хорти, призывает к его уничтожению и с большой лирической силой передает чувства простых трудовых людей Венгрии. Публикуемые в этом номере журнала стихи на русский язык переводятся впервые.

ЗДЕСЬ ДЕРЕВО, ТАМ ДЕРЕВО...

Здесь дерево, там дерево,
Здесь черное, там серое,
Обугленное дерево
Без листьев, без ветвей,
И горькое и гордое,
Такое непокорное,
Здесь дерево, там дерево —
Так по округе всей.

— Чего же вы не зелены? —
Луга их вопрошают.
Сердито, преднамеренно
Их пчелы облетают.
А яблони садовые
Кричат из всех садов:
— Стоите, дуры вдовы,
Не носите плодов!

— Вы не годны на сваи
И не годны для виселиц,
И не гордитесь — зря вы
Над нами так возвысились.
Ведь вывалилось небо
Из ваших черных рук,
И вы глядите слепо,
И пустота вокруг!

— Стоите, как огромные
Колодезные птицы,
Но путнику бездомному
Нельзя у вас напиться!

Вы молнией обуглены,
Соседями обруганы,
И нету к вам доверья,
Черные деревья.

Стоят деревья черные —
Черные дрова...
И слышны несчастливые,
Горькие слова:
— Нам твердил священник,
Что дарует бог
Радость и прощенье
Всем, кто изнемог.

Так давайте встанем
В очередь безмолвную,
Пусть над нами грянет,
Засверкает молния!
Пусть над всею волостью
Ливни зашумят,
Пусть нам нашу молодость
Снова возвратят.

ХОР РАБОЧИХ

(Профсоюзам всего мира)

Будильник не желает знать,
Как сладко с женщиною спать,
Как тяжело покидать кровать
И ради хлеба в ночь шагать.

Детей полно, а две руки!
Таскаем шпалы и тюки,
За наших недругов страдаем,
Обманутые простаки!

Бьем по железу молотком
И у железа сердце рвем —
Пусть хоть оно о том заплачет,
О чем не плачем, не поем!

Хвала векам — они за нас!
Хвала еде — нам силу даст!
И слава правде — потому что
Придет победы нашей час!

У них соборы и штыки,
Они зажали нас в тиски,
Чего ж мы спорим, спорим,
И пропадаем, простаки?!

Перевел с венгерского Вл. Корнилов.

ПОТОК

— Эй, куда спешите, люди?
 — Мы хотим найти работу,
 Шесть недель уже пустуют
 Наши бедные котомки;
 Бастовали мы, а ныне
 И колодца нас лишили,
 Наши близкие ютятся
 В развалившемся сарае.

Если б дыня золотая
 Покатилась по равнине,
 Если б огненной шалью
 Туча по небу взметнулась, —
 Освежились бы в ручье мы,
 Сполоснули бы рубахи
 И пустились в путь-дорогу,
 Ко всему уже готовы.

Но ярится страж усадьбы,
 Ручейка властитель злобный,
 Скалится, как на лягушек,
 Барский шут, холуй хозяйский:
 — Ну-ка, пятеро безродных,
 Убирайтесь прочь, бродяги!
 Здесь вода не для купанья
 Голодранцев, побирушек!..

— Ты, пастух воды, сквалыга,
 Прячь со всей планеты воду!
 Пусть пиликают надсадно
 Водохлебы господину!
 Пусть ему построят хутор
 На воде быстротекучей,
 Из воды воздвигнут кровлю,
 Пол настелют из водицы!
 Пусть зубастой бороною
 Он ровняет море в бурю!
 Пусть укладывает с сыном
 Струи ливня в стог высокий!
 Пусть, собрав казну-чешуйки,
 Карасям корчму откроет!
 Пусть за обувь примет омут,
 А водоворот — за шапку!

Пусть он станет укрываться
 Ледяной волной бегущей!
 Пусть блоху с лягушку ростом
 Дочь ему подпустит ловко,
 Поводя юбочкой старой!
 Пусть зарю зеленой встретит!
 Да снесет его навеки
 Бедняков поток могучий!
 Пролетарин, куда вы?..
 Нет им ни конца, ни края!

МОЙ ПОДАРОК

Принес я сердце. Делай с ним, что хочешь.
Ведь ты не дорожишь им, знаю сам.
Ему не больно. Больно лишь рукам,
Уставшим ждать и звать тебя средь ночи.

Возьми его. Заставь забавой стать,
Стать мячиком, и губкой, и защитой.
Оно точь-в-точь тебе по ножке сшито
И блещет туфлям лаковым под стать.

Бери, носи. Оно из доброй кожи.
Но об одном прошу тебя я все же:
Когда придет однажды день такой
И треснет лак, когда никто на свете
Не сможет починить ботинки эти, —
Не шлепай в них по грязи городской!

Перевела с венгерского Эм. Александрова.

НИКОЛАЙ КОРНЕЕВ

★

ВЕНГЕРСКАЯ ГРЕНАДА

Весны закипающий шум
Любили мы слушать с ним прежде...
О друге моем я пишу,
Который убит в Будапеште.
От края родного вдали,
В клубящейся мгле ошалелой,
Сквозь самое сердце прошли
Навылет

«скрещенные стрелы».

Но видится друг не в бою.
Шагая со мною по саду,
Он снова читает свою
Любимую с детства «Гренаду»,
О хлопце, что шел воевать
Не славы, не почестей ради,
А землю желая отдать
Крестьянам в далекой Гренаде.
Он эти стихи наизусть
Твердил мне негромко, но внятно.
Большая испанская грусть
Сердцам нашим с детства понятна.
В земле сталинградской лежит
Твой мальчик, твой сын, Ибаррури.
Закованный в цепи Мадрид
Чело свое смуглое хмурит.
...Я знаю: приказ — не совет,
И в армии все — по приказу.
Идти в Будапешт или нет
Его не спросили ни разу.
Но, если б спросили всерьез,
Горяч, но спокоен и светел,
Мой друг бы на этот вопрос
Стихом из «Гренады» ответил.
Он все понимал хорошо.
Всем сердцем он чувал: так надо.
Он взял автомат и пошел.
Он понял, что это — Гренада.

ЭНВЕР ДАВЫДОВ

★

ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Прошло это время,
Когда грудь, как огневая броня,
Всем ветрам противостояла летящим.
Бессильную голову,
  в поисках мягкой опоры,
  в течение дня
Клонит к подушке все чаще и чаще.
Не считайте,
  будто своею думой большой
Отрекаюсь теперь от земли и от солнца.
В такую пору особенно чувствую,
  как всею душой
Соединен со страной,
  чтобы жить и бороться.

Я и не гений,
И богатырское мне не дано,
И не то что из этого мира,
  а просто из этого дома
Мой уход,
Возможно, заметит лишь сердце одно,
Заметит и, может, забудет,
  живыми влекомо.

Подойдя к изголовью, увидите —
В вашей душе
Вид мой не вызовет зависти —
  жалость вызвать рискую...
Видеть вам,
  приходилось ли видеть
  в ковше —
  зачерпнув ее —
  воду морскую?
Какая-то зеленоватая жидкость, ничем не мила.
Если долго смотреть — затошнит.
  Вы видали?
Ту же воду видали,
  когда она в море была?
Вы, возможно, глядели в шумящие дали?
Как она, та вода,
Пронизанная лучом,
Играла в глуби изумрудного вала

Или, вскинутая на гребень подводным плечом,
Белопенная, разозлясь, бушевала!

Эх, доктора!
За эти четыре дня или дней пять
Я так стосковался и душою и телом.
Скорее
Из проржавленного ковша этих стен
вы опять

Вылейте меня
В море мое —
в жизнь без предела!
Неотделимо,
Незаметно для глаз
Я буду шуметь в общем море,
пружинясь от ветра,
В день ненастный,
если придет,
в трудный час
Я, ревя, как и все,
буду требовать солнца и света.

Без отдыха буду
Гнать ветром и вихрем местí
Грязный мусор, попавший на волны
досадной обузой.
Нисколько не жалуясь,
буду честно нести
Адресованные к заветному берегу грузы.

Права прошу
Лишь на шалость одну —
Когда Она к морю придет по знакомой дорожке,
Я нарочно
Включусь в ту волну,
Что плеснется ей в самые ножки.

Испугается.
— Ай! — засмеется она
И увидит, как волна раскололась.
Я наслушаюсь, надышусь дополна,
Когда коснется меня
ее серебряный голос.

Эх, доктора,
Если уж правду сказать,
Я не верю ни вам, ни вашим лекарствам.
Дело тут не в укор.
Развожу волны песен,
волну посылаю к волне, —
Только это и выведет меня
в открытое море.

Перевел с татарского Мих. Луконин.

ЖЕНЩИНАМ

Женщины,
я вас всегда уважал
И восхищенно ценил —
Сколько стихов я о вас написал,
Сколько вам песен сложил!

Не потому я вам верно служил,
Что, как росу на лугах,
Первой любви поцелуй сохранил
Я до сих пор на губах.

Не потому, что вливалось в бокал
Счастье, как сладкий шербет,
Не оттого, не затем я писал —
Нет...

В памяти давняя встала весна —
Помню ее и досель:
В поле на пахоту чуть не сполна
Первая вышла артель.

Праздных прохожих на улице нет,
Лишь у тесовых ворот,
Там, где живет подкулачник Ахмет,
Странный толпится народ.

Больше других почему-то кричит
Дядька в холщовых штанах.
Вешнее солнце на вилах блестит
И на больших топорах.

Топчут в азарте весеннюю грязь
Люди шумливые те.
Радостно мне. И стою я, смеясь,
В детской своей простоте.

Но отчего это — смех мой угас —
Мама так странно бледна?
Имя сына — он с артелью сейчас —
Шепчет тревожно она.

А у ворот у Ахметовых — там
Шум разгорается вновь.
Слышу я крик: «Мусульмане! Ислам!
Вероотступники! Кровь!»

Вот уже тронулись страшной толпой
В поле они из села.
И с непокрытой седой головой
Мама навстречу пошла.

Руки раскинув, в решающий час
Встала она на пути —
Стронуть ее невозможно сейчас,
Мимо нее не пройти.

Банда, как будто лишась языка,
Ошеломленно молчит.
А перед нею, одна, без платка,
Гордо старуха стоит.

«Есть на тебя шариат или нет?
Это кощунство! Позор!»
И над ее головою Ахмет
Свой поднимает топор.

«Если поднимутся руки — убей!
Сердце мое не дрожит.
Землю, где вырастет счастье детей,
Пусть моя кровь оросит!»

Женщины!
Если случится читать
Стихотворенье мое —
Вспомните смелую, гордую мать,
Подвиг бесстрашный ее.

Перевел с татарского Я. Смеляков.

О ВЕЛИЧЕСТВЕННОСТИ

Вот облако стоит на небе чистом,
Все в пересвете солнечном лучистом.
Величественно смотрит свысока,
Ни с места. Улыбается слегка,
Стоит, не совершая ничего,
Чтоб не помять величья своего.

Ты говоришь: «Ты вида не имеешь,
Держаться так красиво не умеешь.
Смысл жизни, друг, ты понимаешь слабо,
Ты пользуйся, пускай возносит слава.
Величественность вписывай в обличье —
Приличествует славному величье.
Не ценишь ты себя, скажи по чести,
Ты не умеешь быть на видном месте.
Блаженствовать тебе бы гордо, знатно,
А ты все устремляешься куда-то.
Ты скачешь, словно тучка дождевая,
Всего себя всем людям раздавая».

— Постой, постой, — прерву. — С небесной сини
Сведи глаза, взгляни на землю ими.
Смотри — дождей с намокшими ветрами
Ждут, жажда, взволнованные травы,
Но облаком величественным что-то
Им восхищаться вовсе не охота.
Смотри, смотри, ах, как затрепетали!
Что с ними? А! Гляди в небесной дали —
Ты видишь? — туча черная скользнула.
Понесся вал раскатистого гула.

Как радуются, шепчутся травинки!
 Подставь ладонь — закапали дождевики,
 Цветы на листья дождик нанизали,
 Глаза полны счастливыми слезами.

Нет, нет, не так, мой друг, ты жить велишь мне.
 Величественность — это не величье.
 Не буду гордым облаком воздушным,
 Предельно безупречным, но бездушным.
 Я тучей дождевой иду по свету,
 Все отдаю, иначе жизни нету!
 Я на своей земле найду однажды
 Всех тех, кто ждет меня, горя от жажды,
 И выльюсь весь: из сердца — в те сердца,
 Весь, до последней капли, до конца.

Перевел с татарского Евг. Евтушенко.

* *
 *

Я уже надоел вам,
 Слава поле цветное,
 И сегодня задумал
 Написать про иное.

Но в раскрытые окна,
 Порождая смятенье,
 Ветры вдунули в душу
 Дух ржаного цветенья.

Да, поля мои издавна
 Полюбил я, как заповедь,
 Мне тогда еле-еле
 Передвинулось за девять.

Первый трактор невиданный
 Окружая восторженно,
 Мы бежали, мальчишки,
 Впереди, как положено.

Все полынные земли
 Распластав, как живая,
 Шла машина, для взоров
 Ширь полей открывая.

Так открылось грядущее,
 Даль далекая, ранняя.
 Тут и было начало
 И любви и признания.

Перевел с татарского Мих. Луконин.

О ЛЮБВИ

Я произнес «любовь» — и сразу
Твой образ, Родина, возник.
Мне не до сладких слов сегодня,
Забыл их грубый мой язык.
Не только радостные песни
Тебе приятны и нужны —
Ведь можно пасть в тоске великой
На грудь своей родной страны.
Я знаю, что в минуты эти
Не оттолкнешь страдальца ты,
И плачу, к сердцу прижимая
Твою траву, твои цветы.

Не верь, когда тебя невестой
Иные умники зовут, —
Всей женской нежности дороже
Твой справедливый, строгий суд.
Давно тебя ношу я в сердце,
Душа моя давно полна
Твоим блистательным грядущим,
Твоей историей, страна!
Меж нами вот уж сколько лет
Ни тайн, ни недомолвок нет.

Чтоб вытеснить тебя из сердца,
Нет никого и ничего.
И в шумной радости и в горе
Ты любишь сына своего.

Тебе не нужно славословье,
Противна всяческая лесть...
Кто там назвал тебя невестой?
Ты — всё, что было,
всё, что есть!

Перевел с татарского Я. Смеляков.

Ус крашеный, загордившись прядкой,
Коснулся губ девчонки молодой.
В саду соседнем мальчик рвет украдкой
Цветок газонный, пахнувший водой.

Айда, мальчишка, рви, не быть расправе,
Ведь осень мчит сюда во весь опор.
Ты все равно возьмешь свое,
ты в праве,
Вон твой сосед усатый — это вор!

Перевел с татарского Мих. Луконин.

БОРИС РАХМАНИН

★

ВОЕННЫЕ СЛОВА

Военные слова:

«плацдарм», «атака»...

Военные слова:

«Погиб у Мсты...»

Я сдерживаюсь, чтобы не заплакать

От их такой суровой простоты.

Плацдарм...

Он скрыт осокою густою,
Земли прибрежной маленький клочок...
Как много жизней мужественных

СТОИЛ

Вот этот

неразменный пятачок.

Здесь пятеро сумели закрепиться,

Прошедшие сквозь линию огня,

А среди них со шталой на петлицах

Был человек, похожий на меня.

Он в рваной почерневшей гимнастерке

Хранил от нашей комнаты ключи...

А я был далеко, а я четверку

По русскому диктанту получил.

В тот самый день и в то мгновение ровно,

Когда бинты он ржавые сорвал,

Мне снизила отметку Марь Петровна

За то, что на полях я рисовал...

Смешные танки на полях тетрадки,

Чужие танки на полях страны...

А мы играли возле школы в прятки,

Поочередно жмуря у стены...

Военные слова:

«плацдарм», «атака»...

Я в армии опять услышал их.

Учебная

нетрудная

отвага,

Резиновая лодка на двоих...

Костры дымят на берегу, у брода,

Условно это линия огня.

Мы прыгаем в коричневую воду,

Оружие над касками поднимая.

Мы место потруднее выбираем,

Как хорошо, что камыши густы!

ВИКТОР УРИН

★

ИЗ СИБИРСКОЙ ТЕТРАДИ

..*

Так огромны пространства, что часто
О больших расстояниях тут
Говорят: «Это только участок...» —
И упорные съемки ведут.

Дышат зори таежным простором,
Хвойный ветер, как молодость, чист,
И склонился рассвет над прибором,
Как взыскательный геодезист.

Как он рад, что в глазок нивелира
Наконец-то увидеть он смог
Этот профиль труда, профиль мира,
Профиль новых электродорог.

Он закончил свой труд, и бумаги
Убегают в потертый планшет.
Есть проект электрической тяги
На участке Усолье — Тайшет!

Здесь шагать вам, электроопоры,
С Енисея в иркутскую даль,
Пусть бежит, покоря просторы,
Электрическая магистраль..

Люди съемки ведут на Разгоне,
И уже не в мечтах, а всерьез
На далеком иркутском перроне
Ожидается электровоз.

..*

Кто побывал в сибирском море,
Тот и запомнит навсегда,
Как приласкалась к синегорью
Вольнолюбивая вода.

О берег рыбаков-бурятов!
Как ты прекрасен и могуч,
Байкал оранжевых закатов,
И синих гор, и красных туч!..

Там ветры яростны, мгновенны,
Все изменяют в миг один,
Там гривы снежно-белой пены
Швыряет в скалы баргузин.

И как-то неопределенно
Кочуют там под птичий крик
То дерзкая сарма с Ольхона,
То несерьезный верховик.

А волны вдаль идут устало,
И под кнутами ветерков
Пасутся на горах Байкала
Стада белесых облаков.

Под вечер выброшены сети,
И серебристых омулей
Морская осень на рассвете
Кладет под золото ветвей.

Гордясь уловом знаменитым,
Гостеприимная Турка
Влечет к себе, как бы магнитом,
Неробкий парус рыбака.

Навек запомнив эти краски,
Невольно будешь думать ты,
Что побывал в гостях у сказки
В гостях у щедрой красоты.

Но эта сказка — рядом с былью,
И это все я сам видал,
И снова рогом изобилья
Ты показался мне, Байкал.

ХРАМЦОВСКИЙ РАЗРЕЗ

Нас приводит дорога
На Храмцовский разрез,
Где — ни мало ни много —
Чудеса из чудес!

Говорили мне: вскрыша —
Это поле труда.
Гул моторов слышишь,
Направляюсь туда.

Хорошо быть счастливым,
Аммонит заложить,
Чтобы утренним взрывом
Сразу ночь обнажить.

Начинаешь с рассвета,
Снимешь глинистый пласт,
А земля тебе эта
Сразу уголь отдаст.

Экскаватор лопатой
Зачерпнет, как рукой,
Полновесный, богатый
Черноугольный слой.

От неожиданного света
Уголь щурится весь,
Он искрится, как лето,
Как хорошая весть.

Изумился я, стоя
На крутом берегу,
Было чувство такое —
Передать не могу:
Словно ты за плечами
Говорила: «Люблю»,
Так вот солнце лучами
Прикасалось к углю.

...Как из черного моря,
Из чернеющих гор
Вытекал, тараторя,
Ручеек-транспортёр.

Очень робкий вначале,
Стал он шире, мощней
На реке магистрали
Паровозных путей.

И, как сказано выше,
На Храмцовский разрез
Приходили от вскрыши
Чудеса из чудес!

* * *

Пускай они законно славятся,
Созвездия сибирских ГЭС,
Но есть в тайге своя красавица,
Свой черемшанский интерес.

Электростанция колхозная,
Всего на тридцать киловатт,
Постройка умная, серьезная,
Необходима, говорят.

Она в селе возникла, радуя
Сельскохозяйственных людей,
И ни в газете, ни по радио
Вы не услышите о ней.

Здесь бабушка с особым доводом
Сказала, мимо проходя:
— Запутали все небо проводом,
Вот потому и нет дождя.

Но он ударил в лес и по лугу,
И дождь устал от беготни.
Сияли под вечерним пологом
Прямоугольные огни.

Мы попрощались с Черемшанкою,
И, вся в огнях, она вдали
Светилась орденскою планкою
И украшала грудь земли.

С. ЗАЛЫГИН

★

В СТРАНЕ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Вот уже несколько дней, как мы в Пекине. Нас трое: Борис Полевой, Борис Галин и я. Мы составляем делегацию советских писателей на юбилей Лу Синя.

Прошли юбилейные дни, посвященные двадцатилетию со дня смерти китайского Горького. Мы слушали выступления на различных языках мира, видели представителей множества национальностей, которые прибыли на этот юбилей, и увидели, как Китай последовательно продвигается к тому месту в мировой культуре, которое ему по праву принадлежит.

А дальше?

Смысл юбилея великого писателя для нас состоит не только в том, чтобы воздать ему должное, — мы хотим увидеть народ, которому этот писатель принадлежал, которому он служил, который он изображал в своем творчестве.

И вот мы ходим из музея в музей, из храма в храм, из парка в парк и все, что нам попадает на глаза, спешим занести в свои записные книжки... С нами наши друзья переводчики — Гао Ман, Сун Чжэ-куй, Чжан Мэн-куй, совсем еще молодой Хуан Цзелин и супруги Е. Они стараются рассказать и показать нам как можно больше.

Мы были и на Великой китайской стене, и на могилах Минской династии, и в пригородном сельхозкооперативе «Красное знамя». И везде — записи, записи...

Полевой пишет удивительно быстро, а в перерывы, когда мы идем или едем от одного храма к другому, он снимает свой лихой берет, засовывает его в карман и произносит:

— А вот, братцы, расскажу я вам одну феерическую историю!

И действительно, следует феерическая история из военной жизни, очень сильно одобренная его добрым юмором, а может быть, и фантазией...

Галин, тот подходит к стене огромного храма, стучит по ней карандашом и вопрошает:

— Гао, что мы здесь имеем?

И Гао Ман, наш замечательный переводчик, который не только в совершенстве знает русский язык, но и переводит советские и классические русские пьесы, знает творчество почти всех наших видных писателей, — терпеливо объясняет, что мы имеем здесь храм, построенный две с половиной тысячи лет тому назад...

Из нас троих, по-моему, один Полевой справляется с этими впечатлениями — ему удается записать все, что нам рассказывают и показывают, и по ночам, возвращаясь в номер гостиницы, он пишет и пишет дневник путешествия.

Мы же с Галиным бродим, как в тумане, нам уже ясно, что из наших разрозненных записей не получится чего-то цельного, и, хотя все это страшно интересно, поразительно, красиво, увлекательно, мы то и дело вопросительно поглядываем друг на друга:

— Ну как, старик, у тебя что-нибудь складывается?

— Абсолютно ничего, старик...

Мы оба вздыхаем... Мне кажется, я готов принести жертвы всем буддам за сюжет одного рассказа. Одно маленького, простенького рассказа. Еще я думаю: в каком же жанре я буду писать?

Что буду писать — статьи, очерки, рассказы? На первых же порах впечатления так разнообразны, их так много, что, мне кажется, просто невозможно остановиться на чем-то одном... Я думаю — вовсе не надо заботиться об этом. Во что будут ложиться

впечатления, то и буду писать. Рассказ так рассказ. Очерк так очерк. Статья так статья... Но пока что у меня не получается ни то, ни другое, ни третье.

И вот мы попадаем на Пекинский рынок — рынок Небесного моста... Конечно, мы хотим узнать все о торговле бананами и сверчками, посмотреть представление или послушать рассказы шошуди¹, отведать пельменей и лапши, которые тут же при вас готовят, посмотреть многочисленных фокусников.

Рынок огромный и тесный.. Лавчонки, магазины покрупнее, палатки, просто корзины продавцов прижаты друг к другу вплотную, харчевни сочетаются здесь с торговлей обувью, зрелищные предприятия примыкают к магазинам и друг к другу.

Несмотря на эту тесноту, на эти иногда странные совмещения, на рынке нет бессмысленной толчеи, нет грязи, мусора, который бросался бы в глаза, нет ни одного нищего; вообще за все время пребывания в Китае мы не видели нищих, точно так же как и людей «под мухой», если не считать одного «подвыпившего» на сцене театра в Ухани.

Между прочим, на рынке Небесного моста со мной произошло небольшое приключение... Полевой без конца щелкал своим аппаратом (правда, я что-то не видел потом ни одной его фотографии), а я продвигался сквозь толпу сзади, и, должно быть, поэтому несколько пожилых мужчин остановили именно меня...

Они остановили не одного меня, а вместе с одним из наших переводчиков, и по лицам и жестам я видел, что между переводчиком и этими людьми происходит разговор, который касается меня непосредственно...

Я хотел вмешаться, убеждал переводчика, чтобы он объяснил мне, в чем же, наконец, дело... Но наш добрый Сун Чжэ-куй только пожимал плечами. Ему, кажется, было неудобно, что произошло недоразумение. В конце концов он все-таки объяснил мне, в чем дело.

— Люди интересуются, — сказал Сун, — что вы за человек. Почему вы везде заглядываете, все фотографируете, записываете? Для чего вам это нужно?.. Они вовсе не говорят, что нельзя смотреть, фотографировать и записывать, — пожалуйста, сколько угодно, но если вам здесь все интересно, так и они тоже могут ведь поинтересоваться: что вы за человек? Откуда? Из какой страны?

Я вынул из кармана свой паспорт...

Паспорт красный, на нем написано: «СССР», изображена пятиконечная звезда, земной шар, серп и молот. В общем, наш «молоткастый и серпастый» паспорт... И он пошел по рукам... Один человек подержит паспорт в руках, улыбнется и передаст другому... Я не торопил людей, пусть себе смотрят... Я глядел на лица этих людей, которые бережно передавали паспорт из рук в руки, и у меня было время вспомнить Маяковского. Только здесь советский паспорт держали в руках друзья... Жаль, что я не могу рассказать об этом так, чтобы хоть немного было похоже на Маяковского.

Вскоре я догнал Полевого; он фотографировал теперь какого-то старика лавочника в расстегнутой до пояса рубашке. Старик позировал охотно и говорил, что это будет вовсе не плохо, если его портрет увидят в Москве...

Наконец мы попали в цирк, и только потому, что услышали знакомую мелодию: «Степь да степь кругом...» Заглянули в щель между двумя брезентовыми полотнищами и увидели, как под эту музыку человек ставит один стул на другой — целую колонну стульев — и сам, стоя на руках, поднимается все выше и выше.

Потом мы посмотрели все представление этого цирка, полное жизни, изумительного мастерства, выдумки. Мы разговаривали с исполнителями, и они удивили меня тем, что считали свое искусство самым обычным делом. Они даже стеснялись называть себя артистами.

Когда Полевой назвал одного из них «народным артистом», человек этот был просто поражен и долго не хотел верить, что так говорят о нем, и притом всерьез.

Мы вернулись в гостиницу уже затемно, и тут мне страшно захотелось хоть что-нибудь написать о таких вот скромных, даже наивных людях — мастерах своего трудного искусства...

Вот что получилось из этого намерения.

¹ Шошуди — бродячие народные рассказчики.

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

Рассказ

Ах, публика, публика...

Чао Мин не хочет сказать о публике ничего плохого! Упаси бог! Никогда в жизни! Но все-таки разве по размерам фарфоровой вазы публика не видит, что эта самая ваза с голубыми драконами вовсе не детская игрушка и весит по крайней мере двадцать пять цзиней?¹

Ведущий, он же кассир цирка, высунувшись через крышу своей кассы, объявляет в жестяной рупор номер Чао Мина — упражнение с вазами. И вот, подкинув свою вазу высоко в воздух, Чао Мин уже принимает собственным лбом ее острое ребро!

Не надо быть Чжугэ Ляном², чтобы понять, что Чао Мин выполняет выдающийся номер цирковой программы! Конечно, мальчишки и девчонки могут этого и не заметить, не понять, не оценить номер по заслугам — им простительно. Но не о них речь.

Речь идет о самых уважаемых, самых почтенных зрителях, которые сидят не на скамейках, а на досках, уложенных прямо на землю первыми рядами. Речь идет о зрителях, которые сидят, поджав ноги, на этих досках и пьют чай. Чай разносит им старый Сун с седой бородой и, не нагибаясь, наполняет чашки так ловко, что этого неприметного старого Суна тоже можно было бы выпустить на арену цирка, с его медным чайником, у которого носик имеет в длину три, а то и все четыре чи³.

Так вот — старый Сун разливает почтенным зрителям чай, Чао Мин показывает им свое искусство игры с вазами, а в это время кто-то вдруг начинает зевать, не потрудившись даже прикрыть широко раскрытый рот... Такой зевака и не подозревает, сколько горьких минут доставляет он Чао Мину...

Но бывают зрители совсем другого рода.

Один из них вселил в душу старого Чао Мина смятение, а может быть, и гордость — не сразу разберешься в собственном душевном состоянии после встречи с таким зрителем.

Этот зритель был советским товарищем. В воскресенье он ходил по рынку со своим переводчиком и удивлялся. Удивлялся всему. Он останавливался у прилавка лавчонки Сяо Хуна, вынимал из кармана записную книжку и просил переводчика сказать ему, что лежит на этом прилавке. Там лежали: бараний желудок, сушеная колбаса, вареная курица и свиные ножки. И все это советский товарищ записал в свою книжку, а потом еще спрашивал, почему вареная курица имеет такой ярко-красный цвет.

А может ли быть иначе? Не то что курица — камень, пролежавший в знаменитой китайской стене две с половиной тысячи лет, и тот покраснеет в две с половиной минуты, если его варить в добром хунаньском перце!

Советский товарищ удивлялся, между прочим, и тому, что в цирке многие номера исполняются в сопровождении русских песен «Катюша», «Степь да степь кругом...» и других русских мелодий.

Опять-таки чему здесь удивляться? Сто юаней — это сто юаней, а хорошая музыка — это хорошая музыка, и она нравится публике. Если же притом хорошая музыка идет от хорошего друга, тогда оркестр в составе скрипки, барабана и трубы начинает звучать ничуть не хуже военного, а ваза весом в двадцать пять цзиней и в самом деле становится легче, и Чао Мин испытывает наслаждение, играя с ней...

¹ Цзинь — мера веса, равная приблизительно $\frac{1}{2}$ килограмма.

² Чжугэ Лян — полководец древнего Китая.

³ Чи — мера длины, равная $\frac{1}{3}$ метра.

Так вот — советский товарищ бродил по рынку, услышал «Степь да степь кругом...», удивился и решил посмотреть, что же такое происходит за брезентовыми стенами цирка.

И после этого посещения Чао Мин стал заниматься делом, которое ему и в голову не приходило раньше: он стал размышлять над вопросом, кто же такой Чао Мин.

Да, никогда в жизни этот вопрос не занимал Чао, но никогда в жизни никто так не отзывался о его работе, как этот советский товарищ.

Этот товарищ ерошил свои лохматые волосы, размахивал руками и говорил, что игра юной Бай Лю с тарелочками великолепна и неподражаема, что танец львов, когда в каждую львиную шкуру затолкнуто по два человека, будет принят с восторгом на всех аренах мира, что упражнения Чжоу Гу-цина с трезубцем — это классика и совершенство мужской пластики, что даже Бао Чэн и тот хорош с его резиновым мячиком и дырявым зонтиком, а о самом Чао Мине он сказал...

Может быть, нескромно повторять, что сказал советский товарищ о Чао Мине?

«Чао Мин — народный артист» — вот что сказал этот человек, понимающий толк в цирковом деле.

Возражать было трудно. Сначала все исполнители отвергали похвалы, но когда товарищ сказал, что цирку обязательно нужно побывать в Москве и там показать свое мастерство, тогда возражать стало совсем невозможно, и все вместе и каждый в отдельности без конца фотографировались с советским товарищем...

Этого зрителя вся труппа проводила через рынок, а когда вернулись в цирк, на душе Чао Мина уже было неспокойно. Уже тогда он спросил себя: что такое народный артист? Действительно ли он — Чао Мин — народный артист? Такое великолепное и великое звание несут лучшие артисты в Советском Союзе. Понятно, Чао Мину все понятно. В Советском Союзе народ присваивает своим любимым артистам это звание и, вероятно, если артист не оправдывает доверия, запросто может взять это звание обратно. Что же, наказание по заслугам делает человека умнее, а звание без заслуг — глупее. Пусть и с Чао Мином поступят так же, если он будет плохо играть с вазами. По этому поводу нет и не может быть никаких сомнений... Другое дело — надо решить, заслуживает ли Чао Мин звания народного артиста?

Собственно, здесь два вопроса: действительно ли он «народный» и правильно ли, что он артист?

В том, что слово «народный» вполне относится к Чао Мину, у него нет сомнений. Посудите сами — для кого Чао Мин да и весь цирк ведет представление? Для народа... От кого зависит, будет ли и дальше существовать цирк или не будет? От народа, от того, захотят люди или не захотят платить по десять фыней за входной билет... А откуда артисты цирка берут свои номера? Да от народа же. Может быть, это требует особого пояснения? Пожалуйста!

В городах и селах Китая простые люди в часы досуга исполняют столько интересных номеров, что самому большому цирку не показать их и за десять лет.

Например, Чжоу Гу-цин, который привел в восторг советского товарища своими упражнениями с трезубцем, в этом искусстве ничуть не выше бригадира Ли Чунь-лина из сельхозкооператива «Хун ци», что по-русски значит «Красное знамя». Вы не слыхали об этом кооперативе и бригадире Ли?

Зато, если вы хоть неделю прожили в Пекине, вы обязательно ели редис, батат, петрушку или еще что-нибудь из тех восьмидесяти шести видов овощей, которые выращивает этот кооператив. Это тот самый коопе-

ратив, который с одного му земли снимает в год свыше десяти тысяч цзиней петрушки, тот самый, которому городское правительство Пекина вручило недавно переходящее знамя за высокие урожаи лука.

Поезжайте автобусом в южный район Пекина, потом пешком, минуя два древних могильника, идите в сторону железной дороги, и вы попадете на поля кооператива «Хун ци» и познакомитесь там с бригадиром Ли Чунь-лином.

В теплице с гвоздикой (гвоздика тоже нужна Пекину) вы увидите трезубец. Попросите товарища Ли Чунь-лина показать вам свои упражнения. Он не станет отговариваться, а сбросит телогрейку и останется в белой майке с красными иероглифами на груди. Прочитав их, вы можете узнать, что эту майку товарищ Ли получил на районном слете овощеводов как премию за хорошую работу.

Теперь смотрите внимательно, как передовой бригадир, который выращивает восемьдесят шесть видов овощей и получает самый высокий урожай лука, как он играет с трезубцем. Бригадир почти неподвижен, лишь изредка он переменит позу, взмахнет рукой, а стержень трезубца скользит по его груди, по рукам, по спине, а сам трезубец гудит, заглушая все вокруг, и сверкает на солнце... Смотрите, и вы поймете, откуда в цирк пришел номер с трезубцем.

Упражнения с вазами — дело, конечно, более серьезное. Но и тут надо сказать правду: Чао Мин может назвать много деревень, где такими упражнениями занимаются мальчики и взрослые, и там найдутся люди, с которыми даже Чао Мину будет не так-то просто тягаться.

Все это доказывает, что ни один номер цирковой программы не выдуман — цирк только повторяет малую долю того, что можно увидеть среди народа от Восточно-Китайского моря до Гималаев.

Ну, а если уж вы не выдумали пороха, так надо быть скромным.

Ежели поглядеть вокруг, так именно скромные люди окружают Чао Мина — каждый из них занят своим собственным делом, пусть небольшим, но необходимым, и никто из них не мнит себя артистом.

...За полотняной стеной цирка пожилой человек со шрамом на правой щеке продает сверчков. Он продает сверчков парами — «мужчину» и «женщину» — и при этом всячески расхваливает их окраску. Как известно, сверчки живут в темноте, где-нибудь в теплой щели под каном¹, и никто не любит их внешнею — они лишь услаждают слух добропорядочных семейств.

Спрашивается: для чего же тогда человек со шрамом на правой щеке поднимает сверчка за ножки и расхваливает фиолетовую с зеленым отливом спинку и брюшко сверчка? Для чего это он делает? Может быть, это совсем не скромно с его стороны? Нет, человек со шрамом на щеке прав: хотя действительно никто не любит внешнего видом сверчка, все-таки приятно знать, что под вашим каном живет и стрекочет красивый фиолетовый сверчок. И продавец честно делает свое дело, он достаточно скромный человек. А что будет, если он, Чао Мин, вдруг возомнит себя выдающимся знатоком, артистом своего дела? Но нет, он не настолько глуп, чтобы позволить себе это...

Рядом с цирком, постриженный ежиком, уже пожилой шошуди с золотым зубом во рту рассказывает слушателям истории из седых времен «Троецарствия». Шошуди начинает свой рассказ только тогда, когда на дощатом столике, рядом с чайником, накопится порядочная кучка желтых бумажек с изображением трактора. Что это — нескромно с его стороны? Никакой нескромности здесь нет; если вам некогда ждать, пока на столе накопится наконец порядочная кучка этих бумажек, не ждите, а идите своей дорогой. Если даже вы положили на стол одну такую бумажку, а

¹ Кан — обогреваемая лежанка.

шошуди все не начинает рассказа, можете взять этот свой фынь обратно, объяснив, что вам некогда ждать так долго. И шошуди не обидится. Он тоже не мнит себя бог знает каким артистом.

А чуть подальше другой рассказчик за три фыня объясняет содержание восьми картин, которые изображают подвиги партизан в освободительной войне. Может показаться, рассказчик совсем напрасно бьет в красный барабан, зазывая публику: картины и без его пояснений, сами по себе, очень красочны и красивы. Но это не так.

Посмотрите на внимательные лица слушателей, и вы поймете, что даже и этот безусловно искусный художник все-таки в чем-то не дотянул до полного совершенства, не дотянул приблизительно на полфыня в каждой из восьми картин, и вот его дополняет рассказчик с красным барабаном. Он тоже не хвастун, не зазнайка, он вовсе и не помышляет о высоком звании артиста.

В самом цирке каждый человек тоже занят своим скромным, но необходимым делом.

Бездеельничает разве только один Бао Чэн. Он уже много лет перебегает из одного цирка в другой и везде готов хвастаться своим искусством с завтрака до обеда и даже в «тринадцатом» часу. Про таких говорят, что они чешутся шестью пальцами.

А все его искусство состоит в том, чтобы гонять резиновый мяч или квадратное зеркальце по куполу зонтика. Ни силы, ни красоты — гоняй, и все. Но он знает публику, этот Бао, и после каждого своего выступления слово произносит одну и ту же речь.

— Дорогие товарищи! — говорит Бао громко. — Я, конечно, не скажу, чтобы мой номер был лучшим цирковым номером народного Китая. Конечно, у меня могут быть недостатки. Поэтому я прошу вас — выскажите мне свои критические замечания. Очень прошу — пожалуйста, не стесняйтесь, говорите прямо. Я учту ваши замечания в своей дальнейшей работе!

Вот такой он, этот самый Бао Чэн!

Но он один такой, и никто не хочет быть похожим на него.

А представьте себе, что будет, если продавец сверчков, шошуди с золотым зубом, рассказчик с красным барабаном — если все эти люди вдруг вобьют себе в голову мысль, что они великие мастера своего дела?

Что будет, если вдруг Чао Мин поверит мысли, которой ему так хочется поверить, и скажет сам себе: «Да, действительно, мало того, что я просто народный, я еще и народный артист»?

Будет смешно...

Когда зрители смеются над веселым номером в цирке — это приятно, именно за этот смех они платят свои трудовые фыни.

Когда же люди смеются над глупостью человека — это страшно. Это значит еще, что происходит обман, потому что никто не будет платить фыни за то, чтобы смотреть на глупого человека.

Вот она какая штука — жизнь; живешь день, и еще нередко ночью тебе снится что-нибудь из минувшего дня, а попробуй поверить самому хорошему слову, сказанному о тебе самым хорошим твоим благожелателем, и, того гляди, окажешься смешным и глупым.

Какой же выход из создавшегося положения? Решит ли когда-нибудь Чао Мин вопрос о том, артист он или не артист?

Видите ли, Чао Мин — серьезный человек. Поэтому он предоставляет решение этого вопроса вам.

Да, да, вам!

В воскресный день, когда у вас будет свободное время, пойдите на рынок Небесного моста и за десять фыней купите билет на цирковое представление. Лучше, если вы придете не один, а с женой.

Когда будет объявлен номер Чао Мина, смотрите внимательно, смотрите вместе со своей почтенной супругой.

Смотрите, как высоко вверх бросает Чао Мин белую фарфоровую вазу с изображениями голубых драконов, как снова подхватывает ее, как принимает ее на один палец сначала правой, потом левой руки, потом на гладкую, отполированную солнечными лучами голову, смотрите, как своим острым ребром ваза падает с высоты точно на узенькую черную повязку на лбу Чао Мина. Не забудьте при этом прикинуть, сколько может весить такая ваза, — вам станет ясно, что она весит никак не меньше двадцати пяти цзиней.

Смотрите дальше, как с запрокинутой головой и с вазой на лбу Чао Мин поднимается по высокой лестнице, как он там, наверху, раскидывает в стороны руки, держась только на одной ноге...

Смотрите на все это и решайте сами: действительно ли Чао Мин — артист?

СИНЬ КУН И ЯН ФУ-ЛИН

Мы были в Шанхае неделю — с восьмого по пятнадцатое ноября — и за это время съездили еще в Ханчжоу, затем на родину Лу Синя — в Шаосин — и побывали в Сучжоу.

Из этой шанхайской недели для меня особенно памятными оказались две беседы: с монахом Синь Куном в Ханчжоу и с вахтером Шанхайской табачной фабрики товарищем Ян Фу-лином.

Я хочу рассказать о встречах с этими двумя людьми — одного возраста, но разной судьбы, только мне не избежать общей участи всех тех, кто когда-либо побывал в Ханчжоу: я тоже хочу отдать некоторую, хотя бы и более скромную, дань восхищения этому городу...

«Более скромную» потому, что после Ханчжоу я побывал и в другом чудесном городе Китая — Куньмине, который произвел на меня еще большее впечатление, однако повторяю: не сказать о Ханчжоу ни слова просто невозможно. Наконец, Ханчжоу как бы предваряет встречу с Синь Куном.

Конечно, в китайском городе, да еще достаточно древнем, вам прежде всего покажут храм.

Храм в самом городе Ханчжоу воплощает легенду о полководце Юэ Фэе. Этот народный герой эпохи Сунской династии (X—XIII вв.) воевал с чужеземцами, не зная поражений, и был до конца предан родине. Должно быть, еще мать полководца внушила своему младенцу это чувство, написав на его груди четыре иероглифа: «Быть беспрдельно преданным родине». Успехам Юэ Фэя завидовали царедворцы, и один из них от имени императора написал подложный приказ, чтобы Юэ Фэй накануне решающей битвы вывел свои войска с севера, а сам вернулся во дворец. Юэ Фэй поверил ложному приказу и вернулся. Он был казнен «за измену». Когда люди спрашивали: «За что казнен Юэ Фэй?» — им отвечали: «Не всем обязательно знать государственные тайны!» Но один из тюремщиков тайком похоронил тело Юэ Фэя и сказал своему сыну: «Будет день, когда народ узнает правду о своем герое!»

И действительно день этот наступил.

Юэ Фэю был поставлен памятник, а фигуры предателя Цин Гуна и его жены были отлиты из чугуна. Они и сейчас стоят на коленях в ограде храма, и на табличке можно прочесть: «Металл не виноват в том, что из него сделаны фигуры предателей». Висит здесь еще одна табличка с надписью: «Не плевать!» Это потому, что в течение веков каждый посетитель храма плевал в ненавистные фигуры, и особенно усердно, говорят, в годы японской оккупации и сотрудничества Чан Кай-ши с американцами.

В храме были верующие, была и веселящаяся молодежь. Это вовсе нельзя рассматривать как дурное поведение молодых людей, отнюдь нет. Позже мне неоднократно приходилось наблюдать китайцев в храмах: они чувствуют себя среди бесчисленных будд очень свободно, приходят сюда семьями, едят лакомства и рассматривают

этих будд с любопытством, но без тени преклонения. Люди мирно беседуют между собой, продолжая, видимо, начатые разговоры.

Одним словом, храмы для китайцев — это музеи, исторические памятники и только для очень немногих — молитвенные дома. И верующие, которые ставят свечи в вазы с песком у подножия будд, а сами опускаются на колени и творят молитвы, и монахи, и просто посетители нисколько не мешают друг другу проводить здесь время так, как каждый считает нужным.

Другое обстоятельство, которое для меня лично было новым и любопытным, — это происхождение некоторых храмов. Оказывается, их строили здесь не только в честь божеств и святых духов, а очень часто в честь совершенно реальных исторических личностей, иногда вовсе не знатного происхождения, но завоевавших любовь и уважение своих соотечественников. Только что я говорил о храме полководца Юэ Фэя. В Гуаньси (провинция Сычуань) есть храм, воздвигнутый в честь строителя оросительной системы Ли Бана. Кстати, эта система, построенная за двести пятьдесят лет до нашей эры, и сейчас является одной из самых крупных в мире и действует очень хорошо. В Чэнду мы были в храме поэта Ду Фу, а в небольшом городке на Янцзы, мне рассказывали, есть храм в честь великолепного столяра Лу Баня.

Ханчжоу — центр провинции Чжэцзян, и местные жители с гордостью называют имена писателей и поэтов, родиной которых была эта провинция, и прежде всего имя Лу Синя.

Однако все красоты, а вероятно, и легенды, связанные с Ханчжоу, померкли бы, не будь здесь озер.

Озера в общем небольшие, но в них есть что-то подлинно поэтическое и, я бы сказал, умиротворяющее.

Горы заслоняют эти озера от ветров, и вода в них неподвижна. Лодки с беседками, в которых люди пьют чай, управляются одним гребцом на корме так тихо и незаметно, что они как будто не плывут, а действительно скользят по воде медленно и беззвучно... Попросите двух или трех лодочников плыть рядом, борт о борт, и тогда ничто не будет мешать вашему неторопливому разговору с людьми на всех этих лодках.

Когда мы уезжали из Ханчжоу в Шаосин, был дождь, и я пожалел, что мы уже не увидим больше вчерашнего озера — такого ясного, прозрачного, чуть бледного.

Наш переводчик Гао Ман сказал мне:

— Не беспокойтесь: одна из красот Ханчжоу — это озера во время дождя!

Что же, Гао был прав: мельчайшие капельки дождя создавали полупрозрачный серебристый полог, сквозь который самые озера были все-таки ясно видны, и вода была так спокойна, что я, кажется, впервые понял, почему китайцы многие свои парки, пароходы и даже улицы и площади городов называют этим словом: «Вечное спокойствие», «Небесное спокойствие», «Спокойствие реки»...

Красивое красиво всегда, а не только в ясную погоду при ярком солнце.

Но это было назавтра — я забежал вперед, — а в тот же самый день, когда мы были в храме Юэ Фэя и катались на лодках по озеру, мы — два китайских товарища и я — попали еще в один храм в окрестностях Ханчжоу.

Этот храм построен в честь монаха, совершившего путешествие из Индии в Китай с проповедью буддизма. На окружающих его скалах, между деревьями, растущими, кажется, прямо из гранита, высечено пятьсот изображений будд и других фигур, которые рассказывают об этом трудном путешествии.

Храм поражает своей высотой — более сорока пяти метров. Одни только внутренние деревянные колонны достигают двадцати восьми метров в высоту.

Как и все в окрестностях Ханчжоу, ущелье, где расположен храм, и высокая кровля храма, взлетающая в небо, и эти высеченные в граните древние изображения будд вызвали какое-то созерцательное спокойствие.

В первом, небольшом, здании храма было пусто, и только один еще сравнительно молодой монах неторопливо и деловито кланялся огромному будде и жевал конфетку.

В главном здании шел ремонт, и необыкновенно сильный аромат древесной стружки наполнял залы. Некоторые изображения будды сняты здесь со своих мест, где они

простояли, должно быть, века, другие покрашены только наполовину. На строительных конструкциях, бесчисленных украшениях и на этих буддах свежая и яркая краска повсюду перемежалась с вековой копотью и пылью.

Вход в одно из помещений, где ремонт еще не начинался, преграждала невысокая бамбуковая перегородка, но мы заметили там очень большое и интересное изображение будды, окруженного множеством фигур людей и животных. Мы попросили разрешения войти в этот уголок храма.

Ключ принес пожилой монах, как и все монахи — в черной вязаной шапочке и в черном халате. У него было очень доброе, прямо-таки радушное лицо, и это первое впечатление не обмануло нас: монах оказался приветливым и разговорчивым человеком.

Открыв дверь в перегородке, он уже не оставлял нас больше, и вскоре мы узнали, что зовут его Синь Кун, он же Чун Шань (одно имя монашеское, другое — до пострижения). Ему пятьдесят три года, родом он из Ханькоу. Постригся восемнадцати лет. Если советского писателя интересуют еще какие-то вопросы — пожалуйста, он ответит с удовольствием. Кто возглавляет этот монастырь? Да вот он, Синь Кун, и есть старший монах.

Мы разглядели заинтересовавшего нас будду в анфас. В высоту он, верно, метров восемь, и вокруг него восемнадцать фигур поменьше — это его ученики. Между прочим, всегда вот так: редко встретишь будду одного, обычно он бывает в окружении своих учеников. Но и эта группа — будда и его ученики — хоть и составляет центральную часть всей панорамы, однако далеко не всю. Здесь, на площади примерно двадцать пять на тридцать метров, размещены двести семьдесят две фигуры всех тех живых существ, которые, по-видимому, и помогали монаху совершить его путешествие и препятствовали ему. Из-под ноги будды как будто выплывает рыба с красной пастью, разинутой, верно, так метра на два. Где-то наверху — совершенно реальный тигр, еще выше — олень с закинутой назад шеей.

Синь Кун поясняет нам, что здесь показан путь к буддизму через многие препятствия и еще отражено познание мира, без которого буддизм немислим. Только если преодолеешь все эти препятствия — приобщись к буддизму.

Разговариваем громко: храм наполнен звоном и стуком, и нам хочется взглянуть на работу ремонтных рабочих.

Самый пожилой мастер — по-нашему, это мастер-краснодеревец — занят своим тонким ремеслом вот уже сорок лет. Его фамилия — Чжан, и сейчас он трудится над деревянным оконным карнизом. Карниз требует очень точной и очень тонкой работы, мастер сделает его примерно за неделю. Основной его инструмент — стамески. Стамески самой различной формы, всего двадцать форм, и каждая имеет еще четыре-пять размеров.

Карниз симметричный, требуется полное совпадение правой и левой сторон, и мастер в совершенстве достигает этой симметрии.

В углу стоит гипсовая модель размером побольше метра. По этой модели будет сооружен будда высотой в шестнадцать метров. В общем, храм реставрируется полностью — пятьдесят рабочих трудятся здесь уже шесть месяцев, и предполагается закончить все работы в мае 1957 года.

Мы спрашиваем: откуда берутся такие огромные средства на реставрацию и кто вылил эту прекрасную модель?

Оказывается, существует специальный комитет по восстановлению храма, в него входит одиннадцать человек: профессор Чэнь Лян-гэн из Института искусств Восточного Китая, который находится здесь же, в Ханчжоу, пять членов общества буддистов, в том числе и он, Синь Кун, представители провинциальной и городской народной власти.

Председатель комитета — писатель Сун Юнь-бинь.

Гипсовая фигура будды выполнена в том же Институте искусств, модель вызвала много споров и неоднократно переделывалась, но теперь уже принята окончательно.

Сколько средств будет израсходовано на реставрацию храма? Всю сумму Синь Кун назвать не может, но только на главное здание правительством отпущено пятьдесят тысяч юаней..

Я вспоминаю, что по крайней мере три четверти всех храмов, которые мы посетили в Китае, уже реставрированы либо реставрируются после победы народной революции, которую китайцы чаще всего называют одним словом «Освобождение». По стране в целом ремонт и восстановление храмов — это огромная статья расходов.

Потом мы узнаем, что до Освобождения храм был в полном запустении, что вообще во время господства Чан Кай-ши храмы нередко превращались в казармы и даже в конюшни. Однако желающих постричься в монахи было тогда больше, чем сейчас, много больше... Синь Кун объясняет это весьма убедительно:

— Тогда молодые люди в стенах храма хотели найти приют, укрыться от тяжелой жизни... Теперь в этом нет необходимости.

Я спрашиваю его:

— А не получится ли так, что в конце концов совсем не будет желающих стать монахами?

— Я думаю, еще долго судьбы некоторых людей будут приводить их к нам, — отвечает Синь Кун.

Тем временем быстро темнеет, становится совсем тихо — рабочие уже ушли, закончив свой трудовой день, в окнах келий, окружающих главное здание храма, загораются электрические огни, сквозь тусклые стекла и промасленную бумагу в каменный двор просачивается слабый свет. Медленно и гулко бьет колокол...

Вот мы и в комнате, где живет Синь Кун. Их две: одна рабочая, другая спальня. Рабочее место монаха выглядит современно, я бы сказал — учрежденчески. На столе — авторучка, бумаги и газеты, много газет. Целая пачка почтовых конвертов со штемпелями.

— Большая переписка?

— Да, переписка обширная: Китай, Индия, Бирма, многие другие страны.

Сбоку от стола — большой сейф.

А на стене старинная китайская картина — раки в воде. Несколько коротких штрихов, похожих на те, которыми вода и сейчас обозначается на технических чертежах, но не эти штрихи, а очертания самих раков, чуть расплывчатые, как бы немного искаженные преломлением вашего зрения в воде, — вот что создает полное впечатление того, что вы действительно смотрите сквозь воду... Картина выполнена тушью, вертикальная, размером примерно тридцать на сто сантиметров. Я спрашиваю Синь Куна, чем ему нравится эта картина.

— Мне нравится старина картины: ей более трехсот лет. Нравится художник — это Хэ Шао-ди. Наконец, нравится естественность, с которой художник заглядывает в иной мир, в мир водяной...

По сторонам картины тоже, должно быть, очень древние иероглифы. Я подумал, что они относятся к содержанию картины, оказывается, нет — эти изречения имеют свой самостоятельный смысл, хотя их объединяет с картиной общее настроение любования природой.

Справа от изображения написано: «Под сенью большого дерева ветерок покачивает маленькое деревце... Облаку понравилось это, и оно неподвижно остановилось над ними...»

Слева: «В прохладе бамбукового леса поэт создает прекрасные стихи».

Иероглифы — древние, мои китайские товарищи затрудняются в их прочтении и несколько раз просят Синь Куна перевести написанное. Конечно, то, что мы слышим, — это только смысл надписей, их приближенное содержание, а в действительности это, вероятно, стихи, звучащие очень красиво.

Синь Кун переводит старательно, повторяет и раз и два, и тут я замечаю, как он весь поддается тому поэтическому настроению, которое вложено и в древние иероглифы и в эту картину... Он говорит тихо, но очень ясно произносит отдельные слова — кажется, он всем своим существом наслаждается и стихами и картиной и стремится передать свое понимание этой поэзии и нам — случайным его посетителям. Я думаю о том, что если человек всю жизнь наедине сам с собой прислушивается к звучанию немых иероглифов, то в конце концов он действительно услышит в них что-то святое. Я и люблюсь выражением лица монаха — таким сдержанно-восторженным и

чутким — и в то же время мне как-то жаль, что он живет в мире, созданном его собственным воображением и воображением художника Хэ Шао-ди, поэтов, написавших эти древние иероглифы, и всех тех людей, которые создали буддийские книги.

Как бы ни было богато воображение их всех, вместе взятых, мир, созданный ими, конечно, мизерно мал и беден по сравнению с той огромной жизнью, которая вот сейчас, минуто, течет за каменными стенами монастыря в этой стране.

Словно в ответ на мои размышления, Синь Кун переводит разговор на современные темы: он говорит, что из нынешних художников очень любит Ци Бай-ши, что все монахи его монастыря приветствуют заявление Советского правительства о поддержке Египта в его борьбе против агрессоров, напечатанное в сегодняшних шанхайских газетах, что он следит за строительством большого моста через Янцзы на его родине, в Ханькоу... Еще он рассказывает, что монахи встают каждый день в четыре часа утра, читают буддийские книги, в пять тридцать завтракают, потом работают. Обед бывает в одиннадцать тридцать, а скоро вот будет отбой ко сну — в девять вечера...

Я еще раз проверяю себя: может быть, я ошибся, может быть, человек этот живет событиями, о которых он говорит сейчас? Нет, тон его уже не тот. Я верю — он говорит искренне, он знает то, о чем говорит, но как знает?

Мне приходит на память широко известная китайская пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Человек никогда, ни разу в жизни, не видел жизни, о которой он говорит, и это очень, очень заметно. Этого не скроешь.

В другой комнате, поменьше, — умывальник и кровать Синь Куна под пологом из марли. На пологе висит брелок с изображением будды. Синь Кун поясняет, что это подарок главы индийской делегации буддистов, недавно побывавшей здесь, — монаха Вонанто, и снова продолжает рассказ о своем храме: этот храм — самый высокий в Китае, он пользуется большой популярностью среди крестьян, и многие крестьяне приезжают сюда, когда им нужно решить какой-нибудь важный вопрос своей судьбы...

— Ну, например, какие же это важные вопросы?

— Чаще всего они спрашивают у будды, вступать им в кооператив или не вступать.

Я видел этот обряд: человек, который хочет узнать свою судьбу или получить совет, становится на колени и потряхивает стакан, наполненный палочками. Палочек, кажется, тридцать три, они пронумерованы. Ту палочку, которая первой выпадет из стакана, человек подбирает и по ее номеру получает у монаха листочек.

В листочке даны советы на все случаи жизни.

Я спрашиваю Синь Куна: в храме крестьянам, конечно, советуют вступать в кооперативы?

— Да, конечно, — соглашается он. — Зачем же отвергать человека от лучшего?

Синь Кун говорит долго, горячо, мои товарищи затрудняются в переводе, но смысл его ответа я понимаю примерно так: в каждой вере, то есть в каждом убеждении, есть и предубеждение, в каждом рассуждении есть и предрассудок. Человек еще не нашел веры и убеждений, полностью непогрешимых, совершенных, так сказать, в чистом виде. Он идет к истине трудными путями, через много ошибок и заблуждений, однако это не мешает ему иметь правильные и великие идеалы и убеждения. Да, палочки — это ритуал, условность, предрассудок, но ведь и в праздновании какого-либо события, в торжественных заседаниях — разве в этом нет условности и ритуала? И разве сама вера, сама истина становится несправедливой оттого, что ее сопровождает какой-то условный ритуал? Разве правильно было бы из-за ритуала изгнать истину?

Я замечаю, что ясная цель, доступная пониманию человека, жизненная истина не нуждаются в ритуале совсем или же смысл этого ритуала становится очень ясным, понятным. Ну, например, если люди собираются на торжественное заседание по поводу какого-то исторического события, так ведь это же ясно, для чего и почему: они хотят обменяться между собой мыслями, которые их волнуют. Неясная цель никогда не обходится без сложного, затуманивающего сознание ритуала — скажем, гадания на палочках...

Мнение Синь Куна на этот счет такое: для того и существует монастырь — люди приходят сюда и здесь, отрешаясь от многих земных забот, ищут и находят истину, познают самих себя и природу.

— Буддизм сейчас нуждается в достижениях науки и культуры, — говорит он дальше. — В частности, мы хорошо должны знать и советскую литературу, поскольку она помогает познать человека.

Ну, вот у него и получается, что монах будет познавать истину, а крестьянин — трясти стаканчик с палочками.

Кроме того: мы читаем книги не ради книг, а ради сравнения их с жизнью, ради понимания жизни... А с чем будет сопоставлять книги Синь Кун?

Но тут Синь Кун переходит от общих рассуждений к фактам.

— Вы сами могли убедиться, — говорит он, — какую помощь оказывает правительство нового Китая буддийским храмам. Почему это? Потому, что нет ничего плохого в том, что мы развиваем в человеке его лучшие чувства и черты характера. Наоборот, разве это не главная задача нового государства?

Да, государство оказывает огромную помощь. Но ведь призывать человека к само-совершенствованию, к лучшему можно по-разному: можно просто исповедовать истину, а можно бороться за нее.

— Буддизм и его заповеди существуют в Китае много веков, но что-то жизнь людей не становилась от этого лучше, и даже самые храмы пришли в полное запустение. Это продолжалось до тех пор, пока люди не вступили в жестокую революционную борьбу и не победили в этой борьбе...

Мы расстались с Синь Куном поздно вечером. Я всегда буду помнить его очень доброе, даже нежное лицо с черными, не коричневыми, а именно черными, но такими ясными глазами, которые смотрели на меня с выражением участия и заботы. Он, видно, немножко жалел меня за то, что я «мирской житель», а я жалел его...

Потом мы ехали вдоль Западного озера, накрапывал дождь, асфальт был вымыт и блестел, как вода, а на воде озера береговые огни прокладывали желтоватые полосы, похожие на асфальтированные улицы. И ночью Ханчжоу и его окрестности тоже таили какую-то созерцательность, что-то поэтическое. Что и говорить, место, вполне подходящее для храмов!

Но спустя два дня в Шанхае случилась у меня встреча, о которой я хочу рассказать без промедления, сразу же вслед за впечатлениями о Ханчжоу.

Мы сидели в шанхайской гостинице за маленьким круглым столиком, пили зеленый чай, листочки которого затейливым узором разукрасили изнутри стенки граненых стаканов, и мой собеседник сказал:

— Я бесстрашный человек...

Он сказал это в ответ на мой удивленный возглас по поводу его неторопливого рассказа, чтобы мне понятнее было все, о чем он говорит.

А я еще раз взглянул в лицо Ян Фу-лину.

Простое лицо. Не крупные и не мелкие черты, выдвинутые скулы, заостренный подбородок... Лоб высокий, слегка покатый, совсем почти без морщин и отливает тем смуглым блеском, который даже глубоким старцам придает неожиданную свежесть. Совсем узенькая, едва заметная каемочка седых волос вдоль подбородка. В волосах у самого лба тоже полоска, только темная, и она как свидетельница давно ушедшего облика, а сейчас человек сед, и чувствуется, что от времени и переживаний его редкие волосы стали совсем мягкими.

И глаза у Ян Фу-лина тоже мягкие-мягкие и живые. Всякий раз, как я что-нибудь не понимаю в его рассказе и переспрашиваю переводчика, он, кажется, чувствует себя в чем-то виноватым, в глазах появляется выражение застенчивости, мелькает тень смущения. Когда же Ян Фу-лин убеждается, что слова его поняты правильно, в его взгляде появляется выражение радости, почти детской, наивной радости. И сейчас, чтобы пояснить свое повествование, Ян Фу-лин показал на самого себя пальцем, утвердительно кивнул и повторил еще раз:

— Бесстрашный человек... — И вопросительно взглянул на меня, понял ли я его.

На минуту воцарилось молчание, и тут я подумал, что мне ни слова не нужно будет добавлять к рассказу Ян Фу-лина, нужно только записывать его слова. Даже вопросы не следует задавать ему — пусть его рассказ останется точь-в-точь таким, каким я услышал его... Вот он, этот рассказ.

ИСТОРИЯ ТОВАРИЩА ЯН ФУ-ЛИНА

Рассказ

Мне пятьдесят с лишним лет... Я и сейчас неграмотный человек, не умею ни читать, ни писать. Я не умею говорить речи. Я никогда не имел какого-нибудь имущества. Но я имел жизнь, а жизнь человек имеет для того, чтобы делать ее лучше, а не хуже. Ведь так? Ну вот, чтобы сделать свою жизнь лучше, я ушел из деревни, в которой родился, и поступил в армию. В армии я научился стрелять. Я научился стрелять очень хорошо, но моя жизнь не стала от этого лучше. После армии я не вернулся в деревню, а уехал в Шанхай и поступил на японскую текстильную фабрику «Нэй вай». Но и здесь моя жизнь не стала лучше. Пожалуй, она стала еще хуже, а я никак не мог с этим согласиться. Я думал, что я мало работаю, и работал все больше и больше, совсем не жалел своих ног и рук, своей спины и плеч. Но мне не стало от этого лучше, мне не хватало на самую малую жизнь.

На соседней фабрике работал мой давнишний знакомый — Го Ци-шань. Как-то Го Ци-шань сказал мне, что он состоит в компартии, а компартия знает, как сделать, чтобы жизнь была лучше. Я сказал Го Ци-шаню, что тоже хочу быть в компартии. Го Ци-шань спросил меня, знаю ли я, что тот, кто борется за лучшую жизнь, часто лишается жизни. Я ответил ему, что я знаю это. Я давно уже убедился, что это так, но все-таки я хочу быть в партии.

Го Ци-шань хорошо знал меня, а я хорошо знал Го Ци-шаня, и он помог мне вступить в партию. Это было в 1924 году. А уже через год Го Ци-шаня убили в тюрьме: подтвердились слова, которые он говорил мне.

Так вот, я не умел говорить речи, не умел писать листовки и даже читать их. Но когда на текстильной фабрике началась забастовка, я знал, что мне нужно делать. Я знал об этом, потому что об этом нельзя было не знать: чтобы сделать жизнь лучше, надо было бороться. Ничего другого нельзя было придумать даже тем, кто очень хорошо знал грамоту. Хозяевами нашей фабрики были японцы. Мы бросали работу и стояли у станков без дела, когда же подходил надсмотрщик — запускали станки. Надсмотрщик уходил — станок останавливался.

Нас было много, японцев — мало, они не могли поставить надсмотрщика около каждого станка.

И вот они придумали аппараты, которые считали, сколько часов работает каждый станок, и стали платить рабочим только за эти часы.

Тогда мы бросили работу совсем. Японцы привезли штрейкбрехеров. Мы не давали штрейкбрехерам работать. Японцы стали охранять цехи. Мы ворвались в цехи и разогнали штрейкбрехеров.

Вы слышали о забастовке в Шанхае в 1925 году? Когда бастовал весь Шанхай? А началось с нашей фабрики.

Нам было очень трудно жить. Чашка рису казалась несметным богатством, особенно тем, у кого дома были дети, много детей. Но мы не возвращались на работу, мы хотели лучшей жизни.

Наши люди ходили по Шанхаю с бамбуковыми палками и с корзинами. Тот, кто хотел нам помочь, опускал монету в бамбуковую палку и клал в корзину листья капусты. Каждая семья забастовщика получала один юань в неделю. Мы бастовали четыре месяца. Мы создали отряды, чтобы защищаться от японцев и полиции. Я не умел писать, но я хорошо знал, как нужно обращаться с оружием и командовать отрядом.

С тех пор, пока я был на свободе, я никогда больше не выпускал оружия из своих рук.

Через четыре месяца мы вернулись на работу. Но мне сказали, что я уволен. Все будут работать на фабрике, а я не буду — так сказал хозяин. И я пошел домой. Четыре месяца забастовки истощили меня, и я знал, что, если я сейчас же не заработаю несколько фыней, я начну умирать.

Я уже начал умирать в тот день...

Но я не дошел еще до дома, как меня догнали товарищи. Товарищи сказали мне, что они снова будут бастовать, до тех пор будут бастовать, пока хозяева не примут меня на работу. И тут я понял, что могу жить еще много-много дней, даже если не заработаю ни одного фыня... Мои товарищи действительно забастовали. Они забастовали, и меня приняли на работу. Они кончили бастовать — меня уволили. Они снова забастовали. Так повторялось четыре раза, и в конце концов хозяева решили меня убить.

Они нашли предателей, и когда однажды утром, еще до начала работы, я вошел в цех, шестеро пошли мне навстречу. Они шли мне навстречу, а я шел навстречу им. Может быть, я мог бы еще выскочить через дверь, в которую я только что вошел, но я подумал: «Нельзя себе представить, чтобы они не сделали засаду за дверью. Если их шестеро передо мной, значит одного или двух они поставили в засаду. Те должны меня убить, а эти — только испугать, поэтому их шестеро...» Все-таки мне очень хотелось оглянуться на дверь, но я шел вперед, не оглядываясь и думал, что если я убью одного из шестерых, значит я погибну не зря, если двух — я останусь в выигрыше. Я тяжело ранил четверых, а они тяжело ранили меня. Двое других убежали... С тех пор у меня появилась такая привычка — идти навстречу тем, кто хочет меня убить.

Сознание вернулось ко мне дня через три. Я пришел в себя и увидел, что лежу в больнице и рядом со мной лежат те четверо, которые хотели убить меня, но я их тяжело ранил... Дело было летом, в жару, нам всем было трудно в духоте, но все-таки первое, что я сделал, — я спросил одного предателя, того, который лежал совсем близко ко мне, так что я даже слышал его дыхание:

— Зачем ты хотел убить меня? Разве я тебе сделал что-нибудь плохое? Разве мои родители сделали что-нибудь плохое твоим родителям? Или мои дети сделали плохое твоим детям?

— Я хотел заработать у японцев несколько десятков юаней... — ответил он.

— Я тоже хочу заработать, — сказал я. — Я даже не хочу ничего больше, как только заработать для себя, для моей жены, для моей дочери и моего сына. Заработать немного, но все же так, чтобы жить лучше, чтобы никто из нас не голодал. Но лучше уж нам с тобой вместе убить того, кто не дает нам заработать, чем убивать друг друга!

Мой убийца не сказал ничего. Он закрыл глаза и замолчал, и я только слышал его дыхание.

Когда я вышел из больницы, я нигде не мог найти работу. Вернее, меня брали на работу, но нигде не держали больше недели: в тот же день, когда хозяева узнавали, что меня зовут Ян Фу-лином, они увольняли меня.

Тогда мои партийные товарищи сказали мне, чтобы я не ходил больше по Шанхаю в поисках работы. «Ты не боишься смерти, — сказали партийные товарищи, — и ты будешь защищать жизнь других».

И я стал охранять рабочие собрания. Рабочие собирались в сумерках или очень рано на рассвете. Хозяева нанимали гангстеров, и те убивали рабочих, когда они сходились на собрания. Убивали только за то, что люди хотели обменяться друг с другом словами, которые не вменялись уже больше у них в груди.

Гангстеры тоже хотели заработать. Мы, те, кто охранял рабочих, должны были сделать так, чтобы им невыгодно было зарабатывать таким образом.

Доносчики и предатели тоже хотели заработать. Мы не могли уничтожить всех доносчиков и предателей, но мы могли повысить плату за жизнь рабочего. Чем дешевле она стоила, тем больше появлялось гангстеров и предателей.

Рабочим запрещалось собираться больше трех человек, а за чтение листовок их расстреливали на месте. Рабочие боялись гангстеров и доносчиков. Нужно было сделать так, чтобы гангстеры и доносчики тоже кого-то боялись. Им некого было бояться, кроме нас — рабочих дружин «дагоудуй» (дружин по уничтожению собак) — так нас называли. И они стали нас бояться. Они стали нас бояться даже больше, чем их боялись рабочие. Нелегко этого было добиться, но мы добились...

В 1926 году в Кантоне поднялось восстание, и мы в Шанхае тоже решили подняться.

Рабочие разбились на десятки. В моем десятке три человека имели маузеры, остальные — только кинжалы. Я учил товарищей обращаться с оружием, которого у нас еще не было. Мы учились тайно, по ночам, не выходя из дома.

Мы договорились с моряками, что они дадут залп со своих кораблей и по этому сигналу выступят все десятки, все, сколько их было в Шанхае.

Мы ждали залпа день, ночь и снова день. На десятерых у нас было три маузера, но мы ждали сигнала с нетерпением, не смыкая глаз.

Когда у нас иссякло терпение, мы пробрались в наш подпольный партийный комитет, но секретарь комитета, товарищ Лю Хуа, студент, который жил в рабочем бараке, тоже мог только ждать, но сказать нам ничего не мог...

Корабли не стреляли. Империалисты подавили восстание, прежде чем оно началось. Товарищ Лю Хуа тяжело болел чахоткой, больного его было легко выследить, и его выследили, а потом убили в тюрьме. Погиб не только товарищ Лю Хуа. Другой наш товарищ, тоже студент, был убит полицейскими английского селтльмента за то, что он выкрикивал: «Объединяйся, китайский народ!» Тогда полицейские английского селтльмента убили много людей... Нельзя счесть всех, кто погиб...

Теперь я ходил только по безлюдным улицам, если же на тротуарах было много пешеходов, я шел посередине улицы. Меня легко было узнать в это время — когда я шел один посередине улицы, — зато никто не мог подойти ко мне незамеченным и ударить в спину.

Все-таки один человек настиг меня. Он подошел ко мне сзади около трамвайной остановки и выстрелил в меня пять раз. Я стрелял только один раз. Потом я вскочил в трамвай и скрылся, хотя у меня было пять ран.

Я прятался в разных домах и каждый день ходил на перевязку к разным врачам, потому что в больнице, где я был сегодня, на завтра я мог ждать засаду. Один из врачей сказал мне, что я должен ходить на перевязку по крайней мере еще три недели. Три недели — двадцать один день.

На другой день я пришел к тому же врачу, спрятав в сумке маузер. Товарищи ждали моего возвращения, а когда я вернулся, они стали спрашивать меня, о чем говорил со мной врач.

— Он спросил меня, где я живу и где получил ранения, — ответил я.

— Тогда не ходи к нему больше на перевязку. Наверняка завтра тебя будет ждать засада в его комнате!

— Ничего! — сказал я. — Завтра я возьму с собой маузер и гранату.

Я так и сделал. Я пришел к врачу, показал ему маузер и гранату,

сказал, что я коммунист и что мы вместе взлетим в воздух, если он окажется предателем.

Врач поправил очки, посмотрел на меня и сказал:

— Надо быть умнее, товарищ. Я легко мог принять тебя за бандита или за гангстера, которого подстрелили рабочие охранных отрядов!

Больше двадцати раз я ходил к этому врачу на перевязки.

Тем временем Кантонская армия подошла к Шанхаю. Мы снова решили поднять восстание. На этот раз сигнал был дан. Я и десять моих товарищей ворвались в полицейский участок и захватили там десять винтовок. Теперь было уже проще разгромить еще семь участков. После победы я разыскал врача, который меня лечил. Мы стали с ним приятелями.

Милитаристы тоже наступали на Шанхай. Мне и моим товарищам было поручено остановить поезд с их солдатами. Мы разобрали рельсы, и поезд остановился там, где мы хотели: с одной стороны — река, с другой — открытое место. Мы в укрытии. Жители приносят нам воду и пищу. Солдатам в вагонах никто ничего не приносит, только иногда мы стреляли в них. Нас было двадцать человек, но мы все стреляли хорошо.

Солдат было тысяча человек, и они сдались. Некоторые солдаты присоединились к нам. Другие ушли домой.

Кантонская армия тоже стояла под Шанхаем. Мы имели оружие. Теперь мы могли бороться и верить в победу. Мы ждали еще одного сражения, как ждали его в тот раз, когда корабли должны были дать и не дали залпа.

Но армия Чан Кай-ши вовсе не была нашим союзником. Чан Кай-ши хотел разоружить нас. Тогда мы решили сопротивляться и ему. Мы сопротивлялись каждому, кто хотел отнять у нас оружие. Живыми мы не хотели его отдать. Но партия сказала нам, что мы не можем сопротивляться. Не можем, потому что это бесполезно.

Я выполнял много поручений партии, много ее приказов, но этот был самым тяжелым. Все-таки я выполнил и его...

Рабочие из моего отряда не послушали меня — они хотели захватить штаб Чан Кай-ши. Я говорил, что это против приказа партии. Они не послушались и ушли. Ушли и не вернулись. Это очень просто — погибнуть, ничего не добившись.

А я снова был в рабочей дружине.

В трех иностранных сэттльментах были вывешены мои фотографии с обещанием заплатить пятьсот юаней тому, кто убьет меня.

Я не сомневался, что за такую сумму найдутся охотники рискнуть. И я снова ходил только посередине улицы, и снова никто не мог подойти ко мне неожиданно и стрелять без промаха.

Однажды я заметил, что какой-то человек выслеживает меня. Он шел за мной из переулка в переулок. Ему надо было подойти ко мне на несколько шагов, чтобы выстрелить без промаха. Он знал, что если он промахнется, то и пять тысяч юаней будут ему ни к чему. Около одного дома я остановился, будто бы для своей надобности, и человек этот подошел ко мне на такое расстояние, на которое бьет маузер... Потом я подошел к этому человеку, чтобы посмотреть, кто же это такой. Он лежал на боку, выкинув вперед руки. Это был незнакомый человек, но по его рукам и одежде я узнал в нем рабочего. И мне стало жаль его. «Прости, брат, — сказал я ему. — Я не виноват. Виноват ты сам. Видишь — я уже сейчас стою пятьсот юаней, ты же не стоишь и одного фыня. Но это еще не все. Будет время, когда моя жизнь станет дороже любых денег, а вспоминая о тебе, люди будут плевать. Видишь, какую непростительную ошибку ты сделал: может быть, ты и рад бы сейчас выслушать меня и согласиться со мной, но уже поздно!» Я закрыл ему лицо кепкой...

Товарищи сказали мне, что я не могу больше оставаться в Шанхае, и я уехал в Ханькоу. Потом я жил в Сватоу. Там я должен был участвовать в восстании, но мне пришлось бежать. Бежать можно было только морем. Я отдал все свои юани офицанту с корабля, но он сказал, что не рискует везти меня в своей каюте: если меня обнаружат, его расстреляют. И я ехал под большим столом, за которым обедали офицеры.

Я вернулся в Шанхай, и там в двадцать восьмом году меня арестовали. Один человек под пытками указал дом, в котором я жил в то время.

В ту же ночь солдаты на трех грузовиках подъехали и окружили этот дом. Все знали, что я сплю с кинжалом и с маузером и что я всегда иду навстречу тому, кто хочет убить меня. Если я встану на ноги, меня уже нельзя взять живым — об этом солдаты тоже знали, и они оставили машины на соседней улице, а сами разулись и босиком проникли в дом. Должно быть, я крепко спал в ту ночь...

На допросе меня спрашивали, скольких я убил.

— Не знаю, — отвечал я. — Если вы знаете — скажите.

Я был в руках у англичан, англичане сказали мне:

— Ты знаешь, что из куска железа можно сделать иголку? А что можно сделать из твоих костей и из твоей кожи?

— Не знаю, — отвечал я. — Если вы знаете — покажите.

За одну неделю меня восемнадцать раз сажали на электрический стул. Мне очень хотелось, чтобы ток убил меня, но, должно быть, эти люди хорошо знали свое дело. Все-таки я не терял надежды. Ток бывал иногда сильнее, но электротехник — я не знаю точно, как его назвать, — не замечал этого. И я держался веселей, когда ток вдруг становился сильнее, и надеялся, что они ошибутся и усилят ток. Но они не ошибались.

Они все-таки оставили меня живым и стали судить.

Находились люди, которые указывали на меня и говорили:

— Это он — Ян Фу-лин. Это он убил человека!

Но разве я когда-нибудь убивал людей? Я убивал только убийц!

И вот что случилось на суде.

Однажды, когда какой-то свидетель особенно настойчиво обвинял меня, судья спросил этого свидетеля:

— Вы видели Ян Фу-лина в ту минуту, когда он стрелял в человека, который шел за ним следом?

— Да, я видел его именно в ту минуту!

— Но чем вы докажете, что вы видели именно Ян Фу-лина? Что это был именно он?

Свидетель стал говорить, что он видел меня совсем близко и не мог ошибиться, а судья стал говорить, что ошибиться может всякий человек и нужны доказательства, что это был именно я, а не кто-то другой...

И мне показалось, будто судья не хочет моей смерти. Я вспомнил доктора, который лечил меня и тоже не хотел моей смерти. В первый раз с того времени, как меня спящего схватили босые солдаты, я подумал, что, может быть, я буду жить...

Но только я слишком рано подумал об этом.

Англичане передали меня чанкайшистам. У чанкайшистов не было электрического стула, у них не было инженеров и электротехников, зато у них были веревки и кирпичи, вода и перец.

Я сказал — у чанкайшистов были веревки, вода и перец... Когда я приходил в себя, веревку перебрасывали через балку на потолке, и я повисал вверх ногами. В ноздри мне вливали воду с перцем... Вот для чего им нужны были эти простые вещи.

Но им я тоже не сказал ничего. Ни слова. Был суд, и меня приговорили к одному году заключения за хранение оружия. Больше не за что было меня судить...

Значит, я должен был снова жить. «Хорошо, — думал я, — я буду жить теперь по-другому. Я буду жить так, чтобы, кроме двух-трех моих друзей, никто больше не знал моего адреса. Я буду уничтожать убийц рабочих так, что никто не сможет быть свидетелем... Я буду жить умнее».

Но опять я слишком рано подумал обо всем этом. Прошло шесть месяцев, и чанкайшисты снова передали меня англичанам. И снова англичане судили меня, и уже был другой судья, и этот другой судья присудил меня к пожизненному заключению...

Я, наверно, утомил вас своими рассказами... Я не буду говорить дальше подробно. Скажу только, что я провел в тюрьме Тиланцяо, в одиночной камере, пятнадцать лет и четыре месяца, и я снова был жив...

Когда я вышел на свободу, у меня не осталось никаких связей. Я не знал никого, меня тоже никто не знал. Я не нашел ни жены, ни сына, ни дочери. Я поступил вахтером на табачную фабрику «Фусинь». Теперь это четвертая государственная сигаретная фабрика.

Однажды хозяева этой фабрики убили двух рабочих. Тогда я сказал: «Надо убить хозяев. До тех пор, пока они не будут нас бояться, они будут нас убивать! Я уже старый человек и сильно искалечен пытками, но пусть рабочие постановят, и я сделаю это!»

Тогда из подпольного партийного комитета пришел человек. Он сказал: «Не надо убивать хозяев, которые убили рабочих. Скоро будет наша власть, рабочая власть, и тогда мы будем их судить, тогда народ решит, что нужно с ними сделать».

Во время Освобождения я был в охранном отряде, который следил за тем, чтобы хозяева не взорвали, не испортили машин на фабрике.

Некоторые капиталисты, сторонники Чан Кай-ши, делали это. Мы следили очень тщательно, следили день и ночь, и мы передали нашу фабрику народной власти в полной сохранности.

Я и сейчас работаю вахтером на той же фабрике. Дирекция говорит мне, что я могу не работать... Но я не могу не работать. Каждый день в четыре часа утра я иду на фабрику. Каждый день в четыре часа утра я буду и дальше ходить на фабрику. Когда-то я охранял людей от гангстеров. Теперь в этом нет необходимости. Но фабрику еще нужно охранять. Если и этого не нужно будет — хорошо, вот тогда я перестану ходить на работу...

Ян Фу-лин смотрит на меня долго и внимательно. Впервые за весь вечер я вдруг замечаю на его сухощавом лице волнение. Он нагибается ко мне и, забывая, что я не знаю языка, говорит мне о чем-то тихо, но горячо...

Переводчик отстраняется и, стоя позади нас, поясняет мне его слова:

— Товарищ Ян Фу-лин просит передать привет старым русским революционерам. Еще он просит передать молодым советским людям: пусть и они вспоминают иногда о нас, стариках! Ведь они не забудут нас, эти молодые люди?

ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ ЛЯН

Рассказ

Вместо предисловия к рассказу

В Китае нас знакомили со многими капиталистами. Эти встречи представляли как бы двойной интерес: хотелось отыскать такую человеческую судьбу, которая могла бы послужить материалом для рассказа о капиталисте, и хотелось взглянуть на это новое явление — сотрудничество Народного правительства Китая с капиталистами — несколько шире, чтобы не оставаться в рамках одной, хотя бы очень интересной и очень поучительной, судьбы.

«Тот необычайный факт, — говорил товарищ Лю Шао-ци в «Политическом отчете ЦК Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду, — что буржуазия в нашей стране может с большим воодушевлением принимать социалистические преобразования, как раз и свидетельствует о правильном руководстве и великой силе пролетариата, свидетельствует об абсолютной необходимости диктатуры пролетариата».

И вот мы хотели посмотреть, как буржуазия принимает социалистические преобразования, мы хотели увидеть школы капиталистов, побывать у них дома, на работе. И мы действительно имели много любопытных встреч.

В Чунцине мы были в школе промышленников и торговцев, разговаривали со слушателями и преподавателями, знакомились с постановкой учебной работы.

Подаренные нам фотографии показывают разные моменты в жизни этой школы: лекции, обсуждение лекций слушателями в учебных группах, самодеятельный оркестр и баскетбольную команду капиталистов, воскресный день, когда в школу приходят члены семей капиталистов, вручение значков и свидетельств об окончании школы.

В свидетельстве этом написано:

«Политическая школа промышленников и торговцев в Чунцине, провинция Сычуань Удостоверяется, что товарищ..... закончил курс нашей школы.

Директор.

Зам. директора.

Год. Месяц. Число».

Когда мы встречались с капиталистами, они рассказывали нам о своей работе. По большей части это бывшие владельцы фабрик и магазинов, которые сравнительно недавно — в том же 1956 году — из частных были преобразованы в государственно-частные. Их бывшие владельцы получают теперь пять процентов в год от стоимости этих предприятий и, кроме того, зарплату по занимаемой должности (управляющего, заместителя управляющего, главного инженера), которую они выполняют.

В газете «Дружба» от 26 декабря 1956 года в статье товарища Ху Си-куй я прочел: «С одной стороны, проводится постепенное, последовательное социалистическое преобразование капиталистических предприятий, которые, пройдя через различные формы государственного капитализма, в конечном счете национализируются. С другой — проводится постепенное, последовательное социалистическое идеологическое перевоспитание буржуазии, в результате которого подавляющее большинство капиталистов становится тружениками, зарабатывающими на существование собственным трудом. Практика подтверждает, что в определенных условиях классовая природа человека поддается изменению... если экономический базис буржуазии находится в процессе постепенного распада, то и бытие капиталистов должно постепенно изменяться... его (капиталиста.— С. З.) сознание, в свою очередь, может оказывать влияние на бытие».

В жестокой борьбе в Китае полностью была разгромлена компрадорская буржуазия — буржуазия, тесно связанная с иностранными монополистами, помогавшая им грабить свою страну вместе с крупнейшим капиталистом страны — Чан Кай-ши и его чиновничье-бюрократической кликой. Пошла на сотрудничество с новым народным правительством национальная буржуазия, которая сама подвергалась притеснениям со стороны гоминдановского правительства и поддерживаемого им иностранного капитала.

Большая Советская Энциклопедия приводит такие цифры: только за шесть месяцев 1946 года и только в 27 крупных городах Китая закрылось 77 тысяч различных предприятий. В том же году на долю США в Китае приходилось 53,1 процента всего внешнеторгового оборота.

Победа в азиатско-тихоокеанской войне для китайского национального капитала принесла весьма небольшую перемену — место Японии заняли США. И только. Поэтому народная революция, которая освободила Китай от какого бы то ни было иностранного вмешательства, во многом отвечала интересам национальной буржуазии.

Я уже говорил — мы встречались с разными капиталистами. Один, очень крупный капиталист, сказал нам, что он не разделяет коммунистических убеждений, но только в принципе, а в частности не может предъявить к коммунистам никаких претензий и, следовательно, готов с ними сотрудничать. И он не без гордости показал нам похвальную грамоту, выданную ему за хорошую работу...

Другой, мелкий капиталист, слушатель политической школы в Чунцине, рассказывал, что впервые его предприятие принесло ему прибыль — 120 юаней! — после преобразования в государственно-частное. «На эти деньги, — сообщил он нам, — мы с женой заказали новые костюмы». Нетрудно догадаться, что это был за капиталист и какие дивиденды приносило ему его предприятие.

Вот таких «предпринимателей» было в Китае гораздо больше.

Наконец, есть еще (точнее, был) очень распространенный тип коммерсантов.

В Китае каждый милитарист когда-то устанавливал в своем районе свою власть, свои законы и свою денежную систему, там было несметное количество разных дельцов со всего земного шара — все они хотели погреть руки. В результате были очень широкие возможности для всяческих афер и спекуляций, и это породило тип такого коммерсанта, который легко — по случаю — наживался и так же просто разорялся, который всегда хотел кого-нибудь обмануть, но чаще сам становился жертвой аферы.

Эти люди не умели даже считать свои приходы и расходы. Однако что мне показалось в них человеческим — это по-китайски выраженное желание как-то обеспечить будущее своих детей. Чаще всего это желание так и оставалось только желанием: отец, сам не умея считать деньги, не мог научить этому и детей. Дети же, не получая никаких трудовых навыков, составляли постоянный контингент посетителей всякого рода значных мест, столь распространенных в Китае в прошлом, либо в лучшем случае порывали с родителями и жили совершенно самостоятельно.

Теперь же, когда вы входите в дом к капиталисту, он прежде всего показывает вам фотографии своих детей, говорит, где и как они учатся, как работают. Он гордится их школьными отметками и производственными успехами. Дети «устроены» в жизни, может быть не столь блестяще, но вполне надежно. И это тоже очень важная сторона воздействия на сознание капиталиста.

Так вот «типы» и «образы» таких коммерсантов встречались мне многократно, и, должно быть, поэтому у меня и возникло намерение написать о них небольшой рассказ. В этом рассказе нет выдуманных мной событий и фактов — все, что в нем происходит, я слышал либо от самих капиталистов, либо от китайских писателей, которые так много помогли мне (особенно товарищ Лю Шэнь-я в Чунцине).

Домысел, конечно, в нем есть, но только в том, что слышанные в разных местах рассказы я свел к рассказу об одной семье — семье Лян.

Династии бывают разные: одни владеют многим, другие — ничем, третьи — кое-чем. Но и первые, и вторые, и третьи, по мнению старика Лян, были все-таки династиями, потому что все они стремились утвердить в жизни свое потомство.

Это уже другое дело, что одна династия хотела утвердить власть потомков на веки вечные, во всех столицах Китая — в Северной, Южной, Западной и Восточной, другая заботилась, чтобы потомки сохраняли и приумножали оставленное им богатство, третья — чтобы потомки снова наживали утерянное отцами. Были и такие, которые могли дать детям только один завет: жить, не умирая с голоду, подобно тому, как они это делали сами. Старый Лян понимал толк в династиях, потому что он сам прошел почти все эти ступени. Мы говорим «почти» только потому, что старый Лян никогда не утверждал своей власти ни в одной из столиц Китая, следовательно, он никогда не принадлежал к царствующей династии. Он был занят несколько иным делом: Лян был торговцем пельменями на улице Даляньцзы в городе Чунцине. Однако же нельзя сказать, чтобы он не имел к царствующей в то время династии Цин никакого отношения. Он имел к ней прямое отношение. С этого мы и начнем свой рассказ. Мы начнем его с главы, которая будет называться —

Возникновение династии

Вечером на извилистой и крутой улице Далянцизы было многолюдно, очень многолюдно, но никто из прохожих не хотел покупать пельмени. И виноват был в этом сам император. Повторяю еще раз: в том, что у старого Ляна никто не покупал пельменей, был виноват китайский император Гуансуй.

Дело в том, что император умер.

Горожане узнали об этой новости и торопились одеться в траур. Все как будто забыли о старом пельменщике. Как будто смерть императора избавляла людей от необходимости заботиться о своих желудках! Наивно так думать, но, видимо, на некоторое время люди все-таки поверили этому счастливому для них обстоятельству...

Конечно, старый Лян прекрасно понимал — на завтра торговля пельменями будет особенно бойкой. Но ведь то — завтра! А сегодня пропадала пельменная начинка! Начинки оставалось еще по крайней мере на сорок, а то и все пятьдесят чашек. Считая по пять фыней за чашку — два юаня. Для императора эти деньги не значили ровным счетом ничего, а для старого Ляна два юаня — это были два юаня!

И хотя старый Лян скорбел о кончине императора ничуть не меньше всех тех людей, которые сновали по улице Далянцизы, хотя он всегда имел об императоре самые прекрасные мысли, он все-таки не мог не упрекнуть своего владыку в непредусмотрительности. Ведь можно было ему умереть хотя бы часом позже? Тогда весть о его кончине пришла бы в Чунцин ночью, а к тому времени Лян уже продал бы свои пельмени. Наконец, императору можно было умереть и несколько раньше, чтобы уже утром город узнал эту прискорбную весть, и тогда старый Лян, погруженный в тихую грусть, конечно, не приготовил бы такого количества начинки для пельменей!

Никогда старый Лян не имел плохих мыслей об императоре, никогда! Но на этот раз он подумал о божественной особе именно таким образом... Однако едва он подумал таким образом, как убедился в кощунстве своих мыслей, тут же и навсегда он понял, что император, даже умирая, даже при последнем дыхании, заботился о благе своих подданных и прежде всего о благе торговца пельменями с улицы Далянцизы...

Сомневаться в этом было невозможно, и вот почему.

Старый Лян уже более часа с грустью и упреком взирал на пельменную начинку, на все десять приправ, начиная от соевого соуса и кончая хуаньским перцем включительно, на всю свою кухню, которая висела на одном конце его коромысла, и на потухшую железную печурку, которая уравновешивала вес кухни на другом конце.

Смеркалось, и все это предприятие было освещено тусклым фонариком, который стоял посередине того же коромысла. Но вот именно в тот самый момент, когда Лян мысленно упрекнул своего повелителя, перед ним и появился его старый приятель Сунь.

Всегда веселый, Сунь имел сегодня вид убитого горем человека. Халат на нем был мокрый и спереди слишком туго натягивался на толстом животе, а сзади слишком свободно болтался из стороны в сторону, то складками прилипая к спине, то с шумом выпрямляясь... Коса Суня расплелась и вместе с халатом тоже шлепала его по спине.

При виде Суня старый Лян ужаснулся. «О небо! — подумал он. — Ведь все видят, как огорчен смертью императора торговец шелком Сунь! Никто не может оспаривать, будто кончина императора не потрясла его душу!» И старый Лян тоже выразил безысходную тоску, хотя нечего было и думать, что его собственное лицо сможет быть столь же горестным, как и лицо Суня.

— Наш бедный император! — испустил тяжкий вздох старый Лян. — Наш...

Но тут же Сунь перебил приятеля взмахом руки, причем мокрый халат издал звук, очень похожий на звонкий шлепок по голому телу:

— Император... Какое мне дело до императора?! Ведь император не считает тысячу юаней за деньги!!!

Старый Лян был совершенно озадачен таким поведением приятеля.

— Сунь! Сунь, подумай о том, что ты говоришь?! — тихо спросил старый Лян. — Я всегда знал, что ты можешь сболтнуть лишнее, но такое... Что и как ты говоришь, Сунь? Подумай над своими словами! Где в них правда?

— Я разорился! — простонал Сунь и, опустившись на землю рядом с потухшей жаровой пельменщика, протянул руки к теплому железу. — Разорился совершенно! Джонка с моим шелком больше восьмидесяти дней плыла из Шанхая сюда, в Чунцин, она прошла все ущелья, уплатила все пошлины и взятки чиновникам, и в семи ли от моей лавки она перевернулась кверху дном! Все пропало: пропала торговля, погибла моя семья, моя торговля!

— Шелк утонул? Совсем утонул? В Сычуань-реке?¹

— Не утонул... Мы вытащили все... Но что в том толку?! Шелк не стоит теперь и половины того, сколько я заплатил за работу, чтобы вытащить его из воды!

— О боги! — сочувственно вздохнул старый Лян. — Где же это произошло? Где твой шелк?

— Мой шелк уже не шелк, а мокрое тряпье! И это грязное тряпье лежит на берегу как раз против твоего дома, Лян. Ты можешь любоваться моим горем, не выходя из дверей своего дома.

— А нельзя ли шелк как-нибудь спасти, Сунь?

— Как можно спасти перепачканный в грязи светлый шелк, Лян, чтобы этого никто не заметил? Кто будет покупать бурое тряпье, когда магазины Чунцина полны прекрасных товаров?! Нет, все погибло. Все, все!

— Это действительно ужасно, Сунь.

— Ужасно, Лян.

Они долго молчали, и тут Ляну стало наконец понятно, что Сунь настолько потрясен своим горем, что даже не знает о кончине императора.

И старый Лян сказал, опустив руку на плечо приятеля:

— Знаешь что, почтенный Сунь? Скажи, пожалуйста, сколько же все-таки может стоить твой грязный, никуда не годный шелк, который валяется на берегу реки против моей фанзы?

— Я же говорю, он не стоит ничего! Совершенно ничего! Его не купит ни один дурак...

— Ну, все-таки я думаю, он стоит хоть несколько фыней?

— Фыней! — застонал Сунь. — Как тебе не стыдно говорить, что шелк стоит несколько фыней, когда я заплатил за него в Шанхае огромные деньги и еще доставил его в Чунцин? Как не стыдно!

— Не сердись, почтенный Сунь! Я действительно сказал, что твой шелк стоит несколько фыней. Но я сказал, что он стоит что-то, а ты сказал, что он не стоит ничего!

— Да, — простонал Сунь, — я говорил так...

— Ну, вот видишь... Я всегда готов помочь своему старому другу. Я знаю одного человека, который мог бы предложить тебе несколько десятков юаней за то грязное тряпье, которое лежит на берегу реки...

Теперь просудите сами: разве это необходимо — покупать хороший добротный шелк для траура? Ведь императоры умирают не каждый день и не каждый день люди носят траур, а чтобы однажды отдать должное

¹ Сычуань-река — название реки Янцзы в пределах провинции Сычуань.

столь скорбному событию, можно сшить себе траурную одежду из любого шелка, даже такого, который вымок в реке, потом валялся на берегу и был выстиран за одну ночь.

Да, за одну ночь старый Лян, его жена, его сын, жена сына, старший брат жены сына, сын старшего брата жены сына, старший брат жены, жена старшего брата и еще многие другие родственники — за одну ночь они перестирали, отбелили и отгладили шелк.

И наутро в магазинах, торговавших шелком на улице Далянцзы и на многих других улицах Чунцина, к полной неожиданности их владельцев, не оказалось покупателей. Зато во дворе старого Ляна целый день толкался народ, а городские чиновники на рикшах присылали к нему своих слуг, и обратную дорогу эти рикши обливались потом на крутых улицах Чунцина, потому что шелк не просох и был очень тяжелым. Шелк Ляна был в два раза дешевле, чем в магазинах на улице Далянцзы и на многих других улицах, но это не мешало ему быть в несколько раз дороже того, что было уплачено старым Ляном почтенному приятелю Суню.

Так из потомственных уличных пельменщиков Лян возник торговый дом «Лян и сын». Это случилось в 1908 году.

Кто скажет теперь, будто торговая компания «Лян и сын» не имеет никакого отношения к императорской фамилии? Кто станет возражать, что сам покойный император не содействовал ее возникновению?

«Виват» французскому флагу!

Но пельмени были и остались основой благосостояния торговой фирмы Лянов. Дела ресторана, который славился пельменной кулинарией далеко за пределами Чунцина, вел Лян-отец. Он выписывал перец из Хунани и Юньнани и перед каждым праздником вывешивал огромные бумажные фонари над входом в свое заведение. Лян-сын был занят торговлей продовольственными товарами.

Но в то время как старший Лян был верен своей профессии и рассматривал пельмени как непоколебимую основу своего благосостояния, Лян-младший — Лян Бао-шань — полагал, что ему не пристало заниматься этим недостойным делом. Просто неудобно было молодому Ляну появляться в клубе, где каждый знал, что он сын пельменщика и сам пельменщик.

Но, хотя ему и было неудобно, он все-таки посещал клуб, так как надеялся, что рано или поздно, а он раз и навсегда перестанет быть сыном пельменщика.

И терпение принесло свои плоды: спустя двенадцать лет после того, как старик Лян разбогател, и несмотря на то, что он разбогател, родственники Ляна-старшего надели по нему траур.

Ресторан, знаменитый своими пельменями, был продан. Лян-младший отказался от торговли мучными продуктами, и любое утверждение, будто он сын пельменщика, стал считать личным оскорблением.

Лян-сын стремился быть как можно более современным человеком, поэтому он искал для своего капитала современное поле деятельности, связанное с прогрессом и цивилизацией. И он приобрел пароход, который плавал от Ичана до Чунцина и обратно, а иногда спускался по Янцзы даже до Ханькоу.

Кажется, процент на капитал, вложенный в этот пароход, который, двигаясь вниз по течению, оставлял за кормой пенный след, а вверх нередко поднимался с помощью бечевы, был несколько ниже, чем приносила старику Ляну его пельмени.

Но Лян-сын и не думал делать сравнений. Он был не силен в исчислении процентов, и, кроме того, он руководствовался иными соображения-

ми: ему важно было, чтобы ничто в его новом деле не напоминало пельменей и чтобы он имел средства для посещения дома развлечений и других домов.

Но едва только Лян-сын почувствовал себя хозяином своего парохода, а главное — хозяином своих денег, как ему уже пришлось испытать натиск судьбы; он сразу же понял, что не так это просто быть современным коммерсантом.

Казалось бы, о чем заботиться: пароход ходил исправно, грузов и пассажиров было сколько угодно, твердых тарифов на перевозки никто не устанавливал, хозяину дела всего двадцать семь лет, и Чунцин достаточно веселый город, чтобы люди всех возрастов нашли в нем развлечения по своему вкусу.

Однако же день за днем приносил молодому коммерсанту все новые и новые заботы, потому что милитаристы прабрили купцов, и особенно легкой и заметной добычей был для них пароход, когда он медленно поднимался вверх по течению, с переполненным трюмом и с массой незащищенных пассажиров на палубе.

Молодому Ляну надо было срочно изыскивать какой-то выход из создавшегося положения. Но какой?

Однажды, сидя в клубе, он увидел за соседним столиком француза. Он видел его не раз и прежде и всегда за одним и тем же занятием: француз подбрасывал на ладони две или три монеты — английский шиллинг, французский франк и еще какую-то третью, тоже заморского происхождения, кажется, шведскую крону. Сразу было видно, что человек подбрасывает на ладони все свое движимое и даже недвижимое имущество.

Но все-таки это был француз, иностранец, и, глядя на него, Лян Бао-шань вдруг подумал, что из этого можно кое-что извлечь.

Спустя еще несколько часов француз от имени некоего вымышленного парижского коммерсанта заключил с Лян Бао-шанем договор, в соответствии с которым он будто бы внес в кассу пароходного треста некую солидную сумму.

На этом основании уже на другой день на пароходе Лян Бао-шаня под самый клотик взвился французский флаг. Отныне китайские милитаристы при взимании чалогов и пошлин должны были иметь дело не с Лян Бао-шанем, а с Французской республикой.

Когда пароход под французским флагом вышел в плавание из Чунцина в Ичан, Лян Бао-шань провожал его с берега. Лян Бао-шаню очень хотелось кричать и аплодировать Лян Бао-шаню за его блестящую коммерческую выдумку, но это было неудобно, и он кричал «Виват!» французскому флагу.

Появилась было одна неприятность: население менее охотно стало пользоваться пароходом под французским флагом. С тех пор как в 1911 году в Сычуани были волнения против иностранной концессии на постройку железной дороги, многие люди еще не освободились от застарелшего предрассудка и предпочитали пароходы с китайским флагом. Но такую неприятность Лян Бао-шань сумел быстро преодолеть: на крупных пристанях, где продавалось много билетов, на мачте парохода появлялся китайский флаг. Для этого тоже было достаточно юридических оснований.

Зато в глазах своих приятелей по торговому клубу Лян Бао-шань окончательно перестал быть сыном пельменщика, а сам Лян Бао-шань стал носить котелок и трость.

Дела пошли в гору. Чунцинский француз сначала получал свои несколько десятков юаней в месяц, а потом и вовсе исчез неизвестно куда, так же как неизвестно откуда он появился в Сычуани.

Правда, перед тем как исчезнуть, он пришел к Лян Бао-шаню и на ломаном китайском языке сказал:

— В американских долларах хочу тысячу!

Француз, конечно, не получил тысячу. На этот раз он не получил даже свои ежемесячные сорок юаней.

Но странно: чем больше доходов получал Лян Бао-шань, чем выше он назначал тарифы и чем меньше платил грузчикам и матросам, тем труднее становилось ему сводить концы с концами.

По случаю и на очень выгодных условиях он приобрел уже и второй пароход и, кажется, почувствовал, будто жизнь стала легче, но это только показалось на первых порах; спустя каких-нибудь несколько месяцев он уже снова просыпался каждое утро с одной и той же мыслью: где взять деньги?

Было время — клиенты приходили к нему, а он выбирал среди них. Теперь он сам рыскал по городу в поисках такого клиента, который сегодня же, сию же минуту мог выдать аванс под перевозки. В конце концов такой человек находился, но прежде приходилось делать множество уступок и отказываться другим клиентам, гораздо более выгодным, которые, однако, могли выложить деньги на стол не сегодня, а только завтра.

Ничего не поделаешь — таковы были жизненные обстоятельства Лян Бао-шаня.

Его вторая жена У Шу-ин еще сравнительно недавно — при жизни старого Ляна-пельменщика — боялась, что кто-то узнает о ее существовании.

Теперь она этого не боялась. Теперь она повсюду появлялась в паланкине, который несли на плечах восемь человек. Мало того, что она появлялась, — одно только появление даже в шикарном паланкине еще не требовало больших денег, — она еще играла в мацзян. Мало того, что она играла, она еще и проигрывала и тогда выдавала расписки от имени Лян Бао-шаня. А это уже требовало от Лян Бао-шаня денег, тех самых денег, которые у него как раз в этот момент не было.

Конечно, можно было порвать с У Шу-ин.

Но... Трудно объяснить, в чем заключалось это «но». Прежде всего У Шу-ин подняла бы на весь город крик о том, что Лян Бао-шань — сын пельменщика и сам пельменщик. Положим, ей бы не поверили. Но она каким-то образом слишком много знала о делах пароходного треста и о семье Лян. Удивительно, как она все узнавала: чем больше скрывал от нее Лян Бао-шань, тем больше она знала. Наконец, она была попросту интересной женщиной, У Шу-ин. Помимо того, что это было приятно, это было еще и полезно. Ведь это она приостановила судебное дело, которое возбудили против Лян Бао-шаня торговцы красками на том основании, что будто бы в пути от Ичана до Чунцина их краски были подменены.

Наконец, дети... Дети есть дети, и от первой они жены или от второй, какое им до этого дело, когда они тянут к отцу свои маленькие ручонки?

Так или иначе, а только денег не хватало, и последний разговор с У Шу-ин кончился более или менее благополучно только потому, что Лян Бао-шань поклялся, будто назавтра к нему придет очень состоятельный клиент из иностранцев и предложит самую выгодную сделку, которую когда-либо заключали владельцы пароходов на Сычуань-реке.

На другой день после этой встречи и после этого обещания Лян Бао-шань проснулся рано, долго сидел за чаем и думал, как ему объяснить У Шу-ин, что клиент отложил заключение сделки еще на неделю.

Ничего путного не приходило ему в голову, и, должно быть, именно поэтому он сам начал верить, будто к нему действительно должен кто-то приехать для заключения договора на перевозки. И Лян Бао-шань стал с нетерпением посматривать на часы: вот уже и десять, вот одиннадцать, половина двенадцатого, без четверти, — а клиента все нет и нет! Просто возмутительно, что люди позволяют себе так задерживать делового коммерсанта!

В двенадцать с минутами у дома остановились сразу четыре рикши. Из первой коляски вышел пожилой господин с тростью в руке — иностранец. Из второй и третьей сошли мужчины помельче, но тоже довольно солидной внешности и тоже иностранцы. Четвертый рикша привез китайца, должно быть переводчика. Но уже по тому, как переводчик одет, всегда можно судить, кому он служит: переводчик служил, безусловно, состоятельным людям.

Лян Бао-шань ушел из приемной, в которой он ждал неизвестного клиента, в свою комнату, лег там в качалку и стал соображать: «Трое... Совершенно незнакомые... Состоятельные... Кто бы это?» Он не догадывался, кто это был, зато быстро догадался, почему и зачем они к нему пришли: если сегодня же они не заключат договора на перевозки, завтра они прогорят! Если сразу три деловых человека являются к одному владельцу паромов — значит, дело у них не ждет!

Еще Лян Бао-шань спросил себя: «Что из этого следует для него, для Лян Бао-шаня?» Он не успел ответить себе на собственный вопрос, как слуга передал ему три визитные карточки не то на английском, не то на французском — Лян Бао-шань несколько затруднился в чтении на иностранных языках, а тут еще у него не было времени: нельзя было заставлять клиентов ждать. Он успел только подумать: «Не все ли равно, с кого получать деньги, — с англичан или с мексиканцев?» — и вышел в приемную, радушно улыбаясь, как будто в приемной ждали его приятели.

Старший из посетителей, не откладывая дела, тут же сказал, что его очень интересуют условия, на которых паромный трест перевозит грузы из Чунцина в Ичан и обратно. Он явно торопился узнать эти условия. А Лян Бао-шань не торопился отвечать.

Сначала он попросил уважаемых клиентов присесть, потом велел слуге принести чай, затем сравнил качества чжанцзянского и юньнаньского чая, а тем временем он напряженно думал: какую цену можно запросить с этих клиентов, судя по их внешнему виду?

Сердце Лян Бао-шаня стучало неровно и громко, он испытывал легкое головокружение — он боялся продешевить...

Наконец он назвал цифру, сам не очень хорошо отдавая себе отчет в том, насколько она велика.

Клиенты переглянулись между собой, но Лян Бао-шань не заметил на их лицах и тени удивления.

Только старший из них, тот, что и сидя в кресле играл тростью, проговорил:

— Такой высокий тариф?

— Самый обычный! — заверил Лян.

— Но ведь ваши пароходы никогда не ходят без груза?

— Никогда!

— В таком случае компания процветает: пароходы ходят круглый год, грузы всегда в наличии, а тарифы... тарифы... приличные...

Лян скромно улыбнулся, а господин с тростью в руке снова проговорил:

— Да, я всегда утверждал, что паромные компании в Китае приносят самый высокий процент на капитал. В умелых руках это золотая россыпь.

Лян снова улыбнулся и сделал несколько глотков чаю: сердце его продолжало стучать.

Клиенты перебросились между собой несколькими словами, переводчик молчал. Должно быть, эти господа прикидывали, что им выгоднее: уплатить Ляну за рейсы двух его паромов или завтра же разориться. Затем один из них, должно быть наиболее осторожный, самый маленький, с завитыми усиками, спросил:

— Эти условия перевозки господин Лян предъявляет всем клиентам или какие-то особые обстоятельства заставляют его назвать такой тариф?

— Не всегда, — согласился Лян. — Не всегда. Но, знаете ли, в последнее время появилось очень много клиентуры, и все со срочными перевозками. Так что он, Лян, не знает, кого из клиентов удовлетворить в первую очередь, и предпочитает тех, которые при заключении договора не только не возражают против его тарифов, но и готовы сразу же внести под договор одну треть или по крайней мере четверть всей суммы.

— Ну, что касается авансов, — сказал клиент с тростью, — они как раз не очень нас интересуют. Другое дело — тариф. Все-таки, почтенный господин Лян, нет ли у вас каких-либо доказательств, что именно по этим тарифам вам платят и другие клиенты?

Лян Бао-шань пожал плечами, встал, подошел к бюро и вот тут задумался: он забыл, в каких ящиках бюро лежали бухгалтерские книги с голубым драконом на обложке и в каких — с желтым. Голубой дракон был на книгах для клиентов, и там были показаны такие высокие тарифы, по которым за все время своего существования ни один пароход не перевез ни одного даня¹ груза. Дракон желтый был изображен на книгах, предназначенных для чиновников, интересующихся доходами с целью исчисления налогов. Здесь были показаны несколько иные тарифы. Тот, кто подсчитал бы доходы пароходной компании по этим тарифам, неизбежно пришел бы к выводу, что Лян Бао-шань получает доходов не больше, чем его отец в ту пору, когда он торговал пельменями на улице Далянцзы.

Однако записи этой второй книги стали бы понятнее такому исследователю, если бы в руки ему попала еще одна небольшая записная книжечка — с обозначением тех сумм, которые Лян Бао-шань выплачивал налоговым чиновникам.

Что касается таких бухгалтерских книг, в которых можно было бы найти действительные приходы и расходы компании, то Лян Бао-шань не боялся ошибиться и вынуть из бюро именно их. Он не боялся этого по той простой причине, что таких книг вообще не было: Лян Бао-шань никогда не знал, сколько он получает и сколько проживает.

Но так или иначе, а память не подвела его на этот раз, и он вынул из бюро книги с голубым драконом...

Все три клиента склонились над этими книгами и внимательно слушали переводчика. Лян сидел молча, сердце у него билось по-прежнему, и он боялся думать, что, кажется, продешевил — эти иностранцы, судя по всему, могли заплатить и больше.

Когда же наконец старший из них вернул книги Лян Бао-шаню и сказал, что действительно дела компании при таких тарифах идут блестяще, — у Лян Бао-шаня уже не было сомнений в том, что он продешевил.

«Ну, ничего, — подумал он. — Зато я получу аванс по крайней мере вполовину всей суммы. Сегодня же. Сейчас же. Вечером я заеду к У Шунин — пусть она убедится, что значит слово Лян Бао-шаня!» Это соображение несколько успокоило его.

Размышления Лян Бао-шаня были прерваны молчанием. Как-то уж очень-очень тихо стало во всем доме и в приемной тоже, как будто здесь не присутствовали три состоятельных клиента, переводчик и он сам, Лян Бао-шань. Лян Бао-шань с тревогой оглянулся вокруг себя. «Почему же все молчат?» — спрашивал он взглядом, но сам молчал тоже.

— Моя фамилия — Дервиль, — произнес наконец самый пожилой клиент и энергично повернул легкую тросточку между вторым и третьим пальцами.

«Ну вот, кажется, мы приступаем к деловой части нашей встречи! —

¹ Дань — мера веса, равная приблизительно пятидесяти килограммам.

решил Лян Бао-шань и вздохнул. — Я уже знаю, как зовут этого человека».

И он, приподнявшись в кресле, поклонился и сказал:

— Очень приятно, очень рад!

— Вы меня не помните? — спросил клиент.

«Дервиль... Дервиль... — повторил несколько раз Лян Бао-шань мысленно. — Дервиль... Как будто где-то я слышал такое имя, но где?»

— Так я вам напомню, — сказал клиент, быстро повернув трость между вторым и третьим пальцами в обратную сторону. — Я совладелец нашей паровой компании. Тот самый, с которым через посредство моего племянника вы заключили соглашение.

— Позвольте! — вскричал Лян Бао-шань. — Что вы говорите?! У меня никогда не было и нет совладельцев! Я единственный владелец своего собственного имущества!

— Так вот, — проговорил с прежним спокойствием господин Дервиль, — я приехал получить свою долю прибылей компании за четыре минувших года. Судя по бухгалтерским книгам... — он любовно погладил на одной из книг голубого дракона, — судя по этим книгам, доходы были приличные. Кроме того, я желаю выйти из компании и, следовательно, желаю получить свою долю от стоимости пароходов. Знакомьтесь, — кивнул он в сторону двух других посетителей. — Эти господа — юристы. Они сотрудники французского консульства.

Через неделю суд, в котором деятельное участие принимали господа юристы — сотрудники французского консульства, полностью удовлетворил иск господина Дервиля к господину Лян Бао-шаню.

Бывший король серебряных ушек

...Может быть, вы слышали о нашей фамилии? О старике Ляне? О моем отце Лян Бао-шане? Обо мне самом — Лян Цзинь-вэне?

Я не буду утомлять вас отступлениями в далекое прошлое, но все-таки... Мой дед, старый Лян, происходил из весьма почтенной фамилии. Да-да!

Его, а следовательно, и мои предки занимались коммерцией и были весьма почитаемы среди населения Сычуани. Видимо, это обстоятельство и послужило причиной того, что мой дед сильно разбогател. Он разбогател на торговле таким благородным товаром, как шелк. Между прочим, он был большим чудаком, старый Лян, любил поесть и только ради этого содержал в Чунцине ресторан. Но еще раз повторяю — он создал состояние на торговле шелком, и тот, кто станет возражать против этого, — просто-напросто болтун!

Так вот, когда умер старый Лян, он оставил свое состояние своему старшему сыну и моему отцу Лян Бао-шаню.

Отец тоже был незаурядным коммерсантом и любил пожить. Он основал паровой трест в том же Чунцине и был единственным владельцем треста, пока не разорился в жестокой конкурентной борьбе с французской паровой компанией.

Вот и все, что касается нашей фамилии. Знаете ли, нужно все-таки отдать должное своим предкам, особенно если они все благородного происхождения.

Что касается меня самого, я буду совершенно откровенен. Собственно, на мне кончается наша родословная видных сычуаньских и шанхайских коммерсантов, и мне нет смысла что-нибудь скрывать.

Так вот, к тому времени, как разорился мой отец, мне было двадцать пять лет, я был женат, имел детей, но единственное, что я умел тогда хорошо делать, так это тратить деньги. Разорился отец, не стало денег, и я

не стал ничего делать. Я ничего не делал день, два, месяц, два месяца, а потом все-таки предпринял кое-какие шаги. Должно быть, во мне заговорила кровь моего деда, который к тому же, как выяснилось, оставил на имя своих внуков некоторые средства, с условием, что эти средства попадут в наши руки только после смерти отца или после его разорения. Дед был предусмотрительным коммерсантом.

Кроме того, у меня оказались и еще кое-какие средства. Все знали в Чунцине, что моя жена была когда-то невестой и что, будучи невестой, она имела самый вздорный характер и самое приличное приданое.

Так как отец мой любил пожить, а я тоже любил пожить независимо от него, я и женился на богатой невесте. Не скажу, чтобы мне никогда не приходилось расплачиваться, но это не было для меня неожиданностью: я всегда знал, что бесплатных удовольствий не бывает.

Во всяком случае сейчас, на склоне лет, я не жалею, что поступил в свое время таким образом, к тому же мне до сих пор трудно судить и о своем собственном характере.

Итак, я приехал в небольшой городок горной Сычуани, прекрасно одетый, с визитными карточками шанхайского банкира и владельца магазина. Даже номер телефона был указан на этих карточках.

И Шанхай и Сычуань были тогда под властью разных милитаристов, и тот из них, который имел больше власти, объявлял свои деньги самыми дорогими. Если человек посылал из Сычуани полторы тысячи юаней, в Шанхае они стоили едва ли не тысячу. Я сообразил, что в Шанхай идет больше денег, чем в Сычуань: в Шанхае закупаются фабричные товары, а Шанхай покупает только сырье. И я открыл посредничество и по заказам сычуаньских торговцев делал закупки в Шанхае. Но как я это делал? Я продал некоторые драгоценности в Шанхае и получил шанхайские юани. После этого я брал у сычуаньского купца полторы тысячи юаней, а одной тысячей расплачивался за него в Шанхае. Кроме того, я брал еще процент за посредничество. Я приобретал для своих клиентов действительно лучшие товары в Шанхае и даже возбудил громкое судебное дело против одного фабриканта, который поставил недоброкачественные москательные товары, отказавшись от его крупной взятки. Я слыл честным посредником, у меня не было недостатка в клиентуре, и я делал приобретения недвижимости в Сычуани — главным образом я покупал леса.

В любом сверхприбыльном деле важно вовремя кончить. И я кончил вовремя и стал королем серебряных ушек.

Вы не знаете, что такое серебряные ушки?

Растет в горной Сычуани дерево. Если ствол этого дерева распилить на чурбаки, чурбаки положить в прохладное, тенистое место и потом время от времени поливать водой, на них появятся грибки. Прозрачные, с серебристым оттенком. Они мягкие, как желе или густой кисель, но почему-то кажется: если постучать по ним палочками, они зазвенят серебряным звоном, как добрая старинная монета.

Конечно, никто не стучит по серебряным ушкам ради их звона, зато для каждого это — изысканное, прекрасное, великолепное блюдо. Оно славится и за пределами Сычуани, особенно среди богачей Шанхая.

Так вот, в Сычуани, недалеко от местечка Тынпянь, у меня было налажено производство серебряных ушек. Оно не имело никакого названия, и люди, которые пилили и поливали стволы деревьев, не подозревали, какое богатство они создают.

Зато в Шанхае, на главной улице Нанкин-род, я открыл магазин с огромной вывеской: «Сычуань», а ниже мелкими иероглифами значилось: «Лян Цзин-вэнь — король серебряных ушек». Как я доставлял серебряные ушки из Сычуани в Шанхай? Разными способами. Вплоть до того, что в мои сычуаньские леса летал специальный самолет. И даже не простой самолет, а военный — из отряда особого назначения.

А почему бы ему не летать? В то время я мог купить не только самолет, но и самолет вместе с гоминдановским генералом, и доставлять серебряные ушки через линии фронтов.

Пока я был королем серебряных ушек, происходило много событий. В Шанхае хозяйничали японцы. Чан Кай-ши учредил свою столицу в Нанкине, и я открыл филиал своего магазина в Нанкине. Чан Кай-ши отступил в Ханькоу. Я открыл филиал в Ханькоу. Он перебрался в Чунцин. Я и в Чунцине торговал серебряными ушками — это было даже удобнее, это уже в Сычуани, близко к моему предприятию. Если бы мои покупатели уехали в Лхассу, — я и там открыл бы торговлю. Что происходило в мире, мне было все равно, лишь бы у меня были покупатели.

И я всегда говорил, что политика стоит у дверей моего четырехэтажного шанхайского дома, но в самом деле ей делать нечего, а мои хорошие друзья говорили мне, что я унаследовал талант моего деда — торговца шелком — и что я проявил этот талант, занявшись в свое время делом, в котором не имею конкурентов. Им — текстильщикам и торговцам — приходится конкурировать с иностранцами, а кто из иностранцев станет торговать серебряными ушками? Конечно, никто, и я всегда буду королем серебряных ушек.

Хорошо.

Кончилась антияпонская война, и пришли американцы. Во время войны я их замечал как-то меньше, а тут повсюду — в торговле, в банках, в промышленности — американцы, американцы, американцы... И вот они-то заставили меня подумать о политике. Как они это сделали? Очень просто: они разорили моих покупателей. Они не то чтобы конкурировали с китайской торговлей и промышленностью. Нет. Просто-напросто они уничтожали китайских торговцев и промышленников, как уничтожают зайцев на хлопчатниковом поле. Что ни день в Шанхае разорилось несколько сот предпринимателей. Но ведь это и были как раз мои покупатели! Нерикши же устраивают званые обеды и подают к столу серебряные ушки!

Конечно, были предприниматели, которые глотали сразу три-четыре мелких магазина или фабрики, особенно из тех, кто посредничал между американскими и китайскими коммерсантами. Но проглотить сразу три-четыре порции серебряных ушек ни один из них не мог, а значит, число моих покупателей сокращалось. Но даже и те, которые чувствовали себя еще довольно прочно, глядя на своих разорившихся, а иногда и повесившихся коллег, теряли аппетит.

И вот тут я спросил себя: «В чем состоит национальная политика господина Чан Кай-ши, если по договору от 4 ноября 1946 года он предоставляет такие привилегии американцам?»

Я коммерсант и как коммерсант я быстро разобрался в этом вопросе. О ком заботится Чан Кай-ши? О себе. Американские коммерсанты могли дать ему больше, чем китайские. Вот и все. Уж я-то имею в этом деле опыт, поверьте мне!

А тут еще стихийные бедствия: засухи, наводнения. Если человек день и ночь думает, как бы ему достать чашку рису, — значит он совсем не думает о серебряных ушках и забывает дорогу в мой магазин на Нанкинрод.

Потом — инфляция. Деньги падали в цене не то чтобы ежедневно, — ежечасно. Был у меня постоянный покупатель — профессор университета, который мог обходиться без риса, но без серебряных ушек не мог. Так он, получив свое жалованье, откладывал свои очередные лекции и бежал ко мне в магазин, потому что он знает: пока он прочтет лекцию о каком-нибудь там Шаохао или Ян Гуй-фэй¹, деньги обязательно упадут в цене.

¹ Шаохао — герой древних преданий. Ян Гуй-фэй — фаворитка танского императора Мин Хуана.

А ведь мне тоже было выгоднее торговать в конце дня, по вечернему курсу, а не по утреннему!

Да и какая это была торговля? Это уже была не торговля, а тропическая лихорадка, от которой никак нельзя разбогатеть, а можно только остаться живым или умереть. Одним словом, моя карьера короля серебряных ушек кончилась, я это хорошо понял, хотя у меня еще и оставались кое-какие средства. И вот однажды вечером я сказал своей жене, что уже несколько ночей мне снится мой дорогой друг Лэй Дун-эр, который настойчиво зовет меня к себе.

А нужно вам сказать, что господин Лэй Дун-эр, торговец сувенирами, отправился за неделю до этого.

Помните, я говорил вам, что моя жена когда-то была невестой с самым вздорным характером? Но я, оказываясь, еще не имел полного представления, что это за характер. Мы всегда старались как можно меньше вмешиваться в личную жизнь друг друга, но тут я поделился со своей супругой мыслями и сказал, что завидую господину Лэй Дун-эру: ему теперь уже все равно, какие еще договоры заключит господин Чан Кай-ши с господами американцами, ему не надо ломать голову над тем, как продержаться магазин еще неделю и не разориться.

Я сказал все это своей супруге тихо и спокойно, в полной уверенности, что она пожмет плечами и ответит: «С каких это пор ты начал советовать со мной? Что-то раньше, когда у нас было много настоящих денег, я никогда не слышала от тебя ни слова о твоих намерениях! Когда у нас было много денег, ты...» Ну, и дальше в том же духе. По сути дела, именно ради того, чтобы укрепить свое намерение и встретиться с господином Лэй Дун-эром, я и начал этот разговор с женой.

Но совершенно неожиданно в ответ я услышал такие гневные и яростные слова, что я и сейчас не решаюсь повторить их. Да что там — слова! Если вспомнить все, что произошло в тот вечер...

Но дело не в этом, а в том, как все пошло дальше.

А дальше было так: на другой день после нашего разговора жена купила прядильную фабрику. Она купила ее у своего разорившегося неродного брата и за такие гроши, что если бы даже фабрику продать на слом, и тогда она стоила бы дороже. Но все-таки я был в полном недоумении.

— Зачем ты купила фабрику, если текстильщики разоряются сотнями и тысячами? — спрашивал я. — Кто будет вести дело, если ни ты, ни я ничего не понимаем в текстильном производстве? Откуда взять сырье? Кому продавать нитки, которые выпускает фабрика? Чем платить рабочим?

Я задавал ей еще тысячу вопросов, на которые в то время, конечно, не могла ответить не только женщина со вздорным характером, — не могли ответить тысячи опытных промышленников.

Но она отвечала, не задумываясь, несла какую-то чушь, в которой все-таки можно было уловить и немного здравого смысла... Она сказала, что люди могут прожить без серебряных ушек, но ходить голыми они не могут, и поэтому обязательно кто-то должен производить текстильные товары. Почему бы именно мне не заняться этим делом? Еще супруга сказала мне, что, если я и дальше буду приставать к ней с разными глупыми вопросами, она сама отправит меня к господину Лэй Дун-эру...

И, знаете, на меня это подействовало: я стал промышленником.

Собственно, сначала я по-прежнему занимался только коммерцией — доставал деньги и сырье, заключал сделки, а всю техническую сторону дела вел брат жены, бывший владелец фабрики. Ну, а потом я тоже стал разбираться в технике.

Больше того — приобретение фабрики королем серебряных ушек, мне кажется, привело даже к некоторому оживлению в среде шанхайских текстильщиков. На первых порах два американских дельца выразили желание заключить со мною сделки...

Так или иначе, а только в самые тяжелые и неблагоприятные для этого времени я стал промышленником, вложив, правда, в новое дело дом жены, ожерелье жены и европейскую картину с изображением человека и коровы из комнаты жены. Я снова вставал на ноги. Снова во мне заговорила кровь моего деда, торговца шелком.

И тут вдруг — Освобождение.

Ну, знаете ли, в то время каждый по-своему понимал это событие. Брат моей жены, например, захватил кое-что из фабричной кассы и удрал в Гонконг. Я сам был в полном оцепенении, лежал в кровати и ждал, когда меня расстреляют, а мою жену обобществят.

Правда, я еще совсем недавно по собственному желанию порывался встретиться со своим другом, господином Лэй Дун-эром, и — я уже говорил — я никогда не вмешивался в личную жизнь моей жены, но, несмотря на это, все-таки очень неприятно ждать, когда вас расстреляют, а вашу жену обобществят...

Вместо этого новая власть дала моей фабрике кредит в сумме ста пятидесяти тысяч юаней. Фабрика стояла, рабочим нужно было платить, денег не было, а тут рабочий комитет сообщает мне, что я должен получить сто пятьдесят тысяч.

В этом комитете и тогда был прядильщик Чжан — длинный, худой парень, которого до Освобождения я все хотел передать в руки властей, так как, конечно, он был коммунистом, но я боялся это сделать, потому что рабочие могли отомстить за него: сжечь фабрику или даже убить меня. Кроме того, иногда у меня мелькала мысль, что может случиться — рабочие захватят фабрику и устроят надо мной расправу. Так уж пусть для этого случая останется Чжан. Он хоть и упрямый и наверняка коммунист, но все-таки разумнее и, кажется, даже добрее многих других.

Так вот этот самый Чжан и сообщил мне о кредите. Сколько раз я стоял на пороге полного краха, а все-таки я никогда не разорялся до последнего фыня, так, чтобы дальше уже нельзя было вести дело. Имеет, должно быть, значение коммерческий дух фамилии и прежде всего старого Ляня, торговца шелком!

«Хорошо! — подумал я. — Должно быть, я остался жив, и, должно быть, при новой власти тоже можно вести коммерцию. Это хоть и красные, но все-таки не американцы, которые в сорок шестом году в Шанхае каждый день пускали по миру стню-другую коммерсантов!»

Правда, новая власть назначила моей фабрике твердые производственные задания; правда, я должен был сдавать продукцию по определенной цене определенному предприятию. Подумать, — так какая же это коммерция? Это вовсе не коммерция, а простая работа!

Но зато были и преимущества. Теперь у меня всегда был обеспечен сбыт, я не боялся ничьей конкуренции. И я сделал такой коммерческий вывод: раз обеспечен сбыт, зачем стараться ради качества продукции? Я стал экономить сырье, на сэкономленном сырье я выпускал продукцию высшего качества, и вот уж ее-то я сбывал туда, где мне больше платили. Вот это была коммерция, и она снова открывала передо мной широкие перспективы.

Но тут я не подумал о том, что все коммерсанты подумали так же, как я, все поступили таким же образом. А это привело к тому, что власти объявили борьбу с пятью злами. Ну, если уж не все пять, то четыре зла, безусловно, отнесли прямо ко мне.

Подкуп государственных служащих? Было такое не то чтобы зло, а скорее добро. Почему бы нужному человеку и не отпустить кое-что со своей фабрики, почему не угостить его в ресторане доброй пекинской уткой или по старой привычке серебряными ушками?

Уклонение от уплаты налогов? Но ведь налоговые инспекторы тоже нужные люди? Так что эти два зла я бы лично счел за одно. Хищение го-

сударственных средств и недоброкачественное выполнение правительственных заказов? Об этом тоже нет необходимости долго говорить...

Единственно, к чему я был непричастен,— это к хищению экономической информации. На моей фабрике не было ничего секретного, и — увы! — никто не заплатил бы мне одного юаня за все бухгалтерские книги... И вот идет собрание за собранием, рабочие критикуют меня, а больше всех — Чжан, так что я уже начал сомневаться: прав ли я был, что не отдал его в свое время в руки полиции?

Днем этот Чжан ругает меня, а вечером приходит ко мне домой, протягивает свои длинные ноги под столом и начинает меня убеждать, что нельзя оставаться прежним коммерсантом, а надо соблюдать интересы государства, что если меня критикуют, так это для моей же пользы, и вообще-то со мной обходятся еще довольно мягко — могло быть и хуже.

Это я знаю: в каких бы я тяжелых переделках ни был, всегда могло быть еще хуже. И вообще разве я спорил с Чжаном? Нет, не спорил. Я во всем с ним соглашался. Разве станешь спорить против того, что нитки будут крепче, если они будут толще, а толще они будут, если из одного и того же количества хлопка будет сделано сто, а не сто пятьдесят катушек? А какие я должен сделать выводы для себя? Как коммерсант? Что вы думаете, это очень просто и приятно быть носителем если не всех пяти, так по крайней мере четырех зол? Это уже не коммерсант, про которого никто не боится сказать, что он носитель зол. Коммерция — дело благородное, а главное, деликатное.

И я сделал такой вывод: пока не поздно, нужно закрыть фабрику.

Почему в свое время я приобрел твердый капитал через посредничество между Сычуанью и Шанхаем? Потому, что я вовремя кончил с деятельностью посредника. Почему я сохранил кое-какое состояние, после того как разорились покупатели серебряных ушек? Потому, что вовремя прекратил торговлю, не дожидаясь, пока меня самого продадут с торгов.

И вот теперь я затянул выплату рабочим зарплаты на два месяца, а потом объявил себя банкротом. «С рабочими я расплачусь на те средства, которые получу от ликвидации фабрики», — сказал я.

День, когда фабрика должна была прекратить работу, выдался холодный — снег падал и не таял. Немного позже десяти утра я приезжаю на фабрику, чтобы вместе с моим бухгалтером оформить последние документы.

Вхожу во двор и слышу — гудят все станки и рабочие катят тележки из цеха в цех. Странно... Поднимаюсь к себе наверх — вижу, в упаковочной тоже каждый занят своим делом и готовой продукции ничуть не меньше, чем всегда. Тоже странно... Спрашиваю бухгалтера: «Почему фабрика работает, если она закрыта?» Бухгалтер отвечает, что об этом знает профсоюз. Прошу, чтобы пришел ко мне этот самый профсоюз — то есть все тот же Чжан. Чжан приходит, я спрашиваю: «Почему фабрика работает, если она закрыта?» Чжан отвечает, что так решили рабочие. «Хорошо, — говорю я, — очень хорошо решили рабочие! Но решили они или нет — кто им будет платить за их работу?» — «Никто», — отвечает Чжан. И мы смотрим друг на друга: он на меня, а я на него. Наконец я спрашиваю: «То есть это как же так?» — «А вот так, — отвечает Чжан. — Рабочие не хотят, чтобы фабрика закрылась, они не хотят остаться без работы, и они еще на месяц отказываются от зарплаты, чтобы спасти фабрику...» Я попросил его повторить эти слова, он повторил. «Ну, что же, — говорю я, — я человек пожилой. Коммерсант. Нельзя ли получить от профсоюза расписку в том, что рабочие действительно отказываются от зарплаты?» — «Отчего же, — говорит Чжан, — конечно, можно. Вы напишите сами такую расписку, — говорит он, — вы грамотный человек, знаете, как оформить такой документ, вот и напишите. А мы подпишемся». Я сажусь писать документ, а Чжан еще говорит мне: «Вот что, — говорит он, — у

профсоюзного комитета есть две тысячи юаней. Это — дополнительное пособие на рис. Вчера мы взяли его в банке и роздали рабочим. Но сегодня к вечеру мы соберем эти деньги обратно и отдадим их вам. Сырье кончается, а фабрике нужно перебиться всего несколько дней, пока не будет реализована продукция. Приобретите на эти деньги сырье». — «Ну что же, — говорю я, — хорошо! Вы дадите мне расписку в том, что будете работать месяц бесплатно, а я напишу вам расписку в том, что взял у вас в долг две тысячи юаней. Все это мы оформим самым честным порядком». Я стал писать расписку на две тысячи юаней, как вдруг Чжан снова говорит мне: «Пожалуй, не надо нам от вас никакой расписки. Даже определено — не надо...» — «Хорошо! — сказал я. — Не надо, так не надо...» Еще посидел в кабинете, походил по цехам, посмотрел, как они там собирают эти две тысячи юаней, а потом сказал, что мне сильно нездоровится, и уехал домой.

Дома я стал думать о коммерции, о политике и о детях...

Прежде всего — о коммерции. Мне ничего не стоило в свое время разгадать коммерцию Чан Кай-ши. А как разгадать коммерцию красных? Получается, что они всерьез верят, будто я — старый предприниматель, король серебряных ушек, — обанкротился и у меня нет ни одного фыня? Должно быть, так, если они предлагают мне свои две тысячи юаней. И соглашаются месяц работать бесплатно! Должно быть, я не отучил их верить мне за эти годы, когда они работали по четырнадцать часов в сутки и не зарабатывали на чашку риса для семьи... Конечно, им дорог не я, им дорога фабрика, но все-таки была ли на свете, могла ли быть на свете причина, по которой мой лучший друг и прекрасный коммерсант господин Лэй Дун-эр, например, вдруг дал бы мне в трудную минуту две тысячи юаней, да еще и без расписки? Конечно, такой причины не могло существовать на свете.

«Нет, — сказал я себе, — эта красная политика и эта коммерция — вовсе не политика и не коммерция! Это — черт знает что такое!» Вот как я подумал о политике...

Теперь о детях. О своих собственных детях. Знаете, что я скажу вам на этот счет? Тратишь деньги всю жизнь, иногда совсем напрасно, где-нибудь в игорном доме, и ведь ни на минуту не забываешь о детях. Развлекаешься, а сам все время думаешь, что ведь и детям нужно что-то оставить, так же как в свое время это сделал старик Лян — торговец шелком. Думаешь таким образом, вздыхаешь, а деньги тем временем текут и текут куда-то. И, должно быть, не напрасно говорят в моей родной Сычуани, что коммерсанты не бывают богатыми дальше трех поколений. Как раз я — третье поколение коммерсантов Лян.

Так вот, когда я решил закрыть фабрику и объявить себя банкротом, я хотел тут же передать кое-что моим детям, а оставшийся небольшой капитал вложить в какое-нибудь новое и скромное дело. Но когда я ходил по своей фабрике и смотрел, как рабочие собирают свое рисовое пособие — две тысячи юаней, чтобы отдать их мне, я подумал, что мои собственные дети тоже ведь поверят мне, будто я разорился. А если дети поверят мне, то они не возьмут у меня деньги, которые я решил им наконец дать! Они не возьмут эти деньги, даже определенно не возьмут!

Вот вы, наверно, удивились, что я рассказывал вам обо всем, а о детях — ни слова, только сейчас заикнулся. Это потому, что я всегда о них думал, всегда их любил, но никогда о них не заботился. Они и выросли сами по себе, сами искали себе знакомых, сами вступали в Союз молодежи, старший — так тот даже воевал на стороне красных. И они все, когда вырастали, уходили из дому, так что со мной живет сейчас одна только младшая дочка Ли — она учится в третьем классе средней школы.

Теперь представьте мое положение: деньги, которые я нажил коммерцией для своих родных детей, дети не возьмут, и думать об этом нечего.

Фабрика, которую я закрыл, чтобы не платить рабочим, работает. А куда же идти мне?

И я решил идти в политическую школу капиталистов. Я решил так, что я проведу в школе несколько месяцев, а там будет видно, что предпринять, какая коммерция еще останется к тому времени коммерцией...

Я сказал об этом своей жене, думал, может быть, она опять придет в ярость и скажет мне что-нибудь определенное, но она только пожалала плечами: «Тебе виднее, сколько ты нажил ума за свой век!» Не знаю точно, как это понимать.

Ну вот я пошел в школу. Узнал насчет приема и насчет того, сколько нужно носить с собой тетрадей. И что же вы думаете — я один такой нашелся коммерсант, который решил провести в школе несколько месяцев? Ничего подобного. В школе мне сказали, что они могут принять только двадцать два промышленника-текстильщика, а подано уже сорок шесть заявлений. «Может быть, — сказали мне в школе, — вы обойдетесь и без обучения? Ведь вам много лет, вы имеете, следовательно, большой жизненный опыт...»

Все-таки завтра я пойду в школу. Я пойду туда потому, что рабочий комитет и этот длинный Чжан хлопотали, чтобы меня приняли в школу. Меня беспокоит только, что в школу поступил и старик Ван Лао-ху, торговлю которого серебряными ушками я когда-то в два счета вытеснил с Нанкин-род. С тех пор он имеет на меня зуб и болтает, будто в нашем роду когда-то были пельменщики! Какая ложь! Все знают, что мой дед разбогател на торговле таким благородным товаром, как шелк...

Так или иначе, а завтра — в школу. Пойду и буду дорогой думать о том, что коммерческой династии Лян пришел конец. Конечно, конец!

РАБОЧИЙ ЧЖЭН СИН-НЯНЬ

В поездке по Китаю мы по доброму согласию разделили между собой наши «обязанности»: Борис Полевой писал дневник путешествия, Борис Галин должен был посетить промышленные предприятия и написать по своим впечатлениям очерки; я имел намерение побывать в деревне и написать о сельскохозяйственных кооперативах. Кроме того, мне, как гидротехнику, хотелось познакомиться с водным хозяйством КНР.

Но, разумеется, это было лишь «приближенное планирование», мы уже не раз нарушали его, и вот сейчас, когда я перелистываю свои записные книжки, мне тоже хочется рассказать об одной встрече, о встрече с рабочим изыскательского отряда.

Китайцы очень скромны, но они гордятся своей принадлежностью к рабочему классу. Пройдите в воскресный день по улицам города, и вы заметите, что железнодорожники в сопровождении жены и детей идет обязательно в своей служебной форме и эту форму он носит на себе с особым достоинством. Он ее все время чувствует.

Эмблема железнодорожного транспорта стоит всюду, где только ее можно поставить: на вокзальных зданиях, на чашках и ложках вагон-ресторанов, на конвертиках с красным и зеленым чаем, которые раздают пассажирам проводники, на синих спецовках строительных рабочих транспорта. Кстати, и о них. Китайцы рассматривают этих людей не только как квалифицированных мастеров, но и как будущих учителей своего дела.

На строительстве моста через реку Янцзы в городе Ухани мне говорили:

— Вы знаете, сколько здесь рабочих? Пять тысяч! К восьмой годовщине Освобождения, то есть к 1 октября 1957 года, мост будет сдан в эксплуатацию, и эти пять тысяч человек, которые прошли здесь школу строительства, разъедутся по всей стране. Каждый из них на новом месте подготовит еще одного, а то и двух квалифицированных рабочих. Теперь сосчитайте, сколько у нас будет мостостроителей лет через десять?!

И я многократно встречался с такими фактами, когда на строительстве одно рабочее место занимают двое: один занимает штатную единицу, другой у него учится.

Квалифицированными мастерами становятся бывшие рикши, лодочники, черноработные, крестьяне, мелкие торговцы. У каждого из них приход к рабочей профессии происходил по-своему.

Так вот я и хочу рассказать о том, как стал кадровым рабочим-строителем товарищ Чжэн Син-нянь.

Но прежде несколько слов о Лояне, в котором произошло наше знакомство.

Лоян — удивительный город даже среди удивительных китайских городов.

Считают, что ему более пяти тысяч лет. В музее вы встретите глиняные сосуды, изготовленные пять тысяч лет назад, печи для обжига гончарных изделий насчитывают три тысячи пятьсот лет, бронзовые кухни для приготовления риса «на пару» — три тысячи двести лет, столовые сервизы примерно такой же давности.

И сейчас еще стоит храм-музей в честь чжоуского Гуна — основателя и строителя города.

За 770 лет до нашей эры Лоян был уже столицей и в этом качестве существовал более тысячи лет — ни один другой город Китая не удерживал за собой положения столицы в течение такого продолжительного срока.

Три тысячи лет назад Лоян был университетским городом, и каким! В университете Лояна обучалось в то время свыше тридцати тысяч студентов, и уже тогда они изучали древнюю историю своего государства. Мы видели учебники студентов того времени: это каменные плиты, на которых высечены иероглифы, повествующие об истории государства, и философские изречения мудрецов, например, о том, как распознать в ученике талант. Мы побывали в знаменитых Лунмыньских пещерах, близ Лояна на берегу реки Ихэ — притока Хуанхэ. В этих пещерах имеются многие тысячи изображений будд, высеченных из камня, размером от нескольких сантиметров до двадцати метров.

Вокруг Лояна на многие километры — могилы, могилы, могилы... Лишь незначительная часть из них — на поверхности земли, остальные — это глубокие захоронения. В 1954 году при строительстве дороги была обнаружена одна из таких могил, прекрасно сохранившаяся в течение двух с половиной тысяч лет на глубине около девяти метров. Это — жилище богатого человека того времени почти в натуральную величину: несколько каменных комнат с искусными кирпичными сводами, узкими оконцами, в одной из них — останки умерших, в другой — предметы обихода.

Пока мы бродили в сумраке этих комнат-пещер, местный историк рассказывал нам, что некогда существовал обычай — убивать лошадь умершего воина, даже его слуг и жену, и хоронить их вместе с ним. Но к тому времени, к которому относится это захоронение, такой обряд уже не совершался: вместе с умершим закапывали вылепленную из глины лошадь, примерно в одну треть ее натуральной величины, точно так же изготавливались образцы повозок, сбруи. Предметы же домашнего обихода и оружие по-прежнему складывали в могилы. Вот эти-то предметы и представляют большую ценность.

До Освобождения их охотно скупали иностранные туристы, раскопка и сбыт этих предметов за границу, главным образом в Америку, были специальным промыслом.

Нам рассказывали об одном нашумевшем в свое время в Китае судебном деле Яо Бина и даже показали документы судебного процесса. Яо Бин заключил договор с американскими дельцами на поставку каменных будд из Лунмыньских пещер. Предварительно американцы сфотографировали пещеры и отметили крестиками те барельефы, которые они хотели получить.

И вот ночью банда под руководством Яо Бина разбила на куски отмеченные на фотографиях фигуры будд, уложила их в ящики и переправила из Лояна в США, а в Лунмыньских пещерах теперь висят фотографии залов нью-йоркского и канзасского музеев с изображением похищенных барельефов.

После Освобождения Яо Бина судили за расхищение национальных богатств и исторических ценностей.

Это отнюдь не единичный случай похищения национальных ценностей Китая. Во время путешествия нам неоднократно приходилось встречаться с фактами такого рода: из Куньминской библиотеки американцами были похищены уникальные рукописи, из

музея Конфуция в Шанхае — знаменитые мраморные барельефы двух коней, из Луньньских пещер — будды, о которых мы только что говорили...

В Шанхае существовала специальная контора по отправке ценностей подобного рода в США. Многие лоянские купцы занимались такой «торговлей» и поставляли свой «товар» шанхайской конторе. Но не сами же купцы добывали из пещер и захоронений предметы древности! Эту черную работу выполняли другие люди, простые труженики, которые раскапывали могилы и за гроши продавали купцам обнаруженные ценности. Таким вот добытчиком и был в свое время Чжэн Син-нянь.

Встретились мы с ним так.

Мы приехали на строительство Лоянского тракторного завода. Одному из нас хотелось поговорить с главным инженером, другому — с монтажниками, а я спросил, нельзя ли повидаться с теми людьми, которые забили на строительной площадке первый колышек, пробурили первую скважину.

Может быть потому, что и мне приходилось когда-то вести изыскательские работы, я неравнодушен к топографам, буровикам, гидрологам...

— Можно! — сказали мне. — Мы познакомим вас с человеком, который мало того что забил первый колышек, но и оказал строителям неоценимую услугу! Это Чжэн Син-нянь.

Чжэн Син-нянь родился и вырос в деревне Паньлужун, что под самым Лояном. Еще юношей он принимал участие в раскопках могил.

Что заставило его избрать эту профессию? Да он и не избирал ее. Он был крестьянином, пахал и сеял, но земли было мало, прокормиться было трудно, и поэтому в свободное от полевых работ время каждый искал какого-нибудь приработка. Ну вот, для него — Чжэн Син-няня — приработком были эти древние могилы.

Много ли давал промысел? Гроши.

— Только один раз, — говорит Чжэн, — в мае 1948 года, мы раскопали такую могилу, что смогли заработать около двухсот юаней. Но нас было много, и на долю каждого пришлось 10—15 юаней, не больше. Обычно же на раскопке могилы я зарабатывал всего несколько юаней — купцы платили очень мало!

Работа была опасной. Мой товарищ, с которым мы долго работали вместе, погиб. Он был в могиле, когда произошел обвал, так он там и остался вместе с костями мертвых. А ведь у него была семья, и сам он был еще совсем молодой, ему только-только минуло тридцать.

Необдуманно я спрашиваю, как звали этого товарища, но Чжэн Син-нянь тихо говорит, что он, кажется, забыл это имя...

Чжэн Син-нянь говорит спокойно, деловито, но в душе он чувствует какую-то неловкость. О себе он говорит все, а имя своего погибшего товарища назвать не хочет.

Я и не настаиваю на этом — пусть Чжэн Син-нянь говорит о том, о чем он считает нужным и возможным говорить.

И Чжэн Син-нянь, как-то сразу оживившись, произносит:

— Ну вот и все об этом. Так вам интересно, как был забит первый колышек на строительной площадке?

Это мы сделали вместе с инженером Цзинь Бао-шунем. Совсем молодого инженера Цзинь Бао-шуня я уже немного знаю. Это очень скромный, очень молчаливый молодой человек. Он живет в общежитии вместе со своими рабочими, и, мне кажется, он весь, без остатка, поглощен работой. Но сейчас речь не о нем, мне интересен рассказ Чжэн Син-няня.

— Когда я в первый раз услышал, что в Лояне будет строиться тракторный завод, — рассказывает Чжэн, — я сразу подумал, что это касается меня. Даже не знаю, почему я так подумал. — Он разводит своими не очень большими, аккуратными и крепкими руками, а я прошу его вспомнить, почему же он все-таки об этом подумал.

— Как это сказать... Я подумал, что ни одно большое строительство не обойдется в Лояне без того, чтобы не перекопать тысячи могил.

— А вам жалко было эти могилы?

— Как сказать... Все-таки я был специалистом по могилам. Значит, это меня касалось. Я подумал: могил вокруг Лояна столько, что в них может провалиться любой

завод. Я подумал: как бы так сделать, чтобы этого не случилось, чтобы завод не провалился? И еще я подумал: я ведь могу помочь в этом деле, я очень хорошо могу угадывать под землей могилы. Вот так... Потом слышу — тракторный завод будут строить рядом с храмом Белой лошади. Ну, думаю, здесь я уж ни к чему. Я не знаю того района. Там живут другие знатоки. Еще я подумал: а неужели все-таки снесут храм Белой лошади? Существовал храм Белой лошади — и вдруг перестанет существовать?

Я спросил Чжэн Син-няня:

— Значит, вас все-таки беспокоила судьба этого храма?

Чжэн, должно быть, хорошо понял мой вопрос, подумал и сказал:

— Конечно. Храм Белой лошади — это ведь не какая-нибудь обыкновенная могила, в которой все имущество стоит несколько юаней. Храм Белой лошади, наверно, один на земле... Ну вот... А потом слышу: нет, завод будет строиться как раз рядом с моей родной деревней, а Белую лошадь оставили в покое. Это правильно, подумал я. Здесь и надо его строить, здесь не придется уничтожить очень ценные памятники. А что касается небольших могил, пожалуй, я смогу помочь строителям, чтобы они не провалились в них. И я пошел к техникам с просьбой взять меня на работу, потому что я очень хорошо знаю окрестные места. Меня спросили: «Почему ты думаешь, что хорошо знаешь эти места?» Я сказал: «Я знаю их сверху и знаю их под землей!». Больше меня ни о чем не спрашивали и приняли на работу.

Ну вот, не помню, какой это был день недели, но точно знаю — 20 ноября 1953 года мы с инженером Цзинь Бао-шунем и еще с другими товарищами вышли в поле. День был пасмурный, холодный, падал снег.

Вот тогда и был забит первый колышек и пробурена первая скважина. Сейчас на том месте, где мы ее пробурили, как раз стоит карбюраторный цех.

Я посмотрел на буровой инструмент. Очень удобная вещь. Раньше, чтобы добратся до могилы, мы выкапывали круглую или квадратную дудку, стараясь сделать ее как можно меньше в диаметре, чтобы меньше выбрасывать земли, но в узкой дудке очень трудно работать. И мы заглублялись всего на каких-нибудь три-четыре метра.

Другое дело — буровой инструмент. Тут вовсе не нужно самому закапываться в землю, знай себе ходи по земле и крути штанги да время от времени обсаживай трубы. Если же грунт плотнее — глина, то обсадных труб и вовсе не надо.

Ну вот, стали мы бурить скважины — одну, другую, третью. Я все время смотрел, как это делается, как нужно наращивать и обсаживать трубы и брать образцы грунта и как заполнять буровой журнал. Заполнять журнал — это самое трудное дело, но все-таки я решил во что бы то ни стало овладеть и этим делом. С самого начала работы я понял, что теперь я уж никогда в жизни не отойду от бурового инструмента, никогда не вернусь к ночным раскопкам могил. Теперь я уже стал рабочим. Да. Рабочим на строительстве Лолянского тракторного завода.

Сначала я только слушал нашего инженера, потом стал задавать ему вопросы, а потом и сам стал говорить, что я думаю о буровых работах. Что я сказал? Вот что я сказал: «Мы бурим на восемь метров, даже до десяти. Для чего мы бурим на такую глубину?» Мне сказали: «Для того, чтобы узнать, нет ли могил там, в глубине. Ведь если там окажется могила, стена, или станок, или еще какая-нибудь машина тракторного завода могут туда провалиться!» Я сказал: «Это совершенно верно. Но вовсе не нужно бурить на глубину восемь метров. Как только мы прошли первые четыре метра, я уже совершенно точно знаю — есть там, в глубине, могила или нет могилы. Если там она есть, то я могу даже сказать, на какой она глубине, к какой эпохе она относится и какие примерно вещи положены в могилу нашими предками». Меня спросили: «Как же ты можешь узнать все это?» Знаете ли, не очень трудно все узнать. По грунту. Ведь когда выкапывали могилу, грунт перемешали. И если перемешанный слой грунта встречается на глубине полметра-метр, значит это еще молодая могила — ей, может быть, всего пятьсот—шестьсот лет, если же этот перемешанный слой на глубине трех-четырех метров, значит могила древняя, ей, может быть, две тысячи лет и больше, и лежит она глубоко, нужно бурить дальше. Ну, а если знаешь, к какой эпохе относится могила, то можно сразу же сказать, как она расположена и какой она формы. Дайте, пожалуйста, вашу ручку!

Чжэн Син-нянь берет у меня самопишущую ручку, записную книжку и своей костистой, крепкой рукой быстро изображает могилы в плане.

— Вот это, — говорит он, показывая на крестообразный чертежик, — это могила Ханьской эпохи (Ханьская династия существовала с 206 года до нашей эры по 220 год нашей эры, вспоминаю я). Вот здесь, посредине такой могилы — скелет, а вот в этих боковых частях — вещи. А вот отсюда в могилу ведет туннель. Квадрат — это могила эпохи Тан (т. е. период с 618 до 906 года нашей эры). Скелет — справа, вещи — слева, туннель — посредине. Четырехугольник — скелет посредине, вещи рядом — это Сунская эпоха. Но может быть еще и вот такая ломаная фигура, тогда скелет вот здесь, в кривой половине, а вещи — в прямой.

Чжэн Син-нянь возвращает мне ручку и записную книжку.

— Ну вот, — продолжает он, — зачем же бурить глубже четырех метров? Совсем не нужно! Мне поверили, но все-таки долго проверяли меня. Конечно, дело государственное, как можно без проверки? Я, бывало, скажу: «Все. Здесь могилы нет. Можно поднимать обсадные трубы и штапги!» А инженер велит бурить на полную глубину. Ну, конечно, могилы нет. Откуда же ей взяться, если грунт нигде не перемешан? Или пробурием метр, и я говорю: «Вызывайте членов комитета по охране исторических памятников! Через час будем вскрывать могилу Сунской эпохи, примерно так — двенадцатый Сун»¹. После Освобождения я работал в этом комитете, и там уже знали, что я не ошибусь. Приезжают и вскрывают могилу. Так меня проверяли много раз, а потом уже не стали больше проверять и не стали бурить лишние метры. И теперь мне сказали: когда кончится это строительство, я поеду на другое.

Потом Чжэн Син-нянь говорит, что он ездил недавно в госхоз² посмотреть на трактор:

— Нам показали, как он пашет... Наконец-то я увидел ту машину, которую будет делать наш завод!

Ему, Чжэн Син-няню, не раз приходилось рассказывать крестьянам деревни о том, как будет выглядеть завод, когда его построят.

— Однажды я был в Пекине, — вспоминает Чжэн Син-нянь, — и думал, что наш завод будет выглядеть так же, как и Пекин. Но в Пекине, когда я был там, высокими были только дворцы, а весь остальной город — это низенькие домики. Император даже богатым купцам и иностранцам не позволял строить дома больше двух этажей, чтобы никто не оказался выше, чем он — император. А наш завод — вы видели, как теперь выглядит наш завод? Цехи имеют высоту шестнадцать метров! А жилые дома!

Чжэн Син-нянь на мгновение закрывает глаза, как будто для того, чтобы мысленно представить себе грандиозную панораму строящегося завода.

Чжэн Син-нянь все время говорит: «наш завод», он гордится этими словами. Собеседники называют Чжэна «лао». Чаще всего так обращаются к старикам, но Чжэн Син-нянь еще совсем не стар, ему сорок четыре года, он весь такой крепкий, мускулистый.

И все-таки Чжэн — «лао» — почтенный: не каждому ведь удастся сэкономить для государства такую массу юаней. И он заметно светлеет, когда к нему обращаются таким образом.

Попрошавшись, Чжэн Син-нянь садится на велосипед и тут же смешивается с толпой других велосипедистов и пешеходов на асфальте новой заводской улицы.

А я продолжаю разговор с работниками заводоуправления.

Сначала мне рассказывают о Лоянском комитете по охране исторических памятников. В нем — семнадцать человек, эти люди вскрывают могилы, обнаруженные на стройках Лояна, берут из них все ценное, классифицируют, описывают, пополняют музей. Обследуется вся площадь, отведенная под строительство заводов, дорог, жилых и коммунальных зданий, и в среднем на каждом гектаре обычно обнаруживают от тридцати до сорока могил. Потом инженер Го Шань говорит о том, как трудно пришлось бы строительству, не будь таких знатоков, как Чжэн Син-нянь.

¹ То есть двенадцатого поколения династии Сун.

² Госхоз — государственное сельскохозяйственное предприятие, примерно то же, что и совхоз.

Скважины здесь бурятся по периметру производственных корпусов через каждый метр, местами через полметра. Всего пробурено 300 тысяч скважин, более 1.300 тысяч погонных метров. Глубина скважин — четыре метра. Не будь Чжэн Син-няня, пришлось бы бурить все скважины на восемь — десять метров, то есть удвоить объем работ. Но последние метры проходят гораздо медленнее, обходятся они много дороже — значит средств было бы затрачено не в два, а может быть, в три раза больше. По крайней мере несколько сот тысяч юаней сэкономил товарищ Чжэн для государства.

Потом мы ходим по площадке Лоянского тракторостроя. Завод занимает огромную площадь — 270 гектаров, только под постройками — 125 гектаров. Он будет выпускать 15 тысяч тракторов в год. Оборудование завода отечественное и советское. Уже сейчас работают два цеха: ремонтно-механический и нестандартного оборудования. На днях вступит в эксплуатацию электромеханический, а за ним еще несколько цехов. Должно быть построено 400 тысяч квадратных метров жилья, поселок озеленяется. В Китае существует 12-летний план озеленения, но завод выполнит свой план озеленения гораздо раньше — вместе с окончанием строительства жилого городка.

То и дело мы слышим в разговоре: «Сталинград», «Харьков», «Челябинск», «Минск»... Почти все руководители Лоянского тракторостроя побывали в этих городах. Всего заграничную практику должно пройти более двухсот человек. Русская речь здесь слышится чаще, чем во всех других городах Китая, в которых нам довелось побывать. Все время нам называют русские имена — это либо советские друзья-тракторостроители, знакомства с которыми возникли при поездках в СССР, либо советские специалисты, которые оказывают помощь строительству на месте.

Чаще других называют имя инженера Алексеева, предложившего здесь новый способ монтажа металлоконструкций.

Строится завод необычайно быстрыми темпами. Достаточно сказать, что один из цехов площадью в 26 тысяч квадратных метров был закончен за 72 дня. Но это еще не все.

— После того как мы построили этот цех скоростными методами, — рассказывали нам работники строительства, — приобрели опыт: следующий цех площадью в 22 тысячи квадратных метров и высотой в свету 16 метров был построен нами за 38 рабочих дней!

На строительстве занято 14 тысяч человек. Из них уже сейчас две тысячи подготавливаются для работы на будущем заводе.

Мы долго ходили среди огромных красных корпусов завода, мимо котлованов, перешагивали через подъездные железнодорожные пути, миновали оживленный городок строителей, и трудно было представить себе, что вот где-то здесь, в поле, три года тому назад Чжэн Син-нянь и его товарищи забили первый колышек, пробурили первую скважину.

Но нужно представить себе еще и другое: что кадровый рабочий, изыскатель Чжэн Син-нянь забьет еще не один колышек на будущих индустриальных стройках Китая.

БИБЛИОТЕЧНЫЙ РАБОТНИК ЧЖОУ

Путешествуя по Китаю, я не раз слышал, что Куньмин и его окрестности трудно сравнить еще с чем-то по красоте.

Кроме того, Куньмин — центр провинции Юньнань, а эта провинция очень интересна хотя бы по тому, что Китай в течение веков жил изолированно от всего мира, а Юньнань существовала изолированно от Китая.

Интересно было посмотреть, как же теперь этот далекий край приобщается к жизни всей страны? Как выглядит университетский и промышленный город, в который нужно ехать восемь суток в пассажирском автобусе от ближайшей железнодорожной станции?

Когда я приехал в Куньмин, я прежде всего попросил познакомить меня с человеком, который мог бы мне рассказать историю города.

Мне сказали:

— Хорошо! Мы познакомим вас с одним знающим библиотечным работником.

Договорились о времени, и минута в минуту пришел библиотечный работник — скромно одетый, довольно высокий человек, сухощавый, в очках, лет около пятидесяти.

— Чжоу! — отрекомендовался он.

Я узнал от него, что еще при Циньской династии вот здесь, на месте нынешнего Куньмина, был построен город Гучан¹. Я сверяюсь со своими записями «Эпох Китайской Истории» — эти записи по примеру многих китайских товарищей я сделал в своей записной книжке и всегда имею при себе.

Эпоха Цинь — 255—207 годы до нашей эры. Итак, городу за две тысячи лет. Ну что же, по сравнению с Лояном или Сианью это детский возраст, или, как говорил мне однажды наш переводчик, товарищ Сун, о каком-то уездном центре: «Город не совсем старенький — ему две тысячи лет».

Позже здесь возникло государство Наньчжоу — оно существовало с 752 по 901 год. В 901 году события развертывались стремительно, и за 36 лет возникли и сменились три государства, затем появилось государство Дали, и только в 1253 году воцаряется Ханьская, то есть собственно китайская династия Яцз; город становится административным центром Юньнани и получает свое нынешнее название.

Нигде, как в Юньнани, не свирепствовали так помещики-феодалы, угнетая и свою собственную и другие национальности. Я видел в музеях орудия для изощренных пыток крестьян, видел документы о продаже крестьянами своих жен и дочерей помещикам, документы, «подписанные» отпечатком окровавленной ладони или ступни. Может быть, читатель подумает, что эти документы бог весть какой давности? Нет, ничуть не бывало, — это уже наше время, сороковые годы двадцатого века!

Потом библиотечный работник рассказывает мне, что до сих пор не установлено точно, сколько в Юньнани проживает национальностей. Одни считают, что двести шестьдесят, другие — двадцать.

Почему такая огромная разница? Мой собеседник объясняет это так. Угнетенные национальности уходили в горы, скрывались там и разобщались, иногда они сами давали себе новое название, и соседние племена тоже по-разному называли их. Так получилось, что одна национальность имеет ряд названий и самоназваний. Путем сравнения языков сейчас уточняется действительное число национальностей Юньнани, но это нелегкая работа, так как у многих из них нет письменности, и, следовательно, сравнение может производиться только по устной речи, которая за многие годы в разных условиях и в общении с разными языками тоже претерпела сильные изменения.

Потом я спрашиваю об ученых прошлого: меня продолжает интересовать, как могла Юньнань жить и развиваться в культурном отношении изолированно от всей страны? Дал ли Куньмин в те годы крупных ученых?

Мой собеседник называет ряд имен: ботаника У Чи-цзюня, положившего начало современному изучению богатейшего растительного мира этой провинции, металлурга Дай Жуй-чжэна, историка Ли Юань-яна. Он рассказывает о путешественнике Сюй, который много лет исследовал Юньнань, и говорит, что Сюй по ночам спал в очень прочном, недоступном для диких зверей, мешке, который он подвешивал к дереву... Еще он будто бы сначала был не один, а со своим другом монахом, который шел поклониться знаменитому Будде. Но монах умер в дороге, и тогда путешественник принес к ногам Будды скелет монаха.

Я удивляюсь эрудиции моего собеседника. Библиотекари, особенно пожилые, народ знающий, я отношусь к ним с уважением еще с детства, но этот человек, чувствуется, может говорить о событиях и датах далекого прошлого легко, свободно и без конца.

И тут мне в голову приходит вопрос.

— Скажите, — спрашиваю я, — вы сами не пишете каких-нибудь работ?

— У меня есть несколько томов, — говорит он.

Обычный в Китае случай: если вы сами не будете допытываться, что за человек перед вами, какие у него заслуги, какие звания, он не обмолвится об этом ни одним словом.

И вот я отправляюсь к своему новому знакомому — профессору Чжоу Юн-сяню.

¹ По Большой Советской Энциклопедии — Цзянлин.

Библиотека стоит на набережной одного из многочисленных озер Куньмина. Мы идем к ней по дамбе, обсаженной плакучими ивами.

Одно, потом другое здание библиотеки в старинном стиле, с каменными двориками и с деревянными антресолями, но без «взлетающих крыш», и вот мы — в рукописном отделе, которым заведует товарищ Чжоу.

Библиотеке пятьдесят лет, она имеет семьсот тысяч томов, в том числе тридцать тысяч рукописей.

Уже темно, мы ходим по скрипучим половицам второго этажа, среди леса высоких и узких шкафов с рукописями. Я вспоминаю «Лес памятников» — храм-музей Конфуция в Сиани, где стоят две тысячи каменных плит и на каждой высечено изречение какого-либо мудреца.

По мере того как мы передвигаемся от одного ряда шкафов к другому, мы выключаем одни электрические лампочки и зажигаем другие, а справа и слева от нас стоит тьма, в которой расплываются силуэты шкафов.

Профессор Чжоу сткрывает одну из многочисленных горизонтальных створок шкафа и вынимает из длинного ряда книг на полке одну книгу. Что это?

Это подлинная рукопись, философский трактат ученого Су Си-цзяна, жившего около тысячи лет назад. Но и она — эта длинная узкая рукопись в переплете, с тонкими рисунками, — она тоже отнюдь не начало начал. Это лишь перевод с индийского с примечаниями переводчика.

Другой ряд, другой шкаф, другая полка... Снова рукопись узкой гармошкой, в которую сложен один сплошной, бесконечно длинный бумажный лист: описание путешествий известного мореплавателя Чжэн Хэ. Он был юньнанец, этот человек, и написал свою книгу в 1420 году.

К тому же году относятся «Докладные записки знатных вельмож разных эпох».

Я прошу показать мне рукописи малых национальностей Юньнани. Есть такие?

Как же, конечно, есть!

Вот книга, написанная на китайском языке неизвестным автором из национальности наси. Это повествование о том, в каком тяжком и страшном угнетении жили люди наси. Книга в стихах, она написана в 1523 году. Никто не знал о ее существовании, наси хранили книгу в тайне и только после Освобождения передали сюда, в Юньнаньскую библиотеку.

Вот другая рукопись — собрание стихов Му Гуана, — тоже долго переходившая из рук в руки.

«История национальности по», 1660 год, обнаружена после Освобождения. 1886 год — «Сказки национальности по»... Огромное количество рукописей поступило после Освобождения. До этого книги не были книгами — они были узниками. О них молчали, их скрывали, и только Освобождение вернуло им свободу.

Так мы ходим среди тысяч книг, а потом я прошу профессора Чжоу показать его собственные труды. Это «Собрание стихов, затерянных в эпохах династий Тан, Сун и Юань» с комментариями исследователя и составителя. Есть и переводы с английского: в разное время в Англию и Америку «ушло» (будем говорить, ушло неизвестными путями) много древних китайских рукописей. Там некоторые из них были переведены и опубликовались, и профессор Чжоу считает своим долгом если не вернуть их своему народу, то хотя бы рассказать о них.

Смотрю на книги и на их автора.

Кажется мне, будто где-то я видел этого человека: сидящая голова, простенькие очки на носу, такие вдумчивые, добрые, немножко наивные от учености глаза. Это уже не в первый раз у меня возникает такое ощущение. В Кантоне я встретил поэта, как две капли воды похожего на моего знакомого, журналиста Василия Русакова. Только Вася Русаков — русский, а тот поэт — китаец, вот и вся разница. А так оба скуластые, худые, и хотя глаза у них разного цвета, выражение глаз совершенно одинаковое — упрямо-вдумчивое.

Нет, это не кажется так, это не ошибка. Не знаю по имени, не помню по отчеству, но только видел я у себя на Родине точь-в-точь вот таких же ученых-книжников, как профессор Чжоу, скромных, благоговейно шагающих между библиотечными шкафами.

Он шагает, а вы смотрите, и как будто это ходит перед вами сама история людей, только история подлинная, не искаженная наветами и темными страстями, мудрая и, кажется даже, без всего того лишнего, ненужно тяжелого, что ее коверкало веками.

Гасим последнюю лампочку и через окно смотрим, как на темной поверхности озера, словно осенние листья, ветер шевелит лунные блики.

Потом я знакомлюсь с семьей профессора: с женой, первой дочерью, второй дочерью, первым сыном, третьей дочерью и еще малюткой. Но, начиная разговор с ними, я каждый раз попадаю впросак.

Старшую, тоненькую, изящную девушку с внимательным и задумчивым взглядом, спрашиваю, в каком классе она учится.

Чуть-чуть улыбнувшись, девушка объясняет мне, что она работает ассистентом в Нанкинском авиационном институте, а сейчас приехала навестить родителей.

— Ага,— говорю я,— значит, я ошибся! Ну что же, бывает. А где работаете вы?

Этот вопрос относится ко второй дочери профессора Чжоу, которая фигурой своей, да и лицом напоминает мне больше сибирячку, чем китайку. Она полная, с большими веселыми и немножко беззаботными глазами.

Сказывается, девушка учится в шестом классе.

— Так! Ну, вот уж что касается мужчин — тут я не ошибусь! Мальчик учится во втором классе? Не правда ли?

— Нет, мальчик учится в шестом классе вместе со своей сестрой!

И только в отношении малыша я, кажется, все угадал.

Как будто я кругом ошибся, и мне должно бы быть неловко перед этой семьей, но нет, мы все смеемся, прощаясь, много-много раз обмениваемся рукопожатиями и расстаемся друзьями.

Я это не выдумал — мы расстаемся друзьями. Мне сказал об этом профессор Чжоу.

— Вот как бывает,— сказал он,— мы не знаем друг друга, видимся впервые и, может быть, в последний раз, а между тем, чувствуем, что расстаемся друзьями. Это оттого, что вы, русские, хорошо понимаете нас, китайцев, а мы, китайцы,— вас, русских...

Позже я узнаю, что профессор Чжоу когда-то участвовал в революционной борьбе, но после разгрома подпольных организаций, в годы реакции Чан Кай-ши, профессор Чжоу очень тяжело, болезненно переживал черные дни. Неизвестно, чем все это койчилось бы для профессора и для его семьи, если бы не Освобождение.

Мой переводчик Хуан сказал по этому поводу:

— Вот что значит Освобождение для человека!

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Что такое Институт национальностей?

Когда-нибудь эти китайские институты сами станут предметом научных исследований, а сейчас Юньнаньскому институту всего только четыре года.

Он принимает людей в возрасте от семнадцати до тридцати лет, но есть в нем отделение, на котором учатся и перевоспитываются вожди некоторых племен и национальностей, они приезжают сюда иногда вместе со своей свитой. Таких принимают и в шестидесятилетнем возрасте.

Всего в институте обучается тысяча шестьсот человек тридцати восьми национальностей. Срок обучения — от шести месяцев до двух лет, в зависимости от подготовки учащихся.

Спрашивается: как же обучать этих людей, по каким признакам разделяют их на группы или факультеты?

Принцип своеобразный: слушатели делятся на группы в зависимости от той ступени общественного развития, на которой стоит та или иная национальность. Таких групп три.

В первую группу (о ней я должен буду сказать подробнее) входят учащиеся тех национальностей, которые уже вступили в феодализм. Мне так и сказали: «уже вступили».

Сюда относятся национальности хани, тай, кава. Но это не значит, что все эти национальности целиком уже в феодализме: часть из них вступила, а часть еще не вступила в феодализм, и мы встретим эти национальности и в других группах.

Но в основном среди этих национальностей проведена земельная реформа и организируются группы взаимопомощи. Здесь осуществляется мирный переход к новому обществу. Для этого нужно было завоевать симпатии и доверие населения, которое в недавнем прошлом перенесло все последствия китайского великодержавного шовинизма, гнет своих собственных и китайских феодалов.

В деревни были посланы многочисленные медицинские отряды, специальные бригады по работе среди населения, которые состояли из людей китайской национальности и представителей национальных меньшинств.

Отряды работали вместе с населением на полях. Ничто другое так не сближает людей между собой, как труд, трудовая помощь одного человека другому. Когда доверие было завоевано, начали разъяснять сущность земельной реформы и кооперирования.

Работа велась одновременно в двух направлениях: нужно было пробудить сознание масс и перевоспитать феодальную верхушку. Феодалов (я долго не мог принимать на слух слово «феодал» как нечто вполне реальное и главное — современное) собрали и организовали для них поездки по Китаю. Им показали сельское хозяйство, промышленность, транспорт, строительство в разных провинциях и городах страны.

Феодалы должны были увидеть всю страну и убедиться в том, что у них нет другого пути, кроме того, которым идет эта страна.

Когда они возвратились в родные места, те, которые имели большое влияние, вошли в состав новых правительственных органов на местах и в состав массовых организаций. Многие же сейчас проходят или уже прошли обучение в Юньнаньском институте национальностей.

Тем временем массы, сознательность которых тоже повышалась день ото дня под влиянием разъяснительной работы, в свою очередь начинают требовать от своей феодальной верхушки уступок, но только теперь эти требования феодалы воспринимают как нечто естественное и неизбежное.

Конечно, бывает и так, что раздаются требования убрать феодала. Но не всегда можно выполнить это требование. Почему?

Товарищ Чжу Го-куй — один из руководителей института — поясняет, что такие требования легко предъявить, но не так легко выполнить, потому что не всегда они исходят от большинства национальностей; потому что феодалы имеют опыт управления, знают традиции своей национальности, они относительно образованные люди, и не так просто их заменить.

— Хорошо, говорим мы в ответ на такие требования, — продолжает товарищ Чжу Го-куй, — кто из тех, кто требует сегодня же убрать феодала, способен сегодня же его заменить? Не лучше ли, чтобы этот человек продолжал оставаться у руководства, но только при условии, что он поймет и будет осуществлять интересы масс?

Я замечая, что здесь очень легко можно впасть то в одну крайность, то в другую. Или вправо, или влево.

— Каждая политика таит подобную опасность, — говорит товарищ Чжу. — Такой уж это род человеческой деятельности.

— Но все-таки перевоспитать феодала, вероятно, очень трудно?

— Собственно, феодалу нужно внушить только одну-единственную мысль.

— Какую же?

— Что у него нет и не может быть иного пути, кроме того, по которому идет весь народ, вся страна. Когда у феодала не останется на этот счет сомнений, его начнут одолевать сомнения другого рода. Он спрашивает нас: «Ну хорошо, в настоящее время я еще необходим, но по мере того как активность масс будет возрастать, останется ли во мне нужда? Нужен ли я буду и дальше Коммунистической партии, народу?» Мы объясняем, что это уже зависит от него самого, а что касается партии — она ведет курс на долговременное сплочение, до тех пор, пока между феодалом и народом не будет больше серьезных разногласий, когда феодал тоже станет трудящимся. Вот тогда-то у феодалов и появляется желание учиться в нашем институте.

— Ну, а массы? Они могут упрекнуть в слишком либеральном отношении к их недавним угнетателям?

— Да, это бывает. Массы спрашивают: «А не случится так, что компартия оставит нас во власти феодалов?» Тогда мы отвечаем: «Посмотрите вокруг себя — кто укажет хоть один пример, когда бы партия оставила народ, перестала заботиться о нем?» Так мы поступаем на местах, а продолжение этой работы ведется здесь, в стенах Института национальностей.

А вот когда проводится земельная реформа, у нас появляется полная возможность проверить результаты своей работы, своего воспитания. В большинстве случаев феодалы сами голосуют за проведение реформы. Был в институте такой феодал Чжоу из национальности тай, так вот, вернувшись на родину, он сам призывал к быстрейшему осуществлению земельной реформы.

После того как подготовлены национальные кадры, правительство создает и новые национальные районы. Может быть, вы обращали внимание, что сейчас все газеты, ну хотя бы и газета «Дружба», которая издается на русском языке, сообщают об организации новых национальных автономных районов? Почему это происходит только сейчас? Потому, что раньше не было кадров.

Все это относится к первой группе, к группе национальностей, которые уже вступили в феодализм.

Ко второй группе относятся национальности, которые еще не вступили в феодальные отношения, земля здесь не сосредоточена в руках крупных владельцев, сохранились здесь и элементы рабовладельческого общества.

Эти национальности — к ним относятся, например, цзинпо, лису, куцзун — стоят на очень низком уровне развития, и задача состоит в том, чтобы ликвидировать их отсталость, ввести эти национальности сразу в социалистическое общество.

Третья группа — мяо, и, ту, чжуан — живет смешанно с китайцами, и среди них ведется обычная разъяснительная работа, но только с учетом национальных особенностей каждой народности и того факта, что в прошлом они много претерпели от китайских феодалов и теперь нужно до конца ликвидировать последствия этого угнетения в сознании людей.

Наконец, есть еще и четвертая группа — национальности тай, кава и частично мяо. Сейчас главное — всемерно повышать их культурный уровень, развивать экономику и опять-таки создавать собственные национальные кадры.

Институт дает не столько фактические знания, сколько помогает людям осмысливать их собственный жизненный опыт, понять тот жизненный путь, который предстоит им пройти.

Вообще говоря, в национальном отношении Китай — компактная страна. Собственно китайцы составляют 92 процента всего населения страны. Но и оставшиеся восемь процентов в абсолютном выражении составляют около 50 миллионов человек — огромную цифру.

Английские, французские, американские колонизаторы, долгие годы господствуя в Юньнани, не принесли ее народам ни капли облегчения, наоборот, малые национальности год от году уходили все дальше в горы, еще более дичали и попросту вымирали.

И вот теперь можно видеть, как далеко еще не богатый китайский народ оказывает неосценимую помощь народам беднейшим.

Мы ходим по территории института. На холмиках, которые там и здесь возвышаются около зданий, на площадках, на бетонных лестницах молодые люди — юноши и девушки читают вслух, оживленно обсуждают что-то.

Это самостоятельная проработка материала.

Облик молодых людей самый разнообразный, как разнообразна человеческая Азия: и большие и узкие глаза, и тонкие и скуластые лица, полные и сухощавые, светло-желтые и темно-коричневые.

Входим в библиотеку. Газеты на языках различных национальностей, в том числе и таких, у которых до недавнего времени не было своей письменности. Теперь письменность для них создана здесь же, в Юньнани, при участии местного университета и того же Института национальностей.

В читальне открываем шкаф с книгами Ленина. Их много, этих книг, они на разных языках, но отовсюду смотрит на нас простое и мудрое русское лицо. Вспомнишь Волгу, город Ульяновск и небольшой двухэтажный домик на покато́й, вымощенной камнем улице. Как не похожа родина Ильича на окружающую нас субтропическую природу, как не похожи лица людей, которые окружают нас, на это с детства знакомое лицо и как близки и понятны становятся друг другу люди, когда они верят в одну и ту же человеческую правду!

Так и кажется, будто Ильич писал вот эти книги именно для Юньнаньского института национальностей, для смуглого юноши из народности тай, который задумчиво перелистывает их сейчас, сидя на траве в тени высокого эвкалипта.

В учебном корпусе института аудитории: китайского языка, истории революционного движения, и тут же, в том же коридоре, мы увидели храмы — буддийский, магометанский, католический.

Людей здесь не отрывают от их привычных занятий и верований. Если они хотят молиться — пусть молятся, но, как правило, во время обучения в институте большинство верующих порывает с религией.

Столовая. Двенадцать кухонь, двенадцать помещений для еды. Почему так много? — Чтобы учащиеся разных национальностей имели возможность питаться так, как они привыкли.

В другом помещении — бани, бассейн, душевые, парикмахерские.

— Ко всему этому люди привыкают уже здесь, привыкают сами, без особой воспитательной работы, — поясняют мне.

Наконец, мы заглядываем в приемную, где на стенах развешаны фотографии из жизни института. Вот бирманская делегация, вот вьетнамская, вот президент Индонезии Сукарно.

Да, здесь есть чему поучиться людям многих стран света, людям с различным цветом кожи, друзьям и противникам, нациям отсталым и нациям цивилизованным, деятели которых, кичась этой своей цивилизацией, организуют гетто, окружают колючей проволокой резервации еще оставшихся в живых краснокожих или, надев халаты и маски, устраивают пляски с факелами у дверей школ только потому, что в этих школах учатся «черные» деги.

УНИВЕРСИТЕТ

До того, как мне удалось ознакомиться с куньминским университетом, я уже побывал в других учебных заведениях Китая.

Это были вузы и техникумы новой постройки, и должен сказать, постройки очень хорошей. Вот, скажем, Пекинский гидротехнический техникум. Он не очень велик: ежегодный прием — 130 человек, а между тем площадь всех зданий техникума — пятнадцать тысяч квадратных метров. Это целый городок. В отдельных зданиях размещены лаборатории грунтов, гидравлики, строительных материалов. Имеются комнаты для дипломного проектирования. Столовая и другие службы тоже располагают отдельными зданиями.

В китайских вузах и техникумах студенты обязательно живут в общежитиях, даже если они имеют возможность жить здесь же, в городе, со своими родными.

Правда, в общежитиях часто бывает тесновато, поэтому кровати двухъярусные, но зато все учащиеся придерживаются единого твердого распорядка дня.

Около каждого учебного заведения вы обязательно увидите стадион с несколькими баскетбольными площадками. Я подумал тогда, что, может быть, так выглядит только столичный техникум. Но вот в Гуаньси, в очень небольшом городке далекой Сычуани, я видел техникум водного хозяйства. Техникум еще строится, но строится точь-в-точь по тому же самому плану, что и пекинский.

Один день я провел в Уханьском институте водного хозяйства, бывал в Пекинском металлургическом и педагогическом, знакомился с учебными планами некоторых из них. Учебные планы, по крайней мере во вузах, составлены по образцу советских. Что ка-

сается строительства, повсюду принцип размещения один и тот же: институт находится в пределах городской черты, но далеко от центра и вблизи от проезжей магистрали.

Юньнаньский университет — по крайней мере его главный корпус — еще старой постройки, он расположен в городе, на возвышенности, с которой открывается прекрасный вид.

В университете восемь факультетов (исторический, филологический, физический, химический, математический, естественный, сельскохозяйственный и лесной).

До Освобождения здесь обучалось всего восемьсот студентов, сейчас — две тысячи, но нужно иметь в виду, что в течение последних нескольких лет из университета выделился ряд самостоятельных институтов: медицинский, металлургический, горный, машиностроительный.

С будущего года лесной и сельскохозяйственный факультеты выделятся в самостоятельный институт. Вместо них будут открыты факультеты экономического и астрономии.

— Астрономии?

— Именно астрономии. И вот почему. Куньмин называют по-разному: «столицей цветных металлов», «столицей цветов», и он же — «светлый город», или «город света».

Это верно — все время вы чувствуете какое-то неувловимое сияние воздуха, ощущаете, как прозрачен воздух. И вот Куньмин, оказывается, — один из самых лучших на земном шаре пунктов астрономических наблюдений. Уже сейчас такие наблюдения проводятся научными работниками университета. Они располагают небольшой обсерваторией. В ближайшем будущем здесь начнется строительство крупнейшей обсерватории, может быть, даже самой крупной в мире. Строить ее будут совместно китайские и советские специалисты. Новая обсерватория призвана возродить славные традиции древней китайской астрономии.

Я уже упоминал, что растительный мир Юньнани — исключительно богат, и этим объясняется то, что в университете такое развитие получила ботаника. Естественный факультет — это в значительной степени факультет ботанический. Он организует научные экспедиции, ведет исследования в Ботаническом саду Академии наук КНР.

Сад основан не так давно, тоже после Освобождения. Он занимает сто му (6 гектаров), а будет раз в десять больше.

Уже сейчас в нем сосредоточена одна пятая всей древесной растительности, существующей на земном шаре. Кроме того, здесь есть деревья и «не существующие», точнее — не существовавшие до сих пор в ботанических садах всех стран мира. Другое дело, что человек знал об этих растениях, — их «видели» палеонтологи в отпечатках древних окаменелостей.

Считалось, что метасеквойю (*Metasequoia glyptostroboides* Huetcueng) постигла такая же судьба: дерево существовало на земле в иные геологические эпохи и исчезло навсегда. Но вот в горной Сычуани, в уезде Ваньси, шесть лет назад это дерево было обнаружено «в полном здравии» и переселено в Юньнаньский ботанический сад. Несколько экземпляров этого «доисторического» дерева стоит в больших кадках и ожидает отправки в дальний путь: в ботанические сады Советского Союза.

Здесь же можно увидеть весьма перспективные и неизвестные до сих пор каучуконосы, древовидные томаты, массу дикорастущих декоративных деревьев и редчайшие плодовые, которые, очевидно, явятся исходным материалом новых окультуренных видов. Сад уже сейчас связан более чем с тридцатью странами и особенно близко — с Советским Союзом. Руководит садом крупный ученый, профессор Цай Си-тао.

Я был несколько удивлен тем, что в саду очень много солдат: солдаты читали на лужайках, гуляли по аллеям, играли в чехарду, заходили в теплицы. Мне пояснили, что на территории сада расположена школа для демобилизованных. Есть и такие школы в Китае. В них вчерашние воины получают гражданские специальности. В саду вывешены дощечки, на них указано, где солдаты могут вести себя свободно, а где нельзя даже ступить на траву.

Но вернемся в университет.

Университет — Юньнаньский, и это не только его название, не только указание на его местонахождение, нет, — все развитие этого высшего учебного заведения

определяется требованиями и условиями провинции Юньнань. Мы уже говорили об астрономии и ботанике. Но ведь Юньнань очень богата рудными месторождениями, и Куньмин называют «столицей металлов». И вот историки университета изучают труды древнего юньнаньского металлурга и геолога Дай Жуй-чжэна. В этих трудах они находят очень много сведений, полезных для развития современной металлургии. Профессор Ян Кунь создает большой, известный во всем Китае труд: «История первобытного общества». Где же еще изучать этот вопрос, если не в этом университете?

В Китае часто встречается тип ученых — писателей и крупных общественных деятелей. Примером тому — президент Академии наук КНР, историк, публицист и поэт Го Мо-жо, известный китайский писатель Мао Дунь.

Но не только в столице, и в провинции мы повсюду встречали ученых — историков, филологов, юристов, которые являются в то же время не менее известными поэтами, прозаиками, драматургами, и, кроме всего прочего, это часто еще и крупные общественные деятели. В Чэнду это был профессор Ли Те-жень, в Кантоне — профессор Ду Го-сян, встречали мы таких людей и в Шанхае, и в Ханчжоу, и во многих других городах.

В Юньнаньском университете представителем такого рода интеллигенции «широкого плана» является ректор — профессор Ли Гуан-тянь, филолог, поэт, заместитель председателя местного отделения Союза китайских писателей, в прошлом — революционный деятель.

Жестом небольшой сухощавой руки он как бы отмахивается от самого себя, как от писателя, говорит, что пишет только короткие стихи, что он, собственно, давно уже не писатель и, кажется, никогда им и не был.

Но вот некоторое время спустя после этого разговора я узнал (всегда вот так: только спустя некоторое время после разговора узнаешь о собеседнике самое интересное) одну историю.

Факт, кажется, у нас малоизвестный, и поэтому я позволю себе остановиться на нем подробнее.

В начале антияпонской войны университеты Пекина, Тяньцзиня и Нанкина эвакуировались в Куньмин. Значительную часть этого огромного пути студенты, профессора, преподаватели шли пешком. Мне называли цифру — три тысячи человек несколькими колоннами двигались по горным дорогам и тропам, катили на тележках детей, стариков, больных, несли на себе свои пожитки, кое-какое имущество университетских лабораторий, книги. Шесть месяцев двигались колонны. Некоторые из этих людей испытали бомбардировку японских самолетов, другие не выдерживали тягот пути и останавливались где придется, были и болезни, были и жертвы.

Население городов и деревень сочувственно относилось к этому «железному потоку», как называют иногда и сейчас еще университетские колонны, но крестьяне и горожане сами были слишком бедны, чтобы оказать им необходимую помощь.

И вот наконец колонны, одна за другой, достигли Куньмина. Каждый, кто прошел этот путь, пережил его как огромное событие в своей жизни, в своих взглядах и убеждениях.

Мне называли имена уже немолодых профессоров, убежденных сторонников «чистой науки», «чистого искусства» и, как говорят еще в Китае, поклонников «единственной красоты» (это выражение я слышал и от монаха-буддиста в Ханчжоу), которые, совершив этот переход, пришли не только в Куньмин — они пришли прямо к революции. Они «сбросили свои халаты», то есть приблизились к народу.

Так вот нынешний ректор Юньнаньского университета профессор Ли Гуан-тянь не только проделал путь вместе с колоннами «железного потока», но он еще написал о нем книгу, единственную в своем роде книгу об этом событии, о судьбах интеллигенции, которая по тропам горной Юньнани пришла к пониманию революционной борьбы.

К сожалению, книгу профессора Ли Гуан-тяня почти не знают у нас в СССР. А жаль!

Говорят, что она пользуется и сейчас очень большой популярностью в Японии. Мне объяснили это так: японская интеллигенция тоже настойчиво ищет своих путей в жизни.

Мы поднялись на верхний этаж главного университетского здания, зашли в учебную часть; она, говоря попросту, помещается на чердаке. Но здесь достаточно светло, тепло, просторно.

Потом зашли на кафедру иностранных языков, и здесь два преподавателя вполне свободно заговорили с нами по-русски. Я подумал, что передо мной преподаватели русского языка, и спросил их об этом. Немного смутившись, они пояснили, что их специальность — язык английский, но, когда появилась необходимость, они самостоятельно изучили и русский.

С площадки верхнего этажа открывается прекрасный вид на город — светлый, солнечный город. «Столица цветов» предстает взору во всем своем обаянии. А между тем разговор, который зашел здесь, был отнюдь не о цветах.

— Вот тут, — сказали мне, — на этой самой площадке, студенты однажды семь дней оборонялись против гоминдановских полицейских и солдат.

Да, Куньмин, когда в него влился «железный поток», стал одним из центров революционной борьбы. И студенты и профессора поняли, что представлял собой режим Чан Кай-ши и его «союзников» — американцев. Они разоблачали этот режим и этот союз, а гоминдановцы и американцы мстили им.

Гоминдановцы убили видного ученого-юриста, писателя и демократа Ли Гун-пу. Прогрессивная часть куньминской интеллигенции и студенчества решила собраться на митинг протеста. Гоминдановцы предупредили, что митинг приведет к новым жертвам. Люди все-таки шли на митинг. Пошел и профессор Вэнь И-до, поэт, знаток китайской литературы; он должен был произнести на митинге речь. Он был из тех, кто «сбросил свой халат» и со страстью боролся за демократию. Рядом с ним шагал его двенадцатилетний сынишка.

Недалеко от университета — мне потом показывали это место среди небольших домиков улицы Сичанло — навстречу ему направился неизвестный человек. Из бесшумного пистолета американского производства человек этот в упор расстрелял Вэнь И-до. Вэнь И-до не защищался, своим телом он только прикрывал сына.

Это произошло в 1947 году. Теперь, в 1956 году, сын профессора Вэнь И-до — ассистент одного из пекинских вузов. Сын Ли Гун-пу окончил институт русского языка вместе с моим переводчиком Хуаном, и Хуан с большой любовью говорит о своем товарище. Убийца профессора Вэнь И-до несколько лет назад был опознан в Чунцине. Его судили и расстреляли.

Все это значит, что жизнь идет своим чередом, так, как она и должна идти.

Но те времена тоже не забыты сейчас. В Куньмине хорошо помнят и многие другие убийства, совершенные гоминдановцами, помнят и «веселых» парней — американцев, которые въезжали на «виллисах» прямо в дома. Укрываясь от этих «визитов», девушки и молодые женщины покидали пригородные деревни, уходили в горы.

Теперь сюда, в Куньмин, в Юньнаньский университет, после того как он освобожден от своих французских, английских, американских «покровителей», приезжают другие люди, с другими намерениями.

Вот я спрашивал ректора товарища Лу Гуан-тяня, едут ли в Куньмин видные ученые? Ведь это так далеко от столицы?

— Едут, — сказал он мне, — едут. И с большим желанием, иногда очень изда- лека. Например, из Парижа в Куньмин возвращается крупный ученый-медик, профессор Фань Бин-чжэ. Он уже миновал Пекин, скоро будет здесь.

Ждут приезда крупнейшего математика, профессора Женевского университета Сюэ Цин-лая.

Называют еще несколько имен.

Никого из них я не знаю, не видел, но имею представление об этих людях по одной надолго запомнившейся мне встрече.

Еще в Пекине мы с Борисом Полевым посетили крупного специалиста в области теоретической механики и аэродинамики, профессора Цзянь Сюй-сэня, который после двадцатилетнего пребывания в США вернулся на родину. Этому человеку сорок пять

лет, но уже в двадцать девять он получил в Соединенных Штатах степень доктора наук.

Мы говорили с ученым долго, и о встрече с ним можно было бы рассказывать много, но сейчас я передам только смысл того объяснения, которое он дал и своему решению уехать в США и решению вернуться обратно на родину.

— Не нужно думать, будто мы, молодые китайские ученые, инженеры, студенты, когда-то покидали нашу родину с намерением навсегда порвать с нею, забыть свой народ, — так говорил профессор Цзянь Сюй-сэнь. — Нет, я уезжал с горьким чувством на душе. До понимания революционной борьбы я не дошел, зато я совершенно ясно знал, что в условиях того времени я в Китае не смогу получить настоящих знаний, если же я получу их — я не найду им применения, а если я найду им кое-какое применение, то я во всяком случае не смогу развить свои способности, если они есть у меня. Я никогда не питал иллюзий в отношении США, но в то время отъезд за океан казался мне каким-то выходом из положения. Однако я всегда верил и не представлял себе своего собственного существования без этой веры, что рано или поздно мне удастся вернуться на родину и что-то сделать для нее... И вот время это наступило — сомнений нет. И почти все мы, китайские ученые-эмигранты, почувствовали, где сейчас наше место.

Вероятно, вот так же размышляет и профессор-медик, который возвращается сейчас из Парижа в родной Куньмин, и ученый-математик из Женевы.

Вернувшись в Юньнаньский университет, эти люди не сразу узнают его.

Я представляю себе, как они войдут в старые каменные ворота, как поднимутся по такой знакомой и широкой лестнице к главному корпусу. Все то же, все прежнее: и ограда, и лестница, и главный корпус, только парк стал еще зеленее и как будто выбрал в себя больше мудрости.

А потом... Потом их ждут неожиданности. Там, на заднем плане, на склоне, где раньше не было ничего, кроме кустарников, они увидят совсем новый городок — светлые просторные здания, стадион, высокую водонапорную башню... И все это принадлежит их университету.

Профессор-экономист Цунь Шу-шэнь, показывая мне этот городок, говорил:

— Химический корпус. Мы строили его, нужно сказать, очень долго — целых полгода. Физический, корпус естественного факультета, — ну, эти здания хоть и очень большие, но мы справились с ними за три месяца.

Дальше следуют студенческие общежития. Входим.

Кровати деревянные, двухъярусные, книги на столах, а нередко и на этих кроватях.

Заглянули мы и в студенческую столовую. Длинные узкие столы с очень небольшими ящичками — вот и все, что мы видим в ней.

В больших кадках рабочие приносят еду: первое, второе, третье — я насчитал до пятого включительно. И каждый студент берет себе в чашку черпачком столько, сколько считает нужным. Едят стоя, либо сидя на корточках, нередко выходят с чашкой и палочками на улицу. Потом каждый моет свою чашку и свои палочки и кладет в свой ящик стола. Вот и все. Ни одной официантки. Никакой очереди. Две тысячи человек успевают пообедать за полчаса — сорок минут. В Куньмине всегда тепло, и помещение столовой — это высокая, но очень легкая постройка из бамбука.

Вечером, когда становится совсем уже темно, мы с Хуаном снова отправляемся на территорию университета. Мы долго бродим с ним от корпуса к корпусу, от общежития к общежитию и слушаем веселые голоса, которые раздаются то там, то здесь. Но в общем-то тихо в университетском городке, тихо и малоллюдно. Зато все окна учебных корпусов освещены, и хорошо видно, что повсюду в аудиториях занимаются студенты.

Мы подходим к читальне. Это — старинное деревянное здание с застекленными стенами. Говорят, в этом здании триста лет назад сдавали экзамены государственные чиновники. Читальня заполнена до отказа. По двенадцати человек с каждой стороны стола да еще с каждого торца — один-двое, а всего за столом, будем считать, двадцать пять человек.

Столы — в два ряда, в каждом ряду — по десять столов, всего же человек пять-сот занимаются в этом зале, а стоит полная тишина, только шелестят и шелестят

страницы, да иногда стукнет эмалированная чашка. Эти эмалированные чашки с чаем занимают почетное место на столах.

Пятьсот человек в читальне да сколько мы видели в аудиториях... До экзаменов еще далеко, но по крайней мере четыре пятых всех студентов сейчас за книгами.

Хуан отправляется в читальню, он говорит, что вполне сойдет за студента. Он ходит там между столами, как будто отыскивая свободное местечко, и заглядывает в книги.

Возвращаясь, Хуан докладывает:

— Больше всего учат математику и механику!

— Точь-в-точь, как у нас! — подтверждаю я.

«АШИМА»

Жила на свете девушка по имени Ашима, пасла овец в горах Юньнани, и люди рода Гэлужимин говорили ей:

Перед цветами, что вьшила ты,
Блекнут живые цветы.
А овцы твои издадека
Похожи на облака.

Был у Ашимы брат Ахэй:

Конь вороной. Ветром разметана грива.
Скачет Ахэй без седла людям на диво.
Лук натянул — полный месяц видали? —
Птицей стрела мчится в дальние дали.

Еще жил на свете род Жэбубала:

Злы у них сердца и черны сердца.
Деньги все у них, сила-власть у них.
Но когда цветы в их саду цветут —
Ни одной пчелы не бывает тут...

И вот юноша Ачжи из этого злого рода Жэбубала украл Ашиму, чтобы сделать ее своей женой. Но гордая Ашима не покорилась, она ждала помощи и дождалась: три дня и три ночи скакал за похитителями ее брат Ахэй, он настиг их, победил в единоборстве Ачжи, победил трех тигров, которых Ачжи-старик выпустил из клеток, и повел сестричку Ашиму обратно под отчий кров.

Но тогда злой Ачжи коварно поднял воду в ручье на их пути, и Ашима утонула в бурных волнах.

Погибла прекрасная девушка, но не исчезли голос и смех в горах Юньнани — она превратилась в эхо:

С надеждой зывают отец и мать:
— Ашима! Ашима! Ашима!
И отвечает она сама:
«Ашима-аа-а! Ашима-аа-а! Ашима-аа-а!»
.....

Вновь повторит знакомый мотив...
Эхо летит, летит
Туда, где у речки три дерева
Знают секрет певца.

Поэму «Ашима» в переводе Л. Черкасского мы в Новосибирске опубликовали в журнале «Сибирские огни» (№ 2 за 1956 год). По этому тексту я и привел некоторые четверостишия.

А теперь я могу немного рассказать о том, как эта поэма, веками переходившая из уст в уста в горах Юньнани, стала ныне достоянием многочисленных китайских, советских, французских читателей, предметом изучения китайских и советских академиков.

В тот день, когда мы были в университете, нашим провожатым оказалась маленькая женщина, внешне совсем еще молоденькая, с широким лицом, коротко подстриженная. Когда мы пришли с Хуаном после завтрака, она уже сидела в номере, на ней были серенькие брюки, синяя тужурочка и, если не ошибаюсь, пестрый шелковый платочек на шее.

Она приподнялась с кресла и сказала, что ей поручено сопровождать нас по Куньмину.

Ну что же — сопровождать так сопровождать! Такой порядок, что мы всегда имели сопровождающего: переводчик знает язык, но не знает всех путей-дорог и достопримечательностей каждого города.

Я спросил женщину, где она работает, и она ответила, что является сотрудником редакции журнала «Пограничная литература».

Вместе с ней мы побывали в университете, в Ботаническом саду, в парке Хэйлуньтань и глядели в мрачноватый бассейн «Черного дракона», в котором, должно быть, с тысячу лет назад какой-то чиновник угодил жену, утопил детей и утопился сам, не пожелав служить новому правителю.

В парке, конечно, был храм, а в храмах — будды. Мы смотрели и на этих будд, а потом сопровождающая показала нам такое чудо, которого мы еще нигде не видели.

Под крышей одной из построек храма, на стене, установлена в вертикальном положении чугунная доска, а на доске мы увидели витиеватый рисунок — изображение дракона, строго симметричное, напоминающее фигуры наших игральных карт, но только — еще раз повторяю — рисунок очень сложный, узорчатый, выдавленный на доске, как если бы кто-то указательным пальцем руки вывел его на совершенно гладкой поверхности чугуна.

Вы смотрите на этот рисунок — дракон как дракон, мы и не таких видывали в Китае! — но вдруг на ваших глазах этот дракон становится выпуклым. Явственно выпуклым, словно к чугунной доске каким-то способом приварен этот узор. И даже сварные швы очень хорошо видны.

На мгновение закрыли глаза или отвернулись в сторону — и вот уже дракон снова вогнутый. Еще двадцать секунд — и он выпуклый.

Должно быть, все дело в сочетании линий рисунка, создающих эту иллюзию, но только невольно — раз, другой, третий — вы ощупываете доску, чтобы в этой иллюзии убедиться.

Наша провожатая — очень сдержанная, с очень тихим голосом — немножко посмеялась над нами, как над детьми, а потом заметила, что вот в Куньмине бывают люди из разных стран. Они приедут, посмотрят самое интересное и уезжают. Но советские товарищи, эти ходят и ходят по всем храмам, по всем закоулкам, — они все очень любознательны. Она сумела сказать нам обо всем этом как-то так, что в ее словах прозвучала приятная для нас похвала, и в то же время мы поняли, что ей нелегко везде лазить с нами: она не совсем здорова, ждет ребенка...

Что же, мы умерили свой пыл и возвратились в Куньмин, попросив шофера не очень торопиться. Наверно, наше знакомство с сопровождающей на том и кончилось бы, если бы не одна фраза профессора Ли Гуан-тяня.

Профессор Ли Гуан-тянь, ректор университета, когда у нас с ним зашел разговор о письменности и литературе малых национальностей Юньнани, вдруг сказал:

— Да что вы меня об этом спрашиваете?! Мы сами здесь, в университете, нередко консультируемся по этим вопросам у товарища Лю Ци. — И он указал на нашего «провожатого». — Она специалист. Заведует отделом литературы малых национальностей в нашем журнале, а это самый большой и самый интересный отдел!

Вот тогда-то я и попросил товарища Лю Ци, если ей не трудно, рассказать о своей работе.

Она охотно и очень интересно говорила о многом, но только не о себе.

Ну, скажем, мы узнали, что журнал «Пограничная литература» получает каждый месяц полторы-две тысячи рукописей, что главного редактора в журнале нет совсем и все вопросы решаются коллегией, что недавно проходило совещание писателей

национальных меньшинств и его участники очень резко критиковали себя, говорили, что очень плохо пишут. Но это не так. Нельзя ждать, чтобы с первых же лет своего существования молодые литераторы создали выдающиеся произведения, но интересно ими написано уже много.

— Конечно, культурная жизнь провинции еще отстает,— вздыхает Лю Ци.

Может быть, это и так,— отстают, но, с другой стороны, мне известны следующие факты.

В провинции издается сто двадцать газет. В пятьдесят шестом году издано двести одиннадцать названий книг, на будущий год намечено издать триста сорок восемь названий. Театральных трупп в провинции сорок девять, сельских клубов — три тысячи сто, домов культуры — сто тридцать четыре.

Для провинции с населением в пятнадцать-шестнадцать миллионов человек это не так уж мало, если учесть еще, что все это создано за каких-нибудь несколько лет, что здесь проживают народности, которые еще «не подошли к феодализму».

Но сейчас речь не о том, хотя все это интересно и поучительно. А вот каким образом сама товарищ Лю Ци познакомилась с литературой национальных меньшинств, с их устным творчеством? С чего началось это знакомство?

— С чего началось? Пожалуй, с партизанского отряда...

— Позвольте, позвольте! Это надо разъяснить!

Наконец-то выясняются первые биографические сведения о нашем «проводнике»!

Лю Ци — дочь профессора Куньминского педагогического университета (в Китае так называются многофакультетные педагогические институты).

Лю Ци окончила в Куньмине школу и поступила на факультет английского языка. Но она мало слушала лекции, а больше сочиняла пьесы, в которых высмеивались гоминдановцы и их «союзники». Она ведь с малых лет любила петь, танцевать, играть на сцене.

Гоминдановцы издавали какой-нибудь приказ для населения Куньмина и всей Юньнани, написанный под диктовку американцев, и уже через несколько дней этот приказ едко высмеивался на студенческой сцене. Да и не только на студенческой — выступления самодельных артистов проходили прямо на улицах города. Была Лю Ци и членом подпольного комитета Союза молодежи в своем университете.

Потом она бежала в горы, к партизанам. Идти было недалеко, через четыре дня она была в партизанском отряде. Там посмотрели, что она такая маленькая, и не дали ей оружия, но она стала членом агитационной бригады. Эта бригада передвигалась из деревни в деревню, собирала крестьян и выступала перед ними с острыми политическими речами и с не менее острыми представлениями, песнями и стихами. Лю Ци и пела, и танцевала, и писала пьесы на местном материале, и сама же играла в них. Ее амплуа были: бедная крестьянская девушка, ученица, революционная студентка.

Гоминдановцы охотились за этими бригадами и, если артисты попадались им в руки, расправлялись с ними еще более жестоко, чем с вооруженными партизанами. Помещики помогали гоминдановцам выслеживать бригады, крестьяне всячески их скрывали.

Вот тогда-то Лю Ци впервые и столкнулась с устным творчеством малых национальностей. Артистам для их репертуара нужен был фольклор.

— Наверно, вы доставили в свое время много хлопот и забот своим папе и маме? — спрашиваю я у Лю Ци.

— Ну, конечно... — соглашается моя собеседница. — Они беспокоились обо мне. Папа стоял в стороне от политики, он день и ночь работал над книгами. Я ушла из дома, ничего не сказав, написала письмо и попросила подругу передать его моим родителям через четыре дня. Сначала папа и мама искали меня среди моих подруг, а потом получили письмо и перестали искать. Вообще говоря, они были согласны с моими действиями, только... У вас есть дети? Тогда вам и объяснять ничего не надо...

— Ну, а потом?

— Что потом?

— Ну, как вы дальше приобщались к литературе?

— Когда наступило Освобождение, я вернулась в Куньмин, поступила в местный художественный ансамбль и стала писать пьесу. О чем была пьеса? О юньнаньской деревне в период земельной реформы. Откуда я взяла материал? А я один год работала членом крестьянского партийного комитета во время земельной реформы...

— Пьеса потом шла?

— Да, она шла здесь, в Куньмине, но только я недовольна. Должно быть, все-таки у меня еще было мало опыта и материала. После я еще несколько раз уезжала в деревню...

Лю Ци встает, чтобы проститься.

Она уже в дверях, а я спрашиваю ее еще раз:

— Что же вы собрали из фольклора малых национальностей? Ведь мне рекомендовали вас как специалиста в этой области!

— Ах, это... Я работала над письменным вариантом поэмы «Ашима»...

— Вы?!

Но я уже не могу больше задерживать Лю Ци, а она, прощаясь, спрашивает меня:

— Завтра вы поедете в Каменный лес?

Да, я поеду в Каменный лес. Это не близкий конец, километров около ста пятидесяти по горам на юг, но все-таки благодаря содействию моих новых куньминских друзей я поеду туда и посмотрю это чудо...

— Так вот,— говорит Лю Ци,— как раз в тех местах и живут люди национальности сани, которые создали эту поэму. Посмотрите, полюбуйте природой, а когда вернетесь, я расскажу вам об «Ашиме»...

В Каменный лес я еду с поэтом товарищем Ли Ши-шень, тоже из журнала «Пограничная литература», тоже очень молодым человеком, который уже шестнадцати лет воевал в партизанском отряде недалеко от этих мест.

Мы едем по дороге, которая ведет во Вьетнам, едем сначала по одной узкой и залесенной долине, в которой там и здесь на склонах лепятся домики из красно-желтой глины, почти все двухэтажные, тесно прижавшиеся друг к другу. Все это ради экономии земли. Над домиками поднимаются более высокие сараи для сушки табака.

Потом субтропический буйный лес, рисовые поля — и все как-то сразу кончается, и мы едем по дороге, проложенной в крутых и голых склонах гор, и тут вскоре открывается вид на величественное, суровое темно-синее озеро.

Снова ущелье, и кажется, будто мы забрались куда-то на край света, в горную пустыню, где не встретим больше человеческого крова. Но вот крутой поворот, и внизу — долина, вся сплошь покрытая изумрудной зеленью посевов, на дне ее река, а через реку переброшен красивый, даже изящный, бетонный мост. Слева — город.

Город шумный, пыльный, и по дорогам к нему и от него идут и идут люди, тащат на коромыслах груз, везут на себе скрипучие телеги, гонят скот... Это город Илян.

Долина вся покрыта сетью каналов, и воздух здесь влажный.

В горах обгоняем караваны маленьких сычуаньских лошадок. Ростом они не больше ослика, и невольно начинаешь подозревать их в каком-то нелошадином происхождении. Но нет, все-таки это, без сомнения, лошади: грива, хвост, маленькие ушки торчком. Передняя в каждом караване лошадь украшена цветными кисточками и султанами, в гриве звенят бубенцы, голова такой лошади скрыта под ярко-красной маской, и только глядят на машину умные глаза с любопытством, с озорством и в то же время с испугом... Они очень выносливы, эти животные. К громоздким деревянным седлам у них приторочены огромные тюки.

И выше и ниже дороги, следуя всем причудливым изгибам гор, проходят оросительные каналы, вода течет в крутом откосе иногда прямо над нашими головами, но нигде не видно ни прорыва дамб, ни следов затопления дороги. Высокое искусство ирригации на уровне около двух тысяч метров.

Но вот и Каменный лес...

То на одной выпуклой вершине, то на другой вы видите массу сизых скал — издали похоже, будто они покрыты налетом водорослей, и вообще они чем-то очень напоминают дно моря, о котором мы, правда, имеем пока весьма слабое зрительное представление. Но это сходство происходит оттого, что только вода способна придавать камням столь причудливые и разнообразные очертания. Когда вы входите в этот «лес», — это, должно быть, самая причудливая, самая дремучая его часть и потому предназначенная для туристов, — вы на первых же порах поражаетесь бесконечному разнообразию форм и очертаний скал, еще большему разнообразию тех сочетаний, в которых они соединяются друг с другом. Но дальше «лес» еще более непроходим, в нем еще больше каменного бурелома — обломков скал, каким-то чудом повисших над вашей головой и раскиданных по земле. Вы то входите во тьму узких коридоров, то ступаете на зеленую траву лужаяк, со всех сторон замкнутых отвесными стенами, то поднимаетесь и шагаете по гребню этих скал, по их мелкозубчатой поверхности, как будто изборожденной огромным распилом.

Представьте себе слой губки, увеличенный в тысячи раз, так что едва заметный бугорок возрастает до размеров многометровой скалы. Что-то в этом роде представляет собой Каменный лес, в котором нельзя шагу сделать без проводника.

Иногда сразу же за соседним камнем вы видите яркую, солнечную долину, но попробуйте выйдете из Каменного леса, преодолите это расстояние в три-четыре метра! Нет, назад можно выйти только по той самой тропе, по которой вы вошли сюда.

Мы долго блуждаем в бесконечном лабиринте, и проводник рассказывает, что в этих краях в прошлом часто происходили народные восстания и тогда восставшие скрывались в Каменном лесу. Вот и во время войны с гоминдановцами здесь был партизанский штаб, гоминдановцы знали об этом, но не решались подойти к «лесу» близко, не то чтобы углубиться в него.

И проводник ведет нас к месту, где более ста лет назад жил вождь восставшего народа Чжао Гуань.

На камнях и сейчас сохранились зарубины, на которые опиралось деревянное ложе, сохранилась чаша, выдолбленная в скале, — в ней толкли зерно, видны следы очага.

Потом мы отправляемся в тюрьму, где были заключены провинившиеся и заложники Чжао Гуаня. Узкое круглое отверстие у самой земли, в которое можно проникнуть ползком. А там, за стеной, — снова лабиринт, там протекает ручей, над ручьем скалы образуют как бы три террасы одну над другой, и на террасах растет темный, приземистый и колючий кустарник. Но сколько бы вы ни ходили по этому лабиринту, сколько бы ни пытались выйти из него, — тщетно! Выход только один: через то же самое отверстие, в которое вы вползли.

Я спрашиваю проводника о восстании, которым руководил Чжао Гуань. Оказывается, это было восстание народа сани, того самого народа, который создал поэму «Ашнма».

Потом мы снова поднимаемся, идем по очень узкой тропе и достигаем небольшой, но красивой, ярко раскрашенной беседки, смотрим оттуда на каменные вершины, на озеро, которое лежит неподалеку, рядом с другим таким же «лесом», на ясное небо.

Кругом очень тихо, и только слышно, как где-то поет мужчина. Он поет уже давно, и его высокий голос, сильный и очень мелодичный, то теряется среди скал, то снова вырывается из них, и тогда мы внимательно смотрим: где же певец?

Он появляется неподалеку от нас на одной из скал — смуглый, с непокрытой головой, весь в белом. На нем белая рубаха с вышивкой, похожая на наши украинские рубашки, белые штаны и кожаные туфли на босу ногу. Через плечо перекинут ремешок, на ремешке — инструмент, по форме напоминающий домбру. Он аккомпанирует себе. Он еще молод — вероятно, что-нибудь около тридцати.

Я хочу узнать у проводника, что это за человек, почему он здесь поет, что поет, но проводник не понимает языка этого человека и отвечает:

— Пусть поет, если ему хочется.

Когда мы входили в «лес» — он уже пел, этот человек, когда уходили, мы все еще слышали мелодичный голос, доносившийся из глубины притихших скал.

На обратном пути мне показали уезд, в котором построена первая в Юньнани сельская гидроэлектрическая станция, потом мы заезжали в деревню Сунмосян, и я лазил по двухэтажным глинобитным домикам. Прежде я не видел таких. Когда я говорю «лазил», я не преувеличиваю, потому что наверх ведет самая обыкновенная приставная лестница без всяких перил. И внизу и вверху дома — полумрак, наверху можно встретить изображение будды, вышитое шелком или вырезанное из дерева, довольно сильно закопченное и без следов какой-нибудь заботы о нем. Перекрытия в домах сделаны из бамбуковых жердей, жерди эти скрипят и покачиваются, когда по ним двигается человек, и мне показалось, что сараи для сушки табака и внутри и снаружи выглядят капитальнее, чем эти фанзы.

У крестьянки Дуан Лу-ян я спросил, как она живет.

— Хао! — ответила она, не задумываясь. — Хорошо!

— Почему же хорошо?

Вид жилища, очень бедного и тесного, никак не говорил о хорошем житье его обитателей.

— Почсму? — переспросила меня Дуан Лу-ян, женщина лет пятидесяти, низенькая, с закопченными руками, которые она долго вытирала травой, прежде чем поздороваться. — Так вы спрашиваете, почему хорошо? Потому что я живу лучше, гораздо лучше, чем прежде!

Спустя несколько часов после того, как мы вернулись из Каменного леса, Лю Ци пришла к нам. Обо всем, что касалось «Ашимы» и ее создателей — людей национальности сани, она говорила с таким теплом и с такой любовью, что мы с Хуаном старались не перебивать ее вопросами.

Только в самом начале беседы я рассказал Лю Ци о певце, которого мы встретили в «лесу», и спросил ее, кто бы это мог быть.

— Так это и был, верно, кто-нибудь из людей сани, — сказала она. — Весь в белом, поет, играет вот на таком инструменте? Конечно, это был сани!

— Но почему же он так много пел?

— Он будет петь сегодня целый день! Что-нибудь случилось у него хорошее — он получил похвалу за свою работу или у него родился сын или дочь — он попросил у председателя кооператива свободный день и пошел петь в Каменный лес. Сани очень любят петь в Каменном лесу — ведь там жил когда-то их вождь Чжао Гуань, а позже многие из них сами жили в «лесу», когда партизанили и боролись за освобождение.

— А что мог он петь? Может быть, «Ашиму»?

— Очень может быть!

И дальше мы уже ни о чем не спрашивали Лю Ци.

— Национальность сани, — говорила она — очень небольшая. Собственно, сани всего двадцать тысяч человек, но они только ветвь другой национальности, которая называется коротким звуком «и», а вот ее уже насчитывается один миллион шестьсот тринадцать тысяч человек. У них сходные языки, но далеко не одинаковые.

Мы узнали от Лю Ци, что сани живут на горе Гуйшань, что значит гора Черепаха, и вокруг нее. Они очень любят свои места и складывают о них много песен, хотя земли там совсем малоплодородные и жизнь их трудна. Гора Черепаха — символ многолетия, ведь черепахи живут очень долго.

Сани — музыкальный народ. После Освобождения, когда стали устраиваться смотры художественной самодеятельности, все могли убедиться в этом.

Вообще трудно представить, сколько сказок, тащев, поэм, сколько искусства принесли новому Китаю малые народности!

Вот такова же история «Ашимы».

В 1953 году в Куньмине на смотре самодеятельности сани выступили с этой поэмой. На основе устной сказки вскоре была создана музыкальная драма. Уже первая ее постановка вызвала много споров и толков. Постановка была в характере

пекинской музыкальной драмы, а для того чтобы лучше передать «Ашиму», нужно было создать местную, юньнаньскую оперу.

Для этого потребовалось собрать больше местного песенного материала, и вот группа артистов юньнаньского художественного ансамбля ушла в горы. Это были товарищи Сюй Шоу-лян и Ян Фан — музыканты и товарищ Ян Шу-хуа — хореограф.

Их работой руководил провинциальный комитет партии.

Когда эти люди попали к сани, они убедились, насколько хороша «Ашима» как поэма. Они обратились в комитет с просьбой послать в горы еще и писателей, чтобы те записали «Ашиму» и создали литературный вариант хотя бы на китайском языке, потому что сани еще не имеют своей письменности.

Комитет принял предложение этих товарищей и создал специальную рабочую группу. Кто в нее входил? Четыре человека. Хуан Тэ — заведующая отделом культуры провинции, Ян Чжи-юн — один из руководителей юньнаньского ансамбля, Гун Лю — пекинский поэт, который обещал помочь в обработке собранного материала, и вот еще она — Лю Ци. Все эти люди в прошлом служили в армии, все любили искусство. Товарищ Хуан Тэ кончала академию искусств имени Лу Синя в пещерах Яньани, столице первых освобожденных районов.

Непосредственно жили среди сани и собирали материал двое — Ян Чжи-юн и Лю Ци.

— Она была действительно, как эхо, — эта поэма о девушке Ашима, — говорила нам Лю Ци. — На наш зов она откликалась нам отовсюду, из каждой деревни, но сколько встречалось рассказчиков и певцов, столько было и вариантов. Однако я расскажу сначала, какие задачи были поставлены перед нами, когда мы пошли на гору Гуйшань. Прежде всего нам нужно было уяснить себе характер национальности сани и в соответствии с этим создать письменный вариант поэмы — наиболее типичный вариант. Но как это сделать? Был только один путь: жить вместе с людьми сани и вместе с ними трудиться. Так мы и сделали, хотя не знали их языка, не привыкли есть жирную пищу, которой они угощают тех, кого полюбят, не знали их традиций, и, кроме того, ведь сани все еще недоверчиво относились к нам: мы были представителями той нации, которая веками угнетала сани. Потом мы были интеллигенты, а они — простые люди. Вот эти преграды нам и предстояло преодолеть. Мы начали работать вместе с ними, вместе пасли овец, постепенно мы изучали язык сани, становились друзьями. И хотя объяснялись друг с другом еще плохо, но зато хорошо понимали чувства друг друга по выражению лиц, по жестам.

Я могла беседовать с девушками сани на самые задушевные темы, и у нас не было друг от друга секретов. Когда мы уходили из одной деревни в другую, нас со слезами провожали далеко-далеко от своего жилья, пели прощальные песни.

Я очень полюбила этот народ. Хотя он еще беден, но верит, что настанут лучшие времена, что рано или поздно труд принесет счастливую жизнь. Сани трудятся много, с самого раннего утра до позднего вечера, и все-таки приходят домой веселыми и собираются вместе, чтобы потанцевать и попеть.

В прошлом они не раз восставали против своих угнетателей, вы, наверно, видели жилище их вождя Чжао Гуаня в Каменном лесу? Они храбро сражались в рядах Народно-освободительной армии. Уже давно были среди них подпольные коммунистические ячейки, и сейчас еще они создают песни о героях-коммунистах. В 1947 году много юношей сани ушло в партизанские отряды, а девушки снабжали их продовольствием. Гоминдановские солдаты были тогда одеты в желтые хаки, и сани звали их «желтыми собаками». Сани гордятся тем, что в Юньнани они сделали первый выстрел по гоминдановцам.

У сани много традиционных игр и развлечений. Они устраивают бой буйволов, что-то вроде испанского боя быков. Юноши часто соревнуются в ловкости и силе. У них много танцев, особенно они любят танцы под луной.

У них очень звучные музыкальные инструменты — юэцин, саньсяоань, эрху.

Их песни посвящены подвигам людей и любви. Наверно, ни у кого нет столько песен о любви. У сани всегда существовал свободный брак по выбору, причем выбор, как правило, не зависел от имущественного положения молодых людей, они умели пренебрегать этим.

Я расскажу вам об одном из обычаев сани.

Когда девочки и мальчики сани достигают возраста двенадцати-тринадцати лет, они уже не живут больше в доме родителей. По-прежнему участвуя в труде своей семьи, они поселяются в одном большом доме, разделенном на две половины — мужскую и женскую. Есть еще и средняя комната — для свиданий и развлечений. Здесь юноши и девушки, не уединяясь, могут говорить друг другу о своих чувствах, и это делается почти всегда под музыку или во время танца. Обычно любовной песней служит тот или иной вариант «Ашимы», иногда импровизированный тут же, на месте, по вкусу исполнителя. Когда молодые люди хотят выразить свои чувства взаимно, они поют эту сказку на разные голоса, и девушка поет за Ашиму.

Еще соблюдается такой странный обычай.

«Ашиму» поют все — и молодые и старые, но только ни в коем случае нельзя петь эту песню молодым в присутствии старых, а старым — в присутствии молодых. И обычно в песнях молодых людей Ашима бывает и красивее и смелее, чем в песнях стариков.

Когда мы подружились с сани и они узнали, что мы интересуемся этой песней, они сами стали приходить к нам и петь, а мы слушали и записывали.

Мы собрали двадцать совершенно различных вариантов этой песни. Были такие варианты, в которых Ашима осуждалась, попросту говоря, некоторые старики сделали из нее отрицательный персонаж.

У других рассказчиков Ашима вовсе не была главным действующим лицом. Но мы знали теперь характер людей сани и в соответствии с этим работали над письменным вариантом сказки-поэмы.

Каждый из нас переводил только одно четверостишие из трех. Когда же мы сводили четверостишия вместе, конечно, возникали споры, но всякий раз мы приходили к какому-то решению.

Было много трудностей из-за неточного знания языка и деталей быта.

Ну вот, например, о ребенке, когда он только-только начинает ходить, сани говорят, что он не ходит, а «катится». Естественное сравнение: «катится, как мяч». Мы так и написали, но потом выяснилось, что у сани нет мячей, они не знают, что это такое. Много было таких недоразумений, много было острот и шуток вокруг этой работы.

Когда первый вариант поэмы был готов, мы отправились с ним в Институт национальностей, в тот самый, где вы были.

Там с поэмой познакомились учащиеся-сани. Они читали ее семь часов подряд, а потом со слезами на глазах сказали: «Вот и родилась наша литература, людей сани. У нас еще нет своей письменности, но уже есть своя литература!»

Мы учли их замечания и продолжали работать над поэмой. Когда «Ашима» вышла из печати, первые двести экземпляров были посланы на гору Гуйшань.

И оттуда пришли люди и тоже сказали: «Коммунистическая партия и председатель Мао ввели наш народ в мир. Люди сани теперь видят большое небо над собой!»

«Ашима» была опубликована многими издательствами, вокруг нее разгорелись споры. Говорят, мы слишком свободно истолковали устное творчество. Но что делать, если перед вами двадцать вариантов и любой из них по отношению к девятнадцати другим тоже представляет собой очень свободное толкование? Правда, мы вовсе не считаем работу законченной. Наша работа — только начало.

Лю Ци дарит мне экземпляр книги «Ашима» со своим автографом. Пишет она то же самое, что писали обычно многие наши китайские друзья: «Советскому писателю, с просьбой сделать свои критические замечания. Лю Ци. 10.XII.56. г. Куньмин».

ИЗРЕЧЕНИЯ ХУАНА

Товарищ Хуан — переводчик, с которым я путешествовал по Китаю. Сначала мы ездили с ним в деревню провинции Хэбей, потом — на юг страны, в провинцию Юньнань. Там, на юге, мы побывали в прекрасном городе Куньмине, в Каменном лесу, потом плыли четверо суток по Янцзы от Чунцина до Ухани.

Хуану двадцать три года, он окончил институт русского языка. Он сын учителя, его родители и сейчас живут в городе Кайфыне.

Я зову его «старик» именно потому, что ему двадцать три года. Мы с ним были почти на ты, а в этих записках я буду с ним на ты без почти. Надеюсь, «старик» не обидится.

Сначала я хотел рассказать о своем друге так, как это чаще всего принято: вот, мол, какой это парень, как он выглядит, что он говорит, что делает.

А потом решил поступить иначе: пусть он сам расскажет о себе своими словами, мой дорогой друг и незаменимый помощник в путешествии.

Шестого декабря прилетели в Куньмин. Наутро вышли из гостиницы. Совсем тепло, в летнем костюме даже жарковато. На одной стороне улицы — старинные каменные дома, а на другой стороне — светлое тихое озеро...

По дамбе, которая уходит в глубину озера, гуляют дети, а дальше, сквозь зеленую листву деревьев, повисшую над рекой, можно разглядеть здание Куньминской библиотеки. И не знаешь, что это такое, как это правильнее всего назвать: город ли это или парк... Но думать над этим и не хочется, а хочется вдохнуть всей грудью теплый, синеватый воздух и сказать:

— Хороший город Куньмин!

Хуан согласен со мной, но считает необходимым дополнить:

— Всякий город хорош, если он принадлежит народу!

В том же Куньмине вечером, когда становится совсем уже темно, заходим в книжный магазин. Магазин состоит из четырех отделов, четырех больших залов.

В каждом таком зале всего только один продавец. Покупатели сами ищут книги на прилавках и на стеллажах. Если книга понравилась, идут и платят продавцу, не понравилась — ставят книгу обратно.

Я знаю, что магазин работает в две смены, но вместе с бухгалтерией, дирекцией и всем вспомогательным персоналом в нем всего девятнадцать работников.

Но, пожалуй, для меня самое удивительное то, что книжный магазин — это и читальня. Студенты, стоя за прилавками, делают из книг выписки, другие покупатели подолгу читают, прислонившись к стенам и прилавкам, а детишки — те читают, сидя на полу, на ступенях магазина и даже на тротуаре рядом с магазином.

И я говорю:

— Вот как у вас: магазин больше похож на читальню!

Хуан пожимает плечами.

— Везде так... Пусть читают! Ведь наши магазины не торгуют реакционной литературой?!

Я смотрю на него не без любопытства.

— Но ведь книга портится от чтения! Ее могут испачкать, и потом никто ее не купит. Будет убыток!

— Ничего! Доход от книжной торговли состоит в воспитании людей!

В Ханькоу идем по улице. В одной из небольших лавчонок продают какую-то белую массу... Около продавца — несколько покупательниц.

Я спрашиваю:

— А это что такое продают, старик?

Хуан фыркает:

— Пустяки!

— Нет, ты все-таки объясни, пожалуйста: что это такое?

— Я же говорю — это пустяки! До Освобождения эту штуку продавали везде, а сейчас уже редко где можно ее встретить!

— Но ты все-таки скажи: что это такое?

— Это мазь, которой женщины натирают лицо...

— Ага, понятно... Но при чем тут Освобождение? Почему до Освобождения покупали этой мази много, а сейчас мало?

— Как это при чем? До Освобождения внешность женщины значила больше, чем ее моральный облик!

Другой разговор, в котором Хуан тоже сопоставляет две эпохи: «до» Освобождения и «после»:

Хуан рассказывает мне:

— Жена моего старшего брата живет с нашими родителями. А мой старший брат работает в соседней провинции, у него разъездная должность, он инженер по водному хозяйству.

— Они не ссорятся?

— Кто?

— Ну, жена твоего брата и твои родители.

— Нет, теперь вообще в семьях меньше ссорятся. Вот до Освобождения — другое дело. Тогда в семьях то и дело происходили ссоры.

— Это почему же? Почему до Освобождения ссорились больше, а сейчас меньше?

— Почему? Да потому, что до Освобождения жить было труднее, а сейчас легче.

А иначе — зачем нужно Освобождение?

Мы на строительстве моста через Янцзы.

Я уже во второй раз на этом грандиозном сооружении, Хуан — впервые. Мы ходим по верхнему поясу, там, где будет пролегать мост для городского транспорта. Ниже — мост железнодорожный, на металлических пролетах этого нижнего моста строительные рабочие кажутся совсем маленькими, и голоса их и грохот заклепочных молотков слышатся здесь, наверху, приглушенно, как будто они доносятся откуда-то из глубины реки...

А сама река колыхается совсем далеко внизу. Пароходы и джонки, которые проплывают прямо под нами, выглядят какими-то ненастоящими, они похожи только на чертежи пароходов и джонок в плане, и поэтому совсем мелкими и странными кажутся фигурки людей на этих чертежиках.

Вся заселенная часть Китая рассечена рекой Янцзы надвое, и вот впервые с тех пор, как существует человек, он соединяет берега величественной реки железом и бетоном...

Мы долго смотрим с моста вниз, смотрим на Учан, правобережный город, и на Ханькоу, город левобережный, и на оба эти города, которые с бывшим уездным центром Ханьян составляют Ухань...

Я хочу удивить Хуана и спрашиваю:

— Знаешь, старик, сколько стоит этот мост?

— Нет, не знаю...

— Так вот я слышал в одном докладе — он стоит сто семьдесят миллионов юаней.

Хуан молчит, и я спрашиваю его снова:

— Ну как? Порядочно?

Хуан по-прежнему молчит, и я снова повторяю свой вопрос:

— Что — много это или мало? Как по-твоему?

Ответа нет...

— Ну, чего же ты молчишь, старик?

— Считаю — много это или мало.

— Как же ты считаешь?

— Считаю, сколько приходится на одного китайца.

Начинаю и я считать: сто семьдесят миллионов юаней разделить на шестьсот десять миллионов человек. Получается двадцать восемь фыней на человека,

Теперь Хуан смотрит на меня и спрашивает:

— Ну как? Много это или мало?

Еще мой дорогой Хуан великий мастер заявлять претензии. Записать в книге отзывов критическое замечание, высказать пожелание повару ресторана, написать в Центральное правительство о каких-то неполадках, которые он заметил в аэрофлоте, — все это он почитает своим долгом.

А так как в Китае повсюду лежат и висят книги предложений и замечаний, то поле деятельности Хуана совершенно неограниченно,

Последнее его «творчество» такого рода относится к нашему пребыванию в Ханькоу.

До отъезда оставалось несколько часов, и я что было сил торопился записать некоторые свои впечатления об этом городе, о встречах, которые здесь были. По опыту знаю: отложишь, успокоишь себя, что, мол, приедем в Пекин — уж там-то я все запишу о Ханькоу, — и обязательно просчитаешься. В Пекине будут свои пекинские встречи и впечатления, только успевай записывать и запоминать их.

Жили мы в Ханькоу неделю в хорошей, чистой и просторной гостинице, было бы только время — все остальные условия для работы налицо.

И вдруг в номер стучат, входят трое служащих гостиницы с ведрами, швабрами и тряпками, открывают все окна и дверь на балкон, и начинается чистка и мойка стекол с той тщательностью, которая присуща здесь всякому делу. На улице прохладно, лежит снежок, в номере заниматься нельзя, а так как гостиница почти пуста, я иду поискать другое подходящее для работы место.

Не тут-то было: на всем этаже точно такая же картина — окна распахнуты, стеклянные двери тоже.

— Вот, старик, какая обида! — говорю я Хуану. — Негде посидеть, поработать — почему-то зимой вдруг на всем этаже решили мыть стекла!

— Это я заявил претензию! — объясняет мне мой «старик» совершенно невозмутимо.

— То есть как это ты? Какую претензию?

— Да вот так — перед отъездом я заявил, что в гостинице позавчера не работал лифт и что на пятом этаже окна в пыли. Вот они и моют теперь окна!

— Ах, старик, старик! Неужели ты не можешь относиться к некоторым вещам попросту безразлично?

— Не могу!

— Почему же?

— Я буду относиться к работе этих людей безразлично — они будут безразлично относиться ко мне, а безразличные люди разве могут быть опорой государства?

(Окончание следует)

С О Р О К Л Е Т Н А З А Д

Май, 1917 год...

Первое мая — международный пролетарский праздник — в 1917 году впервые в истории России проводился открыто. Рабочие России решили выступить одновременно со всем международным пролетариатом и праздновать Первое мая по новому стилю.

Повсюду — в Петрограде и Москве, в Донбассе и на юге России, в Поволжье и на Урале, — во всех городах и промышленных центрах страны в этот день были проведены многотысячные митинги и демонстрации трудящихся.

Рабочие и солдаты вышли на улицы под красными знаменами с лозунгами большевистской партии: «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!», «Долой министров-капиталистов!»

Первомайские демонстрации 1917 года сыграли большую роль в завоевании народных масс России на сторону большевистской партии, под знамя борьбы за социалистическую революцию.

Одной из важных задач, стоявших перед партией в то время, было завоевание на сторону пролетариата многомиллионных масс трудового крестьянства. Поэтому большое значение имело участие большевиков в работе Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов, состоявшегося в мае 1917 года. Преобладающее большинство на съезде принадлежало меньшевикам и эсерам, что и определило характер решений съезда. Однако выступления В. И. Ленина и других делегатов-большевиков сделали свое дело в политическом воспитании масс. Особое сочувствие у крестьян вызвал призыв Ленина немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания, начать на местах захват помещичьих земель.

Крестьянство начинало понимать, что Временное правительство, откладывая решение аграрного вопроса до Учредительного собрания, на самом деле обманывало крестьян лживыми посулами. Крестьяне все более убеждались в том, что только большевики — действительные выразители и защитники их интересов.

Большевики, борясь за усиление своего влияния в Советах, одновременно развернули активную деятельность и в других массовых организациях — в профсоюзах, фабрично-заводских комитетах.

В конце мая состоялась Петроградская конференция фабзавкома, на которой за большевиками уже шло три четверти делегатов. Конференция отметила, что планомерное и успешное проведение экономических мер по борьбе с разрухой в стране возможно только при переходе государственной власти в руки пролетариата. Рабочий класс Петрограда почти полностью шел за большевиками.

Росло влияние большевиков и в солдатских массах. На работу среди солдат были брошены лучшие силы партии. В Петрограде пятидесяти тысячным тиражом издавалась «Солдатская правда» — орган военной организации ЦК и ПК РСДРП(б). В помощь ей группой большевиков-фронтовиков было предпринято издание «Окопной правды». Газета широко распространялась среди солдат Северо-Западного и других фронтов. Большевистские требования прекращения империалистической войны, опубликования тайных договоров и установления демократического мира завоевывали среди солдат все большую популярность.

О некоторых событиях мая 1917 года рассказывается в публикуемых ниже материалах.

А. КУЧКИН,
член КПСС с 1912 года

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД

(Заметки делегата)

Поезд, набитый солдатами, мчится на всех парах. В вагоне жаркий спор о политике: «Мир... земля... Советы...».

Я послан на Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов делегатом от военных гарнизонов Вятской и Пермской губерний.

Вот и Петроград! Человеку из глубокой провинции, не видевшему крупных городов, он кажется гигантом. Машины, трамваи, ломовики, пролетки, тележки. Люди, люди без конца! Словно муравейник.

Вися на подножке трамвая, я доезжаю до Народного дома — места работы съезда. Часовые... Угрюмые швейцары... Потоки людей на лестницах и в коридорах. Комнатка, на двери которой висит бумажка с надписью: «Здесь помещается фракция социал-демократов большевиков». Мне сюда!

Итак, я, большевик, — делегат крестьянского съезда, представляю полтора тысячу солдат, избравших меня. Но чего это стоило?..

Борьба за мандат

Казанский военный округ разбит на избирательные районы. Вятская и Пермская губернии составляют один район, один и представитель на Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Выборы двухстепенные. В Перми соберутся выборщики. Они должны будут выработать наказ, избрать делегата на съезд.

В Вятке борьба развернулась сразу же вокруг мандатов выборщиков. Эсеры попытались подтасовать выборы. На крестьянском съезде рабочим не место — таков был их лозунг. Все эсерствующие офицеры зачислились в крестьяне. В канцеляриях воинских частей рабочих, служащих — а под эту категорию подгоняли всех сочувствующих большевикам — в списки не включали.

Большевики повели усиленную агитацию против подтасовки выборов. Солдатская масса горячо поддержала нас. Решено было в выборах участвовать всем солдатам и офицерам, вышедшим из трудового народа. Эсеровская затея потерпела крах.

И вот выборы.

— Большевики — самые решительные люди. Только они требуют конца войны. Все другие партии хотят воевать, а большевики не хотят. Они знают, что народ разорился и войны не хочет.

— Война нужна буржуям, а не народу. Кто за войну, тот за буржуев.

— Нам только бы мир, а землю мы сами возьмем.

Это говорили беспартийные солдаты. И снова эсеры терпят крах: в число выборщиков избран большевик. Это я.

Пермь. Съезд выборщиков. Несколько десятков человек. То и дело поблескивают офицерские погоны.

Зачитывают наказы с мест. «Социализация земли... отобрание помещичьих земель с выкупом... Учредительное собрание...». Эсеровские, меньшевистские лозунги. Да, будет бой!

Обсуждается общий наказ. По каждому пункту спорят до хрипоты, страсти разгораются чуть не до открытой схватки. Основа — аграрный вопрос. Борются две программы: большевистская и эсеровская. Во главе эсеров — офицер. Он образован, хорошо говорит, довольно сильный теор-

ретик. Ему в помощь — меньшевики, энесы, кадетствующие. От большевиков — я один. Жарко пришлось. Вся эта свора говорит красиво, долго, внешне обоснованно. Все их удары нужно парировать. Только отразил один удар — наносят второй. Отразил этот — налетел шквалом третий...

Наказ выработан. Это конгломерат партийных точек зрения. Тут кусочки программ большевиков, анархистов, меньшевиков, максималистов, энесов. Доминирующая роль — пункты эсеровской программы. Эсеры торжествуют победу. Ясно: делегатом поедет эсер.

Наконец тайное голосование, подача записок. Оглашают результаты: выбран я, правда, незначительным большинством голосов. Секунда растерянности — и бешеные вопли:

— Не может быть! Подтасовка! Проверить все записки!

Проверили. Все в порядке. Снова шум, гам, вой. Требуют переголосования. На трибуне — офицер.

— Наказ составлен в духе нашей, эсеровской программы. Да, в нем есть уступки и другим партиям, главным образом большевикам. Но ведь это только уступки. Что же получается? Мы посылаем большевика защищать эсеровскую программу! Мы требуем открытого переголосования.

Эсеры поддерживают меньшевики. Они уже не надеются на закрытую баллотировку. Открытым голосованием они думают напугать нескольких солдат из своих гарнизонов, тайно голосовавших за большевика.

Споры, крики. Открытым голосованием, на сей раз подавляющим большинством голосов, снова избирают меня.

А через несколько дней поезд номер «бис» — иначе говоря, товарняк — мчит меня в Петроград.

На съезде

Еще до открытия съезда выясняется политическая его физиономия. В кулуарах, где бойко идет продажа и раздача литературы, — схватки. Максималисты и анархисты грызутся с эсерами, трудовики — с кадетами. Со всеми спорят большевики; их окружают жадно вслушивающиеся в спор крестьяне — им хочется глубже понять, кто же это такие — большевики. Какой-то старик в сермяге протискивается ко мне.

— А у тебя земли, ежели в десятинах, сколь?

— Аршина нету, дед.

— А скота, лошадей?

— Тоже нет.

Старик отходит, видимо, удовлетворенный.

У многих вижу в руках «Правду», «Солдатскую правду», «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов» Ленина. Большевицкие листовки, брошюры крестьяне разбирают охотно.

Господствующее политическое течение на съезде — эсеровское с различными оттенками: правые, левые, центр левый, центр правый. Большевиков на тысячу с лишним делегатов всего два с небольшим десятка. Но и эта горстка для эсеров источник тревоги. Эсеры ловят в кулуарах каждого большевика и начинают его «править». Большевики, конечно, принимают бой. Спорящих тесным кольцом окружают делегаты. Борьба, в сущности, идет за делегатов из крестьян и солдат — за беспартийную фракцию, довольно многочисленную. Мы знаем, что успех эсеров здесь пока обеспечен. Но привлечь одного-другого мятущегося крестьянина на сторону большевиков — работа благодарная. Схватки же с эсерами помогают этой задаче: в споре крестьяне улавливают суть партийных разногласий по тому или иному вопросу. Здесь многие крестьяне впервые узнали, что за немедленное уничтожение частной собственности на землю стоят не эсеры, как они об этом вещали, а большевики; впервые они услышали, что большевики являются защитниками крестьянских интересов.

Открытие съезда

Наступил день открытия Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Глубокая, упорная вражда разделила делегатов на непримиримые группы. На правой стороне битком набитого зала сверкают офицерские погоны, видны умиленные бородатые лица пожилых, более зажиточных крестьян; в центре — крестьяне, которых по виду не определишь, то ли бедные, то ли зажиточные, унтер-офицеры, солдат не много. Слева же сидят почти исключительно рядовые солдаты. Крайнюю левую сторону зала заняли группы большевиков, максималистов, анархистов. В ожидании открытия съезда все уткнулись в пахнущие краской свежие номера газет. В руках каждого делегата пачка газет различных направлений. Всем хочется узнать, что пишут друзья и враги, какой новый шаг сделан революцией, какие вырисовываются перспективы.

Съезд открыт. За длинным столом, покрытым красной материей, разместились эсеровский президиум. Во главе его — эсер Авксентьев с бородой патриарха. На лицах победные улыбки, улыбки хозяев. Косой саркастический взгляд в сторону левых и острое словцо на ухо соседу. Вот-где мы где, а вы в уголочке прижались сиротами.

И полились речи. Говорит Авксентьев. Речь его, как, впрочем, всегда, тягуча, нудна. Кажется, что на трибуне стоит не «революционер», как он себя именуется, а старообрядческий начетчик.

— Впервые многомиллионное русское многострадальное крестьянство, — говорит Авксентьев, — имеет возможность свободно собраться и устами своих делегатов свободно, во всеуслышание заявить о своих вековых нуждах, чаяниях, свободно вывить свою волю к земле...

Слова «многомиллионное», «многострадальное», которыми пересыпана речь эсера, вызывают особое умиление в правой стороне зала. Как будто от этих слов на крестьян снисходит особая благодать. Как будто слова могут их, обездоленных, накормить, напоить, обогреть.

Партия эсеров — традиционный представитель крестьянства до Октября. В конечном счете, считают эсеры, все в стране зависит именно от крестьян. Крестьянство политически слабо развито — тем лучше: его легче обмануть. У крестьянства есть свои особые идеи — ну что ж: на них можно спекулировать. Да кроме того, крестьяне составляют больше восьмидесяти процентов населения России. Цифра нешуточная.

С первых же своих шагов съезд столкнулся с вопросом о коалиционном правительстве. Делегаты заранее были распропагандированы и приготовлены к горячей поддержке Временного правительства. Многие по своей простоте душевной думали, что если есть в правительстве несколько человек из так называемых социалистов, то власть находится чуть ли не в руках самого крестьянства. Они не знали, что эти «социалисты» были в плену у буржуазии. Министрам-«социалистам», выступавшим с приветствиями, устраивались овации.

Лидеры эсеров говорили о Временном правительстве как о своем правительстве, призывая съезд к поддержке этого правительства и к защите его от «внутренних врагов» — большевиков и... монархистов. В противовес Советам рабочих и солдатских депутатов и был создан крестьянский съезд. Он, по мысли учредителей, должен стать опорой Временному правительству.

Такова была линия эсеров в вопросе о власти, но не такова была линия крестьян. Правда, съезд выказал полное доверие Временному правительству и торжественно обещал свою поддержку в его политике. Но ненадолго! Ни Временное правительство, ни эсеры и меньшевики не смогли удержать в берегах крестьянское половодье и предотвратить разрушение помещичьего землевладения.

Большевики развернули огромную разъяснительную работу во время съезда среди его делегатов. Политический опыт самих масс, особенно со времени образования коалиционного правительства, подтверждал справедливость большевистской политики. Влияние большевиков росло по всей стране. Уже на съезде мы узнали, что Кронштадтский совет объявил себя единственной властью в городе, вынудив подать в отставку комиссара Временного правительства. Вслед за ним Ревельский совет рабочих и солдатских депутатов также отстранил от власти комиссара Временного правительства.

Углубляясь и расширяясь, революция вторгалась в промышленность, проникала в деревню. Советы рабочих депутатов отдельных промышленных центров контролировали производство и распределение продуктов, регулировали торговлю. В ряде губерний росло крестьянское движение. Не дожидаясь Учредительного собрания, крестьяне захватывали помещичьи земли. Съезд крестьян Пензенской губернии постановил передать в распоряжение волостных крестьянских комитетов все земли, не засеянные помещиками и их арендаторами.

Наиболее жгучий вопрос на съезде — вопрос о войне. Эсеры высказываются за продолжение войны до победного конца, за наступление на фронте. Вот один из них выскакивает на трибуну и обращается к солдатам с призывами поднять упавшую дисциплину и стойко защищать интересы «свободной России».

— Мягко стелет, да в окопах-то не ему сидеть, — слышу рядом.

Ура-патриотические речи эсеров крестьяне и особенно солдаты встречают холодно. Им больше по душе лозунги «Долой войну!», «Немедленный мир через головы правительств воюющих держав!».

С приветствиями выступают иностранные «социалисты» Тома, Вандервельде и другие. Говорят от имени пролетариата. Уверяют съезд, что рабочие и крестьяне союзных государств хотят войны для разгрома немцев, чтобы получить затем вечный мир.

Делегаты вполголоса переговариваются:

— Петрович, а чегой-то этот Вандервельде сытый такой? Рази ж такие пролетарии бывают?

— Кто его знает? Могёт быть.

— Видите ли, гражданин, Вандервельде — крупнейший деятель рабочего движения. А что одет хорошо, так ведь в Бельгии, Англии, Франции условия жизни рабочих не сравнить с теми, что в России.

— Не сравнить? Сравнить! — вмешивается третий. — Так же живут. И там столько же эксплуататоров. А эти, сытые, разве ж они рабочие? Цепные псы капитала.

Большевики берут верх

Волнует крестьян и продовольственный вопрос. Они довольно яро нападают на Временное правительство, особенно на министров-«социалистов». Стоят на трибуне, бросают в лица сидящих в зале тяжелые глыбы угрюмых фраз:

— Что в деревне? Хлеб отбирают, дешевых товаров не дают. Требуют хлеб для фронта, для спасения революции. Спасай революцию, давай хлеба! А на чем его сеять? На чем? Земли-то не дают! Не дают земли.

— Ну, есть, есть если земля? Пара десятин. Чем обрабатывать? Нет сельскохозяйственных орудий. Нету. Нечем обрабатывать!

В кулуарах приходится слышать такие разговоры:

— Революция — это болезнь. Большевизм опасен, опасны его заразные идеи о «пролетарской диктатуре».

— Голод вернет русскому народу здравый смысл.

Ого! Это кто-то из «толстых». Из тех, кто поджигал и затоплял угольные копи близ Харькова, кто приводил в непригодность машины на московских текстильных фабриках, кого ловили железнодорожные рабочие на порче локомотивов.

Солдат с усталыми грустными глазами рассказывает, что из петроградских городских складов почти открыто расхищаются продовольственные запасы; кто-то подсчитал, что при таком положении запаса зернового хлеба, рассчитанного на два года, не хватит городу и на месяц.

Подхожу ближе, вмешиваюсь в разговор, говорю о том, что Временное правительство создало атмосферу всеобщей подкупности и чудовищной лжи; что только большевики верны своему слову, что совсем по-другому пойдет дело, когда всю власть возьмут Советы, представители миллионов рабочих, солдат и крестьян.

Слушают, слушают жадно, кричат:

— Верно! Долой спекулянтов!

— Это он, братцы, правильно сказал...

Эсеры видят, как делегаты из крестьян и солдат все больше напирают на Временное правительство, как они на глазах левеют: крестьяне за эти дни (съезд заседал почти месяц) многому научились. Лидеры эсеров напрыгают все свое ораторское искусство, чтобы удержать руководство съездом. Однако в продовольственном вопросе левая часть съезда пробила значительную брешь. Натиск большевиков отразился в резолюции по продовольственному вопросу, самой левой из всех резолюций съезда.

Дайте землю!

Основной вопрос съезда — о земле. Схватка партийных течений жестока; резко выявляются разногласия двух точек зрения: большевистской и эсеровской.

Эсеровская головка умоляет крестьян «не творить анархии в земельном вопросе», не следовать призывам большевиков о немедленном захвате помещичьих земель. Это грозит-де крестьянской междоусобицей, кровопролитием. Земельные комитеты на местах нужны, спору нет, но они должны быть разбавлены «сведущими людьми». Затем они должны взять на учет и под контроль все земли. И только! Ни в коем случае не посягать на помещичью земельную собственность! Будет время, соберется «хозяин земли русской» — Учредительное собрание, — и тогда можно обсудить земельную реформу, определить порядок землевладения. Таков смысл выступлений эсеров.

Крестьянин на трибуне. Свитка, заплаты. Лицо дергается, худое, нервное.

— Что болтают? О чем говорят? Кто хозяин? Учредилка? По-остой! Крестьянин с пролетарием вместе. Вот они — хозяева земли русской! Землю — крестьянам. Им! Тем, кто революцию делал, дать власть — трудящимся!

А эсеры словно не слышали. Нудят по-прежнему. Подчеркивают роль интеллигенции в борьбе с царизмом. Крестьяне, дескать, должны быть вечно благодарны интеллигенции. Это она облагодетельствовала их революцией.

Приехал Чернов. Боднул усами воздух. Пожал руки президиуму. Заговорил самодовольно:

— Я министр земледелия, но я прежде всего член партии социалистов-революционеров. Земля не должна быть ничьей собственностью. Захватывать землю глупо, это на руку зажиточным: где же бедноте управиться с землей, у нее ведь нет инвентаря.

Фразы толкаются в серые шинели, вязнут в них. Сошел с трибуны. Откуда-то к нему сразу тянется корявая, измозоленная рука:

— Дайте землю! На кой ляд нам эти разговоры? Крестьянам нужна земля. Вот глянь сюда — мозоли. На земле работаю. А вот дыры. Больше я со своей работы ничего не имею. Дайте землю!..

Землю не дали.

На митинге

В «Правде» коротенькая заметка: на митинге протеста против осуждения австрийскими властями на смертную казнь Фридриха Адлера выступит Ленин.

Еду на митинг. Гудит каменный город от непрерывной трескотни трамваев, воя автомобильных сирен, грохота проезжающих броневиков и артиллерии, топота галопирующей стражи Временного правительства. Вздыхлен бурей революции Питер. На улицах — серые шинели, рабочие кепки, сибирские сермяги, самарские понитки, кавказские бешметы. Кое-где мелькают шляпки, шелковые тряпки, намалеванные губы, котелки, офицерские кокарды и погоны. На грузовиках, на фонарных и телеграфных столбах, на балконах и крышах домов — ораторы. Толпа, как от пулеметного огня, открываемого то с той, то с этой стороны, шарахается от одного оратора к другому.

Но вот и огромный двор перед каменными корпусами. Кругом ограда из тесин, выкрашенных желтой краской. У одного из корпусов новенькая трибуна. Перила. Несколько ступенек. У трибуны кучки рабочих. Оживленные разговоры, озабоченные лица, деловое выражение. Люди идут, идут. Их тысячи, а они все идут. Море голов. Какой же тут оратору нужен голосище!

На трибуне целая группа. Кто Ленин? Какой он?

Взрыв аплодисментов. Загудело по толпе:

— Ленин... Ленин... Ленин...

По ступенькам взбегаёт невысокий плотный человек. Скуластое лицо, рыжеватая бородка клинышком, подстриженные усы. Темный пиджак. Кепка. В прорезе жилета белый треугольник рубашки, галстук.

Так вот какой Ленин! Совсем простой. Предельно прост. Эти глаза, лоб... Я не аплодирую. Я забыл об этом. Я смотрю и смотрю. А кругом гремит.

Ленин отцепил от жилета ремешок, вынимает из кармана часы, кладет на левую ладонь, заматывает вокруг большого пальца ремешок. Он готов. Но аплодисменты не ослабевают.

Вот она, любовь к Ленину! Есть чего бояться имущим классам.

Ленин стал говорить. Все стихло тотчас. Послышался плавно льющий-ся, чуть с натужинкой, голос. Слегка картавит. И снова ощущение простоты, предельной простоты, за которой скрыты глубокие, очень емкие и очень нужные мысли.

Ленин анализирует международную обстановку, громит социал-предателей всех мастей, как западных, так и российских. И каждое его слово дышит уверенностью в победе социалистической революции, которая положит конец и империалистической войне.

Иногда всплескивают аплодисменты, но они быстро смолкают: боимся пропустить хоть одно слово.

Ленин кончил. И... люди словно хотят вдребезги разбить свои ладони. Ленин нагнул голову, помахал рукой. Сошел с трибуны в толпу. Моментально образовался коридор. Ленин быстро прошел по нему до автомобиля. Обернулся. Снова машет рукой. Автомобиль, развесив сизый шлейф дыма, скрылся за поворотом.

Наша фракция

Протоколов заседаний фракции большевиков нет. Да и самых-то заседаний нет. Совещаемся, обмениваемся мнениями на ходу. Разживин, председатель фракции, то и дело звонит по телефону в ЦК партии большевиков, спрашивает директивы по тому или иному вопросу. Часто ходит во дворец Кшесинской, потом наскоро знакомит с инструкциями членов фракции.

Члены фракции теоретически пока слабо развиты. Ответственность же наша на таком важном и огромном съезде велика. От поведения фракции на съезде зависит многое. Ведь через головы делегатов съезда мы говорим с крестьянской массой. Недаром Ленин горячо интересуется работой фракции и иногда забегаёт к нам на несколько минут. Забежит, встряхнет сильно, по-дружески руку, спросит:

— Ну? Что скажете?

Ничего не советует, только спрашивает, но как-то так получается, что в самых его вопросах уже есть ответ, подсказка.

С речами от фракции выступают только те, кто может говорить ясно, толково. Каждое выступление большевистского оратора встречается и идет под аккомпанемент шиканья, демагогических криков и свиста справа. Нельзя сбиться, нельзя дать себя запугать. Очень редко большевистский оратор вызывает аплодисменты съезда, но и те скудные. Но всегда видишь с трибуны, как жадно вслушиваются в каждое слово большевика беспартийные крестьяне. И пусть они не хлопают, это не так уж важно. Они слушают и запоминают.

Уличные «бои»

В зале заседаний съезда присутствуют лишь несколько человек из большевистской фракции. Здесь нужны только ораторы от фракции и «уши», чтобы знать о том, что творится на съезде. Остальные ведут яростную борьбу с противником вне стен Народного дома — на улицах и заводах Петрограда. Идут уличные «бои» — митинги, споры, дискуссии. Там, на улицах, решается судьба революции, а не на съезде крестьянских депутатов. Там идет борьба не на живот, а на смерть с буржуазным влиянием на рабочий класс, на солдат, на крестьянство.

Сотни тысяч людей толпятся на улицах Петрограда. День и ночь бурлит людской поток. Автомобили, украшенные плакатами, утыканые тесно стоящими вооруженными людьми, врезаются в многотысячные толпы. С автомобилей произносятся пламенные речи, разбрасываются листовки. Толпа разбивается на кучки. В каждой идет схватка представителей разных партий. Петроград в те дни — кипящий котел. Стотысячные массы дробятся, сливаются, перегруппировываются. Всем хочется услышать острое точное слово, которое дошло бы до самых глубин сердца. Каждому хочется сделать безошибочный выбор между партиями, чтобы положить свой голос на весы истории и классовой борьбы.

Особенным успехом у массы пользуются фронтовики. Они выступают горячо. Их слушают внимательно, ибо знают, что от позиции солдат во многом зависит судьба революции.

Вон какой-то офицер взбирается при помощи других на стул. У него обе руки на перевязи — перебиты. Его окружает тысячная толпа. Он рассказывает об окопной жизни, о страданиях солдат.

— Солдаты все же хотят довести войну до победного конца!

Он преисполнен ненависти к большевикам. Говорит красиво, увлекательно. Его слушают сперва внимательно. Потом кричат:

— Врет офицер! Фронтвики не хотят больше воевать. Долой войну!.. Фронтвики за большевиков!..

Буря аплодисментов. Офицер пытается еще что-то сказать, но ему не дают, его прогоняют свистом.

В эти дни идет отчаяннейшая борьба между партиями за каждую человеческую душу. Предстоят выборы. Идет бой за массы. Такая же картина и на заводах.

Почти круглые сутки участвуем мы в этих боях. Днем разъезжаем по заводам, а вечера и ночи проводим на улицах. И так изо дня в день, из ночи в ночь. А ночи стоят белые.

На съезде — Ленин

Фракция большевиков съезда пригласила Ленина, чтобы он дал ответ на ряд вопросов. Вопросы эти возникали в результате хода работ съезда и, в частности, в связи с «Открытым письмом» Ленина. Для членов фракции были непонятны некоторые положения по аграрному вопросу.

Председателю фракции Ленин обещался быть в десять часов утра. Все волнующие фракцию вопросы уже кратко сформулированы и зафиксированы на бумаге. Точно в десять пришел Владимир Ильич. Ему подали вопросник. Мельком проглядев, он возвращает его.

— Вы сами читайте мне каждый вопрос отдельно, а я буду отвечать.— Ленин опустил на стул около стола.

Мы были страшно удивлены, услышав краткие, предельно ясные ответы. В пять минут Ленин покончил с вопросником. Ни одного лишнего слова! Ответил, поднялся, кивнул на прощание головой. Нам стало стыдно, как мы не понимали до сих пор таких простых положений.

— Владимир Ильич,— предложил председатель фракции Разживин,— не выступите ли вы перед съездом?

— А? С удовольствием. Да, да! Конечно!

Разживин уходит в президиум. Возвращается скоро. Отказали. Не дали выступить Ленину. Мы огорчены, возмущены. И вдруг слышим смех. Ленин смеется! А смеется он необыкновенно. Нагибает голову, закрывает пальцами глаза и смотрит правым сквозь два раздвинутых.

— Не пустили? Это хорошо. Значит, бояться. Ну, ничего, я выступлю. Пустят.— Уверенно качнул головой и ушел.

И действительно, 22 мая Ленин выступил на съезде от имени фракции с докладом по аграрному вопросу.

Стоящий в зале шум вдруг стихает, когда Авксентьев говорит: «Слово принадлежит товарищу Ленину».

И только прозвучал сильный, немного гортанный голос, как с правой стороны зала закричали:

— На каком основании Ленину дается слово? Ведь он не делегат съезда. Не давать ему слова!

В зале поднялся ропот, гул. Но Ленин стоит совершенно спокойно, охватив пюпитр обеими руками и вдумчиво оглядывая беснующихся правых. Наконец шум как бы утомился, стих.

— Я пришел сюда,— говорит Владимир Ильич,— как член большевистской фракции, надлежащим образом избранный на настоящий съезд,— и он высоко поднимает над головой мандат (у Ленина совещательный голос).

Авксентьев подтверждает это. Ленин начинает доклад. В начале речи летят с правых скамеек реплики. Недолго. Вот они смолкают. Ленин говорит в абсолютной тишине.

Он разъясняет политику большевиков по трем главным вопросам: о земле, о войне, об устройстве государства. Ленин вносит резолюцию по

аграрному вопросу. В ней предлагается все помещичьи, частновладельческие, удельные, церковные и другие земли немедленно и без всякого выкупа передать народу. Частная собственность на землю, говорится в резолюции, вообще должна быть уничтожена, то есть право собственности на всю землю должно принадлежать только всему народу; распоряжаться же землей должны местные демократические учреждения. В большевистской резолюции указывалось, что переход помещичьих земель к крестьянству без выкупа не может быть осуществлен без тесного союза крестьян с городскими рабочими, без перехода всей государственной власти полностью в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Делегаты, особенно крестьяне, напряженно всматриваются в лицо Ленина, следят за его жестами. Его слова четки, ясны и всем понятны. И нет ничего в этом человеке чуждого, а все свое, родное. Меткие, острые, как стрелы, фразы, обличающие Временное правительство и социал-предателей, вызывают овацию. Аудитория завоевана, покорена!..

И долго в кулуарах, в общезитии крестьяне и солдаты говорят о Ленине. Они готовы принять призыв Ленина к немедленному захвату и разделу помещичьих земель, готовы провести в жизнь его предложения.

Делегатов запугивают. Вожди эсеров говорят, что если крестьяне вздумают провести в жизнь предложения Ленина, если съезд вынесет постановление о немедленном захвате земли, то это заставит уйти из Временного правительства министров-«социалистов». А их уход грозит кризисом. Кризис вызовет анархию в стране, и революция погибнет. Политически неграмотные крестьяне и солдаты начинают раздумывать.

По докладу Ленина выступил ряд эсеровских лидеров. Они дружной атакой движутся на развитые Лениным положения по аграрному вопросу. Выступаем и мы. Много говорим по вопросу о войне. Крестьян и солдат на съезде особенно манят к себе лозунги: «Долой войну, немедленный мир!» Но они боятся немецкого нашествия, которое-де задушит революцию, и Вильгельм посадит опять на трон Николая Второго. Этим пугают съезд эсеры и меньшевики. Все же большевистские принципы по вопросу о войне поддерживаются многими беспартийными делегатами. Народ от войны устал, он жаждет мира во что бы то ни стало. Принята воинственная резолюция, но три четверти делегатов таят острую ненависть к войне.

Окончание съезда

В «Известиях I съезда крестьянских депутатов» печатаются указы с мест. По вопросу о земле большинство — в духе эсеровской социализации. На их основе съезд должен выработать свой наказ, которым будут руководствоваться в своей деятельности исполнительный комитет съезда и министры-«социалисты». Составление поручено будущему исполкому. Испугались, что ли?

Съезд закрылся. Мы разъезжаемся с тяжелым чувством. На съезде мы воочию убедились, какие еще огромные опасности стоят на пути революции.

Много и светлого. Выступления Ленина, личное знакомство с ним, настроения многих делегатов. Часто приходится слышать в общезитии на Выборгской стороне:

— Крестьяне на местах думают по-большевистски. Одним крестьянам, конечно, не совладать. Союз с рабочими, — так оно крепче будет.

— Дома все резолюции используем по-своему, в духе большевистских лозунгов. Плевать, что здесь за эсеров голосовали.

Это дает уверенность, что семья большевизма, брошенное на съезде, даст пышные всходы в деревнях.

Так оно и было!

И. ЕРЕМЕЕВ,
член КПСС с 1917 года

ЛЕНИН У ПУТИЛОВЦЕВ

Мне много раз приходилось слышать Ленина. В своей речи, всегда очень простой и доходчивой, Владимир Ильич, как никто другой, умел высказать и объяснить именно то, что больше всего волновало людей в данный момент.

Хочется рассказать о его выступлении на Путиловском заводе, где я тогда работал.

12 мая 1917 года сообщили, что к путиловцам приезжают министры Временного правительства, вожаки эсеров Чернов и Авксентьев, лидеры меньшевиков Дан, Грибков, Вайсберг. Дело в том, что на Путиловском заводе в то время было великое множество политических партий, всяких группировок. Меньшевики и эсеры всеми мерами стремились повлиять на рабочий класс, тем более, что симпатии простого народа все более и более склонялись на сторону большевиков. Вот для этой-то цели соглашатели и двинули на нас «тяжелую артиллерию» — своих лидеров-краснобаев.

Время для уговоров выбрали наиболее удобное — стык утренней и вечерней смены, когда во дворе завода собралось около сорока тысяч человек.

Попеременно сменяя друг друга на трибуне, «оратели», как мы тогда их называли, долго распинались, стараясь доказать рабочим правильность своей политики. Главная их цель была заставить нас принять уже подготовленную резолюцию. Положение у них было незавидное, потому что в резолюции, за которую нам предлагалось проголосовать, говорилось о продолжении империалистической войны, которая давным-давно всем осточертела.

Путиловцы не поддавались на уговоры:

— Чего воевать-то? За кого?

— Кончайте скорее войну, давайте землю крестьянам!

Но и по вопросу о земле представители коалиционного Временного правительства не могли сказать ничего утешительного. Вместо прямого ответа они что-то мямлили об Учредительном собрании, которое, дескать, скоро соберется и все устроит к общему благополучию.

«Селянский министр» эсер Виктор Чернов обрушился на большевистскую партию. Он сравнил большевиков с неугомонной старухой из сказки Пушкина о золотой рыбке: «Что им ни дай, все мало».

— Дали свободу, говори сколько угодно. Ввели в состав нового правительства министров-социалистов. Да мало ли свобод получил народ после Февральской революции? — выкрикивал он исступленно. — Если вы пойдете за большевиками, то можете остаться у разбитого корыта, ни с чем.

А надо сказать, что путиловские большевики, узнав, что на заводе появятся такие «зубры», попросили Владимира Ильича Ленина приехать и выступить на этом митинге. Он согласился.

И вот на заводском дворе Владимир Ильич появился как раз в то время, когда Чернов рассказывал о жадной пушкинской старухе. Здороваясь на ходу с рабочими, Ленин быстро пробрался к трибуне. Иронически улыбаясь, он живо бегал глазами по лицам рабочих, следя за впечатлением от слов Чернова. Чувствовалось, что его так и подмывало поскорее выступить.

Наконец Чернов выдохся и замолчал. Все внимание присутствующих сосредоточилось на небольшой фигуре Ильича. Ленин выступил страстно

и проникновенно. Он говорил рабочим об ужасах империалистической войны, рассказывал о миллиардах сверхприбылей, которые загрела буржуазия, наживаясь на мировой войне, о том, кому выгодна и нужна эта бойня.

Забыв про предложенную ими резолюцию, не выдержав мощного натиска Ленина, высокопоставленные «оратели» под крики рабочих «Долой войну!», «Долой соглашателей!» поспешно покинули заводской двор.

После выступления Ленина нам всем стало ясно: Временное правительство не может защитить наших интересов; эсеры и меньшевики, поддерживающие его, изменили делу народа.

Что творилось в этот день на заводе! Многие рабочие, члены эсеровской, меньшевистской, кадетской и подобных им партий, публично рвали на клочки свои партийные билеты. Не забуду сцены, которая разыгралась в кузнечной мастерской. Был у нас один старый кузнец, теперь забыл его фамилию, помню только, что его звали все «дядей Кузей». Так этот «дядя Кузя» состоял членом партии социалистов-революционеров. Но сначала надо рассказать вот о чем. Мелкобуржуазные партии стремились всеми способами завербовать как можно больше членов в свои ряды. Эсеры, например, зная, что партийные взносы большевиков составляют 75 копеек, у себя установили взнос в 50 копеек. В то время у нас на заводе считалось неприличным не состоять в одной из партий, и неграмотные рабочие, плохо разбираясь в платформах различных партий, вступали в их ряды по самым разнообразным причинам. Иногда в решении выбора партии играл роль и вопрос о членских взносах. Эсеры хорошо учили это положение, потому что, став членом партии, человек посещал их собрания и в конце концов, подвергаясь всевозможной идеологической обработке, поддерживал их решения и резолюции.

По такому принципу стал в свое время эсером и «дядя Кузя». По натуре своей он был человек бережливый, расчетливый и, выбрав себе партию «подешевле», первый всегда горланил в ее защиту. Выступление Владимира Ильича заставило задуматься и его. После митинга он забрался в темный угол и о чем-то мучительно, сосредоточенно размышлял. Рабочие бурно обсуждали выступление Ильича, соглашались с ним, смеялись над меньшевиками и эсерами, так позорно удравшими с митинга.

Один парень, сняв кепку, ходил по мастерской от группы к группе и собирал членские билеты. Со смехом, шуточками, а некоторые с проклятиями, рабочие — члены меньшевистской и эсеровской партий быстро наполняли его кепку картонными обложками билетов. Вот он обошел уже всех и с полной кучей билетов направился к горну. Но тут его остановили:

— Еще один, еще эсер остался. Вон дядя Кузя в углу сидит.

Молодежь обступила старого кузнеца. Его стали тормошить, уговаривать.

— Цыц, пострелята! — гаркнул старик. Все смолкли. — Я сам хорошо разбираюсь, где правда. Вот, нате вам! — И он бросил в кепку свой билет.

— Ура-а-а! — рякнуло с десяток молодых глоток.

Осторожно, как хрупкую вещь, ребята вынули из кучи билет «дяди Кузи» и на цыпочках поднесли его к лопате, подвешенной к потолку. Этой лопатой при помощи рычагов многопудовые болванки из горна легко переносились на наковальню парового молота. Под торжественное пение «Со святыми упокой» злополучный билет на лопате несколько раз проплыл из конца в конец мастерской и только после этого вместе с другими билетами был предан торжественному сожжению.

С этого дня Путиловский завод стал окончательно большевистским. Эта победа Владимира Ильича над меньшевиками и эсерами тем более имела огромное значение, что по Путиловскому заводу равнялись все рабочие Петрограда.

И. ГРОНСКИЙ,
член КПСС с 1918 года

„ЛЕВОЕ ПЛЕЧО ВПЕРЕД!“

Весна 1917 года наступала стремительно. Еще вчера лежал снег и свистел ветер. Сегодня уже тоненько позвякивают ручейки, промывая в грязном пористом снегу узенькие канавки. А завтра прынут реки, понесут слежавшуюся зимнюю грязь, омсют землю, и она, юная, сильная, радостная, распряжится, готовая родить новую жизнь.

Весна торопится...

Солдаты думают

Те дни застали меня на фронте. Вдали голубеют озера, перерезанные косыми крестами колючей проволоки. Брустверы окопов жирно чернеют под солнцем. От них одуряюще пахнет землей.

Люди, одетые в серые шинели, грустят. Широкоплечий, широкобородый, широкоскулый солдат прислонился спиной к брустверу, подставив затылок солнцу, смотрит неподвижно, не видя. Солдат поет. Бесхитрый, колеблющийся мотив:

Побывал бы теперь дома,
Поглядел бы на котят.
Уезжал — были слепые,
А теперь, поди, глядят...

Солдаты слушают. В знакомой песне они улавливают сейчас много смысла: тут — война, там — просыпающаяся земля, обветшалая изба...

— Были слепые, теперь вроде прозрели... Кончил петь солдат. Молчат все.

— Торопится весна, — говорю я.

— Торопится, — раздумчиво отвечает кто-то.

Помолчали.

— А ведь я третий месяц революции переваливаем, — снова говорю, пытаюсь поднять настроение, сбить грусть.

Солдат, певший песню о котятках, смотрит на меня:

— Эх, друг, а толку что? Май на носу, а где мир? У кого земля? Не доделали революцию, что ли?

Вот это уже настоящий разговор. Вот он, позвякивающий первый весенний ручеек: где мир, у кого земля?..

Всю войну я провел в армии на нелегальном положении. Переменял за это время свыше десятка фамилий. Побывал даже в Дикой дивизии. Накануне Февральской революции служил солдатом в 279-м Лохвицком пехотном полку. Был избран председателем корпусного подпольного комитета левого блока, куда входили не только большевики, но и максималисты, анархисты-коммунисты, которых толкала к большевикам солдатская масса.

В апреле по партийным делам я побывал в частях другой армии, стоявшей около Риги. Навстречу мне из жидкой окопной грязи поднимались люди. Босые. Изможденные голодом и болезнями лица. Сквозь дыры в шинелях синело голое тело. Но первое, что они спрашивали, было:

— Литература есть?..

За Лениным

В начале мая в Петрограде должен был собраться Всероссийский фронтвой съезд. Как пройдут в нашем полку выборы делегатов? Ведь еще в марте полк голосовал за правых. Временное правительство считало полк своим: в апреле он был переименован в «Ударный полк смерти».

И вот наконец митинг. Перед добротной, в несколько накатов земляной — импровизированная трибуна, наскоро сшитая из досок. Земля уже подсохла, кое-где блекло-зеленые островки прошлогодней травы. На лужайке — солдаты. Резервные части все здесь, фронтовые роты прислали делегатов. Серые шинели, в основном без погон. Бороды. Напряженные, жгучие глаза. Настроение нервное.

Месяц назад эти же самые солдаты слушали меня равнодушные, холодные. И вдруг замечаю в толпе широкобородого солдата, того самого, который, тоскуя, пел в окопах о кстенке. Ну, уж если фронт прислал таких сомневающихся, спрашивающих, где мир, — наша взяла.

Выдвигают кандидатов. Здесь все партии: большевики, максималисты, интернационалисты, правые эсеры, меньшевики, анархисты. Одни кадеты не выставили кандидатур; эти уверены в провале.

Начал меньшевик, председатель полкового комитета Петрашкевич. «Единство... Правительство... Демократия...» Слушают. Хлопают. А глаза щупают стоящих у трибуны, ждут.

На трибуне солдат, маленький, смуглый, словно прокопченный в детстве.

— Единство? Правильно. А с кем? — Солдат вытянулся в струнку перед стоящим на трибуне офицером в подполковничьих погонах. — Ваше высокоблагородие, дозволейте поцеловаться.

У офицера брезгливо дернулась назад голова, он отступил в сторону.

— Вида-али? — Солдат захохотал, аудитория ответила сочувственным гулом. Солдат повернулся к Петрашкевичу: — Так как насчет единства и демократии? Молчишь? А вот его, подполковника-то, я давно знаю — заводом владеет. Труд мой грабил... А почему фронт гслодает? Купец в амбарах хлеб держит, цену набивает. Всех их единой мозолистой рукой — и в расход.

Из толпы сразу:

— Чего врешь! А война?! Сперва ее надо завершить.

— Война!.. — Солдат оцетинился. — Тебе она очень нужна? Нет? А чего ж ты воюешь? Капиталисты тебя посылают. Сами шоколад золотыми ложками жрут, а умирай за это ты. Война! Она ж, чудак, для того, чтоб у помещика землю не отобрали, чтоб заводчик барыш из рабочих выжимал, а спекулянт грабил бы.

Толпа на лужайке думает, гудит.

Выскочил кто-то из правых. Затараторил, заторопился:

— Дело не в том, у кого будет власть. Беда наша не в правительстве, не в капиталистах, а в войне.. Но пока война не окончена, никакие изменения недопустимы... Большевистские агитаторы — демагоги...

Лужайка хохочет. Солдаты уже разбираются в партиях и более или менее в их программах.

— Забудем на время классовую борьбу, — иступленно призывает очередной оратор.

Дальше ему не дали говорить. Мощный бас перекрыл шум:

— Да, этого вы очень хотите!

Выступает подпоручик Бакурадзе. Подождал, пока стихло, бросил коротко:

— От имени анархистов-коммунистов заявляю: будем голосовать за кандидатов на фронтвой съезд, выставленных большевиками.

Взрыв аплодисментов. На трибуне явная растерянность.

Сквозь толпу пробился рыжеусый солдат с залысым лбом, шинель внакидку.

— За Лениным надо нам идти. Я вот его один раз слышал, а в огонь и воду за него пойду. Ленин даст землю крестьянам, заводы рабочим, мир народам. А всех других слушать — тьфу! — обман и ничего более.

Делегатами на Всероссийский фронтальной съезд были выбраны выдвинутые большевиками штабс-капитан Василий Климов и я.

В Таврическом дворце

Петроград. Над всеми общественными зданиями красные флаги. Императорские вензеля и орлы повсюду сорваны или прикрыты стыдливо. Но почти все чиновники продолжают носить прежнюю форму с императорскими орлами на пуговицах. Около пяти часов вечера тротуары заполнились пожилыми людьми в форме, с портфелями. Они шли серьезные, сосредоточенные, вероятно, высчитывали, сколько осталось подождать до чина статского советника, до почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Анной на шее за беспорочную царскую службу. Ведь в полной силе оставалась «табель о рангах».

...Косые лучи солнца грели желтые стены Таврического дворца, красным пламенем поджигали стекла окон. К вечеру подмерзли лужицы, позванивали хрупким ледком под ногами. А в круглом огромном зале заседаний было душно. Сизый дым плыл под потолком на президиум. Радужные нимбы лампочек тускло просвечивали сквозь его толщу. Изредка кто-нибудь из президиума выплывал из дыма, кричал натужно:

— Товарищи, прекратите курение!

Курильщики, не выпуская из рук самокруток, подхватывали:

— Кончай дымить, ребята!

Но разве можно тут без курева?!

Уже не помню последовательности выступлений на фронтальном съезде. И те речи, которые здесь приведу, естественно, нельзя считать стенографически точными.

Вот появился в зале Керенский. Бледный, худой. Закрытый китель. Волосы ежиком. Рука на черной повязке. Встал на трибуне, откинулся назад. Закрыв рукой глаза и медленно, как бы с трудом, отвел ее.

— Я думал, что после революции я увижу организованность и порядок, а увидел разнузданную стихию.

Речь Керенского криклива и бессвязна. О чем он говорил, толком нельзя было понять: самооправдание, самовосхваление и желчные нападки на политических противников — все это у него перемешалось до невозможности.

— Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием политического невежества и преступных инстинктов части населения. Мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушения и погромов.

Это о большевиках.

Оглядываюсь. Рядом солдат. У него хорошее ясное лицо. Глаза голубые, восторженные. Хлопает.

— К чему зовут вас, честных русских людей, солдат, эти так называемые ленинцы и большевики? Раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма...

И снова что-то о себе, о совести и чести «великой русской демократии». Путается, юлит и — играет, играет, как самый скверный провинциальный актер. И, наконец, довел себя. Зарыдал. Зарыдал громко, на весь зал, положил лицо на ладонь, упершись локтем в стол.

Кто-то меня трогает за плечо. Смотрю: сосед, голубоглазый солдатик.
— Слышь, паря, скажи: с чего это он? Прослушал все, а так и не разумею — о чем говорил-то?

Я наскоро объяснил. Солдатик понял, обозлился, даже глаза заледенели. Он вскочил, хотел что-то крикнуть, но на трибуне уже стоял делегат от 8-й армии:

— Тут нам уважаемый представитель партии эсеров пел о великой совести демократии и что большевики, мол, используют преступные инстинкты. А известно ли почтенному эсеру Керенскому, что офицеры не хотят работать с нашими комитетами, что они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их? Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого Временное правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах.

Голубоглазый сосед уже не спрашивает меня ни о чем. Он кричит:

— Правильно! Мира ждем!

И зал сочувственно аплодирует.

Кто выступал от ЦК РСДРП(б), я сейчас не помню. Свое выступление он целиком посвятил войне и ленинским Апрельским тезисам. Зал затих. Слушали, не шелохнувшись. И когда увидели, что человек на трибуне вдруг закашлялся, прервал речь и порывистым нервным жестом стал разгонять перед собой дым, весь зал — а некурящих, кажется, не было — на секунду скрылся за спинками стульев: тушили о каблуки самокрутки.

Перерыв. Поток делегатов выплеснулся на улицу. Вокруг мальчишек-газетчиков образовалась толкучка. Рабочие, солдаты расхватывали «Правду», «Социал-демократ», «Солдатскую правду», «Известия» и пренебрежительно отмахивались от популярных тогда среди обывателей различных желтых листков, блатных журналов вроде «Трепача».

И снова заседание. Снова плаваает, застилая лампочки, табачный дым. На трибуне Иракий Церетели. «Златоуст». Один из лидеров меньшевиков.

Этот не ругает большевиков последними словами. Его речь тщательно составлена. Общие, всем надоевшие фразы. Сокрушение германского империализма... Тесное единение с доблестными союзниками... Государственные интересы России... Затруднения... Защитники великого идеала и сыны великой державы...

Его сменяет Милюков. Кадет. Невысокого роста, рыжеватый. Усы, как у кота. Да и весь он похож на хитроватого сытого кота: мышей от сытости не ловит, но делает вид — чтобы не бросили кормить. Еще бы! Ведь этот самый Милюков при царе заявил в Государственной думе: «Лучше поражение, чем революция!» Для него революция — поражение в классовой борьбе, поражение более страшное, чем военное.

После своей ноты союзникам о «всенародном стремлении довести войну до решительной победы» Милюков потерял всякий авторитет у фронтовиков. Он сам это понимает и спешит скорее кончить.

— Товарищи! — кричит уже напряженно с трибуны бледный солдат. — Я приехал с румынского фронта, чтобы спешно сказать вам: необходимо заключить мир! Немедленный мир!

Он махнул рукой и сошел с трибуны. Огромная масса слушателей загудела.

— Тихо, товарищи! — Председательствовавший, солдат Людвин, зазвонил колокольчиком. — Поступило предложение: пригласить для отчета военного министра Гучкова.

— Даешь! — грохнул зал. — Пусть министр придет к солдатам.

Из президиума кто-то пошел к телефону приглашать Гучкова на съезд.

Ораторы продолжают говорить.

Но вот в президиуме задвигались, стали перешептываться. Вышел Людвин. Вернулся через пять минут.

— Товарищи! Гучков отказался прийти к нам. Я только что звонил по телефону второй раз, сказал — съезд требует. Министр повесил трубку.

Короткое замешательство, и к президиуму выскакивает делегат от нашего полка Климов. Всегда сдержанный, волевой парень, донской казак и георгиевский кавалер, на этот раз он взбешен и красен.

— Мы, армия сражающихся, мы прибыли из окопов. Уж перед кем, а перед нами военный министр должен отчитаться. А откажется, так привести его силой.

Аплодисменты. Тут же избирается делегация во главе с Климовым.

Сидим. Ждем. На трибуне сменяют один другого делегаты.

От 298-й дивизии:

— Любопытная штука. Мы воюем с капиталистами, а они сидят в нашем правительстве. А я спрашиваю, я, солдат, — за что кровь льем? За свободную Россию или за Дарданеллы, как нам лихо объяснил господин Милоков?

От 46-й артиллерийской бригады:

— Говорим: рота. А в ней три человека. Рота! Слабы мы. Пусть дадут нам продовольствие! Сапоги! Подкрепления!..

В зале шум. Все оглядываются назад, передние ряды встают. Пришел Гучков. Явился. Упитанный, плотный, он идет по проходу. На лице спокойствие, пожалуй, даже брюзгливое выражение: побеспокоили, мол, из-за пустяков.

Встал на трибуне. Ну купец, вылитый купец новой формации, все продаст, смотря по обстоятельствам: аршин сукна, а то и Россию. Потер плечо. Заговорил о войне до победного конца, об единстве с европейской демократией. Съезд молчал. Ледяная тишина нависла над залом, когда ушел министр. Только топают его тяжелые сапоги. Все быстрее, быстрее, перед дверьми Гучков почти бежал. Чуть ли не в тот же день он подал в отставку.

Причины отставки военного министра Гучкова нам, участникам Всероссийского фронтового съезда, были особенно ясны: насильный привод на съезд и позорное, под гробовое молчание представителей всей армии бегство с этого съезда. Армия выразила недоверие военному министру.

Четвертое мая — день закрытия съезда. Приветствовать делегатов пришел «знаменитый» матрос Баткин. Коренастый, наглый, глядя исподлобья, низко опустив углы губ, он выкрикивал:

— Братание — это предательство... Братание — это удар союзникам в спину и предательство по отношению к русской свободе и свободе всего человечества... У нас в Севастополе нет солдат, офицеров и командующих, все мы братья, любящие и доверяющие друг другу, а поэтому исполняющие приказ по службе своих военачальников.

Кто-то из большевиков, кажется, Климов, резко обрушился на Баткина. Его поддержали еще несколько человек. Баткин ретировался.

В резолюции, принятой съездом, говорилось:

«Совещание считает, что война в настоящее время ведется в целях захватных, вопреки интересам широких масс, и потому обращается к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов с настойчивым пожеланием принять самые энергичные, действительные меры к ликвидации этой кровавой бойни, на основах отказа всех воюющих стран от аннексий, контрибуций и на началах свободного самопределения народов. Ни одной капли крови русского солдата за чуждые нам цели».

Цитируя эту резолюцию съезда, «Правда» писала в те дни: «Браво, товарищи с фронтового съезда! То, что вы сказали в этих словах, не в бровь, а в глаз не только капиталистам, а и новым «социалистическим» министрам».

Конечно, в резолюции съезда были и уступки мелкой буржуазии, много наивностей. Вот, например, что гласит третий пункт: «Граждане-капиталисты. Будьте Миниными для своей родины. Откройте свои сокровищницы и спешите нести свои деньги на нужды освобожденной России».

Мининых, разумеется, не оказалось.

И все же главная мысль резолюции ясно говорила об отношении солдат к войне, об их большевистской точке зрения на войну.

Решительный поворот

Когда мы с Климовым вернулись в свой полк, солдаты нас встретили «Марсельезой социал-шовинистов»:

Отречемся, друзья, от марксизма,
От доктрины великой, святой.
Нам дороже кумир шовинизма,
Нам не надо борьбы классовой!
Мы пойдем к нашим новеньким братьям,
Мы к Гучкову пойдем в комитет!
Что нам стоны людей и проклятья,
Что нам Маркса великий завет?

Вставай, поднимайся, эсдек-патриот,
Иди на врага-иноземца
И бей пролетария-немца...
Вперед, вперед, вперед!

Мы с Климовым переглянулись. Эге, «ударный полк смерти» поет такие стихи, значит читает «Правду», значит...

Пятого мая, накануне отъезда из Петрограда, мы узнали об образовании коалиционного Временного правительства. Капиталисты нуждались в поддержке мелкобуржуазных лидеров: меньшевиков и эсеров. И они получили такую помощь. Вступив в состав Временного правительства в мае 1917 года, эсеры и меньшевики поддержали и укрепили шатавшуюся буржуазную власть. Руками министров-«социалистов» капиталисты делали то, чего не смогли сделать без них.

Гучков мечтал, но не решался ввести в армии дисциплинарные меры. Под шумок трескучих фраз о свободе, равенстве, справедливости новый военный министр Керенский одним росчерком пера провел в жизнь мечты Гучкова. Он утвердил «Декларацию прав солдата» — декларацию солдатского бесправия.

Помню один митинг в середине мая. Говорил солдат, худой, небритый. Он протягивал узловатые, сведенные ревматизмом пальцы и злобно глтал концы фраз:

— Деждались. Довоевались. Не исполнить приказ — против тебя вооруженную силу. Расстрел, — так понимать? Без суда, без следствия, значит. Командир тебя бьет, а ты ему щечку: вдарь еще, — вот и право солдатское! А как понять насчет свободы слова и вообще митингов? Во внеслужбное время! А где оно у солдата на фронте? Нету. Видать, к дворянской власти, обратно к царизму нынешние господа министры тянут. Ну не-ет, шалишь! Не те времена.

Но коалиционное правительство считало, что времена пришли те. Керенский приказывал немедленно расформировывать революционно настроенные части, угрожая каторгой и ссылкой за неповиновение и братание на фронте. Это были акции почище гучковско-милюковских.

А земля? То, что так волновало крестьян в солдатских шинелях? Главарь эсеров Чернов стал «мужицким» министром. Ну что ж, он делал все, чтобы сохранить помещичье землевладение и не допустить, чтобы разгорелось пламя революционного крестьянского движения. Эсеры говорили крестьянам: аренда земли по соглашению с помещиками — вот где «порядок»; отмена помещичьего землевладения — это анархия, а в общем, надо ждать Учредительного собрания. В. И. Ленин писал, что иначе, как через Чернова, эту помещичью контрреволюционную идею провести бы не удалось.

Во второй половине мая у нас состоялись выборы комитета 70-й пехотной дивизии.

Снова собрались солдаты у той же, только слегка покосившейся, трибуны. Пролетал теплый ветерок. Торчали из почек зеленые нежные пальчики листьев. Весна пришла.

Говорил Климов. Поглаживая оранжево-черный бантик «Георгия», он словно думал вслух:

— Вот у меня георгиевский крест. Значит, я храбрый солдат — не трус! Я воевал. А больше не хочу. Вместо этого хочу бить, бить проклятый капитализм. Я хочу счастья и свободы своей замученной родине. Смотрите, — он широко развел руками, — солнце, зелень, земля радуется. А у нас что? Бессмысленный ужас. Несчастный солдат насильно превращен в мясника и заперт в окопы. Мы хотим мира, а Керенский заставляет нас снова наступать, убивать людей, подставлять грудь под пули... Свобода? А почему же закрывают наши газеты, разгоняют наши комитеты, сажают в тюрьмы наших ораторов?.. Дома, в родной деревне, помещики арестовывают крестьян, борются с земельными комитетами...

Климов говорил, а я смотрел на солдат, молча и напряженно слушающих его. Многие совсем босы, целых шинелей нет, только винтовки все, как одна, блестят на солнце, хорошо смазанные. Лица покрыты серым тюремным налетом. Но винтовки блестят, и глаза отсвечивают блеском стали. Фронтовики, железный народ, эти пройдут тюрьмы, окопы, холод и голод, а винтовки будут всегда готовы к бою за пролетарское дело, и взгляд будет всегда стальным, не опустится долу перед любым врагом Советской народной власти.

Апрельские тезисы, решения Седьмой конференции большевистской партии, майский съезд фронтовиков резко повернули армию влево.

Я вспоминаю, как, вернувшись с фронтового съезда, мы усилили агитацию за большевиков. Беседы с кучками — по три—пять — солдат в окопах, блиндажах. Чтение «Правды». Газета зачитывалась так, что ее и без того довольно бледный в те дни шрифт становился совершенно невидимым. И хотя бумаги для самокруток и козьих ножек не хватало, «Правду» никто не трогал. Ее складывали и прятали.

И вот выборы в дивизионный и корпусной солдатские комитеты. В обоих — ни одного представителя меньшевиков и правых эсеров. Победа!

Встречаюсь с широкобородым солдатом, когда-то певшим о котенке. — Ну что, солдат, торопится весна?

— Весна всегда торопится, товарищ председатель комитета.

Еще в апреле — «ударный полк смерти». В мае — уже большевистская дивизия. В октябре — наиболее боеспособная дивизия в 5-й армии, сразу ставшая на сторону Советов. На выборах в Учредительное собрание 96 процентов голосов отданы за большевиков.

Левое плечо вперед! Армия пошла за большевистской партией. За Лениным!

Д. ГРАЗКИН,
член КПСС с 1909 года

СОЛДАТСКАЯ ГАЗЕТА

1

В этот день самокатчики из разных частей 12-й армии, в состав которой входил наш Новоладожский полк, с утра дежурили у дверей типографии. Ждать им пришлось долго. И вот наконец, быстро набив сумки липкими, пахучими листками свежестпечатанной газеты, они помчались на своих велосипедах обратно.

— Ребята, получай газету! Газету привезли! — неслось по окопам. Быстро разошлись четыре тысячи экземпляров первого номера.

В блиндажах, траншеях, переходах около небольшого газетного листка собирались группы солдат.

— «О-коп-ная пра-вда», — по складам, нараспев, читал бородач в серой шинели, — еже-днев-ная сол-дат-ская га-зе-та...

— Вишь, солдатская.

— А ты думал, чья? Наша, собственная!

Действительно, о создании «Окопной правды» заботились сами солдаты, на собранные ими деньги газета издавалась, она должна была громко выкрикнуть горькие окопные думы солдат, раскрыть ложь и провокации генералитета, говорить людям правду об окопной жизни, о том, что волнует сейчас родных и близких там, в тылу.

Газета была органом солдатского комитета Новоладожского полка 109-й пехотной дивизии. В состав редколлегии входили большевики — Васильев, Сиверс, Иванов, автор этих строк, а также эсер-максималист Хаустов.

За выходом первого номера следили Васильев и Хаустов. Сиверс был в Питере по делам газеты, а я целый день провел в штабе, выполняя хлопотные функции председателя дивизионного комитета. Только к вечеру мне удалось добраться до редакции.

Васильев сидел за столом и все еще изучал от корки до корки лежащий перед ним листок величиной с теперешнюю «Пионерскую правду». Увидев меня, он широко улыбнулся и хлопнул ладонью по газете:

— Видал, Гразкин, вот она! Корявая, не так чтоб красивая, но ведь своя, солдатская! Теперь свой голос имеем, попробуй заглуши его... А начинали-то как, помнишь?..

2

Весной 1916 года я, социал-демократ, большевик, попал по мобилизации на Северный фронт в Новоладожский полк. Связь с партийными организациями, находившимися в глубоком подполье, была потеряна, пришлось на свой страх и риск, в одиночку, вести агитационную работу среди солдат.

Волна шовинизма, вспыхнувшая в начале войны, шла на убыль. Солдаты-фронтовики начинали понимать, кому нужна эта бойня, тихо роптали, но сделать правильных выводов еще не могли.

Помню, как-то повели нас в канцелярию. Когда всей гурьбой мы ввалились в штаб полка, один из писарей подошел к нам.

— Ну, куда вы лезете, серая скотинка, — немного заикаясь, сказал он. По одному надо заходить.

«Серая скотинка» — это выражение было не ново, так презрительно называли солдат господа офицеры. В словах же писаря я уловил как бы сочувствие, мягкую иронию. С такими интонациями эти слова произносили

в революционной среде. Мелькнула мысль, которую я решил сразу проверить. Подошла моя очередь, и я, вытянувшись перед писарем, вполголоса доложил:

— «Серая скотинка» — рядовой Гразкин прибыл в ваше распоряжение.

Писарь быстро поднял голову и в упор посмотрел на меня.

— Извиняюсь, — защитник отечества! — с заметным юмором поправился он. Я почувствовал, что он чего-то ждет, и добавил иронически:

— Веры, царя и престола.

Старший писарь сердито оборвал наш разговор:

— Васильев! Что ты с ним торгуешься?

— Да вот недотепа попал, — подмигнул мне лукаво Васильев, — фамилию свою не может как следует назвать.

А с фамилией у меня действительно было неладно. В списках воинского присутствия я числился под двумя фамилиями: Грызкин-Гразкия. Но Грызкин был политически неблагонадежным, а Гразкин еще ничем себя в глазах полиции не скомпрометировал. Вполне понятно, что я старался, чтобы меня называли Гразкиным. Благодаря Васильеву под этой фамилией я и попал в ротные списки.

Вскоре мы встретились с Васильевым еще раз. Вначале старались прошупать друг друга. Узнав в конце концов, что мы оба большевики, познакомились ближе и наметили конкретную программу действий.

Вскоре к нам примкнул зауряд-прапорщик Сиверс. Не придерживаясь в то время никакой политической платформы, он правильно разобрался в вопросах политики и, конечно, не без нашего влияния довольно быстро стал настоящим большевиком, хорошим организатором. Так создавалась большевистская организация Новоладожского полка.

Мы активно вели пропаганду среди солдат, еще до Февральской революции успели выпустить три листовки. Писались они от руки печатными буквами на осьмушке бумаги и размножались Васильевым на штабном гектографе. Листовки рассказывали о забастовках и митингах рабочих в Петрограде и заканчивались обычно лозунгами: «Долой войну!», «Долой царя!»

Потом нам удалось связаться с большевиками Риги, около которой тогда стоял наш полк. Мы разыскали в других воинских подразделениях своих единомышленников. Это помогло шире информировать солдат всей дивизии о событиях, происходящих в Петрограде и стране. Солдаты живо воспринимали большевистскую агитацию.

Сразу же после Февральской революции меньшевики и эсеры нашли общий язык с командованием и стремились всеми средствами обеспечить себе большинство в солдатских комитетах.

В тыловых частях при штабах, в обозах окопались мелкобуржуазные и буржуазные элементы. Пропитанные духом великодержавного шовинизма, эти лавочники, сынки богачей и прочая мразь поддерживали эсеро-меньшевистский лозунг «Война до победного конца!». 9 марта их наспех собрали на совещание в Рижском театре, объявленное «всеармейским». Делегатов от фронтовых частей почти не было. Совещание сформировало Исполнительный комитет солдатских депутатов 12-й армии — «Искосол».

Для создания комитета Северного фронта был придуман другой, не менее «оригинальный» способ. В один прекрасный день во все воинские части разослали телефонограмму с предложением выбрать от полка офицера в качестве депутата «для заслушивания речей членов Государственной думы и для присутствия на официальном молебне» (цитирую по памяти). Как мы узнали потом, на этом-то «молебне» и был учрежден «Искосеф».

В борьбе с обманом и провокациями огромную роль могла сыграть своя газета. Без достаточного количества опытных пропагандистов нашей маленькой большевистской группе трудно было бороться против реакционеров и оборонцев. Перед нами стояла задача создать солдатские революционные организации. От этого зависело, кто поведет армию за собой — враги революции, меньшевики, эсеры, буржуазия или же большевики, представители трудящихся масс. Одним словом, помощь печатной пропаганды требовалась на каждом шагу.

Наше влияние на солдат все возрастало. На митингах выступления «искосоловских» представителей пользовались все меньшим и меньшим успехом. Видя, что события развиваются не в их пользу, «Искссол» решил дать нам генеральное сражение.

В Торенсберге, в здании кинотеатра, они собрали корпусной митинг. Конечно, постарались обеспечить себе побольше сочувствующих. Для этого первыми привели и впустили в помещение тыловые части, а фронтовикам, пришедшим попозже, пришлось, как и многим другим, расположиться на улице.

На митинг заявился весь цвет «Искосола» — председатель Ромм, его заместители и прочие эсерово-меньшевистские чины. Сиверс был в Петрограде, Васильев — в Пскове, по делам организации газеты, поэтому от большевиков пришлось выступать одному мне. Лишь с большим трудом удалось внести в резолюцию, написанную в оборонческом духе, кое-какие поправки в соответствии с требованиями нашей партии.

После окончания митинга меня окружили солдаты.

— Ну, что ж это такое! Золотопогонники опять берут верх, а солдаты, как бараны, сами на себя петлю надевают, — с досадой говорил один. Другой в волнении швырнул папаху на землю.

Долго разговаривали и наконец сошлись на одном: без своей газеты не обойтись. Иначе где фронтовикам свое слово высказать?

В который уже раз люди говорили о необходимости выпускать солдатскую газету. Я объяснил, что для этого требуются немалые средства.

— Найдем деньги, — поднялся пожилой солдат в рваной шинели. — Айда, ребята, по ротам! Неужели мы для своей газеты денег не найдем?

На следующий день с утра полк бурлил. В полковой комитет шли солдаты, каждый нес свою скромную лепту. Однако солдатские пожертвования не дали нужной суммы. В самом деле, много ли мог внести солдат из своего восьмикопеечного жалованья? Как же быть?

Не зная, что придумать, мы молча смотрели друг на друга. Вдруг к столу президиума протиснулся писарь при полковом казначее. Еще на ходу он кричал:

— Есть деньги, товарищи, много денег! — Его веснушчатое лицо так и сияло. Он заявил, что от солдат, выбывших из полка, остались порционные деньги, несколько тысяч рублей. Надо взять их и пустить на газету.

Так мы набрали в общей сложности что-то около девяти тысяч рублей и приступили к изданию газеты.

Типографию Хаустов нашел в Риге. Она помещалась напротив старой Гертрудинской церкви. Раньше в этой типографии печатались объявления, всевозможные бланки; мы потом закупили у хозяина оставшуюся у него бумагу, и часть экземпляров «Окопной правды» выходила разноцветной. Хаустов заключил договор с владельцем типографии не от имени полкового комитета, а лично от себя. Вначале никто не придавал этому значения, но вскоре нам пришлось об этом пожалеть.

Редакция наша обосновалась на Мельничной улице, в доме № 82. Этот дом нам был известен. Еще до Февральской революции здесь на втором этаже находилась явочная квартира, где мы встречались с рижскими большевиками-подпольщиками.

Казалось, теперь все было в порядке. Но тут произошли непредвиденные события.

Убедившись в том, что никакая оборонческая агитация на наших солдат не действует, командование и «Искосол» попытались избавиться от большевистской дивизии. План придумали довольно хитроумный. Наша дивизия была недоукомплектована. Не хватало оружия и обмундирования. И вот совершенно неожиданно пришел приказ вывести дивизию на передовые позиции. Расчет был таков: если дивизия вступит в боевые действия, ее разобьют немцы, а откажется идти на фронт — командование ее расформирует. Когда солдаты узнали об этом приказе, в полках начались стихийные митинги — выносились решения об аресте офицеров и невыполнении приказа. Провокация как будто удавалась. Этого нельзя было допустить. Нужно было принимать срочные меры. Следовало добиться от штаба армии пополнения дивизии, ее материального обеспечения. Это было не так-то легко. Ну, а как уговорить солдат раньше времени сняться с отдыха и выйти на позиции?!

По горло занятый всеми этими делами, я ни о чем другом и не думал. Но вот однажды меня разыскал самокатчик, прикомандированный к редакции нашей газеты.

— Товарищ Гразкин, скорей поезжайте в редакцию, там такое творится...

Васильев встретил меня сам не свой. Выяснилось, что поручик Хаустов, воспользовавшись тем, что договор с типографией заключен на его имя и, стало быть, он является как бы единоличным издателем газеты, решил выпустить ее, сообразуясь со своими взглядами эсера-максималиста.

— Нет, ты посмотри, что он хочет делать! — Васильев возбужденно размахивал руками.

Попытки доказать Хаустову его неправоту ни к чему путному не привели. Он не слушал никаких доводов. Выведенный из терпения, я заявил:

— Мы не позволим тебе самостоятельно командовать газетой. Это — право полкового комитета. Если ты не захочешь считаться с его мнением, то комитет не даст денег, а нужно будет, не остановится и перед применением силы.

— Ах, вот оно что! — завопил Хаустов, чувствуя, что почва уходит у него из-под ног. — Я старался изо всех сил, типографию достал, работу наладил, а теперь вы меня отстраняете?!

Пришлось срочно созвать заседание полкового комитета. Тогда и была утверждена редакционная коллегия газеты в составе Сиверса, Хаустова, Гразкина, Васильева и Иванова. Техническим секретарем назначили Кириллова — солдата из команды связи. Хаустов попытался было присвоить себе ведущую роль, но его предложение о выделении ответственного редактора все решительно отвергли.

Горячие дебаты вновь разгорелись, когда стали обсуждать, какой должна быть газета, определять ее политическое лицо. Здесь, кроме Хаустова, мы столкнулись еще с мнением беспартийных солдат, членов полкового комитета. Они упрямо твердили, что хотят иметь газету солдатскую, пусть даже большевистскую, а вот остро политические вопросы в ней ставить не надо. В конечном счете договорились о такой, по сути дела, беспартийной программе: «Выражать истинное мнение солдат, как крестьян и рабочих, по всем важным вопросам политической, социальной и экономической жизни страны, по всем вопросам войны и мира». Не сумев настоять на своем, мы пошли на уступки и согласились с этой формулировкой. Ведь она не лишала нас возможности использовать газету в нужном, большевистском направлении.

На этом же совещании поговорили и о структуре газеты. Решили, что в «Окопной правде» будет пять разделов. В первом — статьи по обще-

политическим вопросам, во втором — материал, рассказывающий о деятельности солдатских комитетов. В третьем разделе предполагалось печатать солдатские письма, в четвертом — телеграммы, русскую и иностранную хронику, в пятом разделе — карикатуры, политический юмор. Нужно сказать, что в дальнейшем никаких подразделений на рубрики не соблюдалось, а сатиры не было совсем.

Много споров вызвал вопрос о названии газеты. Посыпались предложения: «Колокол», «Пламя», «Солдатские думы», «Окопная жизнь». Наконец кто-то придумал назвать газету «Окопной правдой». «Окопная» — потому, что армия стояла в окопах, а «Правда» — по аналогии с органом ЦК РСДРП(б). Это предложение понравилось всем.

В течение последующих дней нам удалось добиться от командования удовлетворения насущных нужд 109-й дивизии, удалось также убедить солдат не поддаваться на провокацию и выйти на позиции.

Все эти дела очень затянули выход в свет нашей газеты. Как-то вечером я забежал в редакцию. Оказалось, что там опять недоразумение. Пока Васильев занимался правкой материала, Хаустов направился в типографию и велел рабочим набрать в правом верхнем углу крупным шрифтом: «В борьбе обретишь ты право свое!» Васильев, увидев этот эсеровский лозунг, распорядился тотчас же рассыпать его и заменить: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Хаустов пустил в ход свой договор с типографией, приостановил печатание газеты и, разъяренный, ушел из редакции.

Выпуск газеты срывался. В частях с нетерпением ждали первого номера. Газета «Солдатская правда» уже опубликовала приветствие нашей газете, а ее все еще не было. Как мы с Васильевым ни старались доказать хозяину типографии, что Хаустов не издатель, а такой же член редколлегии, как и мы, тот твердо стоял на своем:

— Без разрешения поручика Хаустова газета не выйдет.

Пришлось идти на компромисс. Поэтому первый и второй номера «Окопной правды» вышли с двумя лозунгами: эсеровским — «В борьбе обретишь ты право свое!» и большевистским — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Помню, в тот знаменательный день, когда Васильев любовался долгожданным детищем, он не смог удержаться и зло ткнул пальцем в правый верхний угол первой полосы:

— Все вроде ничего, вроде даже неплохо, а вот этот черт испортил нам всю газету своим лозунгом.

3

Как только Сиверс приехал из Петрограда, мы поспешили перезаключить с владельцем типографии договор и торжественно сняли эсеровский эпиграф. А в конце мая газета, став органом военной организации и русской секции при Рижском комитете РСДРП(б), приняла уже новую программу. В ней говорилось: «Окопная правда» проводила и будет проводить вместе с товарищами из военной организации тактику последовательного марксизма, не смущаясь ни клеветой буржуазных газет, ни бранью и криками меньшевиков социал-шовинистов, порвавших с революционным союзом рабочих всех стран».

Но я забежал вперед. Нам предстояло обеспечить ежедневный выпуск газеты. Сразу же после выхода первого номера в редакцию повалили толпы наших читателей — солдат. Одни шли, чтобы высказать радость по поводу рождения солдатской газеты, другие несли в редакцию свои жалобы, неумело написанные заметки, резолюции собраний в подразделениях.

Часть материалов для следующих номеров мы подготовили заранее сами, остальное нужно было подобрать из потока солдатских писем. Вот тут-то и началось. Никто из нас никогда не выпускал газеты, и мы никак не умели рассчитать, сколько места займет та или иная корреспонденция. До простейших, азбучных истин газетной техники приходилось доходить самим.

Сейчас не могу без улыбки вспомнить случай с гранками второго номера. Часть заметок была плохо выправлена, и мы прямо меж строчек оттисков полосы стали вносить поправки расплывающимися фиолетовыми чернилами. Удовлетворенные своей работой, передали корректуру наборщикам. А те буквально схватились за голову: полоса была так испачкана, что прочесть ее не представлялось возможным. По счастью, наборщики попались опытные, они тут же объяснили нам правила корректуры, которые мы стали с усердием изучать.

Не всякий нынешний наборщик смог бы работать в тех условиях. Ни пишущих машинок, ни линотипов у нас не было, набирали прямо по рукописи, написанной подчас довольно корявым почерком. Но дело не останавливалось. В типографии работали четыре наборщика и два печатника — солдаты нашего же Новоладожского полка.

Постепенно мы научились по количеству знаков рассчитывать объем заметки в газете, более или менее прилично корректировать рукописи и гранки. И все же добиться ежедневного выхода газеты мы тогда так и не сумели. Главная причина — не хватало времени, на редакционную работу оставалась только ночь. Второй номер вышел через четыре дня после первого. Третий — тоже после большого промежутка.

Основное внимание мы уделяли, конечно, солдатским письмам.

Распространением газеты сперва занимались связисты Новоладожского полка. Потом тираж рассылался через нарочных, присланных от большевистских полковых комитетов. В тех же частях, где комитеты были оборонческими, «Окопная правда» попадала к солдатам через большевистские организации или с помощью добровольцев-распространителей, которых у нас было немало. Нередки бывали случаи, когда этих энтузиастов арестовывали.

Солдаты придумали хороший способ отправки газеты на другие фронты. Цензуре некогда было копаться в бесчисленных письмах, шедших на фронт. Конверты с адресом, написанным безграмотно, обычно не вызывали у цензоров подозрений. Они, очевидно, считали, что такой «грамотей» вряд ли может написать что-нибудь предосудительное. И невдомек им было, что как раз в таких-то конвертах и отправлялась на все фронты «Окопная правда». Командование разводило руками, недоумевая, как это могла очутиться там и здесь «большевистская зараза». А наш маленький листок делал свое большое дело большевизации армии.

Меньшевисто-эсеровская печать встретила нашу газету в штыки. Больше всех старались «Известия исполнительного комитета совета офицерских депутатов». С барским пренебрежением они называли нас «безграмотным анархистским листком». Что и говорить, особой изысканностью языка наша газета отнюдь не отличалась.

4

В заключение хочется рассказать о следующем эпизоде.

Однажды я приехал в Петроград и встретился с Я. М. Свердловым. Узнав, что перед ним работник «Окопной правды», Яков Михайлович, поблескивая стеклами пенсне, как мне показалось, сердито заметил:

— Что вы там «местничаете»? Все номера заполняете местным материалом.

Я растерялся:

— Яков Михайлович, мы пишем и про общее.

— Пишите, да недостаточно. Надо местные вопросы сочетать с общеполитическими.

Вытащив из кармана сводку ПТА (Петроградское телеграфное агентство), он подал ее мне.

— Вот этот материал обработайте применительно к вашим условиям. Да не ругайтесь в газете, как извозчики. Поищите какого-нибудь писучего человека, а то у вас язык-то уж больно суконный.

— Мы стараемся поглаже, Яков Михайлович, — доказывал я, — но ведь газета солдатская, и язык солдатский. Нам думается, это политически важно.

— Ладно, ладно, — примирительно проговорил Свердлов, — как умеете, так и пишите. Главное, чтоб в нужную точку било.

И, дружески похлопав меня по плечу, добавил:

— Мы знаем ваши силы. В общем, неплохо получается, работайте!

И мы работали, как умели. При редактировании солдатских заметок, не в ущерб великой правде классовой борьбы, стремились сохранить пусть немного шершавый, но простой язык, доступный и близкий нашим читателям. Мы знали, что в этом случае солдат относился к изложенному в газете факту с большим доверием, чем если бы он читал то же самое, написанное на далеком ему литературном языке.

Достаточно посмотреть номера «Окопной правды», чтобы увидеть по резолюциям и сообщениям, помещенным в ней, что большинство фронтовых частей твердо становилось на политическую позицию большевиков.

Значительную роль «Окопная правда» сыграла и как организатор. Установившиеся через нее связи позволили уже в середине мая 1917 года организовать собрание товарищей, разделяющих большевистские взгляды, из всех подразделений 12-й армии. Выделенной здесь инициативной группе социал-демократов было поручено созвать всеармейское совещание большевиков. Четвертый номер «Окопной правды» вышел как «Орган инициативной группы социал-демократов».

Во время Октябрьской революции части 12-й армии выставили заслоны против контрреволюционных сил на подступах к Петрограду и отправили части латышских стрелков в столицу для защиты завоеваний пролетарской революции.

От борьбы против оборонцев, захвативших армейские организации, до борьбы за рабоче-крестьянскую власть, за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства — таким путем «Окопная правда» вела солдатскую массу.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ

„Празднование Первого Мая петроградскими рабочими и солдатами.“

Необыкновенную картину представлял Петроград с раннего утра 18 апреля.

Стройные колонны рабочих с 9 часов утра двигались из рабочих кварталов в заранее назначенные пункты сбора.

Мужчины, женщины, старики, молодежь, дети. Раздаются бодрые звуки Рабочей Марсельезы, несется торжественный мотив «Интернационала» и зажигательные слова «Красного знамени». Оркестры полковой музыки и товарищи солдаты целыми ротами и отдельными частями следуют рядом с рабочими батальонами.

Выборгский район строится на углу Боткинской и Нижегородской. От дома Кшесинской подходят члены Петербургского Комитета, Центрального Комитета, Военной организации при П.К. Р.С.Д.Р.П. и представители разных воинских частей, входящих в Военную организацию — Петроградского полка, Московского, пулеметчики, броневики, автомобилисты, артиллеристы, саперы, товарищи кронштадтцы со своими знаменами и оркестром.

Заколыхались знамена., грянула музыка, зазвучали песни, и товарищи рабочие, работницы, солдаты и дети двинулись через Литейный мост, Пантелеймоновскую улицу к Марсову полю.

Часов около 11 процессия была на Марсовом поле. Здесь уже разместились другие организации со своими знаменами и ораторами.

Петербургский Ком[итет], Центр. Ком[итет], кронштадтские моряки и Военная организация имели свои трибуны, на которых развевались партийные знамена, а также знамя «Правды»...

Марсово поле представляло необыкновенное зрелище.

Толпы народа, море знамен и речи, речи ораторов рабочих и солдат.

Один оратор сменяет другого, товарищи возгласами выражают свое одобрение, то там, то здесь раздаются песни, у всех радостные, веселые лица. Продаются «Правда», «Солдатская Правда», листки, брошюры, открытки с революционными песнями.

Знамена трепещут от ветра, и лица ораторов отливают красным отблеском знамен.

Переходим с Марсова поля на Дворцовую площадь, те же толпы, те же знамена, те же речи против войны, за мир, за вооружение рабочих, за поддержку Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, то же недоверие Временному Правительству. И песни, песни, дышащие призывами к борьбе, песни революции.

Кажется, что кровь мучеников, убитых 9-го января, просочилась сквозь мостовую и бросила свой яркий отблеск и на лица людей, и на стены дворца, и даже на самое небо.

Идем дальше. Мариинская площадь — это волнующееся море людей, это шум прибоя, это радостная песня труда, впервые справляющего первый свободный праздник...

Идем дальше по Морской, к Исаакиевской площади. Везде толпы, знамена, ликование...»

(«Правда». № 3 от 20 апреля (3 мая) 1917 года).

„1-е Мая в Замоскворецком районе.

В 9-м часу рабочие отдельных заводов стали стекаться к Серпуховской площади и занимать назначенные для них места. Ко времени выступления, т. е. к 10 часам, все эти отдельные рабочие и солдатские отряды представляли уже из себя сплошную длинную ленту, тянущуюся через всю Серпуховскую улицу. Во главе процессии развевалось большое красное знамя Замоскворецкого Комитета Р.С.-Д.Р.П. и флаг Совета Рабочих и Солдатских Депутатов... За знаменем следовали члены Комитета и партии с флагами, на которых были выставлены лозунги: «Да здравствует мир и братство народов!», «Война войне!», «Да здравствует международная социал-демократия!», «Требуем опубликования тайных договоров!», «Да здравствует III Интернационал!», «Да здравствует 1-е мая — пролетарский праздник!»

Вслед за Комитетом Р.С.-Д.Р.П. заняли место рабочие Электрического о-ва 1886 г. с огромным красным флагом, на котором была изображена мощная фигура рабочего, в одной руке держащего молот на наковальне, а другой — высоко поднимающего красное знамя, на фоне восходящего солнца.

Далее следовали рабочие завода Михельсон, среди которых обращал на себя внимание отряд красной гвардии с красными повязками на руках...

10-ая команда выздоравливающих выставила на своих флагах лозунги: «Да здравствует мир и братство народов!» и «Да здравствует диктатура пролетариата и крестьянства!» Среди множества красных флагов, развевавшихся над процессией, можно было видеть лозунги: «Да здравствует Российская Социал-Демократическая Партия!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в меньшем количестве встречались лозунги социалистов-революционеров. На многих флагах было выставлено требование о декретировании 8-мичасового рабочего дня, демократической республики, «Земля и Воля» и т. д. Женщины-работницы выставили требование равноправия женщин и охраны материнства и детства.

Нельзя не отметить без чувства радости лозунгов, выдвинутых 55-м запасным полком и двумя школами прапорщиков. На большом красном флаге полка по горящему солнцу на одной стороне было написано: «Единение солдат и рабочих», а на другой: «Да здравствует мир и братство народов!» и «Да здравствует Интернационал!» На флагах школ прапорщиков стояли лозунги: «Долой милитаризм!»

С пением «Интернационала» и других революционных песен процессия двинулась по Пятницкой улице на Красную площадь. Около Лобного места процессия остановилась, и здесь было произнесено несколько речей о значении первомайского праздника, причем с особенным сочувствием встречались лозунги «международной социальной революции», «III Интернационала», «прекращения войны путем гражданской борьбы против правительства капиталистов».

Громкими аплодисментами и криками «ура» были покрыты слова одного товарища, крикнувшего «Да здравствует товарищ Ленин!» И трудно было удержаться от улыбки при виде того, как при этом имени отхлынули от процессии толпившиеся вблизи обыватели.

Затем процессия, пройдя Красную площадь, направилась по берегу реки Москвы через Большой Каменный мост, Якиманку на Калужскую площадь.

На Калужской площади Замоскворецкий Комитет Р.С.-Д.Р.П. отделился со своим знаменем от процессии и остановился в стороне, окруженный цепью членов партии. Мимо Комитета прошла вся процессия. Члены Комитета приветствовали проходящие мимо них отряды рабочих, работниц и солдат и провозглашали лозунги, выставленные на флагах Комитета, на которые процессия отвечала дружным «ура» и пением революционных песен.

Иваново-Вознесенск.

1-го мая в городе не работала ни одна фабрика, ни один завод; были закрыты все торговые предприятия до мелочных лавок включительно.

С утра до темной ночи по улицам города стройными колоннами проходили многочисленные массы рабочего люда; шли с красными знаменами, с пением революционных гимнов, при мощных звуках оркестра музыки.

Под красными знаменами с нашими первомайскими лозунгами выступали многочисленные ораторы и среди них депутат-каторжник Н. А. Жиднев и депутат-поселенец Ф. Н. Самойлов. Они разъяснили перед массой рабочих наши пролетарские первомайские лозунги и развернули точку зрения революционной социал-демократии на основные вопросы текущего момента (о войне, о Временном Правительстве и пр.).

На многочисленном митинге выступали австрийские военнопленные, которые обратились к рабочим с братским призывом и, под гром аплодисментов, передали следующее заявление:

«Товарищи!

Мы, венгерские социал-демократические военнопленные офицеры, сегодня, на празднике пролетариата, протягиваем руки для братского рукопожатия!

Большая наша радость, что на утренней заре свободы мы можем радоваться вместе с вами. Мы понимаем значение сегодняшнего дня, который открывает новую эпоху во всеобщей истории. И наши сердца пламенеют лозунгами, стоящими на ваших знаменах!

Товарищи! Мы знаем, что и у нас дома порхают в ветре красные флаги, а мы не можем идти под ними: тяжелая, убийственная война прогнала нас от наших братьев.

Итак, мы высказываемся с вами:

Да здравствует Интернационал и революционная социал-демократия!

Да здравствует мир и братство народов!»

Эта яркая демонстрация международной солидарности рабочих, обращенных друг против друга коронованными разбойниками и хищниками-империалистами, закрепились товарищеским рукопожатием и превратилась в бурные, долго не прекращавшиеся овации.

В конце пролетарского праздника громадная демонстрация направилась к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и вместе с ними предъявила Городскому Комитету общественной безопасности требование арестовать вождей местного черносотенного движения, участвовавших в 1905 г. в погроме и избиении «красных», что и было немедленно исполнено.

Так в день 1-го мая Иваново-Вознесенский район обнаружил не только свою организованность, но и проявил свою силу».

(«Социал-демократ». № 36 от 21 апреля (4 мая) 1917 года).

„Земля и Воля.

На первомайских торжествах мы видели много плакатов с надписью «Земля и Воля». Волю мы получили дорогой ценой, но землю нам не дают, говорят, надо ждать Учредительного Собрания. А когда соберут Учредительное Собрание, — это вопрос. Сейчас некоторые части войск отпущены в деревню для обработки земли, но у многих крестьян отобрали не только всех работников, но и лошадей и сбрую. Чем же обрабатывать землю? Помещики тоже ссылаются на Врем. Правительство и Учредительное Собрание, но буржуазно-помещичье правительство об этом не думает, потому что им до голодного и искалеченного крестьянства нет дела. Вот «военный заем» они без Учредительного Собрания разрешили, и пенсию министрам, которые продавали и грабили Россию, выдают, а крестьянский вопрос будет ждать, хотя Врем. Правительство и принимало присягу в том, чтобы исполнять только волю народа. Так ли вышло на деле? Нет, верить мы должны только Совету Р.,С. и Кр.Д. Вот кто даст волю и землю, иначе мы опять останемся в кабале, и, может быть, в кабале худшей.

Крестьяне, вы знаете, что помещики сами всю землю не обрабатывали, которой владеют, а обрабатывали ее крестьяне соседних деревень. Почему же они до Учредительного Собрания не могут организовать тех крестьян, которые им платили за выгоны скота, за покосы, за сеяние льна и пр. в общий крестьянский союз? Почему бы им не сделаться сейчас друзьями народа? Им следовало бы сказать: теперь земля, которая мне принадлежала до сего времени, принадлежит вам, крестьянам,

и вы, крестьяне, можете своими союзами ее обрабатывать, чтобы она не осталась незасеянной. Крестьянские организации все бы сделали законно и, поверьте, не посягнули бы на собственность помещика зря. Так нет, наши буржуи-помещики не идут навстречу крестьянству. Они привыкли деньги взять вперед, за будущие покосы и выгоны, и уехать за границу, а за продажу хлеба им высылали управляющие. Они привыкли благоденствовать за счет самых бедных крестьян, которые обрабатывали им землю во-время, а свою оставляли. Отдадут ли они после этого сейчас землю? Они будут тянуть, ссылаясь на Учр. Собр. Вот, крестьяне, смотрите, идут ли к нам навстречу помещики? Нет. Однажды предс. [Государственной] Думы Родзянко сказал: «Я отдам землю свою безвозмездно, если этот вопрос решит таким обр. Учр. Собр.». А почему бы ему, как главе, сейчас не сделать добрый почин для крестьян, отдать землю без Учр. Собр.? Нет, тяжело им расстаться с теми благами, которые они получили за аренды своих земель.

Организуйтесь, крестьяне, в союзы и верьте только Исполнительному Комитету Р., С. и Кр. Депутатов! Вот кто должен решать земельный вопрос, а не помещики.

Крестьянин Харлампий Шандос.

(«Правда». № 52 от 9 (22) мая 1917 года).

„Голос посланного из окопов на Крестьянский Съезд.

Мы, солдаты, находящиеся на фронте в окопах, когда услышали, что съезжаются крестьяне на Всероссийский Крестьянский Съезд по вопросу о земле, то решили послать на Съезд своих делегатов. Нам, трудящемуся крестьянству, земля всего дороже. Надо, чтобы она перешла в руки трудящегося народа безвозмездно, потому что наши прадеды, деды, отцы и мы уже давно окупили своим потом, кровью и костями каждую пядь земли. Мы, солдаты, понимаем, что землю буржуям-помещикам жаль будет отдать в руки крестьян, и потому мы наперед знали, что для того, чтобы не уступить ее из своих рук, буржуи будут стараться хитростью попасть на этот съезд, чтобы всячески помешать получить землю бедным крестьянам. В деревне, известно, кто у нас остался, одни старики да дети. Мы знали, что на этот съезд скорее попадет какой-нибудь богатый мужик. А бедняк? Бедняк на фронте. Богатый же, всем известно, не станет говорить за бедного, а будет заботиться о таких же, как и он сам.

Вот поэтому и решили солдаты с фронта послать на съезд своих людей, которые могли бы отстоять свою нужду. Выборы произвели поспешно от каждого полка по одному человеку, выдали нам удостоверения и дали наказы, чтобы мы во всяком случае настаивали, чтобы приняли нас если не с решающим голосом, то хотя с совещательным. Когда же мы, выбранные от солдат, прибыли на Всероссийский съезд, то нас совсем не приняли и не хотели слушать наших заявлений, сказав нам, чтобы мы отправлялись к своим частям.

После такого приема нам было очень обидно и грустно не за себя, а за наших товарищей солдат, которые нас послали на съезд. Что мы, возвратясь, можем сказать нашим товарищам? Мы можем только сказать, что мы, солдаты, здесь, где решаются наши коренные вопросы, не нужны, а нужны только там, в окопах, что нас, бедняков, спешат как можно скорее в бой послать — там только мы и нужны. Да, товарищи, послать-то в окопы нас все посылают, а когда что-нибудь нам нужно, то на нас не обращают внимания, говорят, что и без вас обойдемся.

Везде — на фронте и в деревнях — крестьянская беднота требует передачи ей бесплатно земли помещиков, буржуев, а буржуи, взамен земли, знай говорят: надо вести войну до победного конца. Хотели бы мы повидать, как бы вы, господа хорошие, сами защищали свои земли, если бы мы, крестьянская беднота, отказались защищать ваши земли.

П. Г. Андросов.

(«Солдатская правда», № 26 от 19 мая (1 июня) 1917 года).

„О партиях.

Я мужик, крестьянин. Летом ездю в деревню; и до фабрики жил в деревне, а теперь бываю в год два или три. Много раз слышал социалистических ораторов партий эсеров и эсдеков, большевиков и меньшевиков, а вчера был на митинге и хочу поговорить насчет партий.

У нас рабочие записались, кто эсер, кто меньшевик, а кто и большевик. Я был эсер с 1905 года; но как стали они говорить, что не нужно землю у барина захватывать, то у меня мысль стала отпадать от них; а когда дали согласие на заем свободы, то я убежал и стал в партию большевиков, но не меньшевиков, потому что я хоть чуть, но понимаю, что для меня нужно.

Значит, у нас один говорит за свою партию, другой за свою, а третий (меньшевики) неизвестно за чью. Мы, рабочие, — одни, но нас кто-то разделил, и смешались языки.

Но кто хоть чуть понимает, то дело другое. А у нас, у Прохорова, из 8000 понимающих не больше 600; остальные — темнота непроглядная.

Я хочу немного изложить свой взгляд на разные партии и хочу приложить партии к деревне, к сходу. Я представляю так: земский начальник, старшина, староста, мужик-глот (побогаче) и бедный крестьянин, как я.

Земского начальника я применю к кадетам, которые защищают капитал и всю буржуазию.

Волостного старшину применяю к ученым и профессорам, которые хотят, чтобы одним было хорошо, но и других не обижать, но оттянуть дело лет на тысячу, а пока всем успокоиться.

Старосту применяю к меньшевикам, он говорит: «Братцы! Нужно же нам как-нибудь закончить войну: не мы ее начали, но кто начал, тот пусть первый кончит; нам нужно скорее ее кончить, и это мы делаем по силе возможности».

Мужика-глота (побогаче) я применяю к социалистам-революционерам. Насчет войны он говорит подобно меньшевикам, а насчет земли он все шел дальше и дальше, а как дошел до земли, он стал и думает: как мне быть? Сейчас ее брать или подумать до Учредительного Собрания?

Возьму мужика бедного. Его я применяю к социал-демократам большевикам: насчет войны думают не так, как староста или мужик-глот: раз война не нужна народу, то народ должен ее кончить не тая да ляп, и не должны ставить свои головы под пули. Брататься на фронте, а в тылу не спать, работать не покладая рук за святую правду. Не должны останавливаться и ждать, когда кто-то придет откуда-то с неба да и кончит нам войну. Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам, и тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет.

Насчет земли большевик хочет, чем скорее, тем лучше, а не ждать и не раздумывать: на это было времени много лет, все можно было обдумать заранее. А теперь куй железо, пока горячо: знай, кувалдой стучи, пока не остыло, и вещь готова будет.

Всем крестьянам и рабочим я советую следовать примеру большевиков, а не травить их, как собак. Мы и так измучены, истерзаны буржуазией; а меньшевики и эсеры еще заставляют нас догрызать друг друга. У мужика замычка большевика, но он еще не достиг узнать все; в уме у него есть, да объяснить не может.

Я про себя скажу. Приехал я после пасхи в Москву, пошел в Кремль, а там кадеты. Я не знал, что они за господа, думал, что теперь все люди хорошие. Я и скажи несколько слов в защиту себя, — а они на меня:

— Ленинец ты!

— Нет, говорю, я смоленский!

— Значит, ты шпион германский!

— Нет, говорю, я крестьянин.

Я не знал, кто такой Ленин, и думал, что это губерния. Но потом понял.

Г. Андреев».

(«Социал-демократ». № 59 от 19 мая (1 июня) 1917 года).

„Приветствие конференции фабрично-заводских комитетов.

Редакция «Солдатской Правды» горячо приветствует конференцию фабрично-заводских комитетов, собирающихся в столь тяжелый момент. Хозяйственная разруха в стране, с одной стороны, и обостренная борьба капиталистов против рабочих, с другой стороны, ставит перед конференцией ряд в высшей степени важных задач и в первую очередь вопрос о контроле над производством и об ограничении хищнических appetитов капиталистов. Конференция должна уяснить себе в самом начале, что провести в жизнь поставленные перед нею задачи можно только путем перехода власти в руки Сов. Раб., Солд. и Крестьянских депутатов. Без перехода есей власти в руки Советов все постановления и решения конференции останутся только на бумаге».

(«Солдатская правда». № 36 от 1 (14) июня 1917 года).

Н. ВЕРЖБИЦКИЙ

★

В ТЕ ГОДЫ

(Записки старого газетчика)

На третий день после свершения Октябрьской революции, 28 октября (10 ноября) 1917 года, в «Правде» был опубликован Декрет о печати, подписанный Председателем Совета Народных Комиссаров Владимиром Ульяновым (Лениным).

«В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих,— говорилось в этом документе,— Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков...

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы».

В конце января 1918 года декретом Совнаркома был учрежден Революционный трибунал печати, ведению которого подлежали «преступления и поступки против народа, совершаемые путем использования печати». Комиссаром по делам печати, агитации и пропаганды был назначен В. Володарский. 20 июня 1918 года он был убит в Петрограде правыми эсерами.

Интересно вспомнить, как встретила смерть Володарского одна из групп (правда, очень незначительная) тогдашней просоветской журналистики и литературы, объединившаяся в газете «Эра».

Писатель А. И. Куприн выступил в этой газете со статьей, в которой говорилось:

«Русская печать хранит в своей памяти много имен преследователей свободного слова. Но все эти Бируковы, Тимковские, Красовские, Мерзляковы, Цветаевы, Очкины, Адикаевские, Соколовы и сотни других компрачиков, кромсая, уродя и умертвляя живое слово, совершали свою омерзительную деятельность из-за угла, злорадно, втихомолку, под тройною защитою — престола, жандармов и народной темноты, за что были в законном порядке награждаемы чинами, орденами, жалованьем, пенсиями и арендами...»

«Володарский, — писал дальше Куприн, — ведя войну с оппозицией, выступал ее публичным обвинителем, не ища личных выгод и не имея в виду личных целей. Он весь был во власти горевшей в нем идеи. Он твердо верил в то, что на его стороне — огромная и светлая правда... Перед образом честного, смелого и пылкого борца за идею — встанем молча и с почтением».

Эта статья была перепечатана многими газетами.

1

Прокурором Трибунала печати был Н. В. Крыленко — «прапорщик Крыленко», как его тогда называли буржуазные журналисты, очевидно полагавшие, что чин прапорщика содержит в себе что-то унижительное. Между тем этот самый прапорщик после Октябрьской революции был верховным главнокомандующим всей русской армии.

Впервые я встретился с ним в связи со штрафом, наложенным на буржуазную московскую «Газету для всех», которую я в то время редактировал.

Николай Васильевич пригласил меня к себе в кабинет. На столе лежала подшивка «Газеты для всех».

— Почему вы не идете работать в наши издания? — спросил у меня Крыленко.

— Собираюсь, — ответил я. — Но нет знакомств.

— Что вы делали во время переворота?

— По личному желанию и по поручению Замоскворецкого ревкома отбирал сру- жие в буржуазных квартирах и отвозил его в окопы около Крымского моста.

— Ну, вот видите, — сказал Крыленко. — А даете себя эксплуатировать буржую!.. Впрочем, об этом потом поговорим.

Обвинение с газеты было снято. А спустя некоторое время Крыленко вручил мне записку к руководителю Российского телеграфного агентства — РОСТА, только что созданного вместо Бюро печати при ВЦИК и ПТА.

Идти со мной «наниматься» к большевикам изъявили желание еще два сотрудника «Газеты для всех». И вот мы отправились в Срегенский переулок, дом № 4.

Не скажу, чтобы в этот момент мною владело спокойное чувство уверенности. Правда, в дни Февральской революции я вполне искренне, с большим сочувствием относился к тем, кто сверг самодержавие и боролся против буржуазного строя, господства соглашателей. Поэтому-то я и принял скромное участие в октябрьских боях.

Тогда все было просто, понятно и не требовало сложных размышлений. Но совсем другое дело — непосредственно помогать большевистской агитации и пропаганде. Это мне представлялось гораздо более серьезным шагом. Для такого рода деятельности, говорил я себе, нужно еще о многом подумать, многое узнать. Надо глубоко осознать то, что большевики все делают так, как это нужно народу.

Пройдя со двора на черную лестницу, мы поднялись на третий этаж. Прошли с десятком пустых комнат. По грязным стеклам окон вяло ползали осенние мухи. На подоконниках и на полу — слой пыли. Где-то далеко щелкала одинокая пишущая машинка.

— Вот так «министерство информации!» — удивленно пробурчал мой спутник, Михаил Ялгубцев.

Но в это время я увидел дверь, к которой булавкой был приколот листок бумаги с надписью: «Входить без стука и доклада!!!»

И мы переступили порог большой комнаты, где шумел и распоряжался Дмитрий Иванович Бразуль — ответственный секретарь РОСТА, юркий, деловитый, напичканный анекдотами, стремительный человек с темной бородкой, с вечно падающим пенсне и с пальцами, выпачканными в чернилах.

Громко, с сильным украинским акцентом разговаривая одновременно с двумя какими-то мужчинами, он в то же время что-то писал. Увидев нас и продолжая писать правой рукой, левую протянул по направлению ко мне. Я вложил в нее записку Крыленко.

Дмитрий Иванович мгновенно пробежал ее и закричал, сверкая зубами:

— Ну вот и добре! Отлично! Люди нам нужны вот так!

Он провел ребром ладони около горла и тут же, не давая опомниться, предложил мне сесть за стол и править восковки для ротатора, а Ялгубцеву поручил регистрировать весь поступающий и отправляемый материал. Второму моему спутнику, Петру Ашевскому, сказал:

— Идите в комнату, вторая слева по коридору, там дадут вам тему для фельетона.

Кругом было так безлюдно, что первое время казалось, будто, кроме нас троих и Бразуля, никто в РОСТА не работает. Потом выяснилось, что в одной из соседних комнат за громадным письменным столом сидит сотрудник, по фамилии Злинченко, и

пишет серьезные статьи. В большом зале без всякого признака мебели шагал из угла в угол и басом ругался мой друг, талантливый карикатурист (ныне профессор, народный художник РСФСР) Михаил Черемных.

— Ах, язвы вас в шары — все стекла перебили! — гудел он по чьему-то адресу. — Ну как тут плакаты писать в этакую стынь?!

Художник вместе с Бразулем затевал знаменитые «Окна сатиры РОСТА», в создании которых потом приняли участие В. В. Маяковский, Д. Моор (Дмитрий Стахивич Орлов) и Иван Малютин. Последние двое были моими старыми товарищами по журналу «Будильник».

2

Михаил Петрович Ялгубцев так и закрепился техническим секретарем, вернее — управделами. Меня расценили как «человека на велосипеде», и поэтому я должен был обслуживать митинги, происходившие на заводах в разных концах города, а также ездить по домам-коммунам и писать о них очерки. Трамваи в то время не ходили, об автомобиле и мечтать не приходилось, так как на всю Москву здоровых «лимузинов» насчитывалось не более ста штук. Мотоциклы были только в воинских частях. Вот почему мой велосипед помогал работать за троих.

Днем я мотался на двух колесах, вечером писал, ночами выпускал газету «Коммунар» или же дежурил в телеграфном отделе РОСТА, которым заведовал матрос Евгений Бахметев. В этот отдел отовсюду поступали телеграммы, сотрудники оформляли их, делали заголовки, подбирали в известном порядке и рассылали газетам — центральным, губернским и уездным.

Дежурство в телеграфном отделе считалось почетным, так как здесь, в сущности, велась основная работа агентства. Но привлекало сюда и другое важное обстоятельство: каждую минуту можно было ждать звонка от Владимира Ильича Ленина, который просил читать ему по телефону все, что есть «новенького и наиболее интересного».

В ожидании этого звонка дежурный заранее отбирал самые значительные телеграммы и в них красным карандашом отмечал наиболее существенное, так как Ленин требовал лишь «самую суть».

Однажды во время такого дежурства мне пришлось разговаривать с Лениным, и этот разговор я помню дословно.

Читая Владимиру Ильичу текст какой-то телеграммы, я наскочил на весьма неудачно отредактированную фразу, которую и сам прожевал с большим трудом.

— Постойте минуточку, — сказал Владимир Ильич. — Это у вас в бюллетене так и напечатано?

— Да.

— Не чувствуете ли вы, что эта фраза составлена неудачно?

— Чувствую, Владимир Ильич, — сказал я.

— Надо над ней поработать... Передайте, пожалуйста, вашим товарищам мою убедительную просьбу — не оставлять в информации ни одной плохо или недостаточно четко и ясно сформулированной фразы. Ведь этот материал идет в провинциальные газеты, где работают совсем малоопытные журналисты из рабочих и крестьян, а сообщения ваши читают миллионы людей... Да... вот так, пожалуйста... А теперь прочтите, что еще есть у вас интересного...

Когда я кончил читать, Владимир Ильич помолчал и вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

— Скажите, как вы питаетесь в РОСТА?.. Ну, например, что у вас было сегодня в столовой на обед?

— Пша! — выпалил я, не подумав о том, что говорю на жаргоне, принятом в узком кругу работников РОСТА.

— Пша?! — раздался в трубке удивленный голос. — Простите, я не слышал такого кушанья. Объясните, пожалуйста!

— Извините меня, Владимир Ильич, — спохватился я. — Это из нашего внутреннего словаря...

— Но все-таки что же это такое «пша»?

— Жидкий суп с крупинками пшена, и в нем иногда попадает кусочек разваренной воблы.

— Ну и что же, — после некоторого молчания спросил Владимир Ильич, — наверное, это очень невкусно?

— Невкусно, — подтвердил я.

— А что поделаешь? Надо потерпеть...

— Да мы и не жалуемся! — чуть не закричал я. Мне вдруг стало ужасно неловко от мысли, что Ленин заподозрит меня и моих товарищей в хныканье. — Ведь это же временно!

— Вот-вот, вы правильно сказали — временно. И поэтому разрешите дать вам товарищеский совет: даже в своем кругу и даже в шутку лучше воздерживаться от таких неприятных слов, как эта «пша»... И еще есть одно ужасное слово — «шкраб», придуманное каким-то умником и прямо оскорбляющее школьных работников... Давайте избегать этих терминов.

Пожелав мне спокойно закончить дежурство и попросив, если будет что-нибудь важное, звонить ему до трех часов ночи, Владимир Ильич повесил трубку.

Я передал товарищам этот разговор. Решено было объявить войну всяким неряшливостям языка, заковыристым фразам, суконному жаргону и протокольщине. Нужно ли говорить о том, что все это давалось с большим трудом, в особенности при тогдашнем безлюдье, спешке и невероятной перегрузке.

В октябре 1918 года литературный отдел РОСТА сдал на ротатор мою статью под названием: «Осиновый кол в могилу буржуазной прессы». Сейчас я ее перечитываю и вижу, что и в литературном и в политическом отношении она не представляет собой ничего особенного. Но для меня это было большое событие. Отдавая статью для размножения и рассылки в газеты, я испытывал большое волнение. Чувство было такое, словно идешь в бой.

В тот же период пришлось участвовать в создании первого Союза советских журналистов.

В Москве, незадолго до основания РОСТА, состоялось общее собрание советских журналистов. Их насчитывалось не более пятидесяти человек, и работали они в «Правде», «Известиях», «Бедноте», «Вечерних известиях», «Крестьянской газете», «Красной армии» и еще в нескольких небольших газетах типа многотиражек.

Осенью 1918 года был организован Союз советских журналистов. В комитет союза вошли: Устинов, Грачев, Антонов, Бахметев, Злинченко, Светлосток, Бухбиндер, Чигорин, Мун, Мордвинкин, Минченко и Юргенсон. Их и можно считать зачинателями нашей журналистской общественности.

Первый Всероссийский съезд советских журналистов открылся 13 ноября 1918 года. Съезд обсудил вопросы: о задачах советской печати, о централизации печатного дела, о содержании газет, о Всероссийском союзе советских журналистов, о школе советских журналистов и т. д.

В одной из резолюций съезда, между прочим, говорилось: «Необходимо допустить в советской прессе свободную критику как общей политики, так и конкретных действий отдельных представителей власти и недочетов в деятельности местных и центральных государственных учреждений».

Незадолго до съезда, выполняя в союзе кое-какие секретарские обязанности, я занес в тетрадь под названием «Список членов Союза журналистов»: «В. И. Ульянов (Ленин)». Дело в том, что в союз от Владимира Ильича поступило заявление, в котором он писал: «Прошу зачислить меня в члены профсоюза советских журналистов. Вл. Ульянов (Ленин)».

Руководители Союза советских журналистов думали в первую очередь о производственных и административных делах, о задачах хозяйственных и особенно об организации газет в провинции. Нужно было срочно создавать на местах органы пропаганды и агитации, готовить кадры работников, налаживать информационную связь.

Ко времени Третьего Всероссийского съезда журналистов, в начале 1922 года, в РСФСР насчитывалось уже 313 губернских и 490 уездных газет. Распространялись они бесплатно и существовали на средства местных учреждений. Центральные газеты выходили большими тиражами, но рассылались в провинцию в то время очень несовер-

шенным способом, и большая часть литературы расхищалась в пути. На южных станциях, например, за один номер «Известий» давали большой горшок кислого молока. Газета нужна была не только для чтения, но и для разных домашних надобностей, главным образом для махорочных самокруток.

Впоследствии рассылка газет и литературы была отнята у почты; этим делом занялась Центропечать, у которой были свои вагоны и проводники.

3

Однажды Бразуль, встретив меня в коридоре, бросил на ходу:

— Через три дня отправитесь с поездом товарища Калинина, редактировать газету. Сказал это и помчался дальше...

Весной 1919 года Советская Федерация представляла собой военный лагерь, окруженный огненным кольцом. Красная Армия сражалась сразу на шести фронтах.

Центральные губернии и промышленные центры были отрезаны от топливных районов. Деникин стремился соединиться с Колчаком у Саратова. Колчак наступал на Волгу. Архангельская белая армия, поддержанная англичанами и американцами, шла на Котлас, тоже для соединения с Колчаком, который являлся главным козырем у империалистов.

Юденич грозил Петрограду. Белополяки наступали на Белоруссию. Геронческая XI армия оставила Северный Кавказ и отошла к Астрахани.

«Сибирь — самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия Америки!» — писали буржуазные газеты Запада. Соединенные Штаты Америки доставили Колчаку через Тихий океан 380 тысяч винтовок, 200 тысяч комплектов обмундирования и много другого оружия и снаряжения. Английский генерал Нокс хвастал, что Англия отправила Колчаку сотни тысяч винтовок и сотни миллионов патронов.

Восточный фронт гражданской войны растянулся на две тысячи километров.

За Волгу для политической работы направили агитпоезд «Октябрьская революция», созданный по инициативе В. И. Ленина. Политотдел поезда возглавлял М. И. Калинин.

Это был железнодорожный состав из десяти — двенадцати классных вагонов, внешность которых была довольно необычна. «Левая» художественная молодежь из ВХУТЕМАСа, положительно не знавшая удержу в те годы, разрисовала поезд наярчайшими красками и в таком бесшабашно футуристическом сочетании, что все это казалось странным и неожиданным на фоне сереньких пейзажей, голых полей и всеобщей разрухи.

Крестьяне, завидев поезд, говорили:

— Ох, до чего страшный!.. И в этакое Калинина возят?!

На обшивке вагона, в котором находились редакция и типография, художник изобразил война в буденовке, штыком прикалывающего гидру контрреволюции. Эта гидра клубилась спиральями, выпускала дым изо рта и скалила зубы.

Внутри вагона стояло несколько касс со шрифтами, печатная машина «американка», столик для редактора и койки для сна редакторского персонала, то есть для меня и для моего помощника товарища Новоселова, который раньше никакого касательства к газетному делу не имел.

В других вагонах следовали М. И. Калинин, члены ЦК партии, ВЦИКа, инструкторы различных наркоматов, охрана. Были еще вагоны, где помещались склад с литературой, книжный магазин, кинолекторий, столовая, гараж. В двух вагонах везли подарки для больных и раненых бойцов.

Презжая в какой-нибудь более или менее крупный населенный пункт или на линию фронта, ближе к позициям, мы приступали к выпуску газеты. Она была размером 25 × 40 сантиметров, с текстом на обеих сторонах, и вмещала около шестисот строчек боргессм. В каждом номере помещались: передовая в 30—40 строк, оперативная сводка «На красных фронтах», около тридцати телеграмм, очередное выступление М. И. Калинина, хроника работы инструкторов, стихи.

У меня сохранилось несколько номеров этой газеты, и я позволю себе с гордостью сказать, что она получила хорошую оценку от самого В. И. Ленина, о чем было объявлено на общем собрании сотрудников РОСТА.

Имся временную базу на железнодорожной колее, «всероссийский староста» М. И. Калинин часто отдавал распоряжение спустить на землю автомобиль, садился в него со своими помощниками и уезжал в «глубинку», на 30—50 километров в сторону от железной дороги, чтобы своими глазами посмотреть, как там строится Советская власть, не ошибаются ли, не безобразничают ли там люди, которым выпало на долю вести неслыханную и невиданную работу — в глухих деревнях насаждать социализм.

Чудесно работалось нам в этом агитпоезде. Мы непосредственно, как бы всеми органами своими, ощущали плодотворность нашего труда, когда приехавшие из глуши крестьяне или опаленные порохом красноармейцы через окно выхватывали только что напечатанную газету, тут же собирались кучками и читали о том, что в Венгрии революция, под Бугурусланом у Колчака взято в плен семь тысяч человек, в Китае на улицах продают портреты Ленина, а Украина отправила в Россию пятьсот тысяч пудов сахара.

Останавливаясь в городах, мы на телеграфе брали московские телеграммы (радиосвязи еще не было) и обрабатывали их, доводя каждое сообщение до наибольшей краткости и выразительности. В тех пунктах, где выходили газеты, я приглашал к себе редакторов и сотрудников, беседовал с ними, знакомил с основами газетного дела.

У меня всегда под рукой была статья В. И. Ленина «О характере наших газет». Читая и перечитывая эту статью, я поражался, как это в дни, когда политические вопросы, казалось бы, достигли наивысшего значения, Ленин требует от газет: «Поменьше политики».

На фронтах идут ожесточенные бои, внутри страны — тайные козни контрреволюционеров, а Ленин настаивает: «Побольше экономики». Но не общих рассуждений, не «древбедни», не «шарлатанских фраз», а «собрания, тщательной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни».

Работая в агитпоезде, я часто встречался с журналистами местных газет, и страшно вспомнить, сколько жалоб приносили они с собой в наш вагон, с какой завистью смотрели на типографское оборудование, на банки с хорошей краской, на новенькие шрифты.

Почти все просили:

— Подкиньте красочки! Честное слово, разводим сажу на керосине.

Другие клянчили:

— Вы бы нам хоть пудик светлой бумаги отпустили, для праздничных номеров. Печатаемся на оберточной.

И я подкидывал, что мог. Но нужда была так огромна, что эта помощь казалась каплей в море.

В Бузулуке я видел сидевшего за редакционным столом бывшего телеграфиста. Он был редактором газеты, ее единственным сотрудником, экспедитором, корректором и курьером. А исполком требовал, чтобы газета выходила каждый день.

В городе Сенно, Витебской губернии, редактор местной газеты сам набирал и правил набранный материал. Наборные кассы стояли в его редакционной комнате, и он то и дело переходил от пера к верстатке. Кроме того, выполнял обязанности заведующего уездным политпросветом, заведовал и был единственным работником отделения РОСТА, являлся членом уездного партийного комитета, ездил пропагандистом по волостям и там организовывал устные газеты.

Таких «однолошадных» газетных хозяйств в уездах было большинство.

Гоноров не существовало. Только в очень немногих губернских газетах платили двадцать пять рублей за строчку. При таком гонораре, имея в виду тогдашнюю стоимость денег, журналисту, чтобы заработать на один фунт хлеба, нужно было написать столько строк, сколько хватало бы для заполнения пяти полных газет.

Трудный, мучительный путь проходила советская пресса.

Тогда же зарождались и первые военные газеты. Они родились в пламени гражданской войны под орудийные раскаты.

Никогда не забыть героических редакторов военных газет того времени.

Вот один из них — товарищ Насонов. Я познакомился с ним в дождливое июньское утро на железнодорожных путях в Бугульме.

Насонов был рабочий, из типографских наборщиков, хорошо грамотный и начитанный. Добровольно пошел на колчаковский фронт, там его тяжело ранило, он лечился и заявил о своем желании выпускать полковую газету.

И редакция, и типография, и жилье «редакционно-издательского персонала» помещались в невзрачной теплушке с чугунной печью посередине. В ней, кроме нар и сбитого из простых досок стола, находились еще две наборные кассы, ящик с краской, тюк оберточной бумаги и вместо печатной машины простой тискальный станок.

Товарищ Насонов сам обрабатывал телеграммы и солдатские письма, писал статьи, сам набирал и верстал, сам накатывал краску, а тискать помогал ему молодой красноармеец Гришук — краснощекий деревенский парень богатырского сложения и ничем не нарушаемой ясности духа.

Насонов не отошел от стола, а Гришук не прекратил тискать очередной номер газеты и в тот момент, когда однажды бризантный снаряд оторвал целый угол у теплушки.

Голова редактора, когда я с ним встретился, была забинтована до глаз, рука на перевязи, щеки серые и впалые, в глазах — упрямство и тысяча чертей.

— Вот увидите, — говорил он, — разгрохаем Колчака, и я добуду себе «американку». Раздуем мы тогда с Гришей кадило!..

Я дал ему три пуда хорошей газетной бумаги, и он чуть не заплакал от радости. Видя такую мою щедрость, попросил еще немножко титульных шрифтов. Оказывается, у него все заголовки набирались шрифтом кегль 36! Можно представить себе, какой вид имела эта газетка величиной с ладонь, когда над маленькими заметками возвышались заголовки высотой в два сантиметра.

4

Почти каждый день в вечерние часы я приходил в вагон к Михаилу Ивановичу Калинин, передавал ему на просмотр весь материал, подготовленный для очередного номера газеты.

Он курил какие-то особенно длинные самокрутки из газетной бумаги, а махорка у него находилась в большой коробке из-под гильз.

При моем появлении Михаил Иванович первым долгом пододвигал эту коробку и говорил:

— Испробуйте!.. Дунаева, крошка.

И мы начинали дымить.

Пуская вбок, себе под локоть, клубы густого, едкого и ароматного дыма, «Калиныч» внимательно прочитывал напечатанный на машинке материал и каждый раз удивлялся тому, что я сам печатаю на машинке.

Когда по газете больше вопросов не оставалось, Михаил Иванович начинал расспрашивать, как живется газетным работникам, много ли из буржуазных журналистов перешло в газеты большевиков.

На мой вопрос, приходилось ли ему самому работать в газетах, он ответил:

— Корреспондировал когда-то из Прибалтики в «Искру». С гордостью могу сказать, что и как корреспондент работал под руководством Владимира Ильича.. В семнадцатом писал статьи в «Правду»...

Я увидел на столе развернутый томик — «Былое и думы». Зашел разговор о Герцене. Михаил Иванович хорошо знал не только его художественные произведения и публицистику, но и большинство научных работ.

— Вот у кого нужно учиться писать, — сказал он. — Какой язык, какая сила и искренность!

Однажды Михаил Иванович начал расспрашивать о моей личной жизни. Узнав, что в 1905 году за участие в революционном движении меня выгнали из гимназии с «волчьим билетом», он покачал головой и сказал:

— Надо самому продолжать учиться, все время учиться. Плохо без образования, тем более газетному работнику. Он должен быть широко образованным человеком. Я отозвался ходячей фразой:

— Журналист не может все знать, но он должен хорошо знать, где можно быстро узкать о том, чего он не знает.

Михаил Иванович справедливо заметил:

— Но ведь это тоже требует большой подготовки.

Дальше он дал мне несколько советов, которые сводились к тому, что хороший журналист («корреспондент», как он называл газетных работников) всегда должен сам золноваться за то, о чем он пишет, всегда должен быть оптимистичным, показывать людям перспективу и обрисовывать не только материальную, но и психологическую сторону.

— Но все это останется втуне, если корреспондент не умеет писать хорошим, ясным и образным языком,— такими словами закончил Михаил Иванович нашу беседу.

...Во время своих поездок в агитпоезде Калинин много разговаривал с воинами Красной Армии, с рабочими и крестьянами. Когда он выступал, в нем сразу чувствовался выходец из деревни, близкий к природе и ее законам, и вместе с тем человек от станка. Особенно это бросалось в глаза, когда Михаил Иванович с хозяйской заинтересованностью касался вопросов быта. Деловитая речь «всероссийского старосты» текла ровню, убедительно и просто. Ни одной трескучей фразы, ни одного пышного слова или громкого, но сомнительного обещания.

В то время Михаилу Ивановичу было сорок четыре года. Ходил он в синем пальто, из-под которого выглядывал френч защитного цвета, в черной фуражке с суконным козырьком и в высоких хромовых сапогах.

Михаил Иванович немного картавил, говорил, как истый тверичанин, на «о», и голос у него был негромкий. Но он каждое слово произносил отдельно, не торопясь, и речь его полностью доходила до самых задних рядов. А ему приходилось выступать чаще всего на открытом воздухе, перед собраниями в несколько сот человек.

Жест у Калинина был скупой, сдержанный, только иногда он коротко, энергично взмахивал кулаком, и это было движение рабочего человека, привыкшего не ораторствовать, а говорить по-деловому, решительно и кратко.

Во время одного выступления я услышал от Михаила Ивановича странную на первый взгляд фразу. Он сказал:

— Правительство так должно вести себя, чтобы его как можно меньше замечали.

И тут же раскрыл свою мысль:

— Да, народная Советская власть привлечет к управлению государством такую массу людей, что потеряется разница между властью имущими и рядовыми гражданами.

Прообразом такого администратора был сам Калинин — человек исключительной скромности и веры в народные силы.

Душевные беседы, которые он вел с крестьянами, рабочими и солдатами, надолго запоминались, в особенности потому, что он в них касался самых существенных сторон жизни в ее конкретных проявлениях.

Не останавливался Михаил Иванович и перед тем, чтобы в случае необходимости как следует одернуть людей и даже пригрозить.

— Что же вы думаете, я к вам миндальничать приехал? — заявил он крестьянам Куликовской волости, на Тамбовщине. — У нас миллионы голодных людей, у нас старый, жестокий враг, которого нужно колотить и прогнать, а в это время какая-то сволочь жмет в сторонку, пихает керенки в карман и думает: придет Деникин — богачом буду!..

— Зачем наказываете «зеленых»? — спросили его на одном из митингов в Смоленской губернии.

— А кто такие «зеленые»? — задал вопрос Михаил Иванович.

— Ну, эти... — замялся вопрошавший, — которые дезертиры...

— Ты хочешь сказать: которые предатели?.. Да, мы сурово наказываем тех, кто предает рабоче-крестьянскую власть!.. Я уже объехал много губерний, но нигде не видел столько дезертиров, как у вас. Почему-то тверское крестьянство должно жертвовать, чтобы биться с Колчаком, а вы как будто другим миром мазаны или на другой земле живете. Сохранять свою шкуру, прятаться в кустах в то время, когда другое крестьянство умирает, — это самая большая подлость, которая только может быть. И я заявляю, что центральная власть церемониться не будет!..

Но больше всего жаловались на неуклюжесть, а иногда и на ничем не оправданные действия местной власти.

Михаил Иванович заставлял меня и других товарищей все аккуратно записывать, отмечать точные адреса, имена и фамилии заявителей, расспрашивать подробности, группировать весь этот материал. Потом его отправляли по наркоматам, а копии шли в редакцию газеты «Беднота», откуда сводки посылали В. И. Ленину.

5

В агитпоезде мы познакомились со старым правдистом Михаилом Степановичем Ольминским¹. По вечерам он приходил в наш вагон, садился на койку, мы устраивали чаепитие, и начинались разговоры.

Однажды Михаил Степанович сказал, что эта поездная типография, с бряканьем «американки» и методичным постукиванием свинцовых литер о верстатки, чем-то напоминает ему типографии, в которых приходилось работать в далекие годы зарождения партии.

Мы тотчас придрались к этим словам и стали просить, чтобы Ольминский рассказал что-нибудь о первых большевистских газетах. Он с большой охотой согласился и сразу же озадачил нас, заявив, что в подпольных, хорошо скрытых от «недреманного ока» полиции редакциях и типографиях работалось гораздо спокойнее, чем в легальных газетах, разрешенных правительством.

— Вам, наверное, представляется очень романтичным сидение где-нибудь глубоко под землей и печатание прокламаций, — сказал он. — Но должен вас немножко разочаровать, это была довольно однообразная, прямо скажу — скучная работа. И, если были приняты все необходимые меры предосторожности, в достаточной степени безопасная... Но вот где была постоянная трепка нервов и подлинный героизм, так это в легальной газете при царском режиме!.. Я вам немножко расскажу про первую «Правду», которая появилась на свет в 1912 году.

И Михаил Степанович, прихлебывая чай из фаянсовой кружки, поглаживая свою белоснежно-седую бороду «лопатой», не торопясь поведал нам о тех замечательных днях, когда родилась и стала крепнуть первая массовая газета большевиков — голос рабочего класса, глашатай пролетарской революции.

«Правда», выходящая в 1912—1914 годах, не только издавалась на средства рабочих-подписчиков, но и в очень значительной степени делалась ими. Редакция каждый день получала кучи писем, часто написанных неразборчивыми каракулями. И сотрудники газеты внимательно обрабатывали их, стараясь не обронить ни одного зерна дельной мысли, не пропустить ни одного факта, заслуживавшего внимания, ни одной, можно сказать, интонации, которая говорила о настроениях, господствовавших в то время среди рабочих.

— «Правде» не понадобилось завоевывать читателя — она сразу стала выходить большим тиражом в пятьдесят — сто тысяч экземпляров, — продолжал рассказывать Ольминский. — И мы могли бы существовать безбедно, если бы не частые штрафы и конфискации. За два года и два месяца своего существования «Правда» восемь раз закрывалась и меняла свое название, а количество штрафов и не упомнить. В одну из трудных минут Михаил Иванович Калинин — ближайший сотрудник и руководитель газеты — подал мысль: кроме подписки, прибегнуть также к помощи рабочих и организовать сбор средств на фабриках и заводах. Так появился у «Правды» денежный «железный фонд», который спасал нас от всяких неожиданностей.

— А где в то время был Ленин? — спросил один из наборщиков.

— Владимир Ильич жил тогда за границей как эмигрант. И устроился он очень удобно — в Австрии, около польского города Кракова, в местечке Поронино, совсем близко от русской границы. Он так сумел наладить дело, что можно было довольно легко и быстро пересылать письма в Петербург. И почти в каждом номере газеты появлялась его статья. Нам, в редакции, горой казалось, будто Ильич сидит в сосед-

¹ М. С. Александров (1863—1933), писал под псевдонимами: М. Ольминский, А. Витимский, Галерка и другими. Член партии большевиков с 1903 года. Профессиональный революционер, литературный критик, публицист.

ней комнате, настолько сильно ощущалось его непосредственное влияние на весь ход работы! И он действительно наблюдал за каждой мелочью, прочитывал каждую строку...

Дальше мы узнали от Михаила Степановича о том, как царские чиновники всячески мешали распространению газеты, подсылали шпионов в редакцию, преследовали подписчиков. Приходилось пускаться на всевозможные хитрости и в то же время строго следить за материалом. Сотрудники по многу раз перечитывали небольшую статейку, боясь, как бы по небрежности или из-за ненужной запальчивости не проскочила в газету какая-нибудь неосторожная фраза, за которую могут уцепиться цензоры, оштрафовать и даже совсем закрыть газету. Приходилось избегать слова «партия», а вместо него писали «целое». Вместо трех партийных лозунгов относительно свержения царизма, отображения помещичьей земли и введения восьмичасового рабочего дня писали коротко: «три кита».

— Вот это и было самое трудное и, если хотите, самое героическое и романтическое, — говорил Ольминский, — когда работаешь, а у тебя, что называется, поджилки трясутся — боишься за каждое слово и вместе с тем внутри кипит желание говорить, кричать полным голосом! Ночью не спишь. Не менее полумиллиона человек каждый день читало «Правду». Потерять такую аудиторию, выпустить из рук такой могучий рычаг — об этом даже думать было страшно. И мы буквально по отдельным словам изучали статьи Владимира Ильича, в которых с изумительным искусством говорилось обо всем, о чем нужно было сказать, но такими словами, что цензура только зубами скрипела, а придаться не могла...

— И все-таки не убергли «Правду», — вырвалось у меня.

— Нет, тут уж дело было не в цензуре. Начиная мировую войну, царское правительство вообще не могло мириться с существованием газеты, которая принципиально была против антинародных грабительских войн. Война убила «Правду», чтобы потом, в 1917-м, «Правда» убила войну!..

6

Осенью 1919 года из Москвы на Урал отправился поезд, в котором ехали работники центральных учреждений, члены ЦК партии — для восстановления Советской власти и партийных организаций. В этом железнодорожном составе было четыре вагона с литературой, из них два вагона находились в моем распоряжении: я должен был принять их в Перми, открыть отделение Центропечати, обеспечить местную газету полиграфией, бумагой, экспедированием... Если нужно, — самому взять руководство этой газетой.

Пермская газета «Звезда» только что начала выходить. В редакции сидел очень симпатичный, но совершенно несведущий в этих делах молодой человек — товарищ Целищев. Увидев меня, он просиял и тотчас, даже не спросив мандата, освободил свое кресло.

— А сотрудники? — спросил я.

— Их пока не имеется, — последовал ответ.

Хорошо, что со мной приехала из Москвы молодая журналистка Женя Бородина. Это была пухленькая, курносенькая, лет восемнадцати девушка в тяжелых солдатских сапогах, в короткой, до колен, юбке, сшитой из какого-то диванного материала, в выцветшей солдатской гимнастерке с незастегнутым воротом и в солдатской же фуражке с оторванным козырьком.

Таков был стиль только что рожденного комсомола. Впрочем, поправлюсь: комсомольцы из рабочей среды одевались и вели себя аккуратнее, а Бородина была из интеллигентной и довольно состоятельной семьи. Она не ушла, а «расплевалась» с мелкобуржуазными родителями, решила посвятить всю себя революции и поэтому считала своим долгом одеваться кое-как, ходила как-то ужасно вразвалку, нарочно не пришивала оторвавшихся пуговиц, курила махру и даже ругалась по-солдатски.

Вот она-то сразу и выручила меня. В два счета нашла какого-то старого учителя и двух молодых людей со средним классическим образованием, привела их в редакцию, усадила за стол и сказала:

— Вот здесь вы будете делать газету. Я вас научу...

В губкоме нам дали ответственного редактора из мотовилихинских рабочих — товарища Шилова. Он только об одном просил нас:

— Ущемляйте, но не перегибайте!

На его языке это обозначало то, что мы сейчас называем критикой и самокритикой, сопряженными с тщательным расследованием каждого дела.

Просьба была не лишняя, так как молодые люди, которых привела Бородина, первые два дня сидели, как в воду опущенные, а потом вдруг рванулись вскачь и проявили такую резвость, что в редакцию стали поступать гневные запросы: «Где вы взяли таких бешеных репортеров?!»

Товарищ Шилов редакторствовал недолго. Из Москвы приехал по общепартийным делам Емельян Ярославский, он и взял в свои руки, помимо других обязанностей, редакционные дела в «Звезде».

Это был прекрасный журналист, старый большевик, правдист, ленинец. Он многому нас научил.

В Пермской губернии уже тогда насчитывалось около двухсот тысяч рабочих — шахтеров, химиков, металлургов и металлистов, лесозаготовителей, железнодорожников. По всему Северному Уралу было разбросано множество заводов и промыслов.

— Вполне понятно, — говорил нам новый редактор, — что в первую очередь нужно связаться с партийными, профессиональными и комсомольскими организациями, где они существуют, и в них наемовать рабочих корреспондентов.

«Рабочих корреспондентов!» Тогда это название звучало совсем в новинку, так же как и слово «комсомолец».

Не будем забывать, что перед этим Пермская губерния долгое время находилась в руках у белых. Величиной она была с две Франции, а более или менее сносно передвигаться по ней можно было только по двум магистралям — по Каме (шесть месяцев в году) и по единственному стальному пути, доходившему до угольного Кизела. Колчак, удирая на Восток, взорвал половину пароходов и угнал с собою почти все паровозы и вагоны. Вот почему даже доставка газет и почты на места представляла большие трудности. А тут еще предстояло разыскивать и устанавливать постоянную связь с рабочими корреспондентами.

Нам казалось, что это задача совершенно непреодолимой трудности. Но товарищ Ярославский не любил заниматься долгими уговорами, у него в трудных случаях была одна магическая фраза:

— Но ведь без этого же нам никак не обойтись!

И произносил он ее так спокойно и вместе с тем убедительно, и так улыбочиво при этом светились за стеклами пенсне его голубые глаза, что мы сразу поняли: а ведь действительно, без этого и самое существование газеты станет бессмысленным!

И юноши, девушки, многие из которых ни разу не выезжали из города, в сорокаградусные морозы отправлялись в далекий и трудный путь — где в теплушке, где в кибитке, где верхом, а где и на своих на двоих — открывать пункты Центропечати, разыскивать рабкоров и селькоров, учить их, как надо работать в газете.

Находили, обучали, и скоро в газете появился отдел «Из рабочих писем», который дал тон всей газете.

А спустя год состоялся первый губернский слет рабкоров, в котором участвовали 23 (уже!) постоянных рабочих корреспондента из дальних заводов, не считая рабкоров, наемованных среди рабочих огромного Мотовилихинского завода, который находился под боком.

Проработав два месяца, Ярославский оставил нам несколько в высшей степени ценных советов, касающихся работы с «рабселькорией».

— Очень важно, — говорил он, — в каждом отдельном случае настойчиво добиваться хотя бы малых результатов по каждой корреспонденции, которая сообщала о недостатках. Это страшно поднимает дух, вызывает веру в газету, уважение к ней не только у рабкора, но и у всей рабочей массы... И еще скажу: уважайте рабочего корреспондента, не кокетничайте с ним, не лгите ему, разговаривайте с ним честно, открыто, без всяких экивоков. Когда нужно — ругните, когда заслуживает — похва-

лите. Рабочий человек любит и ценит прямоту, а начнешь с ним мямлить — он тотчас это почувствует и замкнется...

Прошло месяца два. Ярославский уехал дальше в Сибирь, а мы продолжали вести свое газетное дело, внимая словам Владимира Ильича, который писал в «Правде»:

«...Мы начали делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и без капиталистов. Но мы только-только еще начали это делать...»

...Поздний вечер. Лампочка горит с натугой, красным накалом. Газетная бумага — рыхлая и серая. Краска — тоже серая. Буквы сливаются. Сидишь, бывало, низко-низко склонившись над газетным листом, с трудом разбираешь слово за словом, с жадностью впитываешь в себя каждое движение ленинской мысли, и еще сильнее хочется не жалеть своих сил для кропотливого труда...

7

Восемьдесят тысяч красноармейцев, сформированных в запасные батальоны, стояли в Перми в 1920 году. Эшелон за эшелонам отправлялся на Восток. Хлеб и фураж для армии собирали по деревням.

Меня послали в Усольский уезд на продрозверстку. Рекомендовали начать с богатого кулацкого села Юрла, находящегося почти в ста километрах от пристани на Каме Березники. У юрлинских рожь уродилась богато, на заливных лугах сена собрано — на всю губернию хватит.

И вот отправился я в эти притаженные леса, в дремучий пермский край.

Приехал в Юрлу ночью. Переночевал в сельсовете на лавке.

Утром разбудил меня горластый петух. Взлетев на подоконник, он орал во все горло и прицеливался клювом в мой глаз. «Не любят здесь чужих», — подумал я.

На дворе кучкой сидели мужики и через плечо поглядывали в мою сторону.

Умывшись, я спросил у молодого секретаря сельсовета: с кем тут поговорить? Нет ли на селе коммунистов?

— Коммунистов не имеется, — шмурыгнув носом, ответил паренек. — А ты с Ксюшей потолкуй.

— И с комсомольцами, с молодежью тоже хотелось бы поговорить. Есть у вас такие?

— Опять же с Ксюшей объяснись, — снова повторил секретарь.

— Может быть, ты, малый, председателя позовешь сюда?

— Председатель уехавши... Потолкуй, говорят, с Ксюшей!

— Да что ты все мне «с Ксюшей»?! Кто у вас здесь, скажи, из мужиков главнее?

— Главных нет, а Ксюша все тебе объяснит. Позвать, что ли?

«Что за Ксюша такая? — подумал я. — Смотри, какую силу взяла на селе! Наверное, какая-нибудь горластая, напористая, властная баба из тех здешних богатырш, которые в одиночку ходят на медведя».

— Ну, зови.

Через десять минут скрипнула дверь — и я только глаза вытаращил. Передо мной стояла Ксения Солодникова, наша пермская комсомолка, постоянная сотрудница «Звезды», небольшая худенькая девчурка с тонким голоском, как у рассерженного чибиса.

Два месяца тому назад я видел ее в редакции, она сидела за столом и старательно в четвертый раз переписывала ребятам какую-то увещательную статью. Звали Ксению «котенок в сапогах», потому что ноги ее утопали в огромных, словно из чугуна отлитых, американских бусах, весом по десяти килограммов каждый без «начинки», то есть без соломы и газет, напиханных внутрь.

Да, это была она. И писк ее, и те же «самоходы», и ватник с болтающимися тесемками. Только лицо осунулось, и в глазах прибавилось серьезности, воли, заботы. Появились даже паузы в разговоре.

Я сообщил, зачем приехал. Ксюша строго поджала губу и, подумав, сказала:

— Трудновато, а надо сделать!

Созвали мужиков в избу. Ворчливо переговариваясь, топоча катанками и лаптями, расселись они на лавках и на полу. Смотрели на меня в упор колючими глазами.

Долго говорить мне не пришлось. Едва я начал распространяться о международном положении, как Солодникова толкнула меня ногой и сунула записочку: «Не расусоливай! О деле!» Я быстро кончил и передал слово ей.

Изба огласилась звонким, за душу берущим голоском. Было и забавно и трогательно то, что маленькая щуплая девчурка властно, убедительно, просто и деловито рассказывает о таких строгих делах, как война, армия, хлеб, сено, погода, большевики, Москва, Колчак...

Я увидел, что за эти два месяца Ксюша досконально изучила всю подноготную Юрлы, объездила мелкие селишки, забившиеся в леса и болота, по именам звала всех этих бородачей, научилась брать их за живое, говорить с ними в меру строго и в меру приветливо.

И сейчас, пока она говорила, я заметил, что глаза у мужиков как-то повлажнели, лохматые брови разошлись, головы стали кивать в такт каждому слову ораторши.

Не успела она еще кончить, как бедно одетый, но очень степенный древний старик остановил Ксюшу рукой и сказал ей голосом, в котором были и покровительство, и уступка, и добрый смехок:

— Ну ладно, девка... Полно баять!.. Мы тя знаем... Говори: сколько комиссару чего надобно? — И мотнул головой в мою сторону.

Я сказал цифры. Мужики охнули и зачесались. По избе пошел гул и говор впе-ребой.

Старик дал наговориться, а когда приутихло, веско молвил:

— Болтай не болтай, а давать надоть!.. Опять же, слышали-ча о чем Ксюша баяла: Москва, мол, нам ситцем да гвоздями вернет... Выходи, Мишуха, и ты, дедка Онисфор, будем верстать по дворам, кому сколько...

Вечером я с Солодниковой пил до ужаса горячий кипяток с густой черной патокой, похожей на подслащенный деготь.

Ксюша жила в комнатухе при кооперативе. Она рассказала мне, каких горестей и обид набралась в первые недели пребывания в Юрле. Сперва, когда узнали, что она корреспондент газеты, ее вовсе не пускали на сходы. Наотрез отказались возить по деревням. Бабы выпускали на нее собак, ребятишки зашвыривали камнями.

Но вот однажды ей удалось привезти из Усолья сахару и бязи. Бязь растрогала крестьян. Ксюшу допустили говорить. Разговором она их и доконала. Читала газеты и книжки по вечерам. Какой-то бабе удачно присоветовала, как ходить за больным ребенком. Ребенок выздоровел. Ксюшины шансы поднялись еще выше.

Так, день за днем, расшевеливала она эту лесную дрему, внедряясь в нее своей внимательной и терпеливой душой, сделалась нужным человеком, помогала писать письма и заявления, отводила от мужиков несправедливость деревенских властей, зря ничего не обещала, а что сулила — выполняла беззаветно.

— Какá девка-то прыткая да крепкая! — стали говорить про нее. — Целую волость сдюжила!

Только как были, так и остались ее неумолимыми врагами местные богатеи. Этим Ксюша попереk горла стала. Чего только не придумывали они, злобя на нее доверчивых баб и пустодумную часть мужиков.

Я задал Ксюше лукавый вопрос:

— Товарищ Солодникова, вот тебя послали сюда, сидишь ты в этой глухомани, тратишь свои силы... Скажи, пожалуйста, для чего ты все это делаешь?

Ксюша уставилась на меня удивленными глазами:

— Как же так «для чего»? Для р е в о л ю ц и и!

— Хорошо, но ведь ты революции этой и в глаза не видала. Она грохочет где-то там, на сибирских просторах, в Москве, у Перекопа. А тут ведь как было тысячу лет назад, так и осталось.

— Неправда, — чуть помолчав, ответила мне Ксюша. — Я думаю, что революция везде!

И потом вдруг, как бы спохватившись, быстро добавила:

— А разве я сама не революция? А?!

И громко, торжествующе засмеялась, являя меня черными раскосыми глазами, радуясь, что нашла нужное и простое выражение тому, о чем секунду назад только смутно подумалось и что, в сущности, было до удивления ясно и понятно.

...Через три дня я уехал из Юрлы в другие волости. А спустя месяц, возвращаясь в Пермь, решил заехать, посмотреть: каких еще дел натворила Солодникова по части обуздания юрлинцев и привлечения их симпатий.

Въехав в село, увидел, что на площади выше церкви наметан тысячепудовый «зарод» сена. Встретившая меня Ксюша с гордостью показала на него:

— По первопутку в Пермь повезем. Для армии!

Вечером мы опять сидели у нее в комнатке, пили кипяток с патокой и говорили о революции.

В полночь явился какой-то парень, прислонил к стене берданку и буркнул, уставившись на чайник:

— Смениться пришел...

— Эх ты, «смениться»! — строго сказала Ксюша. — Разве с поста уходят?! Я бы сама пришла сменить тебя. Раззява!

Застегнула ватник, взяла берданку и, громяхая сапогами, исчезла за дверью.

— Куда это она? — спросил я у парня, который пристраивался спать на полу.

— Куда? Нешто не знаешь? Сено стеречь!

Не успел он договорить, как раздался выстрел и на улице зазвенел тонкий тревожный крик.

Мы выбежали на площадь.

Угол церкви полыхал желтым отблеском пламени. Кругом во мраке топотали бегущие к скирде мужики, сопели и матерились.

Добежав, мы увидели страшную картину. Низ скирды уже занялся дымным бегающим пламенем. А в дыму, как иступленная, прыгала Ксюша, руками выхватывала охапки горящего сена и кидала их в сторону, затаптывая ногами.

Вдруг она и сама загорелась. Сперва вспыхнули ее длинные распутившиеся волосы. Потом пламя обняло юбку. Ксюша взмахнула руками, пронзительно вскрикнула и, споткнувшись, кувырком полетела в самое поल्याма...

Вытащили ее полуживую. Окатили водой, отнесли в больницу и положили на койку.

По дороге она еще нашла в себе силы крикнуть:

— Тушите! Село сгорит!

— Ишь, ладушка, о селе печется! — нежно произнес мужик, несший ее.

Крестьяне отстояли скирду, вилами разметав по площади изрядную боковину. Потом, опаленные, злые, с еще горячими вилами на плечах, толпой двинулись убивать кулака Прокудина, грозившего сжечь сено...

Всю ночь нещадно мучилась Ксюша. А на рассвете умерла.

Ее, как принято у пермяков, обмыли через новый березовый веник, обули в новые ненадеванные лапти, закрыли белым рядном, поставили в головах чашку с водой и к краю прилепили восковую свечечку.

Попа звать к комсомолке постеснялись, а пригласили бабу, которая села у изголовья и стала напевно причитать:

Подымитесь вы, ветры буйные,
Со всех четырех сторон!
Разнесите мать сыру землю.
Подымитесь вы, тучи темные,
Разбейте гробы да распахните саваны!
Восстань-ко ты, родимая ладушка,
На свои попки резвые!
Раскачнитесь, белы рученьки!
Распечатайтесь, уста сахарны!
Смой ты с лица свою ржавчину,
С сердечушка — кровь горячую.
Расскажем тебе про житье-бытье,
Про наше гореваньице!..

К полудню вся изба набилась народом. Пришли прощаться с Ксюшей Солодниковой.

Я вспомнил пермский обычай — дарить соседям вещи умершего, передавая их через тело покойного. «Раздам-ка, — подумал я, — этим хорошим людям, полюбившим беззаветное Ксюшино сердце, ее скудное барахлишко».

И стал дарить: кому заячью шапку, кому гребешок, кому утиральник. Дошел и до книжек.

— Да ведь мы неученые читать, — смутясь, сказали мужики.

— Ничего, научитесь, — ответил я.

Пареньку лет двенадцати достался потрепанный томик стихов Генриха Гейне. Он принял книжку, как пряник, хотя читать не умел.

Его мать опасливо спросила:

— А книга-то хорошая? Не совредит ли?

Сзади чей-то голос сказал:

— Не бойся! Пусть возьмет!.. Вишь, Ксюшу не совредила.. Какá хороша девка-то была!..

На этом я прерываю свои записки. Пусть мой беглый рассказ остановится на светлом подвиге мужественной комсомолки Ксюши Солодниковой.

Еще не написана история советской журналистики, но когда это произойдет, ее первые страницы расскажут много поучительного.

ЖУБИЦИСТИКА

Г. БОРИСОВСКИЙ

★

АРХИТЕКТУРА И БЫТ

В этих заметках будет идти разговор не только об архитектуре, но и о том, почему моя знакомая обменяла комнату со всеми удобствами на комнату без удобств; об Иване Ивановиче, который не тушит свет в коридоре; о домах, построенных для коэффицента, а не для человека; о вариантной мебели, из которой можно получить массу комбинаций; об обоях и о многом другом.

Какая связь между всей этой житейской прозой и высоким искусством зодчества? — спросит меня читатель. Какая связь? А вот какая.

Что такое архитектура? Внешний облик здания, планировка дома, улицы, площади, города. А вот домашний холодильник, настольная лампа, радиоприемник, обои — являются они элементами архитектуры или нет?

Построен новый жилой дом. Кажалось, зодчий сделал все, что от него требовали. Радует глаз простой и красивый фасад, расположение квартир удобное и экономичное. Войдем внутрь помещения. В нем пока еще никто не живет. Пустые, голые комнаты, они неуютны и отталкивающе некрасивы своей непривычной пугающей пустотой.

Назовем ли мы такую комнату архитектурой? Нет. Это только стандартное пространство, лишенное какого-либо жизненного содержания.

В дом вселились жильцы. Расставлена мебель, развешаны картины, расстелены ковры... И комнаты, эти безликне куски пространства, чудесно ожили. Каждая приобрела свое особое лицо. Вот комната, полная уюта, красоты и лирики. А эта чопорна и холодна. В каждой чувствуешь себя по-разному: одна располагает к чтению, другая — к интимной беседе, а иная — ко сну. Комнаты стали такими своеобразными, захватывающе интересными.

Это — уже архитектура, плохая или хорошая, но архитектура. Она имеет свою индивидуальную, неповторимую форму и свое индивидуальное, неповторимое содержание.

Кто ее создал? Только не архитектор. Ее создала хозяйка этой квартиры, никогда не обучавшаяся в архитектурном вузе. Среди этой архитектуры мы и проводим большую часть жизни. Архитектура эта в известной мере формирует наш художественный вкус, влияет на нашу психику и настроение.

Выходит, что говорить о зодчестве — это значит иметь в виду не только самое здание, его фасад, но и обои, которыми оклеены комнаты, скатерть, которой покрыт стол, и все те вещи, среди которых мы живем.

Архитектура и быт неотделимы друг от друга.

ДОМА, ПОСТРОЕННЫЕ ДЛЯ КОЭФФИЦИЕНТА

Есть у нас одна знакомая. Она вечно недовольна, вечно брюзжит. Она никогда не улыбается, никогда не радуется.

Когда она приходит в нашу квартиру, то лампочки начинают гореть вполнакала а молоко киснет. Мы так и прозвали ее: «Кислое молоко».

И вот недавно я встретил эту женщину на улице. «Кислое молоко» улыбалось. «Кислое молоко» чему-то радовалось, оно даже помолодело. Невероятно!

— Вы веселы? — спросил я, плохо скрывая удивление.

— Да, да! Дело в том, что я обменяла свою комнату со всеми удобствами на комнату без удобств.

— ???

— Зато моя новая комната совершенно изолирована и даже имеет отдельную, хотя и малюсенькую, кухню. Я избавилась от Софочки, Марии Петровны и сорванца Володьки — моих «дорогих» соседей...

Мне стало все ясно. Все понятно и вам, читатель.

Кто не знает «прелестей» так называемой коммунальной квартиры, в которой живет несколько семей, а в одной кухне готовят пищу столько же хозяек!

Здесь идут постоянные войны, упорные и изощренные. Их причины весьма разнообразны:

— Ваш Иван Иванович ночью опять не потушил свет в коридоре.

— А вот ваша Нюра снова пролила масло на плиту. Такой чад подняла! У меня и сейчас голова болит...

Дело не только в том, хороши или плохи наши соседи. Приветливые они или угрюмые, культурные или нет. (Хотя это тоже имеет немаловажное значение.) Нередко можно наблюдать, как умный человек, образованный, вежливый по натуре, придя домой в коммунальную квартиру, становится совершенно неузнаваем, ссорится с соседями по каждому пустяку.

Суть в том, что человеку свойственно иметь изолированное жилище для себя и для своей семьи. Это так же естественно, так же жизненно необходимо, как иметь собственное одеяло, собственные ботинки, собственный костюм, собственную зубную щетку. Коммунальная квартира не дает такой возможности. Поэтому рассеянный Иван Иванович и вызывает у нас столь бурную реакцию.

Почему же мы строили квартиры, рассчитанные на несколько семей? В самом деле, почему?

Вот здесь и появляется на свет коэффициент «К». Что это за существо, которое делает нашу жизнь порой такой неприятной? Коэффициент «К» — это отношение жилой площади к полезной:
$$K_1 = \frac{\text{жилая площадь}}{\text{полезная площадь}}$$
 (Есть и другие варианты формулы, но принцип сохраняется.) Чем больше этот коэффициент, тем выгоднее, экономичнее планировка данной квартиры (жилой площади больше, подсобной меньше). Чем выше этот коэффициент, тем лучше архитектор выполнил свою задачу. В течение многих лет сотни зодчих трудились над планировкой такой квартиры, где коэффициент «К» выглядел бы наиболее эффективно. (Конечно, они решали и другие проблемы. Здесь я несколько упрощаю этот вопрос.)

Для того, чтобы получить наилучший коэффициент «К», необходимо иметь как можно большую суммарную площадь жилых комнат за счет сокращения подсобной площади — кухни, ванной, уборной, прихожей. Но минимальный размер последних (кроме прихожей) зафиксирован соответствующими нормами. Оставалось одно: во-первых, увеличить площадь каждой жилой комнаты; во-вторых, сделать в каждой квартире таких комнат по возможности больше.

Архитектор так и поступал. В результате возникали квартиры с большими комнатами, где поселялось несколько семей.

Оказывается, коэффициент «К» определяет планировку квартиры (конечно, не только он один, но об этом позже). Выходит, мы проектировали для арифметической формулы, а не для человека.

Мне возразят: экономия есть экономия; мы еще не в состоянии дать каждой семье отдельную квартиру; коэффициент «К» и охраняет народные средства. Так ли это? Является ли этот коэффициент столь объективным показателем?

В многокомнатной квартире, где живет несколько семей, кухня и прихожая действительно являются лишь подсобными помещениями. В квартире же, рассчитанной на одну семью, кухня и прихожая приобретают другие качества. Здесь кухня может

быть использована как столовая (кухня-столовая). Иначе выглядит и прихожая — она часто служит как бы продолжением комнаты, что исключено в многосемейной квартире. Получается, что в квартире на одну семью коэффициент «К» уже не выражает экономичность помещения. Возьмем это на заметку.

Существенно то, чем мы будем измерять строительство, какую учетную единицу примем. Это имеет прямое отношение к типу квартиры (многоквартирная или малометражная) и тем самым к нашему быту.

За учетную единицу у нас принят квадратный метр жилой площади. Строители рапортуют: построено столько-то метров жилой площади. При этом вовсе не принимаются во внимание кухни, уборные, ванны, коридор. К чему это приводит? А вот к чему. В погоне за выполнением плана по метражу становится как бы «выгоднее» строить преимущественно многокомнатные квартиры с большими комнатами.

Очевидно, что если принять за учетную единицу жилую комнату, а не метр, то и результат будет иным. Появится стимул к строительству домов с небольшими комнатами. Если же за основу учета взять не комнату, а количество квартир, то архитекторы и строители будут заинтересованы выпускать свою «продукцию» в виде малометражных, предназначенных для одной семьи, квартир. Кстати сказать, за границей часто пользуются именно этим показателем, а также судят о квартире не по количеству метров жилой площади, а по числу комнат в ней. В этом есть определенный смысл. В самом деле, что для жильца важнее: имеет ли квартира общую жилую площадь, скажем, двадцать пять или тридцать квадратных метров или сколько в этой квартире комнат — одна, две, три? Надо полагать, что лучше иметь несколько меньшую площадь, но зато побольше комнат.

Следовательно, в наших критериях оценки уже определены пути решения. В показателе уже заложен конечный результат. Так или иначе, разговор о показателях, об учетной единице — это не только предмет голой статистики, это вопрос нашего быта, настроения, здоровья.

Возникает неотложная задача — пересмотреть наши показатели. Возникает необходимость создать такие показатели, которые способствовали бы, а не мешали, появлению квартир на одну семью.

Над этой проблемой работает немало архитекторов и ученых, в печати появилось несколько статей с различными предложениями. Я не буду вдаваться в их обсуждение. Но мне хочется только предостеречь от одностороннего, однобокого решения вопроса. В некоторых рекомендациях недостаточно учитывается наш быт. В них есть экономические показатели, однако нет показателей «человеческих». В них есть конкретная экономика, но забыт конкретный человек с его страстями и слабостями. А наши показатели обязаны учитывать и то и другое.

ЧТО ТАКОЕ «СНИП»

Но дело не только в коэффициенте «К» и в учетной единице. Есть еще виновник наших домашних неурядиц.

На моем столе лежит книга, такая скромная, такая корректная и такая безобидная. На ее темной обложке тускло и солидно поблескивают буквы. Они с достоинством сообщают: «Строительные нормы и правила». Книга выглядит доброжелательно. В ней собраны нормативы, на основе которых архитектор проектирует жилые дома.

На первый взгляд, эти строительные нормы и правила (СНИП) можно сравнить с правилами уличного движения, соблюдение которых обязательно для всех, а утверждающие проект организации — с постовым милиционером, который строго выполняет свои обязанности, но которому совершенно безразлично, куда и зачем вы идете. Сообразуясь с правилами уличного движения, вы вольны избрать направление, какое вам заблагорассудится. Пользуясь СНИП, архитектор волен запроектировать то, что требует от него жизнь и подсказывает его здравый смысл. (Например, квартиру на одну семью.)

Но так кажется лишь на первый взгляд. Опыт говорит, что нормы весьма активно вмешиваются в творчество зодчего, и часто именно они (а не жизнь) диктуют ему

свою волю — определяют общий характер жилого дома. Поэтому я более склонен уподобить СНИП строгой няньке, которая насильно тащит вас туда, куда она хочет и куда нет желания идти.

Это действительно так. Не один десяток лет многие советские архитекторы упорно и настойчиво проектировали квартиру на одну семью. Они настойчиво пытались внедрить ее в жизнь. Было даже построено несколько домов с такими квартирами. Ряд лет велась упорная пропаганда за малометражную квартиру, но каждый раз выдвигался очень веский аргумент против. Беда в том, что стоимость квадратного метра жилой площади оказывалась значительно выше. В частности, это произошло и с проектом малометражных квартир, созданных несколько лет назад Академией архитектуры и специальным архитектурно-конструкторским бюро. Эти и подобные им проекты были тщательно продуманы, их создавали весьма квалифицированные, даже талантливые наши зодчие, и тем не менее...

Но вот совсем недавно был проведен Всесоюзный конкурс на жилые дома нового типа. Малометражные квартиры, которые ранее всегда были дороже многокомнатных процентов на двадцать пять, вдруг оказались дешевле.

Почему? Да только потому, что архитектор в ряде случаев отступил от нормативных канонов. Он нарушил СНИП. Условия конкурса разрешили ему это сделать. Во-первых, вопреки нормам была снижена предусмотренная ими минимальная площадь жилых комнат и кухонь. Во-вторых, разрешен проход через общую комнату как в спальню, так и в подсобные помещения. В-третьих, уменьшен размер санитарных узлов и допущено их совмещение (уборная и ванная в одной комнате). В-четвертых, снижена высота комнаты с 3 до 2,7 метра.

Все эти отступления от норм и правил, недопустимые в условиях многокомнатной квартиры, на которую ориентировался СНИП, совершенно естественны в малометражной квартире, рассчитанной на одну семью. Запроектированные на конкурс квартиры оказались не только лучше по качеству в житейском, бытовом отношении, но и более дешевыми.

Этот пример любопытен и поучителен. Больше того, он звучит как прямое обвинение по адресу СНИП. Вместо того чтобы помогать, строительные нормы мешали нам. Это они, вместе с коэффициентом «К» (который тоже входит в нормы), заставили мою знакомую сменить комнату со всеми удобствами на комнату без удобств, но и без соседей...

Конечно, первопричина всего сказанного кроется не в самых нормах. Они явились лишь выразителем общепринятого мнения, что по экономическим соображениям целесообразнее строить большие квартиры (больше можно заселить людей). Нормы своими параграфами и закрепили этот критерий. Несомненно, что в связи с возрастающим объемом жилого строительства посемейное заселение становится все более реальным. Но СНИП остался. Он стал тормозом для строительства малометражных квартир.

Не означает ли это, что строительные нормы и правила нам не нужны? Нет. Нормы нужны. Но какие? Те, что мешают нам жить, не нужны. Надо, чтобы научно-исследовательские институты непрестанно занимались критикой и проверкой норм. Надо все время следить, не устарел ли тот или иной параграф норм, не вступил ли он в противоречие с жизнью. В основе наших норм должна лежать диалектика. Нормы созданы человеком и для человека.

ТРУДНЫЕ РОДЫ

Несколько слов об утверждении проектов. Сейчас этот процесс стал излишне сложным, громоздким и даже бюрократичным. Проект согласовывается со множеством различных организаций и лиц, начиная от руководителя архитектурной мастерской и кончая Госстроем. И всем проект должен если не понравиться, то хотя бы не вызывать прямого протеста. К проекту предъявляются самые разнообразные, порой прямо противоположные требования. Создается хаос противоречивых мнений, взаимноисключающих пожеланий, общераспространенных предрассудков, личных интересов, симпатий или антипатий. В конечном счете частенько в свет выпускается проект, представ-

ляющий собой равнодействующую нескольких сил, направленных в разные стороны. А из механики известно, что такая равнодействующая не велика.

Автору этих строк доводилось наблюдать, как интересный проект, полный оригинальных мыслей и принципиальных положений, сулящий какие-то новые возможности, не утверждался, тогда как серый, ничем не примечательный проект, робкий и ограниченный, быстро апробировался, не вызывая особых возражений. Удивляться не приходится: первый проект, будучи отягощен грузом новаторских идей, чаще всего разбивается о подводные камни экспертизы; второй, полегче весом, подобно щепке, быстро проскальзывает поверх опасных рифов.

Главное же это то, что, несмотря на такое, самое пристрастное, внимание к проекту, в особенности типовому, из поля зрения иногда ускользает начало начал — требования жизни, наша действительность. Вот один пример из многих. Имеется ряд проектов жилых домов для индивидуальных застройщиков. В свое время проекты эти были со всей строгостью рассмотрены экспертами, санитарной и пожарной инспекциями и т. д. Проекты одобрены, но по ним мало кто строит. Почему? Да только потому, что такой дом дорог (около ста тысяч рублей), не у каждого найдется столько денег.

Статистика показала, что, например, в 1955 году индивидуальными застройщиками построено свыше сорока процентов общего количества новых квартир в городах. Почти половина жилых зданий строилась вообще без проекта.

Вот и получается: «У семи нянек дитя без глаза».

ВАРИАНТНАЯ КВАРТИРА

Один мой знакомый архитектор пригласил меня к себе, обещая показать нечто интересное.

И вот я у него в квартире, в ней две маленькие смежные комнаты. Горю нетерпением узнать, какой сюрприз мне приготовлен. Антикварная книга, эскиз знаменитого художника?..

Посидели, поговорили. Хозяйка предложила посмотреть новый кухонный буфет. Вместе с нею я пошел в кухню. Буфет как буфет, таких много в мебельных магазинах. Возвращаюсь обратно в комнату.

Что такое? Я попал не в ту квартиру? Были две маленькие комнаты, а теперь одна большая. Исчезла дверь, соединяющая комнаты, нет большой картины, висевшей на стене, нет и самой стены. Действительно, сюрприз.

Присматриваюсь внимательно и вижу металлическую рейку в полу. Все ясно: передвижная перегородка, старая знакомая! Та самая, которая много лет назад не сходилась с наших студенческих проектов. Вспоминаю, как мы, тогда молодые мечтатели, с упоением проектировали вращающийся стенд с задвинутыми туда передвижными перегородками. Вращаясь, он позволял делить пространство квартиры на отдельные комнаты, большие и малые. «Свободный план» — один из пяти знаменитых тезисов архитектора Корбюзье, тогдашнего нашего кумира.

Спрашиваю своего приятеля:

— Во что обошлось?

— Около тысячи рублей.

— Дороговато.

— Но учтите — кустарная работа. В массовом производстве будет стоить не дороже трехсот рублей.

Рассматриваю детали конструкции. Просто, надежно, не лишено остроумия.

К сожалению, я лишен возможности дать здесь чертеж такой перегородки. Ограничусь кратким описанием. Перегородка имеет толщину около пяти сантиметров и состоит из фанерных листов, соединенных внутри рейками. Между рейками прокладки толя, которым приданы волнообразные очертания — для лучшей звукоизоляции. В полу и на потолке сделаны металлические пазы, по ним на шарикоподшипниках и передвигается перегородка, образуя альков.

Вы заинтересовались, читатель? Вот бы вам такую! Можете взглянуть на нее.

Фамилия моего приятеля — Троицкий. Адрес: Москва, Староконюшенный переулок, дом 17, квартира 15.

Представьте себе передвижную перегородку в наших квартирах, вроде той, которую сделал Троицкий. Сколько новых и не использованных еще возможностей она вызовет к жизни!

Праздник. Пришло много гостей. Перегородка убирается (задвигается). Одна большая комната. Есть где всем разместиться, есть где потанцевать. Гости ушли, квартира опять разделилась на две (три) комнаты.

Утро. В квартире остались дети и мать. Перегородка убирается. Освобождается площадь для игр и беготны детворы. Вечер. Образуется маленькая комната под спальню детей. И так далее и тому подобное.

Вариантная квартира! Жилье приспособляется к потребностям человека, а не человек приспособляется к нему.

Но дело не только в передвижной перегородке. Такая перегородка может быть, а может и не быть, но квартиру нужно запроектировать так, чтобы она позволяла иметь максимум самых различных вариантов, комбинаций.

В результате многолетней работы нашим зодчим удалось получить ряд жилых секций, которые с точки зрения требований современных проектных норм часто являются своего рода совершенством. Здесь трудно что-либо изменить, не нарушив того или другого параграфа норм и не ухудшив коэффициента «К» (соотношение жилой площади к полезной).

Но что кроется под таким «совершенством»? Не является ли это чистой абстракцией, идеально отвечающей существующим проектным нормам и разного рода коэффициентам, но отнюдь не запросам реального человека? Когда в такую «совершенную» квартиру въезжает семья, она предъявляет квартире свои индивидуальные требования.

Архитектор долго и упорно добивался минимальной кухни, свел ее к нескольким квадратным метрам, а новоселы предпочли бы иметь большую кухню-столовую, но зато маленькую спальню. Для нескольких семей, поселившихся в одной квартире, необходимо иметь совершенно изолированные комнаты. Значит, неизбежен коридор. В другом случае, при наличии одной семьи в квартире, целесообразнее за счет коридора иметь большую жилую комнату.

Отсюда вывод: строительные нормы и проектные задания должны требовать от архитектора таких проектов, где наряду с основным вариантом были бы предусмотрены побочные варианты, которые легко можно осуществить в натуре. Например, необходимо предусмотреть возможность постановки дополнительной перегородки, что позволит получить в случае необходимости лишнюю комнату. Следовательно, в проектных нормах должен появиться особый параграф, который помог бы архитектору целесообразнее расположить окна и двери. Далее, при планировке жилой секции нужно иметь в виду, что жильцы, возможно, захотят отказаться от коридора, чтобы за счет этой площади расширить ту или иную комнату. И эта возможность должна отразиться в строительных нормах.

Вариантная квартира нужна не только в наши дни, когда так остро ощущается нехватка жилой площади. Мы строим дома надолго. Поэтому надо сегодня предусмотреть все то, что потребуется впереди. Я хочу, чтобы меня поняли правильно. Я отнюдь не предлагаю во имя будущего жертвовать настоящим. А ведь именно так поступали многие архитекторы, проектируя квартиры из четырех-пяти больших комнат с расчетом на то, что когда-либо, по мере решения жилищной проблемы, здесь будет жить одна семья, сегодня же, «временно», такую квартиру может занять и несколько семей. Но позволительно спросить: а что будем делать с однокомнатной квартирой, когда нормы жилой площади увеличатся в два-три раза?

Вот об этом и надо подумать сегодня. Необходимо заранее предусмотреть такую планировку квартир, которая позволила бы, к примеру, объединить две маленькие квартиры в одну большую. И сегодняшние строительные нормы должны включать в себя такую возможность.

Вместо этого мы часто применяем конструкции, начисто исключаящие какие-либо изменения в планировке. Вот пример: делаются так называемые несущие пере-

городки, которые принимают на себя всю нагрузку, всю тяжесть дома. Убрать и передвинуть такую перегородку, проделать в ней дверь нельзя — здание рухнет.

Передо мной проект жилой секции. Угловая комната значительных размеров. В ней два окна, одно выходит на главный фасад, другое — на торец здания. Пропорции и размеры комнаты позволяют без всякого ущерба разделить ее на две небольшие комнаты, если будет желательна жильцу. Но архитектор уничтожил эту возможность. Второе окно, расположенное на торцевой стене, он настолько приблизил к фасадной стене, что вторая комната неизбежно окажется темной.

Нужно проектировать варианты квартир. Нужно создавать такие нормы и правила, которые стимулировали бы строительство вариантов квартир.

Проектируются ли теперь варианты квартир? Нет. К сожалению, эта идея все еще не завоевала симпатий проектировщиков и строителей, несмотря на всю свою заманчивость. Вернее, о ней никто не думает. Между тем известно, что в зарубежных странах существуют такие квартиры. Там, например, строят квартиры, в которых постоянно закреплены только кухня и санитарный узел, а остальная площадь делится в зависимости от желания жильцов на нужное количество комнат. Почему же у нас ничего не предпринимается в этом направлении? И очень жаль, что подобного рода попытка как-то выпала из поля зрения широкой архитектурной общественности.

МЕЧТА, КОТОРУЮ ЛЕГКО ОСУЩЕСТВИТЬ

Недавно на выставке прикладного искусства РСФСР была показана стандартная мебель. Мы увидели, как из нескольких стандартных элементов можно получить целую серию разнообразных вещей — ряд сервантов различного рисунка и размера, книжные шкафы, высокие и низкие, короткие и длинные. В одном из номеров журнала «Архитектура СССР» за прошлый год рассказывалось о том, что при наличии всего лишь трех основных элементов можно сделать четырнадцать комбинаций мебели.

Нам думается, что некоторые домашние вещи с успехом могут иметь несколько «специальностей». Ведь есть же кресло, которое по желанию легко превратить в кровать; есть и диван-кровать. Если бы такая мебель выпускалась нашей промышленностью в больших количествах! Если бы в магазинах можно было приобрести не только законченную вещь, но и ее элементы для того, чтобы из них получить самые различные предметы домашнего обихода! Представьте себе, вы сами создаете мебель, применительно к размерам своей комнаты, в соответствии со своими вкусами и потребностями.

Мы с женой решили оклеить нашу квартиру новыми обоями. Обои — это фон, на котором будут восприниматься мебель, картины, ковры. Этот фон может «убить» наши вещи или придать им особую выразительность. Цвет обоев влияет на нашу работоспособность и самочувствие, возбуждая или успокаивая. Выбрать обои для квартиры — дело серьезное.

И вот мы в магазине. На стенде выставлена масса различных обоев, разных рисунков и раскраски. Но их объединяет одно — непривлекательность, вернее сказать — безвкусица.

На наши возмущенные возгласы продавец ответил с удивлением:

— Нормальные обои. Что вы волнуетесь, граждане?

Нормальные обои! Хотел бы я увидеть «ненормальные» обои, быть может, они понравятся мне больше. Мы ушли ни с чем. В другом магазине те же обои. Мы так и не оклеили свою квартиру.

По этому поводу вспоминается такой случай. Еще до войны по нашему проекту (совместно с архитектором Г. А. Климухиным) в Москве было построено три больших дома. Я поехал на обойную фабрику выбрать обои для этих домов. Ничего подходящего не нашел. Тогда я спросил директора, сможет ли фабрика выпустить обои по моему рисунку. Он ответил утвердительно.

Познакомился с технологией производства и приступил к работе. Признаюсь, меня увлекло это дело — открылась какая-то совершенно новая область творчества. Я почувствовал, что здесь могу как-то по-новому применить свои способности и навыки архитектора и художника.

Обои — это что-то вроде книгопечатания. Книгопечатание на стенах комнаты. Можно «напечатать» все, что мне угодно, и тем самым изменить, причем самым радикальным образом, общий облик комнаты. Правда, здесь есть свои ограничения, связанные со спецификой производства.

Прежде всего я отказался от подражания рисунку материи и ковра, хотя это сейчас очень распространено. Мне показалось интереснее исходить из архитектурных мотивов. Ведь стены комнаты имеют больше касательства к архитектуре, чем к женскому платью или кибитке кочевника. Рисунок моих обоев приобрел другой характер. Он стал более строг, более архитектурен.

Затем мне пришла в голову счастливая мысль: почему бы не сделать обои «вариантными», так, чтобы из одного и того же куска можно было получить разнообразные комбинации? Тогда даже оклейка из чисто механического (и надо сказать, весьма нудного) процесса превратится в творческий.

Я запроектировал обои, на которых были изображены различные элементы архитектурного декора. Если такими обоями оклеить комнату, получится сплошной узор. Но вырезая отдельные элементы этого декора и комбинируя их с гладкими обоями (без рисунка), можно создать интереснейшие варианты. Из таких обоев составляется целая серия красивых фризов, карнизов, наличников над дверью и окнами и тому подобное.

Обои мои фабрике понравились, и она их выпустила. Но вскоре началась война, стало не до обоев. А когда позднее я как-то зашел на фабрику, вал с моими рисунками оказался потерян.

Не берусь судить, хороши или плохи были эти обои, но ясно одно: здесь для архитектора «целина» работы. Именно для архитектора, а не для художника-живописца. Архитектор привык иметь дело с реальной, а не иллюзорной плоскостью стены, реальным пространством комнаты, интерьером. Его композиции обычно более строгие и архитектурны. (Живописец отличается другими положительными качествами.)

Не случайно работники фабрики прозвали мои обои «архитектурными».

Человеку всегда свойственно не только потреблять созданное другими, но и творить самому, не только пользоваться искусством, но и творить его.

Украинка расписывает стены своей хаты, печи, окна и двери ярким орнаментом. Делает это она не только потому, что так нужно, но еще и потому, что ей это приятно, доставляет удовольствие. Женщина, украшая свою квартиру рукоделием, коврами, картинами, безделушками, каждый раз творит, как художник.

Творить самому — естественная потребность человека.

Здесь я опять возвращаюсь к принципу вариантности. В нашей квартире может быть вариантно все — планировка, мебель, даже обои. Это даст возможность человеку самому создавать себе жилище, используя для этого все достижения современной техники. Принцип вариантности позволяет из ограниченного количества повторяющихся стандартных элементов создавать множество различных комбинаций.

Идея вариантной мебели не нова. Будучи еще студентом, четверть века тому назад, я любовался такой мебелью на деревообделочном факультете нашего института. Со страниц иностранных журналов не сходят снимки все той же комбинированной мебели.

Позволительно спросить: «Почему в наших магазинах нет вариантной мебели, нет вариантных обоев? Почему столь ясная и нужная идея не находит себе применения?»

В книге отзывов на последней выставке прикладного искусства РСФСР есть такая запись: «Двадцать лет я хожу по подобным выставкам. Двадцать лет я люблю прекрасными изделиями, выставленными на этих картинах. Двадцать лет я задаю себе вопрос, почему столь прекрасных и удобных вещей нет в наших магазинах».

АРХИТЕКТУРА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Два подмосковных поселка. Один в Тайнинке, другой близ станции Лось. Они построены почти одновременно, и оба застроены стандартными домами. Первый привлекателен, второй нет. Почему такая разница?

Проектируя Тайнинский поселок, архитектор выделил каждой квартире небольшой участок земли. В поселке Лось это не было сделано. Каждый житель Тайнинского поселка посадил на своем участке яблоню, вишню, малину. Он отдыхает, копаясь в своем садике. Он здоров, дома у него всегда хорошее настроение. Поселок утопает в зелени. Здесь стандартные дома потеряли свое однообразие. Кусты и деревья придали им многообразный вид.

Жильцы поселка Лось не имеют своего садика. Их поселок некрасив, неуютен и гол. Стандартные дома, не будучи оживлены зеленью, выглядят уныло.

Есть у меня там приятель, насмешник страшный. Парадокс и гротеск у него всегда на первом месте. Так вот он уверяет, что из-за житейских неудобств чуть ли не все жители поселка Лось отличаются повышенной нервозностью, даже сварливостью. Они питают особое пристрастие к пивной.

Кому всем этим обязаны жители двух поселков? Архитектору.

Специфика деятельности зодчего именно в том и заключается, что он в отличие от инженера имеет дело не только со строительными материалами и конструкциями, но прежде всего с самыми насущными нуждами живого человека — его бытоустройством.

В Древней Греции на Дельфийском храме было высечено много красивых и мудрых изречений и среди них: «Человек — мера всех вещей». Вот человек для зодчего и должен всегда и всюду являться той «единицей учета», которой он мерит все, что создает.

Не так давно над нами, архитекторами, пронеслась буря, благотворная и живительная. Я имею в виду борьбу с излишествами и украшательством. Пришлось выслушать немало упреков, горьких, но справедливых.

Однако вопрос стоит шире. Надо кое в чем пересмотреть нашу архитектурную философию и эстетику, наши идеалы и критерии оценки.

Если раньше архитектурный образ, художественные качества здания, его фасад часто считались решающими, то теперь нужды человека, его потребности и запросы стали определять характер и содержание архитектуры.

Лучшим свидетельством этого является Всесоюзный конкурс на новые типы жилых домов, о котором я уже упоминал. Еще несколько лет назад подобные конкурсы объявлялись только на уникальные здания, имеющие большое идейно-художественное значение. Ныне темой конкурса стало жилище человека, удобное и дешевое. К чести советских зодчих, надо сказать, что они горячо откликнулись на этот призыв. Было представлено четыреста проектов, четыреста новых предложений! Если учесть, что в каждом проекте участвовало несколько авторов (иногда до десяти человек), то можно представить размах и значение этого конкурса.

Новаторство становится одной из основ творчества архитектора. Весьма отрядным фактом является экспериментальное строительство, которое все более расширяется. Так, например, Главмосстрой должен построить в Черемушках (Москва) целый квартал опытных жилых домов с малометражными, экономичными квартирами, рассчитанными на односемейное заселение.

Значит ли это, что архитекторы, решая чисто утилитарные проблемы, имеют право отказаться от красоты и поэзии, свойственной архитектуре всех времен и народов? Нет, конечно. Но эту поэзию сегодня мы ищем не в красивой декорации фасада, а в организации красивого быта людей, созданного средствами архитектуры (разумеется, не только одной архитектуры).

Во времена, не столь далекие, архитекторы старались прославить нашу эпоху, одевая дома в декоративные одежды, скроенные по образцу старинных дворцов, палаццо, наивно полагая, что тем самым мы приобретаем и величие архитектурного облика. Партия, правительство указали на ошибочность подобной «эстетики».

Полезьа — реальная, конкретная, ошутимая — вот один из критериев красоты архитектуры. Красиво то, что по-настоящему нужно и полезно. Недаром Гёте говорил, что «только из ощущения естественного и может возникнуть величественное».

Архитектор был и остается художником, призванным создавать не только полезные, но и красивые вещи. Город, жилой квартал, улица, дом, квартира сами в себе, в своей сути несут специфическую красоту, которая может проявиться лишь в результате полного, гармоничного соответствия художественной формы жизненному содержанию архитектуры.

Удобная планировка участка, изящные газоны, живописное расположение зелени, выразительный объем здания, яркая и жизнерадостная окраска — вот те средства, которыми архитектор располагает.

Эти средства весьма действенны, и нет сомнений, что на основе их мы получим архитектуру, соответствующую эстетическим вкусам и житейским нуждам народа.

Удобное, красивое жилище, квартира, комната — чье сердце не затронут эти слова радостью, надеждой! Но бывает, отзовутся они и болью. Немало еще у нас есть людей, жилищные условия которых заставляют желать лучшего.

Страна делает титанические усилия, чтобы снабдить всех благоустроенным жильем. Объем и темпы строительства возрастают с каждым годом. Мы строим много и будем строить еще больше. Это очень хорошо, это чрезвычайно важно.

Но нам следует думать не только о том, сколько построено, но и о том, что́ следует строить.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. ЖУХОВИЦКИЙ

★

ДОЛГ ПОКОЛЕНИЮ

Какой будет наша страна через десять—пятнадцать лет? Трудно ответить на этот вопрос — так резко меняет страну каждое пятилетие. Слова «обгоняем время» для нас не поэтическая вольность, а скорее констатация факта, деловая характеристика наших темпов. Вот, например, Сталинградская ГЭС — это еще будущее и уже прошлое нашей энергетики: великие гидростанции Сибири по всем показателям отодвинули на второй план своих волжских сестер. Завтрашний день страны приближается стремительно, как новая станция навстречу мчащемуся поезду.

Страна — это прежде всего люди. Поколение, которому сегодня пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет, сейчас только входит в жизнь: кончат школы, институты, начинают свой трудовой путь. А через десять — пятнадцать лет люди этого поколения будут кадровыми сталеварами, опытнейшими полеводами, директорами заводов, секретарями райкомов партии, министрами...

Какое же оно сейчас, наше молодое поколение? Прежде всего очень сложное и не всегда такое, каким бы мы хотели его видеть. Это и огромная армия покорителей целины — и пресловутые «стиляги». Это и миллионы молодых ленинцев, беспощадно нетерпимых ко всякой мерзости в жизни, — и «подающие надежды» юные чиновники, которые из всех потрясений времени сделали лишь один вывод, что надо пониже гнуться да покрепче держаться за ручки кресла; и пока что сидят эти маленькие люди в больших креслах, и гнутся, и за ручки держатся — совсем спрятались от ветра эпохи, только и шевелит он их дрожащие уши, торчащие над крышкой стола.

Чтобы влиять на формирование и раз-

витие людей, надо хорошо знать их. Обычно каждое поколение само рассказывает о себе и, в частности, выдвигает своих поэтов. Разумеется, поэты любого возраста могут писать о молодежи. Но известно, что даже очень продолжительная творческая командировка, например в Донбасс, не всегда дает возможность написать правдивую и яркую поэму о шахтерах. А ведь никакой Союз писателей не даст командировку в молодость.

Поэту — ровеснику поколения в этом смысле легче. Если он близок поколению, то его собственная судьба, его мысли и чувства во многом служат материалом для творчества.

Все это говорится, разумеется, не для того, чтобы ограничить права поэтов старшего возраста. В. Маяковский, Э. Багрицкий, Н. Тихонов, А. Твардовский, В. Луговской, М. Светлов, Я. Смеляков (этот список можно расширить), будучи уже в зрелом возрасте, создали прекрасные стихотворения и поэмы о молодежи.

Просто хочется подчеркнуть «ответственное положение» поэтической молодежи. Ей предстоит всю жизнь идти со своим поколением. Она может стать его голосом, а может и не стать.

С этих позиций хочется остановиться на некоторых, опубликованных в последние годы стихотворениях и поэмах молодых поэтов. Стихи этих поэтов печатались время от времени в газетах и журналах, выходили в сборниках, фамилии на обложках которых пока еще не много говорили читателю. В этом большой беды нет — хуже, когда фамилия автора красноречивее стихов. Сборники эти в свое время подробно рецензировались. Теперь хочется поговорить о том общем, что

есть у этих разных поэтов, о том, какие черты поколения отразились в их стихах, о том долге поколению, который пока еще не выплачен поэтической молодежью.

* * *

Радостно, что молодые поэты входят в литературу с хозяйским, партийным взглядом на жизнь. Разумеется, под партийными стихами мы понимаем отнюдь не те праздничные вирши, где сперва перечисляются новые моря и плотины, а потом говорится о сияющих вершинах коммунизма. Эти гладко написанные по поводу наших успехов оды, еще недавно принимавшиеся за эталон идейных стихов, на деле есть, конечно, не что иное, как литературная аллилуйщина, которая никак не соответствует рабочей обстановке в стране и лишь портит вкус читателя. Пожалуй, имело бы смысл авторов подобных «праздничных» стихов послать на практику в альпинистские лагеря: пусть поглощают пыли и дыма, натрут кровавые мозоли на руках и ногах — может быть, тогда они, воспевая сияющие вершины, не забудут о крутых подъемах, коварных осыпях, внезапных лавинах. (Да и многим редакторам такая практика не повредила бы.)

Обыватель думает лишь о себе и стремится поскорее воспользоваться тем, что уже сделано народом. Коммунист — партийный или беспартийный — думает о счастье для всех людей и поэтому о том, что еще не сделано.

Не обывательское благодушие, не бездеятельное любование сделанным определяют творческий облик лучших молодых поэтов. Разумеется, они пишут и о новых морях и о светлых домах, которые подарила им страна. Но чем взрослее становится поколение, тем меньше платонически благодарственных стихов пишут его поэты, тем чаще говорят они о своих обязанностях, своих делах, своем участии в труде народа, тем больше внимания обращают они на станки, тракторы, паровозы. Это естественно: не компания дачников поспела в сад к моменту созревания плодов, а новая смена пришла в цех. Многие молодые люди могли бы сказать о себе словами В. Соколова:

Мне нужны глаза мои и руки —
Листья видеть, собирать станки.
Мерить взглядом новых рек излучки,

На дома глядеть из-под руки.
Мне нужны утра мои и ночи,
Вечера нужны мои и дни.
Потому что, человек рабочий,
Знаю я, чем дороги они.
Потому, что сильными руками
Должен я моря в бетон одеть.
Потому, что честными глазами
Должен я в глаза друзей глядеть...

Так же активно звучит в стихах поэтической молодежи тема Революции. Революция для нас — не только славный герой прошлого, но и строитель настоящего, борец за будущее. Ее правдой, ленинской чистотой проверяем мы то, что сделано, и то, что делается. Этой мыслью пронизаны стихи Е. Евтушенко о 1905 году:

...Не только в тех далеких залпах
его судьба для нас жива.
Хочу, чтоб он не слышал в залах
ненастоящие слова.
Хочу, чтоб все,

что юно,

зелено,

к нему тянулось вновь и вновь,
чтобы его

не замуздила

привычной ставшая любовь.

Ему присягу мы прошепчем

и понесем ее в себе

и будем петь

не о прошедшей,

а о сегодняшней борьбе...

Тема Революции проходит сквозь всю советскую поэзию. Стихотворение Е. Евтушенко в этом смысле традиционно и в то же время современно — тема верности революционным идеалам звучит в стихотворении на редкость актуально. Характерное для Е. Евтушенко четкое развитие мысли, смысловая и интонационная законченность каждой строфы, стремление к афористичности, оригинальность рифмовки придают стихотворению уверенную, мужественную интонацию.

Надо сказать, что четкость мысли во многих стихах Е. Евтушенко граничит с суховатостью, иногда стихотворение разбивается как бы по заранее намеченному плану. Нам кажется, это не случайный недостаток, а одна из особенностей манеры поэта. Лирический герой Е. Евтушенко не столько чувствует жизнь, сколько думает над ней. Недаром о времени, о поколении поэт говорит гораздо выразительнее и увереннее, чем о переживаниях влюбленного, о нежности, о грусти.

Хочется отметить в молодых поэтах еще одну черту. Чем дальше, тем меньше

у них благополучно-самодовольной лирики, тем сильнее бьется в их стихах активная, творческая жилка: недовольство собой. Это естественно. Поколение вошло в жизнь в трудную эпоху. Его путь — это и подвиги, и ошибки, и неистребимая вера в коммунистическую правду, и заблуждения, шедшие во вред этой правде. Молодые поэты откровенно говорят об этом.

Не мало проблем и странностей
Представила мне эпоха.
Я часто блуждал в туманностях
Между «хорошо» и «плохо».
Я многое знал без точности,
Оправдывал заблужденья,
Я часто без должной прочности
Слагал свои убежденья...—

пишет И. Кобзев. Так не скажет человек, который и в дальнейшем собирается «без должной прочности» слагать свои убеждения. Откровенное признание ошибки — в какой-то мере гарантия того, что в будущем она не повторится.

Наверное, очень многие молодые люди могли бы сказать о себе словами лирического героя стихотворения В. Соколова «Молчание»:

Я дважды, я трижды заметил,
Что в споре могу промолчать,
Тому вполвину ответил,
А тем и не стал отвечать.

Как будто ничего страшного не случилось. Не со всеми же связываться! Но

...Босую по снегу водили,
Огонь подносили ко рту
И виселицей не сломили
Святую ее немоту...
Так можно ль, ошибку увидев
У друга,

решить: а к чему?
Так мелко смолчать, не обидев,
И другом остаться ему!

«Мелко смолчать», увидев ошибку, и остаться другом нельзя не только товарищу, но и коллективу, поколению, народу. Поэтому вдвойне правдивы жестокие слова В. Соколова:

Нет, здесь не к чему покаянье,
Лишь был бы ты прям до конца.
Есть смелое, злое молчанье,
Но есть и молчанье лжеца.

Это стихотворение очень типично для В. Соколова. В нем нет той жесткой четкости мысли, которая иногда характерна для Е. Евтушенко. Развитие стихотворения

целиком и полностью определяется «логикой чувства». В размышление лирического героя врывается неожиданная (и вместе с тем вполне оправданная эмоционально) ассоциация — образ Зои, молчащей под пытками.

И пусть между молчанием лирического героя и молчанием Зои нет прямой логической связи, — это сопоставление заставляет и героя и читателя с новой высоты взглянуть на каждый свой поступок.

Мы читали много стихов о зависти к прошлым поколениям, бравшим Перекоп и Берлин, читали о потомках, которые будут завидовать нам, живущим в сложную и героическую эпоху. А вот лирический герой стихотворения Е. Евтушенко «Зависть» завидует будущему:

Я знаю, что живет мальчишка где-то,
и очень я завидую ему...

Не потому завидует, что этому мальчишке будет легче жить, что ему эпоха представит меньше «проблем и странностей», не потому, что, когда он вырастет, целина будет уже распахана, Братская ГЭС построена, а прилавки магазинов будут ломиться от всевозможных товаров. Нет, это не зависть потребителя:

Завидую тому,
как он дерется,—
я не был так бесхитроsten и смел.
Завидую тому,

как он смеется,—
я так смеяться в детстве не умел.
...Он будет честен жесткой прямоотой,
злу не прощая за его добро,
и там, где я перо бросал:

«Не стоит!»,
он скажет:
«Стоит!» —
и возьмет перо.

Такая зависть — это равнение на будущее.

* * *

Много стихов посвящают молодые поэты той великой стройке, которая идет по всей стране.

О строительстве в Жигулях, где, «давая миру свет и силу, земное солнце будет жить», написал цикл стихотворений В. Соколов.

У поэта есть все основания гордиться своими сверстниками, людьми, которых «нет смелей, надежней».

Сегодня, когда бывшая целина стала крупнейшей житницей страны, мы не

зуется особым спросом как оружие, особенно действенное в «ближнем бою». Хорошее сатирическое стихотворение сразу становится собственностью читателей, разбирается по четверостишиям, по строкам.

Так случилось с талантливым стихотворением Р. Рождественского «О временно прописанных». В стихотворении показана вечеринка современных рыцарей паразитизма, «передовиков потребления»—стиляг. Остро нарисованы их сатирические портреты.

Вот Жоржик — «двадцатилетний дядя — сыночек маменькин», который порхает из института в институт и, видимо, рассчитывает до глубокой старости существовать на родительские «карманные». Под стать ему Аллочка. Она «сначала где-то училась, что-то кончала», а потом

С завидным успехом
«На блеск утомительный бала»
Страницы конспектов
И совесть
она променяла.

«Откуда ж взялась ты, такая?»—обращается к ней поэт. Понятно, что Аллочка обошла молчанием этот риторический вопрос. Гораздо хуже, что не ответил на него полностью и сам поэт. В стихах достаточно ненависти, а вот глубины им явно недостает. До корней «стиляжества» Р. Рождественский все-таки не добрался. Видимо, дело не только в том, что жоржиков и аллочек в детстве баловали родители,— дело в том, что очень часто порог «обеспеченной» семьи оказывается неприступным барьером для принципа социализма «кто не работает, тот не ест». Пока существует устойчивая возможность есть, не работая, будут и охотники использовать эту возможность. Но это тема для особого разговора..

Важнейшее качество сатирика — чувство времени. Он должен ясно видеть свою цель в ее сегодняшнем конкретном проявлении. Иначе его сатирический «огонь» будет направлен против порока вообще, то есть в синее небо. От такой сатиры шуму много, а толку мало. Недаром частенько бюрократ с удовольствием читает басню о бюрократах «вообще».

В одном из своих сатирических стихотворений молодой поэт В. Котов описывает лектора:

...Пудами листики конспекта,
а голос древнею телегой.

И это вы,
товарищ лектор,
мой уважаемый коллега!
Быть может, тема интересна,
но скука — на уши замок...

Упрекнув лектора за то, что он «цитатами и справками долбит немьющее темя», автор делает вывод:

Красоту и правду
в скуку
прятать
просто
преступленья!

Как будто бы все правильно — и все обтекаемо. К автору стихотворения «Лектор» единодушно примкнули те самые лекторы, которые год назад с трудом перебирались с цитаты на цитату по хлипким мосткам собственных мыслишек. Они люди грамотные, газеты читают и прекрасно чувствуют, куда дует ветер. Поменьше цитат? Пожалуйста! Они раскавычат цитаты, они перескажут их своими словами, они найдут выход! Долой скуку? Пожалуйста! Они густо наштапируют лекцию анекдотами. Но разве дело пойдет лучше? Нет, потому что лектор-приспособленец останется приспособленцем. Будет меньше цитат и больше остроумия, но не будет смелой творческой мысли, вызывающей ответные мысли слушателей.

В. Котов считает, что в лекциях, вызывающих зевоту, есть красота и правда, плохо только, что они запрятаны «в скуку». Но ведь дело как раз в том, что лекторы-догматики несут народу не правду, которая всегда конкретна, а догму. Это они, догматики, проповедовали, например, травопольную систему В. Вильямса не только там, где она полезна, но и там, где она вредна. Какая уж тут правда!

Лектор-начетчик отнюдь не невежда, считающий, что скучная лекция лучше. Просто он такой же перестраховщик, как самый матерый кабинетный бюрократ. Его девиз — свести собственную мысль до минимума. Он и цитаты-то подбирает нейтральные!

Стихотворение В. Котова, по существу, сглаживает жизненный конфликт. Оно обращено против ни в чем не повинных цитат, а не против «цитатоносителей», ради приличного оклада лихо мсняющих и приемы работы и убеждения.

Бьет мимо цели и стихотворение «К вопросу о перестраховке» Р. Рождественского. В нем рассказывается о поэте, который,

написав песню «Про луну», испугался: а вдруг редактор лунатик? Испугавшись, он переделал песню, на этот раз назвав ее «Про камни». Автор советует ему «камни снять. Вдруг у редактора камни в печени?»

Вот и все. Остроумная безделушка, стихотворный анекдот, где поэт — безликий символ перестраховщика, а редактор состоит из двух «вдруг»: «вдруг лунатик» и «вдруг камни в печени». Нет характеров, нет конкретных примет, а значит, нет и сатиры.

Такие стихи никого не обидят, никто не примет их на свой счет.

А ведь у В. Котова есть очень хорошее сатирическое стихотворение «Коммунизм на дому...», у Р. Рождественского — остроумные и точные стихи «Враг» и «Сатира о сатире». В последней едко высмеян современный газетный перестраховщик.

Вот ему принесли фельетон:

А дядя смакует
Дыма клубы,
А дядя курит,
Кусая губы...
И вот,
наконец, поднимает глаза,
Видимо,
взвесив все «против» и «за», —
Голосом бархатно-нежным:
«Сатира...
нужна,
конечно...
Но вы бы писали
басни,
И вам...
и нам безопасней...»

У Р. Рождественского хорошее чувство слова, он прекрасно владеет интонацией. Вот, например, в этом стихотворении «дядя» еще не начал говорить, а мы уж чувствуем его «бархатно-нежный» голос во вкрадливой медлительности строк:

А дядя смакует
Дыма клубы,
А дядя курит,
Кусая губы...

К сожалению, «Лектор» В. Котова и «К вопросу о перестраховке» самого Р. Рождественского написаны по рецепту «дяди» редактора: они чересчур безобидны и «безопасны», так что «дядя», пожалуй, не отказался бы их напечатать.

Хочется верить, что впредь молодые сатирики сумеют сочетать философскую глубину стихов с фельетонной оперативностью и целенаправленностью.

* * *

Стихи молодых поэтов о любви насквозь пронизаны временем. Мы, конечно, имеем в виду не пресловутые «приметы времени», не стихи о том, как он ее поцеловал, а мимо ехал самосвал. Таким нехитрым путем легко «осовременить» даже Бенедиктова или Фета. А вот в великолепном стихотворении В. Соколова «Первый снег» никаких особых «примет» нет. И вместе с тем в нем все современное и все советское.

Лирично, с мягким, немного грустным юмором рассказывает поэт о любви четвероклассника к своей соученице — девочке с первой парты:

Я копил слова твои,
Собирал улыбки
И на русском письменном
Допускал ошибки.
Я молчал на чтении
В роковой печали.
И моих родителей
В школу вызывали.

Герои Л. Толстого тоже влюблялись в двенадцатилетнем возрасте. Но они вели себя, как маленькие дамы и кавалеры — такие отношения воспитывались в них окружающими. Мальчики и девочки росли отдельно, у них все было разное. Их любовь — это разговор на вы, тайные письма, свидания. Совсем «как у больших»!

А что делать нашему герою? Любимая им девочка — его школьный товарищ. У них все общее — уроки, сборы, лагеря. Девочка и подумать не может, что она для героя — «королева снежная, сердце ледяное». Поэтому он так беспомощен, когда, «смелый от отчаянья», подходит к ней в заснеженном переулке:

Искорками инея
Вспыхивают носы.
Очи удивляются,
Задают вопросы.
Только что отвечу им,
Как все расскажу я?
Снег серебаю валенком,
Слов не нахожу я.
Ах, не смог бы, чувствую,
Сочинить ответ свой,
Если б и оставили
На второе детство.

Трудно цитировать отдельные строфы этого стихотворения. Секрет его обаяния не только в точности деталей, не только в лиричности интонаций, но прежде всего в непрерывности психологического рисунка, в той неуволности, с которой реальная

девочка, отвечающая у доски и бегаящая по лестницам, освобождаясь от бытовых деталей, превращается в «снежную королеву».

Вообще в лучших стихах молодых поэтов о любви связь с временем не внешняя, а гораздо более глубокая; в них отражены те чувства и мысли, те вопросы, которые волнуют многих из нас, но которые мы сами часто не можем сформулировать.

Дыхание времени в любовной лирике, ее проблемность говорят о силе чувства и таланта поэтической молодежи. Может, кто-нибудь и вздохнет о чисто любовных стихах, где нет ни места, ни времени, а есть только «ты, да я, да мы с тобой». Но что поделаешь! Человек живет в обществе в определенную эпоху и любить ни в пустыню, ни в прошлое столетие не умеет. И вполне естественно, что его отношения с любимым человеком, его чувства, настроения зависят и от общества и от времени. Поэтому и не существует на свете дистиллированно-чистой любви, поэтому постоянно изменяется эта «вечная» тема в литературе, поэтому любовная лирика на земле не умерла вместе с Овидием, Петраркой или Пушкиным. Молодые поэты наших дней имеют полную возможность писать о своей любви, не опасаясь, что их стихи будут всего лишь вариацией на старую тему.

В поэме Р. Рождественского «Моя любовь» сюжета, в строгом смысле слова, нет; лишь в двух главах из восьми как-то развивается действие. Тем не менее поэма читается с настоящим напряжением, потому что вся она состоит из любви и ненависти. Название ее не совсем точно: в поэме по существу две любви — к женщине и к родине, две любви, оказавшиеся несовместимыми. Более того, именно любовь к родине определяет подтекст поэмы, ее лирическое развитие. В самом деле: в смысле «чистой любви» все складывается идеально. Сегодня что-то вроде помолвки, «завтра надо в загс пойти», «дядя достанет скоро комнату» — прямая дорога к благословенному супружескому ложу, к собственному гнездышку, которое будет надежно охранять от всяких неожиданностей колючая изгородь родственников и знакомых. Словом, наслаждайся любовью до конца дней своих. Но герой отказывается от этой любви во имя другой — любви к родине. И собираясь мешан на пирушке ему ненавистно именно потому, что «им плевать на дела страны». Здесь трудно даже говорить о слиянии лич-

ного с общественным — для лирического героя поэмы судьба родины и есть самое личное, самое главное.

...Но не говорит ли это о сухости героя? Может быть, он фанатик, изгоняющий из души все простые человеческие чувства?

Видимо, на этот вопрос необходимо ответить подробно. Слишком много говорилось о родине слов, громких, как барабан, и таких же пустых. Что греха таить, до сих пор кое-кому любовь к родине кажется чувством торжественно-парадным. И здесь сыграла свою роль литературная и прочая аллилуйщина, оболгавшая «конфетной красотой» человечнейшее из чувств. Но для нас родина — это прежде всего народ. Это коммунисты, погибшие на царской каторге; это солдаты революции, павшие на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн; это колхозники и партработники, инженеры, шахтеры, учителя — миллионы простых советских людей. Это они вынесли на своих плечах всю тяжесть эпохи, одели и обули, выкормили, выучили, поставили на ноги поколение, входящее сейчас в жизнь. Поэтому любовь к ним такое же простое и естественное чувство, как любовь к матери или отцу. Поэтому для лирического героя Р. Рождественского понятия «честная жизнь» и «жизнь для людей» совпадают. Герою дороги миллионы людей. Не отвлеченные идеи, а миллионы человеческих судеб заслонили перед ним лицо любимой. И в этом проявилась, конечно, не сухость, а именно человечность героя.

Эта высокая человечность — ведущая черта в характере поколения. И потому, что Р. Рождественский и в любовной поэме остался гражданским лириком, что его лирический герой говорит голосом поколения, поэма Р. Рождественского при всех своих немалых недостатках (о них подробно говорилось в критике) стала значительным явлением в литературе.

В поэме В. Котова «С тобой вдвоем» — тоже любовь и тоже разрыв. Есть в ней хорошо написанные куски, которые не могут не волновать. А в целом поэма не волнует. Герои уходят с ее страниц, так и не затронув нашей души. Попытаемся разобраться, почему так получилось.

Поэма сюжетна, сюжет условен. Пожились двое молодых людей — Сережа и Таня. О Сереже вначале поэт говорит два слова: «мечтатель-искатель» (искал и нашел он Таню). О Тане сказано эмоциональнее:

...Таня!
 Когда я увидел вас,
 подумал, что вы рождены от скрипки,
 игравшей весеннюю ночью вальс...

Знакомы герои три года, так что времени на проверку чувств и характеров было у них достаточно. И действительно, сперва все идет великолепно. Свадьба, долгожданное «вдвоем», жизнь — «сплошное свидание», радостные встречи, «Сержики! Хороший ты мой!» — словом, лучшего как будто и желать нельзя. Недаром Срежа говорит приятелю: «...В жизни моей весна...»

Но дальше Таня неожиданно повела себя так, что читателю, помнящему характеристику, данную ей автором, только и остается, что выбрать один из двух печальных вариантов: либо считать, что Таня рождена не от скрипки, игравшей весной ночью вальс, а старым консервативным способом, либо принять за истину, что скрипки рожают гораздо худших детей, чем обыкновенные греческие женщины.

Молодая жена обернулась сущим извергом. Она запретила своему хорошему Серезику ходить на собрания, диспуты, воскресники. Она была холодна с одним из его приятелей, груба с другим. Она выгоняет из своего дома собственную подругу. Она без особых на то причин осыпает Серезику пощечинами. И самое удивительное, что при всем этом Таня — самая нормальная студентка.

...День начинался трелью будильника,
 дорогой в один институт и в другой.
 ...К обеду домой.

Разговоры. Вести.

А после —
 отрадно смотреть на них —
 в библиотечные недра
 шли вместе
 и затихали
 в ущельях книг...

Это о ней и о Серезике. А вот о ней одной:

...А дел-то! Где там скучать!
 От педагогики

до зоологии,
 ведь ей институт кончат!
 Скоро от книжных полок
 и стертых учебных пособий
 пойдет молодой биолог
 в мир незнакомый, особый,
 в мир классов, мальчишек резвых —
 это уже не шутка!
 Тане так интересно,
 ну и немножко жутко...

Чем же объясняется странное поведение Тани? Непонятно. Может быть, скверным характером (впрочем, это вряд ли; ведь говорит же автор, обращаясь к ней: «...стали вы жить продолжением музыки и еще обаятельней, чем она»). Может быть, слишком страстной любовью к мужу, желанием постоянно быть с ним вдвоем. Пожалуй, наиболее вероятно последнее. Вот и получается, что люби его жена поменьше, все было бы чудесно.

Вполне возможно, однако, что автора интересовали не столько любовные странности Тани, сколько отношение к ним Серезики. Ведь в конце концов и ценность поэмы Р. Рождественского отнюдь не определяется образом героини.

Но Серезике далеко до лирического героя «Моей любви». Он, правда, хочет быть хорошим, хочет ходить на кружок, встречаться со знакомыми, посещать диспуты — словом, жить, как все. Очевидно, он и на будущее имеет благородные, хотя и неопределенные замыслы. Недаром он говорит жене:

Сколько нам делать!

Сколько шагать!

Но мы вполне согласны с Таней, когда она отвечает на это:

Сергей,
 все слова это.

В самом деле, Серезика примирился со всеми порядками, которые установила дома жена. В институт «прибегал он почти опоздавшим, а уходил по звонку». Таня по существу выпроваживала из дома его товарищю — он терпел. И лишь после того, как жена дала волю рукам, он решился на разрыв.

Да и можно ли это назвать разрывом? Если лирический герой «Моей любви» рвет с мешанским мирком героини резко и гневно, в своей непереносимости к ее «принципам» становясь неизмеримо выше ее, то Серезика и Таня даже не расходятся, а расползаются в разные стороны, утомленные и разбитые бесконечной склокой.

Если в поэме Р. Рождественского непримиримый конфликт, столкновение двух противоположных мировоззрений, то история, рассказанная В. Котовым, все-таки больше напоминает, говоря словами автора, «скандал с приличным названием: «семейный».

Второстепенные герои поэмы — Вовка, Борис, Марина — не имеют ни судеб, ни характеров и, по сути дела, никак не дополняют основную линию поэмы. Р. Рождественский сумел несколькими строками дать мамашу, папашу и даже тетку, которая произносит лишь два слова («Я... предлагаю выпить «За жизни!», а тетка подсказывает: «За совместную...»). У В. Котова Борис и Марина — только «жертвы» Тани.

Борис присутствует лишь в одном эпизоде, произносит одну ничего не говорящую о нем фразу («Жена? Так знакомь же скорее!») — и все. В английском театре времен Шекспира на сцене вместо декорации, изображающей, скажем, лес, ставили табличку с надписью «лес». Борис — такая же табличка с надписью: «друг Сергея». Марина — тоже табличка, но с другой надписью: «подруга Тани». То, что у нее есть портрет («Носик пуговкой. Маленький рот»), ничего не меняет. Она вполне могла бы в тех же обстоятельствах иметь нос картошкой и большой рот.

Не меняет дела и лирический герой. Он поставлен в крайне невыгодное положение — ему просто нечего делать в поэме. Если действие «Моей любви» развивается, по сути дела, в сердце героя, то лирический герой В. Котова смотрит на происходящее со стороны, и его рассуждения, даже справедливые, придают поэме ощутимый оттенок назидательности. А рассуждения его далеко не всегда справедливы. Наряду с умными и точными репликами («Случайны встречи иногда, разлук случайных не бывает») встречаются и сомнительные афоризмы вроде следующих слов о муже и жене:

...если уж он, как она им, гордится,
то можете смело
завидовать им.

Живут, скажем, две «душечки», два благодущеиших обывателя; не то что гордятся — любят друг другом. А завидовать-то чему?

Часто подводит В. Котова неустоявшийся еще литературный вкус. Молодой поэт плохо чувствует живую речь. А ведь иногда одна фраза героя говорит о нем больше, чем подробная характеристика. Если бы мы, например, знали героиню «Моей любви» Р. Рождественского только со слов лирического героя, было бы очень трудно понять, как может эта нежная, чуткая

девушка уживаться с мещанством родителей? Но читатель составит правильное представление о героине не по восторженному рассказу влюбленного юноши, а по ее собственной фразе:

Милый,
а может,
выпьешь пивка?
Может,
еще
винца?

Этот мещанский говорок, эти «пивко» и «винцо» сразу ставят все на свое место.

У В. Котова то же самое происходит с положительным героем. Автор дает ему прекрасную характеристику «от себя», но такие фразы самого Сережи, как уже приведенная выше «В жизни моей весна», говорят о нем, как о человеке слащаво-пошловатом и попросту неумном.

В. Котов, как и Р. Рождественский, старается учиться у Маяковского. Это очень хорошо. Но ведь Маяковский писал свободным размером не ради оригинальности, а для того чтобы ввести в стихи живую речь, донести до читателя не только мысль, но и интонацию. А когда читаешь В. Котова, порой кажется, что свободным размером он пишет только затем, чтобы не писать классическим.

Несмотря на множество слабостей, поэма В. Котова все же представляет интерес. Образ главного героя — не досужая выдумка автора. Этот тип людей существует в жизни, и В. Котов довольно верно его описал. Но с авторской оценкой образа согласиться нельзя.

Молодые люди, подобные Сереже, имеют (или стараются иметь) высокие идеалы, но не имеют ни сил, ни смелости для того, чтобы эти идеалы стали делами. Обычно, столкнувшись с первой трудностью и получив первый удар, они смертельно обижаются на жизнь, которая не сумела, дескать, оценить их благородные порывы. Они и в дальнейшем продолжают любить высокие идеалы, но уже чисто платонически, а сами тем временем пристраиваются к жизни таким образом, чтобы она их больше не била. У них вырабатывается способность одновременно возмущаться и примиряться. Они недовольны мещанством жены, бюрократизмом начальника, карьеризмом сослуживца и в то же время мирно сосуществуют и с женой, и с начальником, и с сослуживцем.

Могут возразить, что Сережа все-таки разошелся с женой. Но, во-первых, все их споры о жизни возникали по ее инициативе, а во-вторых, разрыв наступил лишь после того, как Таня начала его бить. Кто знает, если бы жена применяла более мягкие способы воздействия на Сережу и предоставила ему автономию, они бы в конце концов выработали приемлемый для обоих семейный и жизненный статус.

Строительство коммунизма — дело трудное. Без всяких преувеличений это борьба ежедневная и ежечасная, в большом и в малом. Есть путь борца — и есть путь обывателя. Герой Р. Рождественского сразу же, без колебаний, выбрал первый путь. Герой В. Котова пытался найти третий путь, лежащий где-то посередине, и, разумеется, не нашел.

* * *

Поэтическая молодежь, как пишут в резолюциях, «добилась известных успехов». Но ее долг поколению громаден. Если спрашивать с поэтов по большому счету, то они должны рассказать «о времени и о себе»...

Версификаторы пишут о времени отдельно, о себе отдельно, и обычно на три барабанно-парадных стихотворения (три, потому что их охотнее печатают) у них приходится одно дремуче-интимное (и мы, дескать, чувствовать умеем!). У настоящих поэтов эти два понятия едины. Поэтому особенно обидно в сборнике хорошего поэта В. Соколова встретить такие стихи, как «Вся в рубчатых метакх...», где подробно и сухо описана работа самосвала и сказано несколько торопливых слов о водителе. В это стихотворение автор не вложил себя, поэтому не стало оно и рассказом о времени. Просто жаль добротного поэтического материала, который пошел на эти холодные, описательные стихи.

Рассказать о времени и о себе значит рассказать о том главном, чем живет народ, поколение, а следовательно, и сам поэт, рассказать, о чем думают его современники и ровесники, о чем спорят они на собраниях, на диспутах и даже на самых бездумных по замыслу вечеринках. О чем же думает и говорит поколение? О многом. О решениях XX съезда и о последствиях культа личности, о демократизации всех сторон общественной жизни и о живучести бюрократизма, о тяжелой индустрии, о кукурузе, о подъеме целины

и о борьбе с формализмом в комсомоле... Молодые граждане страны говорят о ее судьбах по-хозяйски смело; молодые поэты — пока еще не всегда. Нельзя сказать, как принято у нас, что они «не откликаются» на события. Беда в том и состоит, что порой они всего лишь «откликаются» своеобразным стихотворным «Ау!» — я, мол, жив, я здесь, я тоже читаю газеты!

Иногда молодые поэты, добросовестно стараясь вникнуть в жизненные процессы, дают себе совсем вроде небольшую скидку — два-три «проходных» четверостишия — и терпят неудачу. Дело в том, что о серьезных общественных проблемах можно писать только серьезно, о глубоких изменениях в жизни — только глубоко. Здесь каждая слабость, каждая неточность может исказить мысль автора. Возьмем для примера одно из стихотворений Е. Евтушенко «Дорога». В нем есть по настоящему глубокие строфы:

Я не хочу оправдывать бессилье.

Я тех людей не стану извинять,
кто вещи прозрения России
на мелочь сплетен

хочет разменять.

Пусть будет суета уделом слабых —
так легче жить,

во всем других вина.

Не сетований —

дел больших и славных
Россия ожидает от меня.

...во всем, за что дерусь я зло и храбро,
во всем, за что всей молодостью бьюсь,
горит.

гудит одна большая правда,
которой никогда не поступлюсь.

Это, по сути дела, уже стихотворение сильное и своевременное. Действительно «вещи прозрения России» — решения последних Пленумов ЦК и XX съезда КПСС — открыли перед страной дорогу для «дел больших и славных». Нельзя было поднять народную инициативу, не вскрыв тяжелые ошибки, мешавшие ее развитию. Это была трудная, но необходимая работа. Смелость и принципиальность, с которыми проделала эту работу партия, лучше, чем что бы то ни было, говорят о ее верности ленинским принципам.

В. Маяковский когда-то писал:

Мы всех зовем,

чтоб в лоб,

а не пятясь,

критика

дрянь

косила,—

и это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Эти гордые слова поэта революции можно поставить эпиграфом к партийным решениям последних лет. Именно так — как доказательство нашей чистоты и силы — воспринял их советский народ. Задачу, поставленную партией, — окончательно ликвидировать все последствия культа личности — каждый честный советский человек воспринимает, как свою собственную.

Но есть у нас и такие люди, о которых говорит Е. Евтушенко в начале стихотворения. Разговор о наших тяжелых ошибках — для них всего лишь приятная гимнастика языка. Скептический ум у таких великолепно сочетается с резиновым хребтом. Они с истинным сладострастием тычут мизинцами в каждый наш недостаток, они вечером в семейном кругу жалуются на бюрократов и карьеристов, а днем на работе перед этими самыми бюрократами и карьеристами гнут позвоночники чуть ли не под острым углом. Во всех случаях жизни их хата с краю: у нас, мол, семья, мы, мол, люди маленькие и т. д. О народе, к которому сами принадлежат, скептики рассуждают в третьем лице: «они натворили», «вряд ли у них получится». Иногда они говорят правду, но даже и в этом случае их слушать противно: ведь «у мерзавца в устах даже правда становится сплетней», — как писал когда-то В. Гусев.

Не только право, — обязанность поэта ответить этим обывателям от имени народа:

— Вы гордитесь тем, что шепчете о плохом в нашей жизни, — мы говорим о нем открыто. У вас семья, и вы не хотите рисковать окладами, а у нас Россия, и мы не потерпим в ней ни подлецов, ни равнодушных сплетников — их слюнявых союзников.

О борьбе со всякой нечистью в нашем коллективе и должен был, очевидно, говорить поэт.

А о чем говорит Е. Евтушенко?

...Ах, как гудят заводы ранним утром!
Я по гудку знакомому встаю
и, к проходной шагая шагом крупным,
«Вставай, вставай, кудрявая...» пою.
...Я вижу звезды
над бессонной шахтой,
я к Ангаре взволнованной бегу
и со скалы,
размахивая шапкой,

«Эге-ге-ге-гей!»

кричу на всю тайгу.
Иду в колосьях, в яблоневых ветках,
дарю стихотворенья и моря...
Так здравствуй же,

шестая пятилетка,
Моя любовь
и молодость моя!..

Как выражаются на собраниях, «разговор не по существу». Поэт уклонился в сторону от того главного, с чего он, собственно, начал, — от «вещих прозрений России». Ведь именно их «разменивают на мелочь сплетен» малoverы. Они ведь сомневаются не в том, построим ли мы Братскую ГЭС на Ангаре (в это теперь и за океаном верят), а в том, сумеем ли мы вымести всю нечисть из нашего коллектива, покончить с бюрократизмом, карьеризмом, приспособленчеством.

А лирический герой «Дороги» противопоставляет сплетникам, по сути дела, свое хорошее, бодрое настроение. Но ведь хорошее настроение — не всегда рабочее настроение, не всегда готовность к борьбе. Упоминание об Ангаре и шестой пятилетке дела не меняет. Неужели лирический герой думает, что от «проблем и странностей», от трудностей эпохи можно уехать на Ангару, что в тайге нет бюрократов или тех же самых сплетников?

Наступит время, когда исчезнут наконец на земле многие трудности и противоречия. Но на наш век, а тем более на шестую пятилетку, их еще хватит. И оттого, что кто-то споет «Вставай, вставай, кудрявая...» или крикнет на всю тайгу «Эге-ге-гей!», трудностей меньше не станет. Радует желание поэта сразу же, не дожидаясь, пока из уходящих месяцев вырастет «пафос дистанции», ответить на сплетни. Но противопоставлять им «Эге-ге-ге-гей!» просто несерьезно.

* * *

Время требует большой поэзии. Крутой взлет творческой энергии народа не может не отразиться на поэтическом творчестве.

А что значит творить? Конечно же, не «повторять зады», а «вздувать заранее из искры неясной ясное знание». Но, видимо, наши молодые поэты еще не совсем привыкли и к большим правам и к большим обязанностям. Еще часто они увертываются от «неясных искр», еще много в их сборниках «этюдов», «набросков», «за-

рисовок». Стихи с большой свежей мыслью, написанные не «тепло», а пламенно, пока еще живут рядом с мелкотемьем. Какие «неясные искры» вздуты в «ясное знание», например, в стихотворении И. Кобзева «О цветах», где поэт ратует за то, чтобы девушкам дарили не только конфеты, но и цветы?

Правда, и мелкие по мысли стихи молодых поэтов написаны иногда интересно, с маленькими находками. Но обязанность поэта — делать большие открытия, иначе он не поэт. Говорят, что «проходные» стихи — копилки мастерства. Вряд ли это так. Большое мастерство вырастает только на больших темах, говоря точнее — на глубоком проникновении в жизнь; любая тема, взятая глубоко, становится большой. Тем хватит на сотню гениев. Тесно в поэзии только версификаторам, копошащимся на

поверхности жизни, поэтому она в их виршах и выглядит плоской. В глубину жизнь неисчерпаема. Поэтому рядом с огромным Маяковским, ни в чем не дублируя его, живут в поэзии С. Есенин и Э. Багрицкий, Н. Тихонов и Б. Пастернак, А. Твардовский и Л. Мартынов, А. Сурков и И. Сельвинский, М. Светлов и Н. Асеев, П. Антокольский и В. Луговской — поэты абсолютно разных индивидуальностей, со своими успехами и ошибками, но каждый по-своему рассказавшие «о времени и о себе».

Не будем гадать, кто из поэтической молодежи сумеет взять вершины искусства. Ясно одно: мало «касаться» больших тем, мало намекать на важные события, — молодые поэты должны не боком, а лицом повернуться к главному в жизни. Это — их обязанность, их долг поколению.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Л. Славин. После долгой разлуки.—**Борис Слуцкий.** Человечность.—**Алим Кешофов.** Вторая жизнь поэзии.—**Н. Степанов.** Очерк творчества Блока.—**Л. Исарова.** Бедняки, игрушки и щенок Кнопка.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Кандидат исторических наук **М. Власова.** Воспоминания о В. И. Ленине.— Кандидаты философских наук **И. Майсель, Ю. Мелещенко, А. Новиков.** Новое произведение воинствующего материализма.— **П. Рысанов.** Советско-финляндская дружба.— **Б. Леонтьев.** Генералитет американского бизнеса.— **Ю. Олеша.** История человеко-торпеды.— **И. Васильков.** Путь ученого-зоотехника.

Литература и искусство

После долгой разлуки

Когда Виктор Кин тридцать лет назад писал роман «По ту сторону», события, описанные им, были еще свежи в памяти современников. В героях романа комсомольцах Матвееве и Безайсе читатели узнавали свое время, своих друзей, самих себя, какими они были совсем недавно.

Так что же, может быть, именно благодаря злободневности эта небольшая книжка и имела когда-то такой шумный успех?

Время позволяет ответить на этот вопрос совершенно точно. Роман сейчас переиздан. После долгих лет вынужденной разлуки он вернулся к читателю и встречен с распростертыми объятиями. Сила чувств и благородство помыслов, идейная чистота, революционный запал, дух партийного товарищества — это не выцветает от времени.

Все в этой книге свежо и пленительно, все волнует, все важно, как и тридцать лет назад. Поистине прекрасное всегда современно. Сюжет романа «По ту сторону» прост и силен. В 1921 году гражданская война догорала. Ее последние вспышки еще полыхали на отдаленной восточной оконечности нашего Отечества. Она называлась тогда Дальневосточная республика и, в сущности, ничем не отличалась от Советской Федерации:

Виктор Кин. По ту сторону. Роман. Редактор М. Нечаева. 188 стр. «Советский писатель». М. 1956.

«...герб, почти советский, но вместо серпа и молота были кайло и якорь. Флаг был красный, но с синим квадратом в углу. Армия носила пятиконечные звезды — но наполовину синие, наполовину красные...»

Вот туда-то, в ДВР, в тыл врага, по ту сторону фронта и едут, выполняя партийное поручение, Безайс и Матвеев. Они объезжены романтической жадью подвига. И жизнь выдает им часное полной мерой.

Наибольшая удача романа — образы обоих его героев. Те, кто помнит Виктора Кина, знают, насколько он похож на своих героев. Образы Матвеева и Безайсы — это не только портрет поколения. Это и автопортрет. Виктор Кин был из той лучшей молодежи, которую дал в первое десятилетие Революции рабочий класс.

Черты комсомольцев начала двадцатых годов запечатлены Кином с большой, иногда беспощадной точностью. С одной стороны — высокая правда Революции. С другой — жестокости гражданской войны. В этом пламени закалялись героические подростки Октября. В них не было ничего раздвоенного, колеблющегося, смутного.

«Мир для Безайсы был прост. Он верил, что мировая революция будет если не завтра, то уж послезавтра наверное. Он не мучился, не задавал себе вопросов и не писал дневников. И когда в клубе ему рассказы вали, что сегодня ночью за рекой расстре

ляли купца Смирнова, он говорил: «Ну что ж, так и надо», — потому что не находил для купцов другого применения».

Одного из героев романа постигает трагическая судьба. Но это не окрашивает книгу в мрачные тона. Да, Матвееву плохо, но это была Революция, и это было чисто, и своей чистотой Революция пронизывала жизнь.

Вот почему резкости, порой даже грубости этой книги не оскорбительны. Это грубости жизни. Тут нет смакования. «По ту сторону» — книга целомудренная, но без ханжества.

Автор отнюдь не героизирует Безайса и Матвеева. А между тем они герои. Да не только они. Многие тогда на призыв эпохи отвечали подвигом.

«На этой Дворянской... один парень из наробраза выпустил в белых шесть пуль, а седьмой убил себя. Безайс его знал, — он косил глазами и рассказывал глупейшие армянские анекдоты. Живи он в другое время, из него вышел бы уездный хлыщ, а впоследствии степенный отец семейства».

В романе «По ту сторону» немало таких острых, сжатых характеристик. Вот о Матвееве, например: «Он смотрел на мир со спокойной улыбкой человека, поднимающего три пуда одной рукой». Выразительная лаконичность — одно из крупнейших достоинств романа Кина. Небольшой — и десяти листов нет, — а какой ладный, как мастерски сложенный!

Свойственная Кину спокойная, прозаическая интонация выразительно оттеняет повседневный подвиг героев романа. Да, Матвеев и Безайс действуют мужественно и самоотверженно, в пору лихим, многоопытных бойцам. Но ведь оба эти комсомольца все-таки еще немножко мальчишки. Как это тонко передано в эпизоде, где Матвеев дарит Безайсу нож:

«Нож был с костяной ручкой, в темных ножнах, замечательно крепкий. Он снял его с офицера под Николаевом и с того времени носил в кармане. Им он открывал консервы, чинил карандаши и подрезал ногти. Безайс даже покраснел от удовольствия».

А вот и другая, также тонко подмеченная черта юношеской психологии. Встретив некоего негодая, «Матвеев с любопытством смотрел на него, удивляясь, что человек может быть такой скотинной».

Взрослый человек с основательным жизненным опытом реагирует несколько иначе

на встречи с аморальными субъектами: негодование остается, но удивление с годами исчезает.

Уже из немногих приведенных строк романа видно, что одна из сильных сторон прозы В. Кина — юмор. Действительно, он редко покидает автора. В юморе Кина, разумеется, нет ничего общего с неутолимим желанием непременно рассмешить читателя. Нет, это особый, веселый и острый дар видения жизни.

Фраза у Кина крепкая, мускулистая. Весь стиль какой-то нервно-мужественный. В нем сила и легкость. А сколько вкуса! Приведу только один пример экспрессии выражения. Описывая действие мороза, автор замечает:

«Пальцы липли к стволу винтовки; воздух был сухой, крепкий и обжигал горло, как спирт; даже камням было холодно».

Роман Виктора Кина равно силен и в тексте от автора и в диалоге. Фразеология Безайса и Матвеева по первому впечатлению может показаться совпадающей. Это так, и это неплохо, ибо это язык среды, броский, выразительный, чуть подтрунивающий. Но внимательный читатель без труда обнаружит тонкие различия в языке героев, рожденные разностью темпераментов.

Пейзаж и человек существуют в этой книге слитно. Они как бы проникают друг в друга, а не отслаиваются, не ведут каждый обособленное существование, как в расплывшихся в последнее время холодноватых «охотничьих» рассказах.

Разумеется, строгий глаз найдет и в этой отличной книге некоторые недостатки, которые в худшем произведении, вероятно, были бы незаметны. Например, история неудачной любви Вари, некстати вклеенная в повествование, или растянутое описание бреда Матвеева.

В заключение нельзя не отметить, что роман «По ту сторону» заслуживал лучшего оформления, чем унылый мутно-серый картонный переплет со скучно-шаблонными рисунками и несколько безличных заставок.

Это тем более досадно, что «По ту сторону» прочно входит в золотой фонд советской литературы. Комсомольские читатели первых изданий этого романа сейчас пожилые люди. Но какой-то долей своего характера они обязаны этой небольшой книге. Она немало сделала для воспитания нескольких поколений советских людей.

Л. СЛАВИН.

традиции современной орфографии удержали поэта от написания Красота, Доброта (с большой, а не с малой буквы), столько содержания вкладывает он в эти понятия, так серьезно к ним относится.

Винокуров постоянно задумывается над существом явлений. Это лишает его поэзию ложной оперативности и придает ей глубину. Итак: серьезность, глубина постижения действительности—характерные черты «Синевы». Недаром одно из первых стихотворений книжки начинается словами, провозглашающими необходимость правды в искусстве:

Я видел мир
Таким, какой он есть,
Тот грозный мир
С яругами кривыми,
Со степью снежною,
Где места нет,
Чтоб сесть,
С примерзшими к винтовкам
Часовыми...

Недаром сразу же вслед за этим идут стихи об Октябре — стихи, написанные по книгам и, тем не менее, совсем не книжные, потому что уже выросли поколения, не видевшие Октября и все же ощущающие его как начало своих личных биографий.

Недаром такое большое место в книге занимает Отечественная война—первое серьезное переживание Винокурова.

Книга Винокурова глубоко современна. Более того, она — своевременна.

Если современная и своевременная книга Винокурова иногда производит впечатление чего-то замедленного, причина этого не в отсутствии идей и образов нашего времени. И не в так называемой технике стиха. Рифмует Винокуров вполне современно. Думаю, что причина этого в том, что излюбленная форма Винокурова — элегия.

Стихотворение-раздумье, стихотворное воспоминание, причем воспоминание не о факте, а о переживании,— вот какая элегия преобладает в книге, создает ее жанровую необычность.

Но элегия Винокурова — преображенная, современная. Он сам твердо помнит о ста-

ромодности этой формы и постоянно иронизирует над своими героями, переполняет свои стихотворения реалистическими деталями.

Есть у Винокурова стихотворение «Встреча». Правильнее было бы назвать его «Незнакомка» или «Неизвестная». Идет это стихотворение от Крамского и Блока.

По перрону, описанному просто и точно, проходит молодая женщина:

Смех вдруг вспыхнул,
звеня
Как-то чисто и ломко.
Бросив взгляд на меня,
Мимо шла незнакомка.

Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длиной,
Грузной стеганке ватной.

Неуклюжий наряд,
Неуклюжа фигура.
Только синим был взгляд
Да коса белокура...

И далее:

Много минуло дней
С той поры, и не скрою,
Вспомнил я о ней
С затаенной тоскою.

Вспоминал,—
крепким сном
Под кустом забываясь,
И в полку запасном
Поутру обуваясь.

За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало,—
Это ложка из рук
У меня выпадала...

Стук падающей ложки вторгается в элегию. Мечта прославляется реальностью. Впрочем, так оно бывает и в жизни.

Принято прославлять положительные рецензии абзацами, начинающимися со слов. «В книге есть и некоторые недостатки..» В нарушение традиции опускаю эти абзацы.

Борис СЛУЦКИЙ.

Вторая жизнь поэзии

Сейчас, в период подготовки празднования четырехсотлетия добровольного присоединения Кабарды к России, вышла в свет книга избранных переводов С. Липкина, много сделавшего для пропаганды кабардинской поэзии.

Книгу открывают сказания о популярнейших героях устного народного творчества — Сосруко и Бадыноко, занимающих главное место в богатом кабардинском героическом эпосе.

Герой кабардинского нартского эпоса Сосруко — сын пастуха. В этом легендарном герое поражают не черты мифологического чудотворца, а величественный облик любимица народа благородного, честного, отважного, ненавидимого врагом.

«Лишь земля зазеленеет,
Небосвод заголубеет,
И, шумя, помчатся воды,—
Дайте мне семь дней своесоды!
По земле тогда пойду я,
Силу я свою умножу,
Все, что предо мной виновно,—
Всех врагов я уничтожу,
Все, что на земле неровно,
Силой выпрямлю своею,
В прах неправду я развею,
Я вдохну дыханье счастья
В человеческие души!»
Это говорит Сосруко,
Отпрыск Камня, сын пастуший.

Сосруко действует в окружении целой плеяды других героев, жизнь и дела которых непосредственно связаны с жизнью и делами Сосруко.

Так, образ Бадыноко во многом перекликается с образом Сосруко и в то же время существенно отличается от него. В сказаниях о Бадыноко особо подчеркивается его социальное родство с народом. Аскетическая суровость, чувство собственного достоинства, готовность жертвовать собой за счастье родной земли — вот черты, благодаря которым образ Бадыноко стал близким народу.

Яркий язык, четкость и законченность этих образов, глубина мыслей делают сказания о Сосруко и Бадыноко равными лучшим произведениям народного творчества.

В песнях феодального периода с большой силой звучат демократические мотивы,

Семен Липкин. Кабардинская эпическая поэзия. Избранные переводы. Редактор Л. Петрова. 304 стр. Кабардинское книжное издательство. Нальчик. 1956.

тема борьбы народа против поработителей. Простая крестьянская девушка Хацаца, красавица, не желая стать забавой для княжеских повес, с достоинством поет:

Гордость моя — мои руки искусные,
Я рукава расшиваю узором,
Я вышиваю рукою умелую.
Я из орешника коновязь делаю,
К смелым джигитам полна уваженья,
Ты же копя своего не привязывай —
Не был ты храбрым на поле сраженья!

Зачинатель кабардинской письменной поэзии Бекмурза Пачев представлен в книге тремя своими лучшими произведениями, из которых первых два — «Кинжал» и «Песнь об Алихане Каширгове» — написаны до Великой Октябрьской социалистической революции. Эти произведения поражают своей революционной страстностью, обличительной силой, направленной против князей. До Бекмурзы Пачева никто так открыто не призывал трудящиеся массы к борьбе за свои права, никто с таким гневом не обрушивал силу своего таланта на угнетателей.

В поэме «Кинжал» некий князь, хвативший лишнего на свадьбе, стал кичиться своими набегами и удалством. Но простые люди говорят:

Вспомним о турецком иге
В час, когда вели адыги
С турками неравный бой,
Гибли, жертвуя собой,
Что же сделал князь хвастливый?
Кто выдал его удар?

Оскорбленный князь нападает на тех, кто осмелился сказать правду о княжеской трусости и превозносить подвиг простых людей, жертвовавших собой во имя свободы родной земли. Трагически кончается кровавая схватка. На горных склонах слышен плач; на черных бурках лежат жертвы княжеского произвола.

Поэт, прозревающий светлые дали будущего, говорит в конце поэмы:

Верю: день такой настанет,
Отзвенит кинжальный звон.
К жизни край родной воспрянет,
Светом правды озарен.

И за этот озаренный светом правды день Бекмурза Пачев обнажает кинжал поэта. В книге «Кабардинская эпическая поэзия» по праву центральное место занимает

самое крупное и значительное произведение классика кабардинской литературы Али Шогенцукова «Камбот и Ляца», которое принято называть социальным романом в стихах. Это большое художественное полотно, в котором полно, многосторонне и в законченных образах показана борьба задавленных нуждой и лишенных человеческих прав трудящихся Кабарды против феодалов. В истории любви Камбота и Ляцы проникновенно и жизненно раскрывается тяжелая жизнь патриархальной Кабарды. Для каждого образа поэт находит точные и выразительные краски, изображает ли он надменного феодала или свободолюбивого крестьянина, готового до конца бороться за свое счастье.

В переводе хорошо передана точность и красочность, с которой поэт рисует образ молодого и сильного Камбота, выехавшего для состязания на конном ристалище:

Вот он, витязь кабардинский,
Вот герой стихов и здравий,
Вот он, всадник исполинский,
Вот он, доблестный красавец!

Смерть врагам — его отвага.
Кто его не воспевает?
Он иголку в древке стяга
Выстрелом одним сбивает,
Краем бурки, как магнитом,
На лету иголку ловит...

Обычно, когда один переводчик переводит разных авторов, трудно бывает сохранить творческую индивидуальность переводимых поэтов. Семену Липкину удалось преодолеть эту трудность. В его переводах кабардинские поэты не только не потеряли своего обаяния и не потускнели, но и сохранили свой национальный колорит, самобытную оригинальность.

Книга Семена Липкина — хороший подарок читателю к четырехсотлетию добровольного присоединения Кабарды к России. Вошедшие в эту книгу произведения обретают вторую, несравненно более широкую жизнь, ибо эти произведения переведены — и переведены хорошо — с языка небольшого народа на язык великого русского народа, на язык миллионов читателей.

Алим КЕШОКОВ.

★

Очерк творчества Блока

Прошло тридцать пять лет, как умер один из замечательнейших русских поэтов — Александр Блок, но его лирика до сих пор волнует и тревожит новые поколения читателей. Поэзия Блока, продолжившая традицию русской романтической лирики, связанную с именами Жуковского, Аполлона Григорьева, Фета, Полонского, дорога нам особенно как поэзия, рожденная эпохой, непосредственно близкой к нам, эпохой мировых катаклизмов и кризисов, завершившихся Великим Октябрем. Блок — поэт «страшных лет России», поэт мучительных исканий, смутных прозрений будущего, мечты о новой жизни человечества.

Книга Вл. Орлова — очень своевременна. Несмотря на наличие обширной литературы о Блоке, она дает много нового, рисует точно и живо цельную картину творческого развития Блока.

Мало о ком из писателей прошлого было высказано столько разноречивых суждений. Блока охотно делали мистиком, поэтом

полной отрешенности от реальной жизни, поэтом хрупкой и неземной мечты. Бывало и наоборот — пытались подогнать его под «реалиста», упростить сложный и противоречивый путь поэта. В этом отношении книга Вл. Орлова имеет все достоинства объективного историко-литературного исследования; она доносит до нас неповторимое своеобразие блоковской лирики.

Исследователь раскрывает отличительные черты особого, своего видения мира, которое присуще Блоку, как всякому большому поэту, его поэтическую систему, которую каждый безошибочно узнает и чувствует как «блоковскую». Закономерно и естественно, что Блок рассматривается в книге не в тесных рамках символизма или другой какой-либо поэтической школы, а как замечательный и самостоятельный поэт, как завершитель русской дореволюционной лирики.

Вл. Орлов убедительно показывает, как уже в ранние стихи Блока из его первой книги «Стихов о Прекрасной Даме» наряду с туманно-мистическими мечтами о Прекрасной Даме все больше вторгалась реальная жизнь. При всей отвлеченности и

Вл. Орлов, Александр Блок. Очерк творчества. Редактор Л. Покровская. 264 стр., Гослитиздат. М. 1956.

условности этих стихов в них сказалось стремление поэта к точности и конкретности изображения. За туманными символами и намеками, зыбкими мечтательно-неуловимыми образами чувствуется реальный русский пейзаж, возникает пленительный лирический образ страдающей родины, бескрайней России, видятся лесные чащи, дуга, предвечерний туман над полями:

Кругом далекая равнина
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелются над ней.

Мистические чаяния Блока, соловьевский культ Прекрасной Дамы давно отошли в прошлое, а его стихи о русской природе, о родине, столь неуловимо прекрасные, проникнутые нежной грустью нестеровских пейзажей, остались, справедливо говорит исследователь.

Блок жил тревожным предчувствием мировой катастрофы. Свинцовая тяжесть собственного мира придавливала его к земле. Его стихи полны сознания безвыходности, пустоты, уродливости существования. Сквозь расплывчатые очертания в них все более рельефно выступает «страшный мир», основная трагическая тема поэта.

Чутко и сочувственно откликнулся Александр Блок на кровавые зори революции 1905 года. Вл. Орлов не преувеличивает революционности Блока, не делает его революционером, показывая всю сложность путей, которыми шел поэт. Ожидание грядущей катастрофы, представляемой Блоком как вервь подспудно накапливавшихся космических сил, готовых уничтожить всю человеческую культуру, было, конечно, мистифицированным, односторонним. Но самое ощущение неизбежности взрыва питало поэзию Блока тревожным предчувствием, сообщало ей тот трагедийный характер, который придавал его стихам гипнотическую силу, пророческий пафос будущего. «Так или иначе,— писал сам А. Блок в 1908 году в статье «Стихия и культура»,— мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа». Этими словами определяется и самое существо поэзии Блока. Поэт для него и являлся предельно чутким «сейсмографом» эпохи, улавливающим отдаленные отзвуки грядущих катастроф.

Постепенно поэзия Блока обретает все более земной, реальный характер. В его стихах начинает звучать пафос разоблачения «страшного мира», всего мертвого, уродливого. Именно в этом Блок перекликается с Некрасовым, и указания на эти переклички, сделанные Вл. Орловым, представляются убедительными и свежими.

Как справедливо замечает автор, вся лирика Блока, включая и его любовную лирику, имеет преимущественно трагический колорит, потому что в «страшном мире» и любовь в силу законов, господствующих в нем, превращается в мучительство, в «унижение».

Но есть одна тема, которая проходит через все творчество Блока и противопоставлено этому страданию, этому чувству безнадежности, отчаяния. Это — тема родины. Вл. Орлов интересно прослеживает развитие этой темы. Первоначально она входит в поэзию Блока как пейзаж. Россия в мертвой неподвижности, в дремоте:

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Постепенно этот облик родины — России получает все более точные, реальные очертания, наполняется новым содержанием. С темой родины связана вера поэта в будущее, в те творческие силы, которые таятся в народе. Тема родины крепнет, отдельные мотивы ее сливаются в широкий, мощный поток, в песнь о родине (в цикле «Родина», 1903), с самозабвенным признанием поэта в безраздельной любви к ней, которая придает ему силы и веру в будущее. «Этот лирический и опозитивированный образ России — красавицы, России — возлюбленной, России — жены,— подытоживает Вл. Орлов,— наделен в стихах Блока живыми человеческими, даже своего рода «портретными» чертами».

Тема России, родины, приводит Блока к обращению к истории, к стремлению связать свою собственную личную судьбу с судьбами своей страны, своего народа. В этом плане особенно важна незавершенная поэма «Возмездие», рисующая широкую историческую панораму России.

Революция принесла поэту то давно, хотя и смутно часное крушение старого мира, которое пришло в грозе и буре. «...во время и после окончания «Двенадцати»,— писал Блок в 1920 году,— я несколько

дней ощущал физически, слухом, большой шум вскруж—шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)». Как справедливо говорит Вл. Орлов: «в Двенадцати» Блок с громадным вдохновением и блистательным поэтическим мастерством запечатлел открывшийся ему в романтических пожарах и метелях образ новой, свободной, революционной родины. Он понял и принял революцию как стихийный «мировой пожар». Автор книги дает обширный и интересный анализ поэмы Блока.

Приводя горьковские слова о Блоке как «человеке бесстрашной искренности», Вл. Орлов показал суровую и беспощадную правду поэзии Блока, благородство его жизненного пути, внутреннюю красоту его поэзии. Не делая Блока реалистом, не наклеивая на него никаких ярлыков, Вл. Орлов указывает, что «Блок пришел к романтизму, ставящему своей задачей утвердить и обосновать реальное представление о жизни, какой она должна быть». Хотя этим далеко не исчерпывается определение творческого метода Блока, но данная формулировка намечает своеобразие его лирической поэзии.

В книге много тонких и верных, хотя подчас и несколько беглых наблюдений и оценок, раскрывающих индивидуальное своеобразие творческой манеры Блока. Интересны суждения Вл. Орлова о важности в поэзии Блока образа лирического героя, во многом близкого автору: «...лирический герой Блока — усталый, страдающий человек с «роковой пустотой» в некогда восторженном сердце, с обманутыми надеждами, искренне и честно рассказывающий повесть о своей «гибельной жизни». Это, конечно, верно; но сама проблема «лирического героя» у Блока, как нам кажется, заслуживает большего внимания и места. Ведь облик этого героя на протяжении всего творческого пути поэта изменяется. Лирический герой Блока автобиографичен. Эта автобиографичность — не внешняя, а глубоко внутренняя — придает стихам Блока характер исповеди, необычайной искренности и взволнованности. В то же время лирический герой далеко не всегда совпадает с реальным А. А. Блоком. Гамлет и Рыцарь, Двойник и нищий бродяга — таковы литературные преломления образа героя, но внутренняя сущность его остается во многом единой, раскрывающей духовный мир самого поэта.

Интересно, плодотворно и указание Вл. Орлова на «драматический» характер лирики Блока, на то, что наряду с монологической структурой лирической речи в стихах Блока приобретает важное значение диалог, чаще всего «внутренний диалог».

Можно привести много ценных и тонких наблюдений автора книги и над другими поэтическими особенностями лирики Блока. Хочется сделать один упрек исследователю: не слишком ли он порой логизирует творческий путь Блока, не преувеличивает ли он степень сознательности его идейных и художественных исканий? Книга Вл. Орлова насыщена обильным биографическим материалом, цитатами из писем и дневников, выдержками из статей Блока. Приводя все это, автор настойчиво подчеркивает внутреннюю осознанность идейных и художественных поисков поэта. Но Блок редко мыслил политическими и логическими категориями, а взволнованно прислушивался к «шуму времени», преломляя свои ощущения в субъективно-эмоциональных поэтических откликах. Ведь и его статьи и письма подчинены тому же «музыкальному», импрессионистически зыбкому восприятию мира, что и его стихи, а самые образы лирики Блока не сводимы к тем формулам, которые даются им в письмах и статьях.

По словам Вл. Орлова, в письмах из-за границы (1911—1913) Блок «обнаруживает трезвое и глубокое понимание социально-политической обстановки, неустрашимых противоречий капитализма». Конечно, Блок чувствовал отвращение к капитализму, остро переживал кризис гуманизма и культуры, порожденный капиталистическим укладом, но, во-первых, в этом отношении к капитализму многое шло от дворянско-аристократического презрения к веку торгашества, а во-вторых, «трезвого» понимания закономерностей капиталистического развития у Блока все-таки не было. Думается, что идейная позиция Блока была сложнее и противоречивее, чем просто отрицание капитализма.

Эти замечания касаются отдельных формулировок книги Вл. Орлова, в целом написанной с пониманием исторической и историко-литературной перспективы, дающей глубокий анализ пути поэта, его противоречивой, смятенной идеологии, его замечательного поэтического мастерства.

Н. СТЕПАНОВ.

Бедняки, игрушки и щенок Кнопка

«...Все игрушки мира не стоят одного настоящего друга».

Д. Родари.

Всё началось с того, что целую новогоднюю ночь Фея верхом на метле развозила подарки детям. Надо вам сказать, что Фея была совсем и не фея, а обыкновенная женщина, владелица магазина игрушек, «старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса», но бедная. Поэтому игрушки она дарила по праздникам только тем ребятам, чьи родители платили за них.

А утром произошло два важных события. Во-первых, Фея вынула из склада новые игрушки для опустевшей после этой ночи витрины ее магазинчика. Во-вторых, к ней пришел Франческо, «худенький и бледный мальчуган с огромным растрепанным чубом». Ему Фея ничего не подарила. И вот все новые игрушки с витрины: и Сидящий Пилот, и индеец Серебряное Перо, и весь персонал замечательного электропоезда Голубая Стрела, и Полубородый Капитан («ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую сторону лица, чтобы не выглядеть уродом»), и особенно Кнопка, тряпичный щенок неизвестной породы, — все они, услышав рыдания мальчика, с этого дня влюбились в Франческо и радовались, когда он приходил смотреть на них.

Так прошел целый год. А в канун следующего Нового года эти игрушки, по совету застенчивого щенка Кнопки, решили сбежать от Феи и подариться своему Франческо. Отправились они его разыскивать на поезде Голубая Стрела.

Тут-то и начались самые увлекательные встречи и приключения. Именно об этом рассказывает новая повесть итальянского писателя Джанни Родари «Путешествие Голубой Стрелы», напечатанная в журнале «Пионер».

Это произведение интересно и детям и взрослым. Взрослого оно словно бы возвращает к дням детства, вызывая в памяти яркие краски далекого прошлого. Оно лучше позволяет понять уже слегка забытую психологию маленького ребенка. А детям?

Джанни Родари. Путешествие Голубой Стрелы. Повесть. Перевел с итальянского Ю. Ермаченко. Журнал «Пионер». №№ 7—12 за 1956 год.

У Родари своеобразный талант: он умеет в самом обыкновенном видеть необычайное — смотреть на мир детскими глазами, но описывать и осмысливать увиденное как настоящий художник.

Писатель постоянно помнит о страсти детей к фантазиям, к сказкам и делает все, чтобы они поверили в возможность их осуществления, чтобы они умели мечтать, чтобы не остудил и не обеднил им жизнь ранний скептицизм.

Но при этом Родари не уводит ребят полностью в сказочный мир чудес — действие его книги происходит в современной Италии. Вот почему, хотя Фея у него и пикирует на метле, писатель несколько раз подчеркивает, что она совсем не волшебница, а простая бедная женщина, подчас скуповатая, не лишенная чувства юмора (чего стоят ее меткие перебранки со служанкой!). Но, поскольку на все происходящее в книжке глядят глаза ребенка, владелица игрушечного магазинчика всегда кажется ему чуточку сказочной, как и весь игрушечный мир, в котором она живет и где полновластно командует. Поэтому так тонко, виртуозно смещаются Родари грани реального и сказочного в этом образе.

Кроме активно действующих героев, в произведении постоянно ощущается еще один вполне отчетливый и ничуть не сказочный герой — сам автор-рассказчик с его крошечными лирическими отступлениями.

«...Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтоб пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что надо было отнести домой купленное молоко».

Именно благодаря его воспоминаниям создается ощущение подлинности происходящих событий, они приобретают не сказочную убедительность и достоверность. При этом через все повествование рефреном проходят маленькие реплики лирического героя, обращенные — дружески непринужденно — к читателям: «Видит как плохо быть одиноким? Вас сразу обзывают разными нехорошими словами Или такое признание: «Мне жаль, что

не могу рассказать вам историю Франко. Будет ли он художником, или ему придется делать работу, которая ему не нравится, лишь бы только заработать себе на жизнь? Кто знает... Не все делают то, что хотят».

Трудно определить жанр этого необычного произведения. Может быть, это сказка? Но она пронизана воспоминаниями, расшифровывающими или уточняющими беседами автора с читателем...

Да и не по-сказочному нищи все живые герои этого произведения — дети, что встретились игрушкам во время их путешествия. Здесь и бедный мальчик из подвала, мечтающий о чуде-игрушке от Феи к Новому году, и замерзшая в холодном подъезде бездомная девочка, и чумазы мальчишки, спавшие на соломенном матрасе в доме, окна которого были вместо стекол заткнуты обрывками газет и журналов. И веселый Франко, не засыпающий от голода, надеющийся стать художником, и самоотверженный Роберто, сын стрелочника, спасший поезд от крушения. И, наконец, главный виновник всех приключений — Франческо, содержащий своим жалким заработком целую семью...

Все эти бедняки не похожи на кротких героев многих старых сказок, они не надеются на благотворительность как награду за примерное поведение, они сильны и мужественны, — дети веселого, неунывающего народа Италии.

Вот отчего эта книжка — не просто остроумная выдумка писателя, желающего лишь порадовать ребятшек. Она звучит как предостережение писателя-патриота,

озабоченного судьбой множества нищих детей Италии — ее будущего, имеющего безрадостное и трудное детство. Родари стремится воспитывать определенные взгляды у своего маленького читателя: любовь к родине (знакомство кукол с Памятником патриота и живым патриотом, посаженным после народной демонстрации, в тюрьму за призыв «Вон, иностранец!»); отвращение к войне (из всех игрушек — единственный смешон и страшен Генерал, влюбленный только в пушки и способный в военном азарте обстрелять ребенка); веру в доброту и отзывчивость простых маленьких людей (спасение Феей Франческо из полиции).

И собственно результат «Путешествия Голубой Стрелы» тоже заставляет задуматься малыша. Ведь, несмотря на всю симпатичность игрушечных героев этой книжки, самым счастливым из всех ребят оказывается Франческо, получивший ожившего щенка Кнопку. И дружба с ним согрела и скрасила тусклую до сих пор жизнь мальчика: дружба — великолепная вещь! — осознает читатель.

В произведении Родари, как и в итальянских кинофильмах, глубокое и серьезное складывается из мозаики мелочей, тончайших нюансов реальной жизни и человеческой психологии.

Удивительной теплотой и заботой о детях проникнуто это произведение. Может быть, оттого оно социально без социологизмов, поучительно без назидания, психологично без намека на рассудочность, своеобразно без всякой претенциозности.

Л. ИСАРОВА.

★

Политика и наука

Воспоминания о В. И. Ленине

Выходит в свет вторая часть подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сборника «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине».

В сборнике приведены воспоминания людей, близко знавших Владимира Ильича, — его родных, соратников, старейших членов партии, видных деятелей международного рабочего движения, а также рассказы простых людей — рабочих, крестьян и красноармейцев, имевших счастье лично встре-

чаться с В. И. Лениным, слушать его выступления.

Книга открывается воспоминаниями А. А. Андреева о возвращении В. И. Ленина на родину из эмиграции, о его деятельности в дни Октябрьского вооруженного восстания и в первые дни Советской власти.

Вспоминая о II съезде Советов, А. А. Андреев пишет: «Когда Ленин появился на трибуне, весь зал подпрыгнул и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!»

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, 2. 740 стр. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Госполитиздат. М. 1957.

В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уж были не только делегаты съезда,—зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и матросами. Люди становились на подоконники, выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире».

После единодушного принятия ленинских декретов о мире, о земле II съезд Советов избрал первое в мире Советское правительство во главе с В. И. Лениным. Началась новая, социалистическая эра истории человечества.

В воспоминаниях выдающихся деятелей Коммунистической партии рассказывается о руководящей роли В. И. Ленина в создании Коммунистической партии Советского Союза. «История нашей партии есть история жизни и деятельности Ильича, — писал С. М. Киров. — Его умение предвидеть, огромная энергия и настойчивость, его непримиримость в борьбе с оппортунизмом дали ему возможность организовать величайшую в мире партию... Он сумел создать колоссальный авторитет нашей партии».

В. И. Ленин не был «простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии», — говорил И. В. Сталин. Он был «руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения».

Вся деятельность В. И. Ленина и созданной им Коммунистической партии проникнута глубокой верой в народ, в революционную энергию трудящихся масс. М. И. Калинин в своих воспоминаниях пишет: «Никто столько не сделал для укрепления союза рабочих с крестьянами, направленного против капиталистов и помещиков, как Владимир Ильич Ленин».

В. И. Ленин ни на секунду не терял связи с массами. Он не только учил массы, но и сам учился у народа, чутко прислушиваясь к голосу простых людей, рядовых рабочих и крестьян. Они высказывали Владимиру Ильичу свои сокровенные думы, делились трудностями и всегда уходили от него окрыленные, уверенные в своих силах.

В своих воспоминаниях А. Шлихтер рас-

сказывает об одном старике крестьянине, обратившемся к нему по конкретным нуждам своей деревни. Получив все разъяснения, старик не уходил, как обычно делали другие делегаты.

«Жду, что будет дальше,— говорит А. Шлихтер.— Немного помявшись и покряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать Ленина?

— А зачем,— говорю,— он вам нужен?

— Не могу уехать домой, не повидавши тов. Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел. С таким наказом посылали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непреренно от самого Ленина узнай, что и как надо делать»...

И надо было видеть одухотворенное счастьем лицо седобородого старика, когда он вышел от Ленина.

— Спасибо, товарищ,— благодарил он меня,— теперь я все расскажу дома.

Лицо старика говорило об искреннем и глубоком доверии к Коммунистической партии, впервые и всерьез, по-настоящему осуществившей заветные думы крестьянства о земле».

Дни революционных праздников В. И. Ленин всегда любил проводить вместе с рабочими. Нередко были случаи, когда в вечер годовщины Октябрьской революции или 1 Мая он без предупреждения являлся в какой-нибудь рабочий клуб, беседовал с товарищами, расспрашивал их о жизни и работе. Несколько ленинских слов воодушевляли и поднимали настроение рабочих, рассказывает А. Ф. Мясников.

Вот, например, как провел В. И. Ленин 1 Мая 1920 года — день всероссийского субботника. Утром Владимир Ильич принял участие в первомайском субботнике в Кремле. В два часа дня выступил с речью на закладке памятника К. Марксу на Театральной площади (ныне площадь Свердлова). В три часа дня выступил с речью на закладке памятника «Освобожденному труду» на набережной Москвы-реки, затем посетил выставку эскизов будущего памятника. А вечером В. И. Ленин выступал с речами на митингах в четырех районах столицы.

Сначала «поехали прямо в Бауманский район,— рассказывает А. Ф. Мясников,— где в Рабочем доме в ожидании митинга собрались массы. Никто не ожидал прихода товарища Ленина, в том числе и район-

ные работники. Через толщу массы мы пробиваемся к сцене... Аудитория от неожиданности бурлит, аплодирует. Товарищ Ленин в течение 15—20 минут бросает в рабочую массу, как искры, свою живую и ясную речь о значении Советской власти, Красной Армии, о контрреволюции, о сплоченности и борьбе рабочего класса в связи с 1 Мая. Подбодряет, воодушевляет аудиторию».

Затем Ленин выступил в Лефортовском районе, в клубе имени Загорского, с речью, посвященной памяти погибшего товарища, которого хорошо знал лично, потом в Пресненском районе, на митинге рабочих Прохоровской мануфактуры, и, наконец, в Замоскворецком районе.

«Более сердечного человека никто из нас не встречал,— говорит С. М. Киров.— Он был многогранен. Он находил ключи к сердцу каждого из нас... Он всегда был доступен и общителен. С рабочими и крестьянами он подолгу мог говорить о мелочах».

С каким глубоким волнением рассказывал В. И. Ленин Кларе Цеткин в начале ноября 1920 года о крестьянских ходоках, незадолго перед тем побывавших у него:

«— Они были в лохмотьях, с тряпками на ногах и в лаптях. При телерешем ненастье! Ноги их совсем промокли, посинели, замерзли. Разумеется, я распорядился, чтобы им принесли обувь из военного склада. Но разве этим можешь? Тысячи, десятки тысяч крестьян и рабочих ходят теперь с израпленными ногами, невозможно всех их обуть за счет государства. Из какого глубокого и страшного ада должен подняться, выбиться наш бедный народ... Но я верю в его героизм, он выбьется!»

Исключительную заботу В. И. Ленин проявлял о защитниках нашей Родины — бойцах Красной Армии. Он внимательно следил за тем, чтобы красноармейцы своевременно получали на фронте все необходимое — оружие, боеприпасы, обмундирование и продовольствие. Особенно заботился он о раненых и больных красноармейцах и сурово наказывал саботажников, которые срывали снабжение Красной Армии. Н. А. Семашко однажды обнаружил в одной части крупные беспорядки в обслуживании больных и раненых красноармейцев и по возвращении в Москву рассказал об этом В. И. Ленину. «Ох, как рассердился он тогда! — вспоминает Н. А. Семашко. — Попало и медицинским, и немедицинским работникам. Немалому числу саботажни-

ков пришлось жизнью заплатить за возмутительное отношение к защитникам Советского государства».

С большой теплотой написаны воспоминания, свидетельствующие о трогательной заботе трудящихся о Владимире Ильиче. Л. А. Фотиева вспоминает, как пришел в Кремль красноармеец и принес Ильичу половину своего каравайя хлеба: «Пусть поест, — время теперь голодное», — не просил даже свидания с Лениным, а лишь просил показать ему Ильича, когда он пойдет мимо».

В ряде воспоминаний подчеркивается необыкновенная скромность и простота Ленина. «Прост, как правда», — говорили о нем рабочие. Широко известно, что Ленин рассердился на В. Д. Бонч-Бруевича и даже объявил ему строгий выговор за то, что тот повысил ему жалованье с 500 до 800 рублей в месяц.

Л. А. Фотиева приводит такой пример. В 1918—1919 годах в кабинете Владимира Ильича под письменным столом лежал войлок. Позже удалось достать шкуру белого медведя, которой и заменили этот войлок. Владимир Ильич был сильно раздражен и сказал, что это непомерная роскошь в нашей нищей и разоренной стране и «ни к чему не нужная реформа».

В. И. Ленин не смущался тем, что его немногочисленные костюмы были сильно поношены, а кепка безжалостно измята — сам же Ильич не раз закидывал ее в карман где-нибудь на рабочем митинге или зажимал ее в кулаке. Но если он узнавал, что кто-либо из товарищей бедствует, нуждается, то сердился и требовал оказания помощи ему. «Жить для других, думать и заботиться о других — вот это было естественно и закономерно для Владимира Ильича», — говорил Г. Я. Лозгачев-Елизаров.

Надежда Константиновна Крупская рассказывала, что даже при решении сугубо личных вопросов Владимир Ильич спрашивал себя: «Что скажут об этом рабочие?»

В. И. Ленин был очень привязан к семье и с большой теплотой и заботливостью относился к своим близким и родным, особенно к матери, которую нежно любил. Комендант Кремля П. Д. Мальков вспоминает случай, тронувший его до глубины души. Уезжая куда-то на собрание, Владимир Ильич вызвал к себе Малькова. Войдя в кабинет, Мальков увидел у него в руках запертую шкатулку. «Ключ поте-

рян, — как бы оправдываясь, сказал Владимир Ильич. — Откройте ее как-нибудь осторожно. Только не сломайте. Там лежат письма мамы». Это было сказано с какой-то особенной теплотой».

Владимир Ильич очень ценил дружбу и сильно привязывался к людям. Но никакая привязанность не могла помешать ему навсегда порвать с теми, кто изменил делу рабочего класса. Так порвал он с Мартовым, с которым дружил в юности, и с Плехановым, которого ранее очень уважал.

Несмотря на свой огромный авторитет, В. И. Ленин никогда не решал вопросы единолично, как Председатель Совнаркома или СТО. Он никогда не давал почувствовать своего превосходства, а терпеливо убеждал в правоте своих взглядов, учитывая мнение своих товарищей, и выступал за коллективное обсуждение важнейших вопросов.

Лесть, подхалимство, угодничество были немыслимы в окружении Ленина. На заседаниях Совнаркома или Совета Труда и Обороны все выступавшие свободно высказывали свои мнения по обсуждавшимся вопросам. Нередко происходили жесткие споры; случалось, что большинством членов СНК принималось решение, с которым Владимир Ильич не был согласен. Он подчинялся большинству, а в случаях, если вопрос имел принципиальное значение, переносил его в высшую инстанцию: в Политбюро ЦК РКП(б), на разрешение ВЦИК, и возвращался к спорному вопросу еще и еще раз.

Проводя заседания, Владимир Ильич не допускал ни малейшей потери времени. В. И. Ленин «пользовался властью председателя только в случаях нарушения регламента», — рассказывает Т. А. Кривов. — А так он никогда не подавал реплик, которые могли бы сбить с толку выступающего, помешать ему довести свою мысль до конца. Ленин очень внимательно слушал, успевая в то же время следить за часами, делать пометки на лежавших перед ним бумагах и писать записки членам Политбюро. Как правило, вопросы готовились к заседанию так, что они не требовали длительного обсуждения. Но если уже вспыхивала дискуссия, Ленин не навязывал своего мнения, старался взвесить все «за» и «против» и иногда говорил: «Давайте отложим решение до следующего раза. Надо посоветоваться с Марксом».

В. И. Ленин никогда не нарушал четкого распорядка дня. Ровно в 10 часов утра он был в своем рабочем кабинете. Распределив время до минуты, Ленин успевал сделать очень многое. Работоспособность его была необыкновенна. Даже будучи тяжело больным, Владимир Ильич продолжал работать до последних пределов человеческой возможности.

Не будучи в силах писать, прикованный к постели в своей квартире в Кремле, в январе и феврале 1923 года Владимир Ильич продиктовал свои последние статьи и письма, явившиеся его политическим завещанием партии и советскому народу.

Во время болезни Ленина врачи категорически запретили ему чтение газет, всякие свидания с товарищами, вызывающие обмен мнениями, и вообще какие бы то ни было занятия текущими делами. Единственно, что было ему разрешено, это читать книги, но очень недолго и, по его настойчивой просьбе, диктовать дневник — вначале только по несколько минут в день (потом эта доза все увеличивалась и была доведена до 30—40 минут в день, разделенных на несколько приемов). Владимир Ильич воспользовался этим разрешением по-своему: писал «дневник», а получались руководящие статьи по самым злободневным вопросам.

За весь период болезни, говорит т. Володичева, «он никогда не давал почувствовать, что он болен. Это был тот же Владимир Ильич, которого все мы знали, Владимир Ильич, глаза которого так зорко и неустанно смотрели далеко вперед, мысль которого работала так глубоко и сердце которого билось для трудящихся».

Значительное место в книге занимают воспоминания о В. И. Ленине, написанные видными деятелями международного рабочего и коммунистического движения. В них рассказывается, что Ленин настойчиво указывал на необходимость единства рабочего класса, принципиальной и в то же время гибкой политики коммунистических партий, укрепления интернациональных связей с широкими народными массами.

П. Вайян-Кутюрье так рисует образ В. И. Ленина: «Соприкосновение с ним производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату, оно освежало загруженный предрассудками и формальными доктринами мозг... Ленин-интеллигент умел мыслить, как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни».

Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании беспрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека; он являлся для нас прообразом будущего.

Книга «Воспоминания о В. И. Ленине» послужит благородной цели воспитания советских людей, и особенно молодежи, на бессмертных идеях, на великой жизни и революционной борьбе В. И. Ленина.

С горячим волнением и большим интересом прочтут эту книгу миллионы людей в нашей стране и далеко за ее пределами. Она учит, как надо жить и бороться за дело коммунизма, помогает успешному осуществлению великих ленинских заветов.

Кандидат исторических наук
М. ВЛАСОВА.

★

Новое произведение воинствующего материализма

Жизнь неумолнно разоблачает лживые утверждения буржуазных идеологов о том, что марксизм якобы не имеет почвы в странах Запада, и опровергает их фальшивые разглагольствования о «национальном коммунизме». Коренные национальные интересы трудящихся полностью совпадают с их общими международными интересами. Поэтому марксизм, обобщая достижения всей мировой культуры и опыт всемирного рабочего движения, имеет глубокие корни в историческом развитии каждой страны.

На прогрессивные материалистические и демократические традиции Англии уверенно опирается Морис Корнфорт в своей новой работе «Диалектический материализм».

«Материализм — при рожденный сын Великобритании», — говорил К. Маркс. Действительно, в стране, давшей миру выдающихся ученых Бэкона и Ньютона, Гоббса и Локка, Толанда и Пристли, материалистическое мировоззрение — не инородное тело, не навязанная извне теория, а необходимый продукт внутреннего развития. Это дает возможность Корнфорту при изложении основных принципов диалектического материализма использовать конкретные примеры развития английской науки и философии, решать сложные философские вопросы.

Очень умело и к стати Корнфорт использует также богатое наследие английской антибуржуазной литературы, представленной именами Роберта Оуэна, Роберта Трес-

солла и Уильяма Морриса. Он ссылается на замечательный пролетарский роман Трессолла «Филантропы в рваных штанах», гневно обличающий буржуазный строй, приводит выдержки из фантастического повествования о будущем общественном строе «Вести ниоткуда», принадлежащего перу Морриса и воспевающего счастье труда. (Нельзя попутно не высказать сожаления по поводу того, что книги Трессолла и Морриса давно не издавались на русском языке и что даже имеющиеся русские переводы их не отмечены составителями примечаний к рассматриваемому изданию работы Корнфорта.) Обращаясь к прошлому английского рабочего движения со всеми его слабостями и иллюзиями, Корнфорт как бы раскрывает большой и сложный путь, пройденный английским рабочим классом от утопии к научному социализму.

Разумеется, Корнфорт использует также материалы исторического развития и других стран, в частности России, что особенно важно, если учесть систематическое замалчивание достижений русской науки и культуры буржуазными идеологами.

Пронизанная мыслью о том, что идеи марксизма научно выражают самые коренные интересы и чаяния трудящихся Англии, как и других стран, книга Корнфорта приобретает особое значение в обстановке развернувшейся ныне острой идеологической борьбы и подлинной антикоммунистической истерии.

Атаки на марксизм идут по различным направлениям. Здесь и умышленная вульгаризация марксизма, дабы его можно было легче «опровергнуть». Примером такого очередного «опровержения» является вышедший в свет в 1955 годуopus Актона,

Морис Корнфорт. Диалектический материализм. Введение. Перевод с английского. Общая редакция члена-корреспондента АН СССР П. Н. Федосеева. Издательство иностранной литературы. М. 1956.

где марксизму приписывается отрицание роли идей, морали, личности. Здесь и подновление обветшалого фасада идеализма в форме, например, теории «эмерджентной эволюции» Александера, провозглашающего непознаваемость и духовный характер всякого развития в природе и обществе. Находят свое место здесь и пессимизм известного литератора Эллиота, и его бегство от реальной жизни, и многообразные формы ревизионизма, обещающего рабочим мирное соглашение с капитализмом, и разнузданная клевета на Советский Союз и страны народной демократии.

В этих условиях защита и развитие марксизма, решительное разоблачение реакционной буржуазной идеологии становится одной из важнейших задач партии рабочего класса.

Председатель Исполнительного комитета Коммунистической партии Великобритании Гарри Поллит, подчеркивая необходимость по-боевому бороться с идеологией загнивающего капитализма, творчески развивать идеи марксизма-ленинизма, указывает, что идеологическую работу должна вести вся партия — на заводах, фабриках, в университетах. Эту важную мысль активно реализует большая группа прогрессивных деятелей Англии, стоящих на марксистских позициях, — Льюис, Линдсей, Бернал и другие, — в течение многих лет ведущих пропаганду марксизма и критику буржуазного мировоззрения.

Видное место в боевом строю марксистской литературы займет и новая книга Корнфорта. Она написана не для «образованного меньшинства», а для широких масс трудящихся и исходит из того, что, по словам автора, основную роль в битве идей играет всякий, кто привлекает в профсоюз или компартию нового члена, кто выступает против пропаганды капиталистов, кто критикует идеи правых социалистов.

Прогрессивная печать Англии справедливо расценила опубликование книги Корнфорта как значительное явление в идеологической жизни страны.

«Корнфортом оказана большая услуга английскому рабочему движению», — писала газета «Дейли уоркер». Журнал «Марксист куотерли», рекомендуя книгу Корнфорта читателям, отметил ясное и доступное изложение в ней основных вопросов философии марксизма. Этот же журнал в одном из следующих номеров посвятил работе Корнфорта специальную статью «Творче-

ский марксизм против вульгарного марксизма», где подчеркивает большое значение книги для всех «марксистов, говорящих на английском языке».

В нашей стране Морис Корнфортом давно известен как автор серьезных исследований, направленных против современной буржуазной философии и пропагандирующих идеи диалектического материализма. Его работы «Наука против идеализма», «В защиту философии», а также статьи, опубликованные в различных советских изданиях, заслуженно получили высокую оценку. Такой же оценки, бесспорно, заслуживает и его новая книга.

В основу книги положены ряд лекций, организованных Коммунистической партией Великобритании для трудящихся, и лекции, читавшиеся в двух партийных школах. В Англии книга выходила тремя отдельными выпусками (томами) на протяжении 1952—1954 годов; в русском издании, исправленном и дополненном автором, они объединены в один обширный том. Книга снабжена хорошо составленным именным и предметным указателем.

Читателя сразу же привлекает популярная форма изложения, простота языка, убедительные примеры. Но простота и популярность не превращаются у Корнфорта в упрощенчество, а изложение материала не сводится к простому перечислению известных идей. Для книги Корнфорта характерно единство содержания и формы, замысла и стиля. Это делает ее целенаправленной и доходчивой.

Корнфортом последовательно ведет читателя от простого к сложному, от конкретных фактов к обобщениям, раскрывая содержание и практическое значение основных философских категорий. Так, излагая противоположность материализма и идеализма, он начинает не с определений, неизбежно принимающих несколько догматический характер, а с анализа жизненных явлений.

Убедительно и наступательно, в духе ленинских высказываний о воинствующем материализме, Корнфортом критикует основные направления буржуазной философии и социологии, наиболее распространенные в современной Англии: неопозитивизм, отрицающий закономерный характер развития природы и общества, «теорию циклического развития» с ее пессимистическими выводами о гибели человеческой культуры.

Раскрывая антинаучный характер идеа-

лизма, Корнфорт широко использует факты, с которыми повседневно сталкиваются трудящиеся капиталистических стран. Он обнажает идеалистическую сущность взглядов сторонников «морального перевооружения», которые убеждают английских рабочих «не бороться за улучшение условий, а совершенствовать свою душу». Таков же идеалистический характер утверждений правых социалистов о возможности мирного убеждения собственников в необходимости «справедливого распределения».

Теория научного социализма, подчеркивает автор, доказывает свою истинность на практике. Рост мира социализма, его успехи в созидательной работе полностью противоположны современному капитализму, раздираемому кризисами и неразрешимыми противоречиями. «Наш последний вывод ясен, — пишет Корнфорт. — Во всем мире простые люди могут и должны объединиться для того, чтобы сохранить мир. Мы должны стремиться к сотрудничеству со странами, уже строящими социализм, и охранять их завоевания. Мы должны работать, чтобы покончить с капитализмом и установить социализм в нашей собственной стране».

Изложение ведущих проблем исторического материализма, данное в книге Корнфорта, еще более выиграло бы, если бы автор полнее остановился на таких безусловных важных вопросах, как государство, революция, формы общественного сознания. (К слову сказать, проблеме социалистической революции посвящена статья Корнфорта в январском номере журнала «Марксист куотерли» за этот год.)

Последний, наиболее значительный по

объему том книги Корнфорта посвящен теории познания диалектического материализма и охватывает широкий круг философских проблем, касающихся природы и возникновения сознания.

«Истина и свобода» — таково название завершающего раздела книги. С полным основанием автор доказывает, что овладение истиной и есть средство овладения свободой. Он рисует картину того, как в упорной борьбе за научно обоснованное коммунистическое преобразование мира совершается осуществление свободы.

Нам кажется, однако, что Корнфорт напрасно рассматривает понятия истины и науки отдельно, поскольку наука и есть выражение истины. Представило бы большой интерес, если бы автор рассмотрел и вопрос о художественной истине, включив в поле своего зрения важную проблему искусства вообще, правды искусства в частности.

Рассматривая диалектический материализм как философию творческую, Корнфорт сам стремится дать некоторые новые выводы и обобщения. Не со всеми из них можно согласиться, но они, как этого и хотел автор, будят мысль и могут послужить в ряде случаев предметом интересных дискуссий.

Содержательная, проникнутая боевым, наступательным духом и во многом своеобразная книга Мориса Корнфорта принесет немалую пользу всем, кто интересуется марксистско-ленинской философией.

Кандидаты философских наук
И. МАЙЗЕЛЬ, Ю. МЕЛЕЩЕНКО,
А. НОВИКОВ.

★

Советско-финляндская дружба

Книга Е. А. Амбарцумова «Советско-финляндские отношения» открывается главой об исторических корнях нынешней советско-финляндской дружбы. Еще в период появления на Руси первых государств русские и финны не раз совместно боролись против общих врагов, помогали друг другу в трудные времена. По свидетельству псковских летописей, в IX веке русские в союзе с финскими племенами воевали против захватчиков-варягов. В X—XII веках финны

участвовали в военных походах новгородцев и киевлян. Позже, во второй половине XV века, «некий чудин» (финн), согласно псковской летописной записи, сообщил псковичам о подготовлявшемся против них походе немецких псов-рыцарей. После завоевания Финляндии Швецией многие финны, спасаясь от шведских колонизаторов, бежали на русскую территорию. В период Северной войны, когда русские войска продвигались по финляндской территории, большинство финнов встречало их как освободителей. Это нашло отражение даже в финской поэзии.

Е. А. Амбарцумов. Советско-финляндские отношения. Редактор Ю. Егоров. 104 стр. Госполитиздат. М. 1956.

Учитывая исторические факты, ряд финских авторов, в том числе Снельман, Топелиус-младший, Альквист, Бунсдорф, отмечают, что присоединение Финляндии к России в результате русско-шведской войны 1808—1809 годов имело в общем прогрессивное значение, хотя, конечно, это не может оправдать захватнической политики русского самодержавия. Финляндия получила национальную автономию и была объединена в Великое княжество Финляндское, тогда как при шведском владычестве она была расколота на ряд губерний, находившихся под непосредственным управлением шведов. С 1809 года финский язык стал в Финляндии государственным.

Как справедливо отмечает Е. Амбарцумов, дружба и сотрудничество между двумя народами укрепились в совместной борьбе против российского самодержавия. Эта дружба скреплена кровью участников Свеаборгского восстания в 1906 году. Еще проект конституции, выработанный членом Северного общества декабристом Н. Муравьевым, предусматривал превращение России в федерацию, в которую в качестве полноправного члена должна была бы войти «Ботническая держава», то есть Финляндия.

В 1917 году декретом Советского правительства была признана независимость Финляндии. И если дальнейшее развитие отношений между обеими странами было омрачено рядом явлений, приведших к возникновению двух войн, то в основе этого лежит то обстоятельство, что прежние финляндские правительства в течение долгого времени ориентировались в своей внешней политике на враждебные нашей стране круги на Западе. Сущность этой политической линии с исчерпывающей ясностью определил один из самых ярых врагов Советского Союза — Свинхувуд. «Любой враг России, — говорил он, — должен всегда быть другом Финляндии». Но «дружба» с врагами Советского Союза, как известно, привела Финляндию на грань катастрофы.

После второй мировой войны отношения Финляндии с Советским Союзом характеризуются развитием подлинного добрососедства, вытекающего из исторических традиций. В основе этих отношений лежит заключенный в 1948 году и продленный в 1956 году на двадцать лет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помо-

щи между СССР и Финляндией. Е. Амбарцумов подробно анализирует значение этого договора в целом и конкретные проявления сотрудничества обеих стран в экономической, культурной и общественной областях. Бесспорной истиной является то, что эта политика мирного сосуществования служит и общему делу мира и безопасности народов.

Дружба и сотрудничество с Советским Союзом, пишет Е. Амбарцумов, обеспечили Финляндии безопасность, оградили ее от участия в агрессивных военных блоках западных держав. Развитие экономики Финляндии пошло по руслу мирного созидания, а не военных приготовлений, как это наблюдается, например, у западного соседа Финляндии — Норвегии, входящей в агрессивный Североатлантический блок.

Экономическое сотрудничество Финляндии с Советским Союзом, осуществляемое на основе полного равноправия и взаимной выгоды, привело к тому, что в процессе его складывается, по выражению А. И. Микояна, «устойчивое разделение труда между соседними странами, а не просто случайные и преходящие сделки купли-продажи». Одним из конкретных проявлений такого сотрудничества может считаться законченное в 1956 году строительство финским акционерным обществом «Имартран войма» гидроэлектростанции для Советского Союза на реке Паатсо-Йоки.

Экономические связи с Советским Союзом облегчают финнам решение многих важных проблем хозяйственного развития, в частности проблемы снабжения страны горючим. Финский экономист Неволайнен подсчитал, что за килограмм целлюлозы Финляндия получает от Соединенных Штатов 0,9 килограмма бензина, от Англии — 1,3 килограмма, от Франции — 1,4 килограмма, а от Советского Союза — 2,1 килограмма. На весьма выгодных условиях предоставляются Финляндии и советские займы. В противоположность американским займам, они свободны от каких бы то ни было требований, умаляющих суверенные права финнов, а также и от ростовщичества. В двадцатых—тридцатых годах американские банкиры предоставляли финнам займы из 6—7 процентов годовых, а теперь — из 4,75 процента. Наша же страна предоставила финнам два крупных займа (по 40 миллионов рублей) из 2,5 процента годовых.

Можно почти не сомневаться, писала английская газета «Дейли телеграф энд Мор-

нинг пост», что последовательная политика дружбы и добрососедства Советского Союза и Финляндии «в свое время побудит некоторые круги норвежского и датского общественного мнения поставить под сомнение ценность их партнерства в Атлантическом союзе».

Обзор советско-финляндских отношений, данный Е. Амбарцумовым, охватывает все важнейшие проблемы мирного сосуществования обеих стран и разбирает их с достаточной полнотой и обстоятельностью. Нужно все же отметить, что обзор страдает некоторыми существенными недостатками. Наиболее крупный из них — неточная разработка вопроса об участии Финляндии в антисоветской интервенции в годы гражданской войны. Е. Амбарцумов пишет: «Они (правящие круги Финляндии.—П. Р.) поддались нажиму агрессивных группировок некоторых иностранных государств, стремившихся использовать Финляндию как плацдарм для наступления на Советскую страну. Они приняли участие в антисоветской интервенции в годы гражданской войны». Если первая часть цитированного заявления целиком верна, то вторая нуждается в разъяснении.

Исторические факты свидетельствуют, что правящие круги Финляндии хотя и горели ненавистью к Советской республике, но не рисковали вовлечь свою страну в антисоветскую интервенцию в годы гражданской войны. В. И. Ленин, касаясь этих фактов, в марте 1920 года говорил: «Во время похода Юденича, когда он был недалеко от Петрограда, в газете «Таймс», самой богатой английской газете, была помещена статья, — я сам читал эту передовицу, — которая умоляла, приказывала Финляндии, требовала: помогите Юденичу, на вас смотрит весь мир, вы спасете свободу, цивилизацию, культуру во всем мире — идите против большевиков... И это провалилось два раза, прозалилось потому, что мирная политика большевиков оказалась серьезной,

оказалась оцениваемой ее врагами, как более добросовестная, чем мирная политика всех остальных стран, потому, что целый ряд стран говорили себе: как мы ни ненавидим Великобританию, которая нас душила, но мы знаем, что душили нас Юденич, Колчак, Деникин, а не большевики. Бывший глава белогвардейского финского правительства не забыл, как в ноябре 1917 г. он лично у меня из рук брал документ, в котором мы, ничуть не колеблясь, писали, что безусловно признаем независимость Финляндии». В свете этих общезвестных фактов утверждение об участии Финляндии в антисоветской интервенции во время гражданской войны звучит фальшиво.

К недостаткам книги можно отнести также относительно слабо разработанную главу о друзьях и врагах советско-финляндского сотрудничества. Глава эта содержит мало конкретного материала и ограничена в основном разбором положения внутри Финляндии. Слишком мало сказано о тех врагах советско-финляндской дружбы, которые находятся не в Финляндии, а за ее рубежами — за океаном. Рассказ об их подрывной деятельности, опирающейся на определенные силы в самой Финляндии, сделал бы обзор Е. Амбарцумова более целеустремленным.

Нельзя, наконец, пройти мимо неуклюжести стиля, которая порой приводит даже... к неправильному толкованию фактов. При чтении, например, первого абзаца 28-й страницы у читателя может сложиться ложное впечатление, будто после войны в Финляндии были запрещены все антисоветские и профашистские организации, кроме ИКЛ — основной фашистской партии.

Перечисленные, а также более мелкие недостатки тем досаднее, что книга Е. Амбарцумова представляет собой ценное исследование по вопросам советско-финляндской дружбы и сотрудничества.

П. РЫСАКОВ.

★

Генералитет американского бизнеса

Нет, кажется, ничего более запутанного, неясного, чем представления о внутренней структуре буржуазного государства наших дней. Сама верхушка капиталистического общества, его подлинные

«New York Times Magazine», February 1957
(«Нью-Йорк таймс мэгэзин», февраль 1957).

хозяева позаботились о создании и упрочении этой туманности. Как рождаются новые законы, где и кем задумываются империалистические авантюры, кто диктует основы внутренней и внешней политики? Все это не так легко разгадать. Широкий массам известны

имена политических лидеров, названия и официальные программы правящих партий, а также конституции и даже «всеобщее» избирательное право. Но разве источником, местом рождения какой-нибудь очередной «доктрины» американского империализма, очередной капитуляции Англии или Франции перед Америкой было «всенародное волеизъявление»? Этим местом не бывает ни парламент, ни даже собрание хотя бы руководства одной из правящих партий. Все самое главное, решающее вынашивается где-то в тиши таинственных кабинетов, и направление политики диктуется совсем не теми людьми, список которых широко известен общественности.

В февральском номере американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» помещена статья Кэйбела Филлипса под любопытным заголовком «Ближайшее окружение Эйзенхауэра». Автор ее раскрывает довольно многое из того, что обычно не полагается буржуазному журналисту раскрывать. Он приподымает завесу над тайнами Белого дома, что всегда интересно для падкой на сенсации американской обывательщины. Речь как будто идет только о том, что у президента Эйзенхауэра нет ни своего Гарри Гопкинса (влиятельного соратника Ф. Д. Рузвельта), ни полковника Хауза (знаменитого секретаря президента Вудро Вильсона). Президент Эйзенхауэр как профессиональный военный сумел лишь создать нечто вроде военного штаба. «Штабная система работы, — пишет Филлипс, — представляет собой естественную часть его умственного багажа, и, кстати говоря, он один из лучших штабных работников, которыми когда-либо располагала армия...»

Разумеется, автор статьи спешит подчеркнуть значение самого президента и чисто «совещательный» характер окружающего его «штаба». Он пишет: «Президент любит, чтобы ему изложили все аспекты проблемы, как отрицательные, так и положительные мнения... Затем он будет выбирать до тех пор, пока не найдет того, что считает правильным».

Все это прелестно в своей наивности, вернее: «очарозательно» убеждение автора в наивности читающей публики. Материалы, факты, приведенные в статье, дают гораздо более широкую картину тайной кухни американской политики.

Прежде всего мы узнаем, кто же именно те лица, которым дозволено высказы-

вать непосредственно президенту свои мнения и суждения. Кратко говоря, это генералитет армии и генералитет бизнеса, то есть американские монополии. Крупнейшие капиталисты США входят в кабинет Эйзенхауэра или в его ближайшее «окружение», которое на три четверти состоит из людей, официально не связанных с правительством.

«Эта избранная неоформленная группа, которую некоторые из ее членов небрежно называют «публикой Белого дома», а посторонние более почтительно зовут «ближайшим окружением», состоит в любое время примерно из пятидесяти человек», — сообщает Филлипс. Около половины этих людей, пишет он, имеет постоянные должности; остальные — частные лица, которые, лишь за немногими исключениями, «являются магнатами крупной промышленности, видными банкирами».

Из постоянных работников автор выделяет вице-президента Ричарда Никсона, государственного секретаря Даллеса и министра финансов известного богача Хэмфри.

О Никсоне сказано следующее: «Он — главный стратег законодательства для Белого дома и главный политический «рупор» правительства и республиканской партии... Уважение и любовь, которые президент питает к своему молодому соратнику, демонстрировались не однажды, точно так же как и решимость президента сделать Никсона активным и ответственным партнером по руководству органами исполнительной власти».

Хэмфри — это «сильный человек» кабинета Эйзенхауэра. «Президент восхищается его практической мудростью и любит его веселое общество (ежегодно они вместе охотятся на перепелок на плантации министра финансов в штате Джорджия). Президент советуется с ним по всевозможным проблемам не только внутреннего, но и международного характера».

Наконец, о Даллесе. Сколько слухов распускалось буржуазной прессой — в особенности английской — о том, будто «дни Даллеса сочтены», что он не выражает политических взглядов президента. Автор статьи признает, что фигура Даллеса утратила «часть своего ореола за последние месяцы». Но он уверенно заявляет: «Не имеется никаких публичных доказательств уменьшения престижа государственного секретаря в Белом доме или утраты им

того полного доверия, которое президент питает к нему как к главному творцу и руководителю американской внешней политики».

Это означает весьма многое. Это означает, что тот курс на категорический отказ от мирного сосуществования с социалистическим лагерем, на продолжение «холодной войны», тот яростный зоологический антикоммунизм и откровенная, чуть ли не ежедневно высказываемая ненависть к Советскому Союзу и Китайской Народной Республике, которые характеризуют всю деятельность Д. Ф. Даллеса,— есть выражение общей политики правящих кругов Соединенных Штатов Америки.

Из официальных лиц, упоминаемых Филлипсом, стоит назвать также бостонского банкира Катлера, который, оказывается, состоя в числе «специальных помощников президента», ведает «вопросами международной безопасности»,— это, по словам автора статьи, «надсмотрщик над самым важным политическим предприятием правительства». Далее идет генерал Альфред Грюнтер, этот известный поджигатель и идеолог атомной войны. «Когда Грюнтер ушел в отставку из армии, именно его друг и наставник Айк (то есть президент) убедил его принять пост представителя Красного Креста», что, понятно, не мешает ему оставаться одним из самых приближенных к президенту людей. Автор называет Грюнтера вероятным кандидатом на пост государственного секретаря. Тут же подчеркивается неизменно большое влияние генерала Уолтера Бедделла Смита, а также родного брата президента — Мильтона Эйзенхауэра. Оказывается, что в семье всегда «Айк был сильным защитником, человеком действия, а Милтон — «мозгом семьи», человеком идей...»

Каков же состав «круга частных лиц», ни прямо, ни косвенно не входящих в со-

став кабинета? Это исключительно крупнейшие дельцы Уолл-стрита, банкиры, руководители монополистических корпораций США. Здесь и генерал Люшес Клей — ныне председатель «Континентл кэн компани», Джон Макклой — председатель правления банка «Чэйз Манхэттен бэнк», банкир Клиффордс Роберсте, Юджин Холмен — председатель правления нефтяной фирмы «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси». Короче говоря, здесь весь «цвет» американского бизнеса, все капиталистические монополии, все миллиардеры Америки.

Филлипс не скрывает, что все они поддерживали кампании по выборам президента Эйзенхауэра, они же «и сегодня продолжают оказывать незаметное, но могущественное влияние на политическую философию президента и партии». Многих из этого круга, пишет он, назначают время от времени на видную правительственную должность — возглавлять различные комиссии или заседать в Деловом консультативном совете. Так, например, новый посол США в Англии Джон Уитни — «уважаемый представитель компании с Уолл-стрита».

Еще и еще раз возвращается автор к вопросу о значении и влиянии этого «штаба»: «Было бы трудно переоценить влияние этой группы на образ мыслей Эйзенхауэра или на формирование тех взглядов, на фоне которых он вынашивает многие из вопросов и проблем, которые ему приходится решать как президенту».

Таков фактически круг лиц, действительно управляющих Соединенными Штатами, определяющих их политику. Это финансовая олигархия Америки, которой и принадлежит вся полнота власти в так называемой «демократической» заокеанской республике.

Б. ЛЕОНТЬЕВ.

История : человеко-торпеды

Это рассказ о боевых действиях японских подводных лодок против Соединенных Штатов Америки в войну 1941—1945 гг.

Мотицура Хасимото. Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг. Перевод с английского. Под редакцией контр-адмирала Ф. Ф. Павлова. 232 стр. Издательство иностранной литературы. М. 1956.

причем рассказ участника этих действий, японского офицера-подводника.

Книге предпослана издательством аннотация, в которой сказано, что она, книга эта, рассчитана не только на военных, но и на широкий круг читателей. Не имея специальных знаний по военным вопросам, мы можем высказаться о ней только с читательской точки зрения.

Что же представляет собой эта книга, если подходить к ней всего лишь почитательно? Она потрясает, ее нельзя читать без огромного волнения, без чувства гнева против капитализма, совершающего чудовищное насилие над человеческим духом. Достаточно того, что в ней рассказывается о так называемых человеко-торпедах...

Прежде чем осведомить тех, кто не читал книги, что это такое — человеко-торпеда, мы приведем (основываясь на изложении автора) некоторые факты, вызвавшие появление на поле битвы этого ни с чем не сравнимого вида оружия.

Несмотря на то, что японские подводные лодки в борьбе с военно-морским, воздушным и подводным флотом противника одержали известные успехи (ими был потоплен ряд ценных военных кораблей американцев, в том числе крупнейший крейсер «Индианополис»), все же к концу войны они оказались побежденными.

Вот что пишет автор американского предисловия к книге, «командер» американского военно-морского флота Бич: «Японский подводный флот, насчитывавший в начале войны приблизительно 60 единиц, потерял за всю войну в общей сложности 130 подводных лодок и фактически был полностью уничтожен, не оказав ни малейшего влияния на ход войны».

Мотицура Хасимото (так зовут автора книги), сам бывший командиром подводной лодки, объясняет это поражение отсталостью Японии по сравнению с Соединенными Штатами в военно-техническом отношении. Личный состав японских подводных лодок, по мнению автора, был выше похвал, проявлял незаурядные воинские качества, и если, говорит он, последовала катастрофа, то только по той причине, что людская доблесть, не поддержанная техникой, растрачивалась зря.

Утверждение, что единственно техническая отсталость Японии была причиной поражения ее подводного флота, разумеется, однобоко. Уже в самом плане войны, разработанном японской военной кликой, как во всяком авантюристском плане, таился неминуемый крах всех предпринятых впоследствии согласно этому плану действий, среди них также и операций подводного флота. Тем не менее отсталость эта, судя по примерам, приведенным в книге, сказывалась на оборудовании подводных лодок весьма серьезно, и можно признать поэтому, что роковой для подводного флота Японии

исход борьбы в значительной степени зависел именно от пренебрежения командования к технической стороне дела. Между прочим тот же Бич, оценивая устарелость и несовершенство оборудования японских подводных лодок, замечает, что следовало бы удивляться, как это они вообще могли плавать — мало того, что плавать, еще и топить военные корабли...

Например, только считанные лодки были снабжены радиолокационными установками. Был даже период, когда такая установка имелась всего лишь на одной лодке, и то она была сооружена немецкими механиками по распоряжению гитлеровского командования — в виде «заботы о союзнике», в виде, так сказать, дара.

В те времена, сообщает автор, командиры подводных лодок «в своем отчаянии» согласны были признать, что одна радиолокационная установка принесла бы больше пользы, чем сотня подводных лодок. Но что значило отчаяние командиров, если не кто иной, как сам командующий подводными силами, выразил мнение, что радиолокационные установки «для японского подводного флота бесполезны»!

Чем объяснялось такое упорное нежелание представителей командования трезво оценить важность обогащения подводных лодок техническими средствами? Автор с горечью констатирует, что тут играло роль самолюбие начальствовавших лиц, просчитавшихся в свое время во многом и не желавших признать свою неправоту, — самолюбие людей, больше беспокоившихся «о сохранении своей репутации, чем об улучшении условий боевой службы...»

Давало ли себе отчет командование в том, что подводный флот идет к поражению? Конечно, оно это понимало. Приняло ли оно меры для предотвращения катастрофы? Приняло. Какие? Ведь в самом деле, если радиолокаторы были признаны командованием бесполезными для японского подводного флота, то что же оно сочло для него полезным?

Оно решило прибегнуть к человеко-торпедам!

Человеко-торпеда — это такая торпеда, внутри которой находится человек, управляющий ею, водитель. Когда ею «выстреливают» с подводной лодки, водитель направляет ее к объекту атаки, приближается к нему вплотную и подрывает зарядную часть торпеды. Понятно, что при взрыве водитель взрывается и сам.

Следует сказать, что идея сближения с неприятельским кораблем человека с подводной лодки для выполнения той или иной боевой задачи родилась также и у подводников Англии, Италии и Германии. Она была и осуществлена, но поскольку в практике подводных флотов указанных стран такое сближение производилось главным образом с целью укрепления на днище или на киле корабля противника мин, то человек, отправленный на сближение, рисковал жизнью ненамного больше, чем в любом случае, когда орудуют с минами. Что касается японского варианта сближения, то, как уже сказано, участь человека была безусловно предreshена.

Приступили к обучению водителей, будущих самоубийц, в специальной школе, им присвоили особый знак — белую повязку вокруг головы, было также придумано название для человеко-торпед — «кайтенс», то есть «дорога в рай»...

Дорога в рай!

Между тем предложение снабдить торпеду приспособлением, дающим возможность водителю выбраться из нее за несколько метров до атакованного объекта и этим спастись от гибели, было отвергнуто... Чего там приспособление! Давайте уж сразу в рай! (Трудно поверить, но это действительно так: из того соображения, что при отсутствии выбрасывающего приспособления дальность действия торпеды, как было высчитано, увеличится вдвое, от этого приспособления отказались.)

Лодка, которой командовал Мотицура Хасимото, также была снабжена новым видом оружия: двумя человеко-торпедами. Рассказывая о пребывании на борту лодки двух обреченных, автор никак не старается быть литературным, однако из-под пера его льется страшный эпос. Пока водители ожидали своего часа, их, узнаем мы, не нагружали никакой работой, они играли в шахматы... Об одном из них автор сообщает, что он оказался неплохим шахматистом, о другом — что это был просто толстый, спокойный человек двадцати двух лет. После того как они отправились в свой чудовищный рейс (предварительно трижды прокричав, как это положено было водителям: «Да здравствует император!», причем в телефон, чтобы слышали отправлявшие), команда прислушивалась некоторое время, ожидая грохота взрывов. Он последовал, этот грохот. Тогда команда (ци-

тируем автора) «помолилась за тех, кто еще только что был вместе с ней, и пожелала погибшим счастливой жизни на том свете».

Действительно, нельзя при чтении этого места не сжимать кулаки от гнева, не посылать проклятия капиталистическому строю!

Надежды, которые возлагало командование на человеко-торпеды, наделенные (какой ценой!) потенциальной возможностью наиболее меткого поражения целей, не оправдались. Во-первых, наличие их на вооружении некоторых лодок не долго оставалось для противника тайной, и вскоре американцы предприняли за этими лодками усиленную охоту. Во-вторых, то же недомыслие морской стратегии японской военной клики, которое гибельно отражалось на действиях подводного флота в течение всей войны и которое наряду с технической отсталостью сыграло роль в его поражении, сказалось также и сейчас в оперировании лодками, вооруженными человеко-торпедами: чаще всего они получали нелепые приказы, исполнявшиеся беспрекословно, но не приносившие результатов.

Не приносившие результатов, но каждый раз стоившие жизни водителям!

Поистине феноменально смелые, они все погибли.

Автор книги зато произнес им эпитафию. Вот она: «Являлось ли необходимо тратить человеческие жизни для управления этими торпедами? Хороших результатов можно достигнуть и при управлении ими по радио».

Автор книги, хотя и критикующий ошибки прошлого, но в то же время остающийся сторонником империалистических, захватнических «великояпонских» взглядов, призывает военных деятелей Японии в дальнейшем отказаться от «бамбуковых пик»... Необходимо, говорит он, «развивать оружие на базе современной науки». Он мечтает о реванше. Мы думаем, что японский народ не мечтает о реванше... Настоящую Японию, прогрессивную и трудовую, больше, чем развитие какого бы то ни было оружия, интересуется идея всеобщего разоружения. Японский народ, как и все народы, хочет мирного процветания своей страны, которого и добьется, так как обладает замечательными качествами ума и духа.

Довольно «дороги в рай»! Скорее нужна дорога из ада. Из ада капитализма.

Ю. ОЛЕША.

Путь ученого-зоотехника

Читая эту книгу, я вспомнил, как несколько лет назад мне довелось держать в руках дневник с пожелтевшими от времени страницами. Я прочел тогда строки, очень меня поразившие:

«Степь! Весной она сказочно красива. Как только прогреет солнце, бесконечный зеленый ковер покрывается цветами. Кланяются земле типчаг, тонконог, голубоватые степные злаки... А потом поднимают свои султаны ковыли, и тогда вся степь превращается в постоянно волнующееся серебристо-белое море...»

И так несколько страниц: красочное, поэтическое описание украинской степи. А ведь дневник принадлежал не поэту, не писателю, а ученому, избравшему, казалось бы, такую прозаическую профессию, как зоотехния.

Только прочитав значительную часть объемистого дневника, я понял, как богат и многообразен мир, как разносторонни интересы автора дневника — замечательного советского ученого, академика Михаила Федоровича Иванова.

Он знал природу, как ученый, и умел любить ее, как художник. И не только в широком, но и в прямом смысле этого слова. Свидетельство этому — десятки прекрасно выполненных рукой Михаила Федоровича живописных полотен, главным образом пейзажей, воплотивших неповторимую красоту русской и украинской природы.

Был он мечтателем. И, быть может, именно это неопределимое для ученого качество помогало Михаилу Федоровичу ставить перед собой такие смелые задачи, каких не ставил никто до него.

Большой ученый, искусный экспериментатор, общественный деятель, художник, поэт! Именно таким и предстает он перед нами в научно-художественной повести В. Елагина «Цель жизни».

Книга биографическая и, как большинство произведений такого рода, построена по хронологическому принципу.

Молодым, никому не известным ветеринарным врачом в маленьком русском городке Кромы начинает Иванов свою практическую деятельность.

Он видит: крестьяне задыхаются под тройным гнетом — царских чиновников, по-

мещиков, кулачества. Малоземелье, никудышная обработка земли, нищенские урожаи подрывают животноводство.

Как спасти животноводство от вырождения и гибели? Иванов надеется найти выход в расширении сети опытных научных учреждений. Об этом он пишет в своих статьях, просит, доказывает, пытается преодолеть бюрократизм царских чиновников, самодурство помещиков, косность земских деятелей.

Эту борьбу он ведет долгие годы, уже будучи доцентом и профессором Харьковского ветеринарного института. Но что мог сделать ученый-одиночка в условиях буржуазно-помещичьего строя, чуждого интересам народа?

Мечтам Иванова суждено было осуществиться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Этому периоду в жизни ученого В. Елагин посвящает вторую часть повести.

Когда в январе 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет о племенном животноводстве, начались поиски человека, который возглавил бы это новое дело. И выбор падает на ученого, одним из первых откликнувшегося на призыв Советской власти, — профессора Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии Михаила Федоровича Иванова. В Кремле состоялась беседа Владимира Ильича с ученым-патриотом.

Иванов организует, по указанию Ленина, первые крупные государственные племенные совхозы, превращает их в опорные пункты научных исследований.

Идеалистические теории, господствовавшие тогда в биологии, объявляли наследственность непознаваемой. Это разоружало ученых и практиков животноводства. Ведь получалось, что создание новых пород животных является делом случая, что человек бессилён разгадать эту тайну природы.

Михаил Федорович решительно отвергает подобные «теории». Последовательный материалист, он в вопросах животноводства ищет тех же путей, по которым великий Мичурин шел в области растениеводства. Внимательно изучает Иванов многовековой народный опыт и все свои теоретические исследования тесно увязывает с практикой, с нуждами народного хозяйства.

Советская страна получила в наследство от дореволюционной России отсталое, малопродуктивное овцеводство. Михаил Фе-

дорович направляется в бывшее помещичье имение Аскания-Нова, где ему приходилось работать еще до революции. Он решает создать такую породу тонкорунных овец, благодаря которой было бы улучшено малопродуктивное овцеводство на юге СССР. Верный своей теории, Иванов решительно отказывается от разведения иностранных пород в чистом виде. Он утверждает, что только на основе использования ценных свойств как отечественных, так и иностранных пород можно создать высокопродуктивных животных, приспособленных к местным условиям.

Широко задуманный опыт был начат в 1925 году и увенчался блистательным успехом. За короткий срок — всего за восемь лет — Иванов создал лучшую в мире советскую тонкорунную породу асканийских овец, очень крупных, отличающихся высоким настригом шерсти.

Ценнейшим творческим наследством, оставленным М. Ф. Ивановым, является также выведенная им новая порода украинской степной белой свиньи.

В. Елагин рассказывает, как, пользуясь своим методом, Михаил Федорович объединил ценные качества дикого барана — подвижность и выносливость — с продуктивностью меринсовых овец; как он улучшил породу красно-степного скота, а скрещивая его с выносливыми зебу, получил ценнейшие в хозяйственном отношении помеси. Впоследствии на основе этих опытов была создана новая порода овец — горных меринсов. А зебовидный скот ныне успешно разводят на юге нашей страны.

Наряду с исследованиями выдающихся русских ученых-животноводов Н. П. Червинского, Е. А. Богданова, П. И. Кулешова труды М. Ф. Иванова составили основу прогрессивного мичуринского направления в зоотехнической науке.

Не следует, конечно, думать, что все достижения Иванова родились в идиллически спокойной обстановке всеобщего поклонения. Наоборот, вокруг созданных им новых методов в животноводстве часто бушевали страсти, разгоралась борьба мнений. Среди его научных противников были и бесчестные люди, не останавливавшиеся перед клеветой, шедшие на прямое противодействие опытам Иванова.

Обо всем этом В. Елагин рассказывает убедительно, со знанием дела, образным языком, ни разу не сбываясь на дидактический пересказ научных проблем. Если

в книге и есть доля авторского вымысла, то лишь в пределах, допустимых для документальной повести.

Однако автор, сохранив собственные имена некоторых научных противников Иванова, почему-то зашифровал — и довольно прозрачно — имена его учеников и последователей. Действительный член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина Вадим Михайлович Юдин превращен в Вадима Юдинцева, действительный член той же академии Леонид Кондратьевич Гребень — в Леонида Гребнева, известный селекционер Г. Ф. Литовченко — в Литвиченко и т. д. Зачем это понадобилось автору, непонятно.

В этой связи можно сделать и более важное замечание. Разработанная М. Ф. Ивановым методика племенной работы является поистине всенародным достоянием. Она представляет собой твердую теоретическую основу для всех специалистов-зоотехников и широких масс животноводов в их работе по совершенствованию существующих и созданию новых пород животных. Но учение Иванова не догма. И это было бы лучше понято читателем, если бы автор шире показал учеников Михаила Федоровича, его многочисленных верных друзей и соратников. Например, В. М. Юдин упомянут в повести только как автор телеграммы, в которой он просит консультации Михаила Федоровича. А ведь Юдин, пользуясь методикой Иванова, спас от вырождения и гибели ценнейшую породу каракульских овец.

Немало новых прекрасных пород животных создали другие ученики Михаила Федоровича. Все они следовали методике своего учителя не слепо, а творчески применяли ее к конкретным условиям. Так их учил сам Михаил Федорович. Поэтому было бы важно познакомить читателя с Ивановым не только как с ученым-новатором, но и как с воспитателем большого отряда селекционеров нового типа.

Быть может, этому помешала некоторая диспропорция в распределении материала. Советскому периоду жизни М. Ф. Иванова, периоду, к которому относятся его основные достижения, отведено только немногим больше 100 страниц из 340. Впрочем, дело не только в количестве. В первой части книги автор ведет рассказ в манере неторопливого повествования, во второй же части жизнь и деятельность Иванова представлены отдельными эпизодами.

Нельзя, конечно, требовать, чтобы повесть о жизни и деятельности ученого-зоотехника превратилась в историю социалистического животноводства. Перед автором стояла иная задача, и он решил ее, в общем, хорошо. Но нам кажется, что некоторые дополнения помогли бы сделать это еще лучше.

Книга, предназначенная для юного читателя, издана незаслуженно бедно: тусклые краски на картонном переплете, отсутствуют иллюстрации. Есть интересно задуманные заставки и концовки, но их полиграфическое исполнение оставляет желать лучшего.

Повесть «Цель жизни», написанная для подрастающего поколения, относится к разделу книг, имеющих определенное воспитательное значение. Автор сумел показать прямой и ясный путь человека, целью которого было благо его родной страны. Книга окажет добрую услугу и тем, кто интересуется научным наследием М. Ф. Иванова. Огромное значение этого наследия, необходимость его творческого развития приобретают особое значение теперь, в обстановке всенародной борьбы за дальнейший подъем социалистического животноводства.

И. ВАСИЛЬКОВ.

ДВА ПИСЬМА С. ЕСЕНИНА

В творческой биографии С. Есенина многими критиками отводилась большая роль псевдонародному поэту Н. Клюеву. Такая тенденция не лишена оснований. Действительно, в начале своего творчества Есенин испытывал влияние этого певца «избяной Руси», представлявшего деревню в виде патриархально-идиллического единства и воспевавшего ее в религиозно-мистических тонах.

Но с годами отношение Есенина к Н. Клюеву менялось. После Октября он проникается острой неприязнью к этому поэту и ко всем его новым произведениям с их чисто условной образностью и сусальным орнаментом, — произведениям, в которых раскрывалась реакционная сущность клюевских взглядов. Это враждебное отношение Есенина к Клюеву выразилось, в частности, в письме Есенина (сохранившемся в архиве Института русской литературы в Ленинграде и до сих пор не публиковавшемся) к эсеровскому критику и публицисту Иванову-Разумнику.

Иванов-Разумник в своей вступительной статье ко второму сборнику «Скифы» назвал Н. Клюева первым глубинным народным поэтом, певцом новой России. Есенин, отклоняя восторженное мнение Иванова-Разумника о Н. Клюеве, подвергает его антиреалистическую в своей основе поэзию беспощадной критике. «Штемпель Ваш «первый глубинный народный поэт», — пишет Есенин, — который вы приложили к Клюеву, обязывает меня не появляться в третьих «Скифах», ибо то, что Вы и Андрей Белый сочли за верх совершенства, я счел только за мышинный писк».

Есенин безоговорочно отмежевывает себя от псевдонародной лирики Клюева и решительно возражает против поспешных, ошибочных утверждений о своей идейно-творческой общности с ним: «Клюев, за исключением избяных песен, которые я ценю и признаю, за последнее время сделался моим

врагом... То единство, которое вы находите у нас, только кажущееся».

Главный порок поэзии Клюева Есенин видит в описательстве, в изображении поверхностных явлений жизни. Суще-

ство клюевской лирики он определил очень метко: «Клюев «весь в резьбе молвы», то есть в пересказе пересказанных. Только изограф, но не открыватель». И далее С. Есенин пишет: «Говорю вам это не из ущемления первенством солнценосца и моим «созвучно вторит», а из истинной обиды за слово... Преображение мое, посвященное Вам, поэтому будет напечатано в другом месте».

Письмо Есенина к Иванову-Разумнику не датировано. Надо полагать, что по времени написания оно может быть отнесено к первой половине 1918 года. Это соображение подтверждается следующими доводами: указанием самого поэта о нежелании сотрудничать в «Скифах» с третьего тома и его словами о посвящении поэмы «Преображение» Иванову-Разумнику.

Как известно, первый и второй тома сборника «Скифы», в которых Есенин принял участие, вышли соответственно в 1917 году и в начале 1918 года. А появляться в третьем сборнике поэт отказывается. Кроме того, поэма Есенина «Преображение», которую он обещает посвятить Разумнику, появилась впервые уже не в «Скифах», а в журнале «Наш путь» № 1 за 1918 год и в том же году в книге под тем же названием «Преображение». Следовательно, ни раньше начала 1918 года, ни позже середины 1918 года это письмо не могло быть написано.

В том же архиве находится автограф чернового письма-памфлета Есенина «Дама с лорнетом», относящегося ко времени его пребывания в Баку (1924—1925). Письмо это интересно тем, что показывает отношение Есенина к символистам, с которыми он в свое время был близок. Памфлет написан на бланке ЦК Азербайджанской Коммунистической партии и обращен к реакционному ядру символистов — Д. Мережковскому и З. Гиппиус, эмигрировавшим после Октября из России. В письме говорится: «Когда-то я мальчиком, проезжая Петербург, зашел к Блоку. Мы говорили очень много о стихах, но Блок мне тут же заметил, вероятно, по указаниям Ив. Разум-

ника: — «Не верь ты этой бабе. Ее и Горький считает неумной, но по-моему она низкопробная дура».

Это были слова Блока. После слов Блока, к которому я приехал, впервые я стал относиться к Мережковскому и Гиппиус — по-дозрительней».

Из письма видно, что Есенин хотя и сближался с такими представителями символизма, как Блок, — вместе с тем ясно видел и отрицал реакционную сущность Д. Мережковского и З. Гиппиус.

Ему претит тщеславие, цинизм, беспринципность «дамы с лорнетом» (З. Гиппиус.— А. Ж.). «Даже Шкловский помнит,— пишет Есенин,— что Вы говорили и что опять пишете: «Крайнюю хату, левую или правую, это безразлично, раз он художник». Эта реакционная мысль о безразличии художника к политическим партиям Есениным отвергается».

В письме прямо говорится о травле Есенина, поднятой в белоэмигрантских газетах Мережковским и компанией во время заграничной поездки Есенина, о схватках поэта с ними. Есенин упоминает о том, что в газете «Eclair» Мережковский называл его хамом «за то, что когда-то я, пришедший из деревни, имел право носить валенки».

Ознакомление с содержанием двух названных писем, несомненно, поможет нам лучше понять общественно-политические и литературные взгляды Есенина.

А. ЖАВОРОНКОВ.

★

РАССКАЗЫ О ГЕОРГИИ СКАНДЕРБЕГЕ

Трудно найти сейчас в нашей стране людей, которые не знали бы имени легендарного героя Албании Георгия Кастриотта Скандербега. И это вполне закономерно. Советский народ свято чтит память национальных героев — борцов за независимость. Но, оказывается, интерес к этой личности проявился в России еще в очень далекое от нас время.

Сказания об Албании встречаются уже в древнерусских рукописных сборниках. Так, летописное сказание под названием «О Албанской стране и княжестве их» имеется в рукописном сборнике XVII века (из собрания Большакова), хранящемся ныне в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве. В этом сказании описана борьба Скандербега против турецкого ига.

Возможность обстоятельно познакомиться со славными деяниями и ратными подвигами великого воина Албании русские читатели получили с середины XVIII века.

В шестидесятых годах XVIII века русский философ Я. П. Козельский в своих «Философических предложениях» восхвалял мудрую политику и стратегию Скандербега, сумевшего защитить «через долгое время малую свою область, окруженную отвсюду неприятельскими владениями, против всей Оттоманской силы» (то есть против турецкой империи. — Л. С.).

Первой книгой о Скандербеге является вышедшее в Петербурге в 1782 году «Сокращенное описание жизни и дел Скандербега, Короля Албанского и князя Эпирского». Книга была переведена с французского языка А. Черемисиновым. Более полные и богатые сведения о Скандербеге содержала изданная в Москве в 1788 году «История о Кастриотте Албанском». Переводчиком «Истории о Кастриотте Албанском», скрывшимся под инициалами Д. А., был русский писатель Александр Иванович Дмитриев, брат известного поэта-баснописца И. И. Дмитриева. В ней подробно описана возглавляемая Скандербегом борьба албанского народа в середине XV века против жесточайшего турецкого владычества, в результате которой албанцы не только сбросили с себя иго иноземного порабощения, но и преградили турецким захватчикам путь в страны Западной Европы.

Исторические материалы для своей книги автор почерпнул из албанских летописей.

Автором «Истории» был, как видно из ряда пояснений в повествовании, албанец, долго находившийся в плену при дворе султана в Константинополе, горячий патриот, почитатель Скандербега. Он на собственном опыте испытал все ужасы турецкого рабства и гнета. Книга написана им на албанском языке и затем, вероятно, переведена на французский язык. По изобилию исторических сведений она не потеряла своего значения до сих пор. Книга является теперь большой библиографической редкостью.

Укажем, кстати, что А. И. Дмитриев и ранее проявлял интерес к личности Скандербега. В 1783 году он издал в Петербурге сборник (также перевод с французского) под таким названием: «Адонид, с присовокуплением некоторых любовных

Подлинное лирическое волнение пронизывает стихотворения «Ждем весны в этот год», «Мудрецу», «В походе», «Крестьянская песня» и другие. В. Башкин тонко чувствует, видит и слышит русскую природу.

Вот его «Златокудрая осень»:

...Приласкает задумчиво поздний цветок
И один за другим оборвет лепесток.
От бесшумных шагов сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песок.
Не дыша, умирает на кленах листва.
Подломившись, отрывисто хрустнет сучок.
Но надтреснутый звук тишины не смутит...

В. Башкин мало прожил (1880—1909), но довольно много написал: сборник стихов и три книги рассказов. Смерть его с болью восприняли его товарищи и друзья; в их опубликованных воспоминаниях нарисован

образ скромного, искреннего и принципиального человека. К сожалению, из этих воспоминаний мы мало узнаем о революционных связях Башкина. Несомненно, следы его деятельности имеются в «делах» полиции. Недаром над последним его сборником рассказов, вышедшим в Москве незадолго до его смерти, нависала угроза конфискации, и это немало омрачило последние часы писателя.

При тщательном исследовании мы, несомненно, узнали бы еще многое о благородном духовном облике Василия Васильевича Башкина. А горячие его стихи и рассказы, несомненно, полюбят и наш читатель. Надо лишь, чтобы Гослитиздат выпустил сборник избранных стихов и рассказов Василия Башкина.

Александр ГАТОВ.

Р Е П Л И К И

КНИГИ, КОТОРЫХ ЖДУТ МОЛОДЫЕ БИБЛИОГРАФЫ

«Книги о книгах» издавались в прежние времена всегда очень маленькими тиражами, главным образом «для любителей и знатоков». На многих библиографических справочниках, описаниях библиотек и других подобных изданиях значилась пометка: «печатано 100 экземпляров».

Малым тиражам способствовало и равнодушие читателей старого времени к трудам библиографов.

В наше советское время отношение к библиографической и книговедческой работе в корне изменилось.

Всесоюзная книжная палата издает «Книжную летопись», «Летопись журнальных статей», «Летопись газетных статей» и много других трудов по регистрационной библиографии.

Хуже обстоит дело с изданием работ по теории и истории библиографии, по методике библиографической работы и в особенности с изданием комплексных и тематических библиографий по различным отраслям общественных наук.

Только за последние год-два «лед тронулся» и тут, хотя еще не очень по-весеннему и не очень бурно.

Несомненно заслуга издательства Всесоюзной книжной палаты в оживлении в издании библиографических трудов. Вышел в

свет первый том многострадального «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Маса-нова, выпускает-

ся ряд указателей русских литературных альманахов и сборников, намечено к изданию немало нужных книг.

Несколько лет назад вышла в свет примечательная книга Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века».

Неоспоримое достоинство этой книги главным образом в том, что все разрозненные сведения по истории библиографии приведены в этом труде в систему.

Как и всякая другая «История», книга Н. В. Здобнова рассказывает о ряде явлений, о людях и их трудах, являющихся вехами этой истории. Не только не забыты, но и подробнейшим образом оценены труды по библиографии всех работавших в этой области — вплоть до Пушкина, Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Однако, если все труды, включая и библиографические, Пушкина, Белинского, Добролюбова и Чернышевского, доступны любому читателю, то как быть с трудами примечательнейших русских библиографов: Сопикова и Анастесевича, Межова и Лисовского, а также многих, многих других? Можно ли историку русской библиографии удовлетворяться только рассказом о значении знаменитого «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова, сыгравшего такую большую роль в развитии русского просвещения, а самого этого «Опы-

та», что называется, «не посмотреть — не пощупать»?

Почти ни одного труда, упоминаемого Н. В. Здобновым в его «Истории русской библиографии до начала XX века», получить на руки для изучения невозможно. Все они сделались «библиографическими редкостями», и если еще как-то доступны хотя бы для обозрения москвичам и ленинградцам, то всем остальным библиографам и любителям книг страны известны лишь по рассказам историков.

В этой небольшой заметке мне хотелось бы поставить вопрос о том, что подобно горьковской «Библиотеке поэта» необходимы и «библиотеки» ряда других отраслей искусства и науки, в том числе и «Библиотека библиографа».

Отнюдь не в ущерб изданию новых и новых трудов библиографического порядка совершенно необходимо переиздать, заново отредактировав их, работы старых, дореволюционных библиографов, в первую очередь классиков библиографии.

Никакие последующие, более совершенные труды, не уничтожат значение трудов П. Пекарского, создавшего библиографию изданий петровского времени. Никогда не уйдут в небытие классические работы по библиографии русских периодических изданий А. Неустроева или Н. Лисовского. Можно ли сегодня написать хотя бы одну новую работу по библиографии XIX века, не имея этих «стариков» на столе, под руками? Советские библиографы, работники библиотек, студенты библиотечных институтов, люди, занимающиеся антикварной и букинистической книготорговлей, наконец,

просто любители и собиратели русских книг ждут переиздания этих библиографических трудов, ставших ныне недоступными.

Я не берусь даже наметить список подобных работ — это при надобности сделают более сведущие товарищи. Но начать серию «Библиотека молодого библиографа» надо, по моему мнению, изданием знаменитого труда «отца русской библиографии» В. С. Сопикова, его до сих пор непревзойденного «Опыта российской библиографии или полного словаря сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию Науку, совершенно новую в России, с Историей о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками».

«Опыт» В. С. Сопикова не только самый выдающийся памятник русской национальной библиографии, но на сегодня пока еще и наиболее полный список книг, почти за трехсотлетний период книгопечатания на русском языке.

По моим скромным знаниям, вся работа с переизданием «Опыта» В. С. Сопикова — отнюдь не «планетарного масштаба» и может быть выполнена группой из двух-трех грамотных библиографов в кратчайший срок.

Мне думается, что новое издание знаменитого «Опы-

та» В. С. Сопикова, открывая предлагаемую мною серию «Библиотеки молодого библиографа», окажет огромную помощь всем советским библиографам.

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ.

★

В ЗАЩИТУ ВОДЕВИЛЯ

Классический водевиль — важный драматический жанр. Несмотря на свою малую форму, он остро и занимательно поднимал серьезные общественно-политические вопросы, отражал многие стороны российской действительности. В водевилях разоблачались лицемерие, ханжество, паразитический образ жизни дворянства, высшего чиновничества, своеобразно разрабатывалась тема «маленького человека», власти денег и прочее.

Целые поколения молодых актеров начинали театральную жизнь с водевильных ролей, считали водевиль первой школой актерского мастерства. Недаром К. С. Станиславский ценил в водевиле жизненное правдоподобие, сатиру и злободневность, изящество, поэтичность и музыкальность.

Большую пользу мог бы оказать русский классический водевиль для практики советского профессионального и самодеятельного театра. Работая в области драматургии малых форм, советские писатели должны были бы учитывать положительный опыт лучших образцов водевильного жанра.

Тем не менее водевильный жанр у нас все еще недооценивается. Попробуйте отыскать книгу с водевилями мастеров этого жанра драматургии. Давно уже такого рода книги стали библиографической редкостью. В восьмидесятых годах прошлого столетия были изданы «Театр» Ф. А. Кони в четырех томах, «Театр» Д. Т. Ленского в шести томах, «Театр» П. И. Григорьева в пяти томах, в девяностых годах — водевили П. А. Каратыгина в трех томах. Более двадцати лет назад были изданы небольшие сборники водевилей Ф. Кони, Д. Ленского, П. Каратыгина, Ф. Сологуба, но и они уже стали недоступными для массового читателя.

Сочинения крупнейших водевиллистов хранятся в основном лишь в Москве, в Государственной библиотеке имени Ленина да в Ленинграде — в Театральной библиотеке имени Луначарского и Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. В большинстве библиотек они отсутствуют.

Конечно, не следует издавать все когда-либо выходившие русские водевили. Но если отобрать лучшие образцы, то получится отличный сборник, в котором, несомненно, нуждаются читатели, театральная молодежь, режиссеры, литераторы, работающие в области драматургии малых форм.

Проф. В. Н. ВСЕВОЛОДСКИЙ-ГЕРНГОСС,

*проф. Ю. А. ДМИТРИЕВ,
доцент Д. Л. БРУДНЫЙ.*

МЕЖДУ ПРОЧИМ...

НУЖНО ЛИ ЧИТАТЬ КНИГИ, О КОТОРЫХ ПИШЕШЬ?

Вопрос звучит по меньшей мере странно. Каждый школьник скажет, что нельзя писать о книге, которую не прочел. А вот некоторые считают, что можно, и даже делают так.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки солидное учебное пособие «Курс лекций по истории зарубежных литератур XX века» под редакцией Л. Г. Андреева и Р. М. Самарина (Издательство Московского университета, 1956) и прочесть главу, посвященную творчеству одного из крупнейших чешских писателей-реалистов, основателя чешского исторического романа Алоиса Ирасека (автор Р. Кузнецова).

Вот несколько примеров.

Излагая содержание романа Ирасека «Скалаки», посвященного крестьянскому восстанию 1775 года, Р. Кузнецова сообщает, что «Крестьяне стремятся захватить замок, взять в свои руки управление землями» (стр. 687). Но в романе нет ничего подобного. Ни о каких попытках крестьян «захватить замок» Ирасек здесь не рассказывает, вопрос о каком-то мифическом «управлении землями» (21) крестьянами тоже, понятно, не ставился. Крестьяне, как показывает писатель, требовали отмены барщины и выдачи им так называемого «Золотого патента» императрицы (имеется

в виду инструкция австрийского правительства об «упорядочении барщины», которая вызвала глубокое разочарование в крестьянских массах, ожидавших полной отмены барщины, и послужила толчком к восстанию 1775 года). Утверждение Р. Кузнецовой не только искажает содержание романа, но набрасывает тень и на Ирасека как историка, заставляя думать, что он не понял и неверно изобразил крестьянское восстание 1775 года.

Название романа Ирасека «Na dvoře vévodském» Р. Кузнецова переводит «На воеводском дворе», а нужно — «При герцогском дворе», так как в романе речь идет не о воеводе феодальных или даже доисторических времен, а о герцоге, жившем в конце XVIII века (герцог Куронский или Курляндский). Именованное «воеводой» — явный анахронизм. Автора, по-видимому, ввело в заблуждение чешское слово «vévoda» («вэвода») — герцог, которое созвучно русскому «воевода». Но чешский язык в этом отношении очень коварен и может подвести легкомысленного переводчика, который, найдя, например, слово «jupka» («юпка»), конечно, решит, что дело идет о юбке, хотя это слово обозначает кофту, а слово «žába» («жаба») так и переведет «жаба», «лягушка», тогда как это слово значит и «молодая девушка».

Так и случилось у Р. Кузнецовой при анализе следующего романа Ирасека «Скалы». В числе прочих героев этого романа она упоминает «князя Матоуша Улицкого» (стр. 691). Но в романе нет никакого

князя, а Матоуш Улицкий — это скромный, бедный священник. Автора и здесь поддело созвучие чешского слова «kněz» («кнез») — священник с русским словом «князь». Эта ошибка привела к неверному раскрытию социального состава руководителей крестьянского восстания 1627 года, о котором говорится в романе, а тем самым снова поставила под сомнение историческую достоверность произведений Ирасека.

Чтобы избежать такого рода ошибок, обычно пользуются словарем или консультацией товарищей, хорошо знающих чешский язык. Но эта элементарная вещь, очевидно, не пришла в голову автору, как и другая, не менее элементарная, — просто прочесть книги, о которых собираешься писать.

Для людей, читавших «Философскую историю» Ирасека, своего рода откровением прозвучит следующая фраза Р. Кузнецовой, посвященная анализу этой вещи: «Жизнерадостной передовой молодежи в повести противопоставлены чопорная семья нотариуса Роубинека и профессор богословия архивариус Роллерка, друг Роубинека» (стр. 689). Здесь этот «друг Роубинека» является своего рода святой тронцей в одном лице. В нем соединились три совершенно различных героя: профессор богословия, который существует в повести сам по себе и не связан дружбой с нотариусом Роубинеком; литографский архивариус, существующий тоже самостоятельно (это действительно друг Роубинека);

и Роллерка, которая не столько мужчина, сколько женщина, и не друг нотариуса, а приятельница его жены. Предоставляю читателю самому судить о точности такого анализа!

С. ВОСТОКОВА.

★

ГАЛЛЫ И ГЭЛЫ

Последний роман Томаса Манна «Признания авантюриста Феликса Круля», изданный в 1956 году Издательством иностранной литературы, достаточно высоко оценен критиками и литературоведами и не нуждается в хвалебных словах обычного, скромного читателя.

Но и обычный читатель может оценить очень хороший, художественно полноценный перевод Наталии Ман, выполненный под редакцией Н. Н. Вильмонта, оценить и поблагодарить их за удовольствие, полученное при чтении этой книги.

Однако читатель может даже и в отличном переводе заметить кое-что такое, что, может быть, и не является ошибкой в прямом смысле этого слова, но что, безусловно, можно назвать опiskой или неточностью.

Вот такая описка, трижды повторенная, обнаружена нами и в этой замечательной книге.

На стр. 215 Феликс Круль, от лица которого написан роман, повествуя о своей встрече с шотландским лордом Килмарноком, рассказывает:

«...кроме того, у него есть летняя резиденция на одном из озер шотландской возвышенности, в

местности, где еще говорят на галльском наречии (он тоже немного знает его) и где природа очень красива и романтична...»

На стр. 219, осуждая предложение лорда о поступлении к нему на сомнительного рода службу, герой романа рассуждает сам с собой:

«...подумал ли он о той жалкой роли, которую мне пришлось бы играть среди многочисленной прислуги, упомянутой им, и даже среди галльского населения его родных гор?»

На стр. 223, отказываясь от предложения лорда Килмарнока, Феликс Круль говорит ему:

«Из них вы сумеете выбрать себе великолепного камердинера, вы будете болтать с ним по-галльски и под конец, возможно, усыновите его».

Вот и возникает у читателя недоуменный вопрос — откуда же в Шотландии, в XX веке, даже если там «природа очень красива и романтична», взялось «галльское население», говорящее на «галльском наречии»?

Ведь до сих пор было известно, что галлы проживали в Галлии, то есть на территории современной Франции, Северной Италии и Бельгии, в V—I веках до новой эры. Кто не знает или хотя бы не слышал о «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря?

Не только галлов, но и галльского языка не сохранилось до наших дней! Он был вытеснен в течение первых столетий нашей эры латинским языком и только в виде ограниченного числа значительно трансформированных слов вошел в состав француз-

ского и некоторых других романских языков.

Как видно, «по-галльски» особенно не разговоришься даже и во Франции, а не то что в Шотландии!

Герои же романа Томаса Манна в своих беседах упоминали, конечно, не о «галльском», а о «гэльском» языке, об одном из языков гэльской ветви кельтских языков, к которым принадлежит, в частности, и донныне сохранившийся шотландский язык.

У шотландцев сохранилось до сих пор их самоназвание — «гэлы». Но в литературе, например в романах Вальтера Скотта, термин «гэлы» применяется обычно лишь к шотландцам — жителям горных районов страны. Вот о них-то, а не о галлах, и упоминали в своих разговорах Феликс Круль и лорд Килмарнок!

К. КОСТРИН.

★

ФИЛОЛОГИ ИЗ ГОСЛИТИЗДАТА

Дорогой читатель!

Ежели тебя спросят, что такое латинский язык, то смело ответствуй:

— Испорченный французский.

А ежели тебе не поверят, сошлись на «Избранные сочинения» В. Т. Нарезного, выпущенные Гослитиздатом двухсоттысячным тиражом.

Занимавшийся подготовкой текста и составлением примечаний А. Жигулев и редактор В. Титова на странице 198 первого тома означенного издания так черным по белому и объясняют латинское выражение: «*de miraculis*» — «о чудесах (искаж. франц.)».

На странице 173 тоже можно прочесть любопытное объяснение: «*de possibili et impossibili*» — «о возможном и невозможном (франц.)», что, видимо, следует объяснить не иначе, как тем, что и французский язык является в свою очередь «испорченным латинским»...

А. М.

★

„В КЛУБАХ ПОРОХОВОГО ДЫМА...“

Общеизвестно первое и важнейшее требование к статье информационно-хроникального характера — соответствие фактам. Но бывают случаи, когда статья, не претендуя на принадлежность к жанру научной фантастики, тем не менее противоречит действительности.

Наверное, не мало были удивлены посетители выставки картин из французских музеев, прочитав в журнале «Нева» № 9 за

1956 год статью «От Давида до Сезанна», автор которой, М. Едовина, оповещала читателей, что на выставке имеется пять полотен Гюстава Курбе и «шесть овечьих поэзий пейзажей Камилла Коро». Подобные «сведения» необходимо, мягко выражаясь, уточнить, ибо и в Москве и в Ленинграде на выставке экспонировалось восемь, а не пять полотен Курбе. Что касается произведений Коро, то их и в самом деле было шесть, и они действительно «овечьи поэзии», с той только разницей, что один из этих «пейзажей» назывался «Молодая женщина в розовой юбке», причем название вполне соответствовало изображенному. Добавим, что такого рода «пейзаж» принято именовать портретом.

Аналогичными «открытиями» порадовал своих молодых читателей и журнал «Смена», поместивший в № 19 за 1956 год статью Николая Кружкова «Это Франция». Вот как описана в этой статье картина Де-

лакруа «Свобода на баррикадах»: «Из клубов порохового дыма в стремительном движении выступают люди, неостановимо идущие вперед: рабочий в блузе, молодой гражданин в цилиндре, мальчик-парижанин с дымящимися пистолетами в руках (через тридцать лет после создания картины Виктор Гюго вновь воскресил этот образ бесстрашного парижского гамена в рассказе «Гаврош»)...»

Заметим, что ни в самой картине «Свобода на баррикадах», ни в той репродукции с нее, которая помещена в журнале «Смена», никто не увидит дыма, идущего из пистолетов в руках мальчика. До сих пор считалось также, что Гаврош был описан Гюго только в романе «Отверженные». Рассказ Гюго «Гаврош» до сих пор был неизвестен миру.

Увы, читатель, так порой «в клубах порохового дыма» теряется истина.

Б. Ф.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

П. ПОСТЫШЕВ. Из прошлого. «Молодая гвардия». М. 1957. 70 стр. Цена 70 к.

По размеру эта книга совсем небольшая — всего 90 страниц. Но вместила она в себе многое. Павел Петрович Постышев рассказывает в ней о героических днях 1905 года и о мужественных людях, боровшихся за свою свободу в первую русскую революцию (очерк «Талка»), и о борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке («Это было в 1917—1918 годах»), и воспоминания о Первом партизанском Тунгусском отряде. В рассказе «Голе Марфы», которым открывается книга, изображена страшная и правдивая история иваново-вознесенской ткачихи, замученной нуждой и непосильной работой на фабрике.

Активным участником и свидетелем всех описываемых в книге событий был сам автор — сын иваново-вознесенского ткача, еще в ранней юности примкнувший к революционному движению и с тех пор посвятивший свою жизнь борьбе за счастье народа. Сейчас Павла Петровича Постышева нет в живых, но наш народ хорошо помнит его — славного ленинца, одного из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Книга П. П. Постышева, несомненно, заинтересует советского читателя.

РУССКИЕ ПОВЕСТИ XIX ВЕКА 70—90-х годов. Том первый. 688 стр. Цена 13 р. 75 к. Том второй. 674 стр. Цена 12 р. 70 к. Гослитиздат. М. 1957.

Издание «Русские повести XIX века» начато в 1950 году. С этого времени в восьми вышедших томах опубликованы малодоступные широкому читателю, редко или совсем за последние десятилетия не переиздававшиеся произведения более чем сорока писателей XIX века.

В первый том аннотируемого двухтомника вошли сатирическая повесть «Грачевский крокодил» писателя И. А. Салова, принадлежавшего к демократическому крылу русской литературы, близкого к Салтыкову-Щедрину, его же рассказы «Мельница купца Чесалкина» и «Крапивники», а также три произведения — «Эпизод из жизни ни папы, ни вороны», «Накануне ликвидации», «История» — А. О. Осиповича-Новодворского.

Включены в сборник рассказы «Юровая» и «Светлое озеро» писателя-народника

Н. И. Наумова. Рассказ «Деревенский король Лир» является одним из лучших произведений некогда очень популярного писателя Н. Н. Златовратского; в рассказе с большой любовью нарисованы «старожилы-мужички» последних десятилетий эпохи крепостничества.

Завершают том повесть «Марфинькино счастье» С. Н. Терлигорева, повесть из сибирского быта «В тундре и в тайге» Г. А. Мачтета и его же рассказ «Мы победили» об «открытии» тасжной деревни.

Во второй том включены повести «Снизу вверх», «Борская колония» и рассказ «На границе человека» Н. Е. Каронина-Петропавловского, повесть «Домик на Волге» видного деятеля революционного народничества 70-х годов С. М. Степняка-Кравчинского, повесть «Доброволец» В. И. Дмитриевой — одной из первых женщин-писательниц, вышедших из народа, повесть «Октава» С. Г. Скитальца и др.

Составитель сборника Б. С. Мейлах сообщает в предисловии, что издание это готовилось, чтобы помочь читателю в изучении неисчерпаемых богатств русской литературы девятнадцатого века. Задачу эту теперь с выходом последнего двухтомника, безусловно, можно считать выполненной.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ. С ярмарки. Рассказы. Гослитиздат. 1957. 692 стр. Цена 10 р.

«Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, богачей и знати. Пусть меня похоронят там, где покоятся простые евреи рабочие, настоящий народ...»

Это строки из завещания, прочитанного у свежей могилы Шолом-Алейхема.

Известно, с каким восхищением относился к его творчеству А. М. Горький. Прочитав в 1909 году повесть «Мальчик Мотл», Горький писал автору: «Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал — чудесная книга!..» Шолом-Алейхем переписывался с Львом Толстым, Чеховым, Короленко.

Основной жанр творчества Шолом-Алейхема — рассказ, новелла.

Силу шоломалейхемского смеха читатель почувствует в представленных в книге рассказах «Заколдованный портной», «Горшок» и ряде других рассказов из книг «Веселые бедняки», «Монологи» и др.

Нельзя не пожалеть о том, что в книгу не включены произведения, нашедшие

художественное воплощение на сцене в исполнении С. М. Михоэлса. Нет, в частности, ни одной новеллы из цикла «Тевье молочник».

О творческом пути писателя говорится в критико-биографическом очерке Р. Рубиной. Книга иллюстрирована художником Натаном Альтманом.

Переводчики — среди них много знакомых имен по прежним переводам: Шамбадал, Волкенштейн и др., — хорошо справились с трудной задачей передать стиль Шолом-Алейхема со специфической тональностью еврейской народной речи, обилием народных поговорок, пародийным толкованием и переосмыслением библейских текстов.

ПОЭТЫ АЗИИ. Сборник. Государственное издательство художественной литературы. М. 1957. 912 стр. Цена 18 р.

«Прочтите эту книгу, попробуйте вжиться в нее, попробуйте представить себе ее авторов, людей гордых и отважных, веселых и любящих жизнь, суровых и неподкупных, открыто ненавидящих всех, кто пытается затмить солнце, единое для Востока и Запада, высокое солнце труда и мира», — пишет в своем предисловии к сборнику «Поэты Азии» Владимир Луговской.

«Поэты Азии» — первое на русском языке обширное собрание послевоенной антиимпериалистической поэзии зарубежной Азии. Оно включает произведения поэтов Афганистана, Бирмы, Вьетнама, Индии, Индонезии, Иордании, Ирана, Китая, Кореи, Малайи, Монголии, Непала, Таиланда, Турции, Филиппин, Японии и др. В книге представлены стихи 233 поэтов. Среди них стихи поэтов, давно известных советским читателям (Го Мо-жо, Назыма Хикмета, Суканта Бхаттачария, Сангуни Баттенгбуэя и др.), но с большинством поэтов, представленных в сборнике, советские читатели встретятся впервые.

МОРИС ДРЮОН. Железный король 1314 (из серии «Проклятые короли»). Роман. Перевод с французского. Издательство иностранной литературы. М. 1957. 270 стр. Цена 7 р. 15 к.

Эта книга впервые увидела свет в 1955 году в Париже, а сейчас уже вышла в русском переводе. Ее автор — представитель молодого поколения прогрессивно настроенных буржуазных писателей Франции. В годы войны он принимал участие

в Сопротивлении, а сейчас — в движении сторонников мира.

Морис Дрюон — автор «Песни партизан», любимой песни французских патриотов, и ряда романов, завоевавших ему признание французских читателей. «Железный король» — первый роман большой серии исторических романов, объединенных названием «Проклятые короли», над которой Дрюон работает в последние годы. Роман посвящен концу царствования Филиппа IV Красивого, то есть началу становления французской нации и государственности. Писатель воссоздает картины эпохи позднего средневековья, живые образы реальных исторических лиц, значение которых в ходе развития исторических событий он, правда, несколько преувеличивает.

Книга дает возможность познакомиться и с далекой историей Франции и с новым для советского читателя писательским именем.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Горы и скалы. Стихи. Перевод с грузинского. «Советский писатель». М. 1956. 119 стр. Цена 1 р. 80 к.

В сборник «Горы и скалы» известного грузинского поэта Григола Абашидзе вошло три цикла стихов, впервые переведенных на русский язык. Поэтическое воспевание природы, которая служит благом человека, юности и любви характерно для лирического цикла «Весна». Тема труда органически вплетается в цикл «Симфония рек», в котором много произведений посвящено родному для поэта южному краю, его мужественным людям, вырвавшим сады и виноградники, покоровшим дикие горные реки.

Поэт гордится своим древним свободолюбивым народом, немало претерпевшим за свою тысячелетнюю историю от иноземных захватчиков; воспевает вековую дружбу с русским народом, прославляет верных сынов Грузии, боровшихся вместе с русскими братьями против фашистов. Эти мотивы выражены в цикле «Урок истории».

В переводе произведений Г. Абашидзе на русский язык приняла участие большая группа московских поэтов: Н. Тихонов, Е. Долматовский, М. Луконин, А. Межиров, Н. Заболоцкий, Вл. Соколов, А. Кронгауз, Е. Винокуров, В. Звягинцева, А. Тарковский, Н. Вольпин, В. Державин, А. Глоба.

СДАЮТСЯ В ПЕЧАТЬ...

Все, что имеет отношение к жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина, бесконечно дорого советским людям. Можно поэтому не сомневаться, что книга «Ленин в Москве», выпускаемая издательством МК и МГК КПСС «Московский рабочий» к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, будет встречена с большим интересом.

В книге собраны документальные данные о памятных местах в Москве и Подмо-

сковье, непосредственно связанных с именем Владимира Ильича.

Впервые Ленин приехал в Москву в 1893 году. Уже в январе следующего года под его руководством был создан первый общемосковский центральный марксистский кружок, из которого выросла Московская организация РСДРП. Летом этого же 1894 года Ленин, живя в Москве, закончил работу над книгой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-

демократов?». Этот труд был тогда напечатан в количестве ста экземпляров.

Книга «Ленин в Москве» охватывает период 1893—1924 гг. Издание будет богато оформлено. Хроникальную запись сопровождают фотоснимки, многие из которых публикуются впервые.

Победе Великого Октября в Москве и Московской губернии посвящен ряд изданий «Московского рабочего».

Сто три автора — участники октябрьских событий — делятся своими воспоминаниями в сборнике «За власть Советов!».

«Двинцы» — также коллективный труд. Авторы книги — бывшие солдаты и матросы, находившиеся в застенках Двинской крепости и участвовавшие в октябрьских боях в Москве.

В основу другой книги — «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве» — положен документальный материал, подготовленный Институтом истории партии МК КПСС. Книга содержит около четырехсот документов.

Книга «Московский Совет в 1917 году» С. Кукушкина шире своего названия. Кроме темы, определяемой ее заголовком, автор рассказывает также о роли Московского Совета в годы гражданской войны и интервенции. Приведены данные о реконструкции столицы за годы пятилеток. Читатели знакомятся с деятельностью депутатов и постоянных комиссий Моссовета.

Историко-революционный очерк Е. Анисимова, Я. Шорр и В. Яковлева «1917 год в Москве» повествует о памятных местах Октябрьской революции в столице. Наряду с художественными иллюстрациями и фотографиями к очерку приложен схематический план Москвы 1917 года и различный справочный материал.

Готовится к печати и несколько работ, посвященных октябрьским событиям в Московской области.

«Победа Советов в Коломне» Г. Ефремцева — рассказ о том, как рабочие в союзе с крестьянской беднотой боролись за установление Советской власти, как выросла Коломна после победы Великого Октября.

Неузнаваемо преобразилась за сорок лет жизнь в крупнейшем промышленном Орехово-Зуевском районе Московской области. В книге «Орехово-Зуево в 1917 году и теперь» А. Оглоблин повествует о революционных событиях в Орехово-Зуеве, о первом большевистском Совете, созданном после Февральской революции орехово-зуевскими рабочими и работницами.

А. Котеленец в своей работе «Во главе революционного крестьянства» рассказывает о борьбе за Советскую власть крестьянства Московской губернии в 1917 году.

Истории нашей столицы — от ее основания до наших дней — посвящена книга И. Лопатина «Москва». Значительное место уделено быту москвичей и истории градостроительства.

К сорокалетию Октября редакция художественной литературы «Московского рабочего» готовит к печати некоторые давно не издававшиеся книги, отображающие борьбу нашего народа за победу Советской власти.

В избранных произведениях А. Серафимовича — «Железный поток» и ряд рассказов, относящихся к разным периодам его творчества. Переиздаются также книги А. Макаренко «Педагогическая поэма» и Ю. Крымова «Танкер «Дербент» и «Инженер».

Внимание читателей привлекут «Песни нашей Родины». В этом сборнике свыше пятисот популярных и любимых народом песен, созданных советскими поэтами и композиторами, начиная с первых дней революции. В сборнике участвует около ста пятидесяти авторов.

Интересным опытом является книга «Огни на заставе», составленная из произведений рабочих московского завода «Серп и молот». В нее включены стихи, рассказы, очерки, публицистика участников литобъединения завода, которым руководит А. Филатов (он и А. Тесленко — составители сборника). Литобъединение на заводе существует около тридцати лет. Первым его руководителем был В. Бахметьев, который написал предисловие для этого издания.

Выходит также альбом «Москва», содержащий восемьдесят цветных художественных фотографий основных памятников столицы: Кремля, Красной площади, МГУ и т. д. Альбом будет напечатан Гознаком на отличной бумаге.

С июля 1957 года начинает выходить новый ежемесячный журнал «Мировая экономика и международные отношения». Журнал является органом Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Журнал ставит своей целью научное освещение общих проблем капиталистической экономики, конъюнктуры мирового хозяйства, а также состояния экономической науки за рубежом.

Будут публиковаться и статьи о мирном сосуществовании, экономическом соревновании и сотрудничестве двух систем.

Наряду с характеристикой экономической жизни отдельных стран журнал намерен помещать материалы о внутренней и внешней политике государств, современных международных отношениях, экономическом положении и борьбе трудящихся за свои социальные права, движении народов за национальную независимость.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Постановление ЦК КПСС о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 16 стр. Цена 20 к.

М. Беляев. Специалисты пришли в колхоз. 52 стр. Цена 50 к.

Б. Бурков. Всюду друзья. 120 стр. Цена 1 р. 45 к.

М. Ф. Владимирский. Очерки рабочего и социал-демократического движения в Нижнем Новгороде и Сормове. 176 стр. Цена 4 р. 15 к.

Л. Делюсин. Великие перемены в китайской деревне. 176 стр. Цена 2 р. 15 к.

С. М. Киров. Избранные статьи и речи. 720 стр. Цена 10 р. 35 к.

К новым победам социалистического сельского хозяйства. 160 стр. Цена 1 р. 85 к.

Ник. Кривенко. Вокруг Европы. 96 стр. Цена 1 р.

Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. 608 стр. Цена 11 р.

И. Я. Подкопаев. Очерки борьбы вьетнамского народа за независимость и единство своей родины. 144 стр. Цена 1 р. 70 к.

Л. Толкунов, М. Одинец. Венгрия сегодня. 72 стр. Цена 70 к.

А. Фурман. Мичуринское учение о закономерностях развития органического мира. 228 стр. Цена 4 р.

А. Цветков-Просвещенский. Между двумя революциями. 164 стр. Цена 3 р. 50 к.

Д. Т. Шепилов. За дальнейший расцвет советского художественного творчества. 32 стр. Цена 30 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

А. Анастасьев. В китайском театре. Очерки. 72 стр. Цена 1 р. 45 к.

Н. Арсланов. Перед весенним дождем. Стихи. Перевод с татарского. 72 стр. Цена 1 р.

А. Безыменский, И. Вайнберг. Заводские будни. Очерки. 144 стр. Цена 3 р. 10 к.

С. Бытовой. Сады у океана. Очерки. 164 стр. Цена 3 р. 40 к.

Ф. Вигдорова. Дорога в жизнь. Это мой дом. 676 стр. Цена 13 р. 10 к.

С. Виноградская. Белый город. Повесть. 136 стр. Цена 2 р. 50 к.

М. Годенко. Ласточка. Стихи. 88 стр. Цена 1 р.

Д. Данин. Для человека. Публицистические очерки. 310 стр. Цена 5 р. 40 к.

Т. Донжашвили. На Алазани. Роман. Перевод с грузинского. 481 стр. Цена 8 р. 10 к.

С. Заречная. Предшественник. Роман. 688 стр. Цена 13 р. 20 к.

И. Киселев. Конфликты и характеры. 344 стр. Цена 8 р. 10 к.

Г. Корсаkene. Первый год. Повесть. Перевод с литовского. 212 стр. Цена 4 р. 20 к.

В. Лидин. Люди и встречи. 160 стр. Цена 3 р. 90 к.

Г. Ломидзе. Единство и многообразие. 292 стр. Цена 6 р. 75 к.

Н. Лупсяков. Домик на колесах. Рассказы. Перевод с белорусского. 184 стр. Цена 3 р. 50 к.

М. Матусовский. Все, что мне дорого. Стихи. 120 стр. Цена 2 р.

И. Осипов. Дальние дороги. Очерки. 160 стр. Цена 3 р. 10 к.

Ю. Помозов. Зовут дороги Родины. Повесть. 340 стр. Цена 5 р. 85 к.

Е. Рывина. Стихи о любви. 164 стр. Цена 2 р. 55 к.

И. Сельвинский. Россия. 592 стр. Цена 11 р. 30 к.

Т. Семушкин. Жизнь во льдах. Повесть и очерки. 168 стр. Цена 2 р. 20 к.

Д. Стонов. Рассказы. 388 стр. Цена 6 р. 50 к.

К. Урманов. В сибирской дальней стороне. Рассказы. 384 стр. Цена 6 р. 30 к.

С. Ханзадян. Земля. Роман. Перевод с армянского. 568 стр. Цена 9 р. 90 к.

О. Черный. Пути творчества. Роман. 416 стр. Цена 6 р. 80 к.

ГОСПЛИТИЗДАТ

Леонид Андреев. Повести и рассказы. 523 стр. Цена 10 р. 45 к.

Николас Гильен. Стихи. Перевод с испанского. 239 стр. Цена 4 р. 80 к.

К. Горбунов. Ледолом. Роман. 392 стр. Цена 7 р. 70 к.

В. Г. Короленко о литературе. 716 стр. Цена 10 р. 45 к.

Янко Краль. Моя песня. Перевод с словацкого. 279 стр. Цена 3 р. 75 к.

Витаутас Монтвила. Избранное. Стихи и поэмы. Перевод с литовского. 175 стр. Цена 4 р. 75 к.

Мадарик Юхан (Иоханнес Лауристин). Республика. Роман. Перевод с эстонского. 320 стр. Цена 6 р. 60 к.

О Ленине. Воспоминания. Рассказы. Очерки. 447 стр. Цена 7 р. 85 к.
Станислав Сташиц. Избранное. Перевод с польского. 383 стр. Цена 7 р. 35 к.
Лев Шейнин. Старый знакомый. Повести и рассказы. 637 стр. Цена 12 р. 30 к.
Японская поэзия. Сборник. Перевод с японского. 611 стр. Цена 7 р. 20 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
 «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ
 ТРУДЯЩИХСЯ СССР»**

А. Распезин. Утро Китая. Путевые очерки и заметки. 88 стр. Цена 1 р. 30 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

К. Дубинин, И. Конач. Здесь есть чему поучиться. 72 стр. Цена 75 к.
Николай Зеленский. Поле чести. Роман. 520 стр. Цена 12 р. 20 к.
Юрий Лантев. Путь открыт. Роман. 344 стр. Цена 6 р. 50 к.
И. Левченко. Повесть о военных годах. 376 стр. Цена 9 р. 25 к.
А. Летнев. На пробудившемся континенте. 96 стр. Цена 1 р. 35 к.
В. Лидни. Далекий друг. 272 стр. Цена 5 р. 45 к.
На выставке юных техников. 120 стр. Цена 3 р. 65 к.
Огни в стенах. Сборник. 144 стр. Цена 3 р.
Рассказы о милиции. 248 стр. Цена 5 р. 10 к.
А. Сергеев. «Стерегающий». Роман. 343 стр. Цена 6 р. 80 к.
Слово комсомольским работникам. Сборник. 64 стр. Цена 90 к.
Кирилл Станюкович. По горным тропам. 208 стр. Цена 3 р. 20 к.
В. Тендряков. Ухабы. 504 стр. Цена 8 р. 90 к.
Е. Успенская. Я звоню с аэродрома. Рассказы. 112 стр. Цена 1 р. 60 к.
А. Хмелик. Колька отдыхает. 96 стр. Цена 1 р. 40 к.
М. Шолохов. Судьба человека. Рассказ. 64 стр. Цена 55 к.
Японские повести. 456 стр. Цена 8 р. 30 к.

ДЕТГИЗ

А. Авдеско. У карпатского костра. Рассказы. 72 стр. Цена 2 р. 5 к.
В. Алферов. Дружба. Повесть. 136 стр. Цена 3 р. 20 к.
И. Я. Демман. Рассказы о решении задач. 128 стр. Цена 2 р. 55 к.
Н. Забила. Катруся уже большая. Повесть. Авторизованный перевод с украинского. 152 стр. Цена 5 р. 75 к.
Л. Зубкова. Аленка. Стихи. 24 стр. Цена 2 р. 60 к.
Б. Любимов. В стране виноградных лоз. 160 стр. Цена 3 р. 80 к.
С. Маршак. Плывет, плывет кораблик. Английские детские песенки. 39 стр. Цена 6 р. 30 к.

Песня мужества. Рассказы в стихах о Советской Армии. 424 стр. Цена 6 р. 60 к.

В. Петров. Детство Ромашки. Повесть. 96 стр. Цена 2 р. 25 к.

Б. Прилежаева-Барская. Новгородцы. Историческая повесть. 224 стр. Цена 4 р. 30 к.

Е. Серова. Пропажа. Стихи. 20 стр. Цена 2 р. 20 к.

Г. Скребицкий. Наши заповедники. 248 стр. Цена 5 р. 35 к.

М. Шургин. Начало пути. Зима в Бежице. Повести. 160 стр. Цена 3 р. 45 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
 СССР**

И. Я. Бедняк. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939). 173 стр. Цена 5 р. 50 к.

Вопросы текстологии. Сборник статей. 465 стр. Цена 19 р. 90 к.

Ежегодник Института истории искусств. Скульптуры, живопись, архитектура 1956 г. 495 стр. Цена 36 р. 30 к.

Л. Н. Могуний. Обработка металлов давлением. 199 стр. Цена 2 р. 90 к.

Нарты. Эпос осетинского народа. 401 стр. Цена 13 р. 60 к.

Некоторые философские вопросы естествознания. 415 стр. Цена 15 р.

С. В. Овнянин. Подъем рабочего движения в Австрии в 1905—1906 гг. 246 стр. Цена 9 р.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. 866 стр. Цена 46 р. 30 к.

И. В. Павлов и Л. Н. Баховкина. Право колхозной собственности в СССР. 183 стр. Цена 5 р.

Е. П. Пичугина. Право на образование в СССР. 119 стр. Цена 3 р. 80 к.

В. В. Покишиевский. Якутия. Природа. Люди. Хозяйство. 197 стр. Цена 3 р. 20 к.

Фирдоуси. Шахнаме. Том I. 675 стр. Цена 23 р. 80 к.

М. В. Яковлев. Мирозрение Н. П. Огарева. 299 стр. Цена 10 р. 80 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Во имя Отчизны. Комсомольцы и молодежь Вооруженных Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне. Литературно-художественный и документальный сборник. 518 стр. Цена 11 р. 90 к.

И. Всеволожский. Раскинулось море широко. Записки Егора Касаткина. 334 стр. Цена 6 р. 95 к.

А. Боршаговский. Русский флаг. Исторический роман. 704 стр. Цена 13 р. 30 к.

Е. Долматовский. Одна судьба. 83 стр. Цена 1 р. 70 к.

Заря впереди. Повести и рассказы китайских писателей. 248 стр. Цена 7 р. 25 к.

Кампании войны на Тихом океане. Материалы Комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. 510 стр. Цена 20 р.

Л. Н. Пунин. Фельдмаршал Кутузов. Военно-биографический очерк. 236 стр. Цена 5 р.

А. Савельев. Сын крестьянский. Повествование. 400 стр. Цена 7 р. 75 к.

Р. Фраерман и П. Зайкин. Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина, путешественника и мореходца. 544 стр. Цена 10 р. 40 к.

Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне. В трех томах. Том I. 710 стр. Цена 11 р. 55 к.

ГЕОГРАФИЗ

И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада». 656 стр. Цена 16 р. 40 к.

Н. Ф. Жиров. Атлантида. 120 стр. Цена 3 р. 10 к.

В. Л. Лебедев. Антарктика. 192 стр. Цена 5 р.

Б. К. Москаленко. На Печорском берегу. 144 стр. Цена 2 р. 30 к.

И. М. Саркизов-Серазини. Под небом Италии. Цена 1 р. 60 к.

Через океан на дрейфующих льдах. 383 стр. Цена 8 р. 70 к.

А. Г. Шигер. Административно-территориальное деление зарубежных стран. 431 стр. Цена 13 р. 60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Е. В. Квятковский. Первоначальное ознакомление учащихся с художественными текстами. 68 стр. Цена 1 р.

Ю. И. Колосов. Из опыта политехнического обучения и преподавания химии. 136 стр. Цена 1 р. 90 к.

Материалы совещания по психологии (1—6 июля 1955 г.). Сборник. 732 стр. Цена 26 р. 75 к.

Методика начального обучения иностранному языку. 532 стр. Цена 18 р. 20 к.

Практика учащихся в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Сборник. 216 стр. Цена 4 р. 5 к.

Д. А. Эпштейн. Основы химической технологии. Книга для учителя. 224 стр. Цена 8 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мулк Радж Ананд. Два листка и почка. Перевод с английского. 203 стр. Цена 5 р. 35 к.

Ангелос Ангелопулос. Объединит ли атом мир? Перевод с французского. 213 стр. Цена 4 р.

Ричард О. Бойер и Герберт М. Морейс. Нерассказанная история рабочего движения. Перевод с английского. 653 стр. Цена 15 р. 50 к.

Юджин Деннис. Письма из тюрьмы. Перевод с английского. 192 стр. Цена 5 р. 75 к.

Дерек Картэн. Англия в 1956 году. Перевод с английского. 134 стр. Цена 2 р. 50 к.
Шон О'Кейси. Я стучусь в дверь. На пороге. Перевод с английского. 391 стр. Цена 14 р. 45 к.

Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Книга II. Перевод с венгерского. 157 стр. Цена 3 р.

А. Кронин. Юпитер смеется. Пьеса. Перевод с немецкого. 124 стр. Цена 2 р. 45 к.

Эрих Лест. Западная марка продолжает падать. Роман. Перевод с немецкого. 493 стр. Цена 14 р. 75 к.

Л. Нидерле. Славянские древности. Перевод с чешского. 450 стр. Цена 26 р.

Рассказы индийских писателей. 439 стр. Цена 13 р. 25 к.

Дик Скотт. Рассказ о событиях в Парижаке. Перевод с английского. 237 стр. Цена 3 р. 10 к.

Захария Станку. Босой. Роман. Перевод с румынского. 479 стр. Цена 14 р. 10 к.

Лириан Хеллман. Настанет день. Пьеса в трех действиях. Перевод с английского. 91 стр. Цена 1 р. 80 к.

«ИСКУССТВО»

Ан Сон Хи, Н. Львов, Т. Ткаченко. Корейские танцы. 146 стр. Цена 8 р. 90 к.

Г. Бердников. Чехов-драматург. 244 стр. Цена 16 р. 30 к.

М. Храповский. Письма к начинающему художнику. 88 стр. Цена 4 р. 90 к.

Шекспир. Собрание сочинений. Том I. 614 стр. Цена 15 р.

Чень Янь-цяо. Лу Синь и гравюра на дереве. 64 стр. Цена 5 р. 50 к.

МЕДГИЗ

Л. Н. Машкиллейсон. Лечение и профилактика кожных болезней. 532 стр. Цена 24 р. 55 к.

Н. С. Назарова. Детская одежда и оборудование для яслей и домов ребенка. 152 стр. Цена 4 р. 80 к.

Б. В. Нифонтов. Воздушная взрывная травма. 160 стр. Цена 5 р. 25 к.

Санаторий. Формы организации и методы работы. 288 стр. Цена 11 р. 50 к.

Е. А. Флеровский, Е. И. Янкевич. Лечебная гимнастика при пороке сердца. 48 стр. Цена 50 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

За дешевый центнер свинины. Сборник. 222 стр. Цена 2 р. 75 к.

В. Лобачев. У нас в городе. 75 стр. Цена 90 к.

С. Небесный, В. Корнилов. Овощеводство в колхозах пойменной зоны. 58 стр. Цена 80 к.

К. Пигарев. Мураново. По музеям и выставкам Москвы и Подмосковья. 162 стр. Цена 2 р. 25 к.

А. Толстой. Повести и рассказы. 582 стр. Цена 10 р. 10 к.

ТРУДРЕЗЕРВИЗАТ

Ваграм Апресян. Земля отцов. Повесть. 223 стр. Цена 5 р. 10 к.

А. Насибов. Неуловимые. Повесть. 240 стр. Цена 3 р. 60 к.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. Н. Блохин. Конституции и законодательные акты буржуазных государств (XVII—XIX вв.). Англия, США, Франция, Италия, Германия. Сборник документов. 388 стр. Цена 10 р. 45 к.

Б. П. Боянов, М. А. Шафир. Государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики. 76 стр. Цена 85 к.

Коллектив авторов. Вопросы международного частного права. 240 стр. Цена 5 р. 80 к.

Э. Ф. Куцова. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. 228 стр. Цена 7 р. 35 к.

А. И. Лепешкин. Местные органы власти Советского государства (1917—1920 гг.). 304 стр. Цена 9 р. 50 к.

Г. А. Мендельсон, Ю. М. Ткачевский. Алкоголизм и преступность. 100 стр. Цена 90 к.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов (зам. главного редактора), **С. Н. Голубов,**
А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора), **Б. А. Лавренев,**
М. К. Луконин, А. М. Марьямов, Е. Успенская, К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 27/III-57 г.

А 04120. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 бум. л. — 24 66 печ. л.

Подписано к печати 30/IV-57 г.

Тираж 140.000. Зак. № 834.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.